

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый научный журнал
№ 1 (33) 2022
Периодичность – 4 номера в год
Серия: Археология
Выпуск 8

Редакционная коллегия:

Главный редактор
Чистобаева Н.С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Редактор серии «Археология»
Ковалева О.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Ответственный секретарь
Субракова В.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Редактор переводов
Мечтанова Д.И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:

Килуновская М.Е., Институт истории материальной культуры РАН, Россия
Кызласов И.Л., Институт археологии РАН, Россия
Магай Ж., Музей доисторической антропологии, Княжество Монако
Осава Т., Университет Осаки, Япония
Слюсаренко И.Ю., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия
Турбат Цагаан, Институт археологии Академии наук Монголии, Монголия
Шульга П.И., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Тел.: 8 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
E-mail: chistobaeva@sayan-altai.ru
Техническая поддержка:
Бадаев В.Г.
E-mail: badaev@sayan-altai.ru

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
им. В.М. Торосова»
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173

ISSN 2304-7488

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-48678)

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

12 +

Peer-reviewed academic journal
№ 1 (33) 2022
The journal is published quarterly
Series: Archaeology
Issue 8

Editorial Board:

Editor-in-Chief
Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Archaeology series editor
Olga V. Kovaleva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Executive secretary
Viya V. Subrakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Translation editor
Diana I. Mechtanova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:

Marina E. Kilunovskaya, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Russia
Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia
Jerome Magail, Museum of Prehistoric Anthropology, the Principality of Monaco
Takashi Osawa, Osaka University, Japan
Igor Yu. Slyusarenko, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Pyotr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Turbat Tsagaan, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia

Founders:

The Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:

23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Tel.: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
E-mail: chistobaeva@sayan-altai.ru
Technical support:
Vladislav G. Badaev
E-mail: badaev@sayan-altai.ru

Printed in the Printing House Governmental Budget Research Institution of the Republic of Khakassia “V.M. Torosov Khakass Book House”
173 Sovetskaya Str., Abakan, 655017, Russia

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098
© Министерство образования и науки
Республики Хакасия, 2022
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

От редколлегии	3	Editorial	3
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В КОНТЕКСТЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ		ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE CONTEXT OF WRITTEN SOURCES	
Есин Ю. Н. Дворец Сына Неба во владении Цзянькунь	4	Esin Yu. N. The Son of Heaven's palace in the Jiankun Domain	4
Есин Ю. Н. Страна кыргызов на картах большого атласа ал-Идриси	53	Esin Yu. N. The Kyrgyz Country on the maps in al-Ildrisi's great atlas	53
УКРАШЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ СКОТОВОДОВ		ADORNMENTS IN THE PASTORALISTS' CULTURE	
Килуновская М. Е., Леус П. М. Женское погребение с коралловыми сережками из могильника хунну Ала-Тей 1 в Туве	110	Kilunovskaya M. E., Leus P. M. Female grave with coral earrings from Xiongnu burial ground Ala-Tei 1 in Tuva	110
Григорьева И. А., Хаврин С. В., Чугунова К. С. Исследование украшения из коралла	121	Grigoreva I. A., Khavrin S. V., Chugunova K. S. Studying the coral adornment	121
Король Г. Г. Феномен средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая и «загадки» коллекции И. П. Товостина (Хельсинки)	123	Korol G. G. The phenomenon of the medieval Sayan-Altai small artistic metalwork and the 'riddles' of I. P. Tovostin's collection (Helsinki)	123
НОВЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		NEW FIELD RESEARCH	
Выборнов А. В., Тимощенко А. А. Краткий обзор спасательных археологических раскопок ИАЭТ СО РАН в 2020–2021 гг. в Аскизском районе Республики Хакасия	142	Vybornov A. V., Timoshchenko A. A. Brief review of the rescue archaeological excavations carried out by the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2020–2021 in the Askiz District of the Republic of Khakassia	142
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	157	LIST OF ABBREVIATIONS	157

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В 2021–2022 гг. исполнилось 300 лет с начала научных исследований Южной Сибири. Эта историческая дата связана с одним из этапов сибирской экспедиции (1719–1727) немецкого ученого Даниэля Готлиба Мессершмидта (1683–1735), специально приглашенного в Россию для стороннего изучения недавно присоединенных к Российскому государству территорий в Азии. Его исследования, инициированные Петром I, стали точкой отсчета в современном изучении языков, культуры, истории, зоологии, ботаники, географии, археологии Саяно-Алтая.

Один из важнейших результатов той экспедиции – открытие в степях на Енисее памятников ранее неизвестной письменности. Первая каменная стела с выбитыми на ней вертикальными строками текста была обнаружена в августе 1721 г. в долине р. Уйбат. По некоторому сходству высеченных на камне знаков с европейскими рунами Д. Г. Мессершмидт назвал ее рунической. Через несколько месяцев, в январе 1722 г., вблизи Абаканского острога им были проведены первые в Сибири научные раскопки древнего кургана, которые порой рассматривают как отправную точку сибирской археологии.

Сегодня, несмотря на накопленный за 300 лет большой объем знаний, научное наследие Д. Г. Мессершмидта по-прежнему сохраняет свое значение. Собранные им сведения о традиционной культуре местного населения, языках, топонимах, археологических находках востребованы современными исследователями для решения новых задач. Недавно полностью издан и стал доступнее для специалистов главный труд, написанный им в 1728 г. после возвращения из много-

летней экспедиции, – *Sibiria Perlustrata, seu Pinax triplicis Naturae Regni simplicium octo annorum per Sibirias, Kirgisiam, Tungusiam, Samojediam, Borathiam, Davuriam etc. itineribus observatorum* – «Описание Сибири, или картина трех основных царств природы, наблюдаемая в течение восьмилетнего путешествия по Сибири, Киргизии, Тунгусии, Самоедии, Бурятии, Даурии и т.д.» (Messerschmidt D. G. *Sibiria Perlustrata, etc.* [Факсимильное издание рукописи]. СПб.: Коло, 2020).

Отдавая дань уважения первому исследователю юга Сибири, его вкладу в изучение археологических памятников нашей земли, Правительство Республики Хакасия приняло решение объявить 2022 г. Годом Археологии. Редколлегия «Научного обозрения Саяно-Алтая» также решила посвятить ежегодный археологический выпуск журнала этому событию. В него, помимо традиционной публикации материалов новых полевых работ и исследований предметов материальной культуры, включены статьи, посвященные подведению некоторых итогов исследований предыдущих лет – исторической интерпретации ряда ключевых археологических памятников Хакасии в контексте древних и средневековых письменных источников.

Уверены, что исследования в области археологии на территории Хакасии и соседних земель Саяно-Алтая будут активно развиваться и далее, опираясь как на доступные сегодня возможности привлечения естественно-научных методов, так и на более глубокую интеграцию со смежными гуманитарными дисциплинами, потенциал которой далеко не исчерпан.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В КОНТЕКСТЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

DOI 10.52782/KRIL.2022.1.33.001

УДК 902/904(571.513)

ДВОРЕЦ СЫНА НЕБА ВО ВЛАДЕНИИ ЦЗЯНЬКУНЬ

Ю. Н. Есин

Центр археологических исследований Монгольского национального университета, №202, 2-й корпус, ул. Их Сургуули 1, Бага Тойруу, 14200, Улан-Батор, Монголия; email: esin2013@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4291-3313

Статья посвящена проблемам определения возраста и владельца дворца в китайском стиле, открытого на левом берегу р. Абакан в 1940 г. Проанализированы существующие гипотезы, основные особенности дворца и важные для его датировки и интерпретации обстоятельства. Рассмотрены вопросы структуры полного титула правителей хунну и хронологии использования ими именованного «Сын Неба». Изучены варианты обозначения и описания резиденций правителей хунну в хрониках Хань. На основе сопоставления результатов анализа со сведениями китайских письменных источников о людях и событиях эпохи Хань предложена новая гипотеза: Абаканский дворец являлся резиденцией правителя хунну Чжичжи, которую он создал во владении Цзянькунь, покоренном им около 49 г. до н.э. Анализ древнейших сведений о Цзянькунь, приведенных в *Ши цзи*, *Хань шу* и *Вэй люэ*, позволяет уже с III в. до н.э. локализовать эти земли в Минусинской котловине. Соседние владения Уцзе и Динлин располагались к юго-западу и юго-востоку: Уцзе – на северо-западе Монголии и соседних землях, а Динлин – на севере Центральной, Восточной Монголии и в Забайкалье.

Ключевые слова: Абаканский дворец, Чжичжи шаньюй, хунну, кыргызы, цзянькунь, динлины, уцзе, Западная Хань.

THE SON OF HEAVEN'S PALACE IN THE JIANKUN DOMAIN

Yu. N. Esin

Archaeological Research Center of the National University of Mongolia, №202, 2nd Building, 1 Ikh Surguuli Str., Baga Toiruu, 14200, Ulaanbaatar, Mongolia; email: esin2013@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4291-3313

The paper is devoted to the problem of defining the age and the owner of the palace in the Chinese style, discovered on the left bank of the Abakan River in 1940. The existing hypotheses, main features of the palace and circumstances important for its dating and interpretation are analyzed. Questions of the structure of the Xiongnu rulers' full title and the chronology of their use of nomination "the Son of Heaven" are considered. Variants of designation and description of the Xiongnu rulers' residences in the Han chronicles are studied. Based on a comparison of the results of the analysis with data from Chinese written sources about people and events of the Han era, a new hypothesis is proposed: the Abakan palace can be identified with the residence of Zhizhi, the Xiongnu ruler, which he established in the Jiankun domain, conquered by him approximately in 49 BC. Analysis of the oldest data about Jiankun, given in *Shi ji*, *Han shu* and *Wei lue*, allows us to localize these lands in the Minusinsk Basin as far back as the 3rd century BC. The neighboring Wujie and Dingling domains were located to the southwest and southeast: Wujie – in northwest of Mongolia and neighboring lands, a Dingling – in the north of Central, Eastern Mongolia, and in Transbaikalia.

Keywords: the Abakan palace, the Xiongnu, Zhizhi Chanyu, the Kyrgyz, the Jiankun, the Dingling, the Wujie, Western Han.

Введение

В 1940 г. в ходе строительных работ на левом берегу р. Абакан вблизи небольшой речки Ташеба

в Минусинской котловине на юге Сибири было сделано неожиданное открытие: под земляным холмом диаметром около 50 м обнаружены развалины крупного здания с глинобитными сте-

нами и черепицей, имевшей надпись китайскими иероглифами с благопожеланием лицу, носившему высокий титул 天子 'Сын Неба'. Раскопки уцелевшей части сооружения проведены несколькими институтами и музеями Москвы, Минусинска, Абакана и Красноярска под руководством археологов В.П. Левашевой, Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева [Евтюхова, 1946; Евтюхова, Левашева, 1946; Киселев, 1949, с. 268–272; Кызласов, 2001; 2006, с. 160–218].

Открытый памятник, первоначально названный «китайский дом», в последнее время известен как Абаканский или Ташебинский дворец. Заключение первых исследователей о его принадлежности к китайской архитектуре позднее подверглось некоторой корректировке, отмечены и не китайские особенности. О времени, когда было построено необычное для Южной Сибири здание, и о его владельце за прошедшие годы высказано несколько гипотез. Однако эти вопросы по-прежнему нельзя считать решенными [Есин, 2021, с. 147]. Их обсуждению и новой исторической интерпретации посвящена данная статья. Она построена на последовательном решении нескольких задач: 1) обзор и анализ важнейших особенностей Абаканского дворца; 2) анализ имеющихся гипотез о его возрасте и владельце; 3) уточнение возраста черепицы с китайской надписью; 4) изучение вопроса использования титула Сын Неба правителями хунну¹ по археологическим и письменным источникам; 5) отбор ключевых фактов и критериев (хронологических, географических, культурных), которые должны лечь в основу новой исторической интерпретации дворца; 6) анализ исторических хроник Хань для поиска сведений об объектах и людях, соответствующих этим критериям; 7) изучение сведений о резиденциях правителей хунну в китайских источниках и их сопоставление с археологическими материалами с р. Абакан; 8) уточнение места проживания ряда народов на севере и западе империи хунну.

1. Важнейшие особенности дворца на р. Абакан

На основе анализа опубликованных материалов и исследований объекта на р. Абакан, а также

собственного изучения музейных коллекций ниже будут кратко рассмотрены его важнейшие особенности.

Архитектура и строительные приемы. Обнаруженное глинобитное здание имело почти прямоугольную в плане форму размерами 45×35 м и ориентировано стенами по сторонам света. Вход был с южной стороны. Внутри здания имелось 20 комнат. Центральную часть занимал квадратный зал размерами чуть менее чем 12×12 м, который мог использоваться для приемов. С соседними комнатами его связывали семь дверей. Помещения в северной части здания имели бытовое назначение; вдоль северной стены, снаружи дворца, найдены кости животных, употребленных в пищу. Помещения возле входа были связаны с работой отопительной системы и, вероятно, охраной. Покои хозяина дворца, видимо, находились к востоку от зала.

Строительство здания началось на выровненной площадке, предположительно, с центрального зала, имевшего самые толстые (до 2 м) и высокие (сохранились на высоту до 1,5 м) стены. Они отлиты при помощи деревянной опалубки из глинистого раствора с добавлением камня в один прием. Остальные стены (толщиной около 1,4 м) сооружены из глинобитных слоев толщиной по 4–6 см. Конструкцию кровли поддерживали деревянные столбы (диаметром от 25 до 62 см), нижняя часть которых обматывалась берестой и опускалась в неглубокие ямки (0,2–0,8 м) с каменными плитками на дне.

Под глинобитным полом толщиной 20–25 см были проложены прямоугольные в сечении отопительные каналы-дымоходы, обложенные по бокам и сверху каменными плитками. Высота этих каналов около 30 см, ширина – 50–60 см. Они начинались от печей отопления (видимо, двух) в южной части здания, а заканчивались снаружи северной и западной стен. Имеются следы переделки этой системы отопления. Возможно, первоначальные каналы не обеспечивали необходимой температуры в помещениях в зимнее время, поэтому потребовали доработки. Кроме того, для отопления некоторых помещений использовались и передвижные жаровни, с которыми связаны участки сильного прокала на полу [Кызласов, 2001, с. 78–84].

По мнению Л.Р. Кызласова, применение отопительных каналов под полом, отсутствие под зданием глинобитной платформы, возможная опора перекрытия не только на столбы, но и на стены, внутренняя планировка отличают дворец от стандартов китайской архитектуры и находят

¹ В этой статье параллельно употребляются названия сюнну и хунну, связанные с китайской транскрипцией названия племени на ином языке: первое из них передает современное чтение иероглифов 匈奴, второе основано на их древнем чтении. Реконструируемая форма этнонима для китайской транскрипции – *hunga* – близка к зафиксированной на санскрите – *hūṇa* [Vaissiere, 2005; Дыбо, 2007, с. 103; Atwood, 2012].

Рис. 1. Черепичные диски Абаканского дворца с надписью китайскими иероглифами: *a* – вариант 1а; *b* – вариант 1б; *c* – вариант 2. Коллекции ХНKM (*a*, *c*) и МКМ (*b*).

Fig. 1. Tile disks of the Abakan palace with the inscription in Chinese characters: *a* – variant 1a; *b* – variant 1b; *c* – variant 2. Collections of the Khakass National Museum of Local Lore (*a*, *c*) and the Minusinsk Museum of Local Lore (*b*).

сходство со строительными приемами западных районов Центральной Азии [2001, с. 64, 84–87]. При этом нет сомнений, что архитектурные и строительные приемы Абаканского дворца позволяют объединять его в одну группу с главными зданиями на городищах хунну в Монголии [Данилов, 2004, с. 52–56]. Не менее важно, что они сильно отличаются от строительных традиций коренного населения Минусинской котловины того времени [Евтюхова, Левашева, 1946, с. 83; Есин и др., 2020].

Кровля и черепица. Крыша здания, предположительно, была четырехскатная и трехъярусная (последнюю из опубликованных реконструкций см.: [Кызласов, 2020а, с. 237, 238]). Ее покрывала обожженная в печи черепица из хорошо отмученной серой глины. Черепица состоит из трех типов изделий: 1) широкие желоба для стока воды (двух размеров – 58×40 и 57×42 см); 2) полуцилиндры, закрывающие стыки между желобами (62×18 см; для гребня крыши в месте стыка скатов – 62×25 см), с шейками для плотной подгонки друг к другу; 3) полуцилиндры с поперечным диском на конце, имевшие ту же функцию, но размещавшиеся внизу ската, чтобы диск (диаметр – 19,3 см) с оттиснутой по сырой глине надписью располагался на карнизе (исходя из размеров здания и желобов, таких дисков было более 400 экз.).

Надпись состоит из 10 иероглифов, расположенных вертикальными строками с четырех сторон от выпуклой окружности в центре (рис. 1). Появилось несколько вариантов ее перевода на русский язык: 1) В. М. Алексеев читал надпись по часовой стрелке, начиная с верхних иероглифов: 天子萬歲常千秋樂未央 «Сыну Неба (т.е. императору) 10 000 лет мира, [а той, которой (т.е. императрице) мы желаем] 1000 осеней радости без горя» [Евтюхова, Левашева, 1946, с. 77]; 2) М. В. Крюков читал текст тремя строками сверху вниз – сначала среднюю строку, состоящую из двух частей сверху и снизу от центральной окружности, затем правую и левую: 天子千秋萬歲常樂未央 «Сыну Неба тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости без горя» [Вайнштейн, Крюков, 1976, с. 145]; 3) близкий перевод, но с иной расстановкой фраз предложен С. В. Дмитриевым: «Сыну Неба – длительной радости без печали в течение десяти тысяч лет и тысячи осеней» [2002, с. 47]; 4) недавно А. А. Ковалев уточнил значение последнего иероглифа (央) и скорректировал перевод М. В. Крюкова: «Сыну неба тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости без предела» [Ковалев, 2011, с. 82]. С учетом формульности компонентов этого древнего китайского благопо-

желания, каждый из которых мог использоваться самостоятельно и имел свою цель (долголетие человека и его рода, их процветание), а также при уточнении значения еще одного иероглифа (常) русский перевод надписи можно представить так: «Сыну Неба – тысячу осеней, десять тысяч лет, постоянной радости без предела».

На лицевой стороне керамических дисков имеются некоторые отличия в деталях, свидетельствующие об использовании не менее трех разных штампов: у варианта 1a написание иероглифов наиболее правильное и полное; вариант 1b близок к предыдущему, но отличается написанием иероглифа лэ 樂 ‘радость’ (отсутствует горизонтальная черта, горизонтальная линия внутри верхнего среднего элемента заменена вертикальной); наиболее важная особенность варианта 2 заключается в неполноте нижнего иероглифа цю 秋 ‘осень’, из двух компонентов которого – ‘злак’ и ‘огонь’ [Сюй Хуэй, 2020, с. 217] – присутствует только 火 ‘огонь’ (рис. 1). Стоит отметить, что у всех вариантов оттиски асимметричных иероглифов (子 ‘сын’, 千 ‘тысяча’, 歲 ‘год’, 秋 ‘осень’) оказались зеркально отражены. Стил (почерк) написания иероглифов принадлежит к развитому лишу 隸書. Его классические образцы представлены на каменных стелах Восточной Хань, но распространение он получил с конца правления

императора У-ди 武帝 (141–87 гг. до н.э.). Поначалу сфера его употребления ограничивалась делопроизводством и перепиской, но уже в конце Западной Хань охватила и другие сферы культуры, за исключением надписей на печатях [Qiu Xigui, 2000, pp. 118–130; Ван Най, 2019, с. 35–37].

Тип кровли дворца – явный аналог архитектуры зданий дворцового типа Хань; это же касается и самой технологии изготовления черепицы [Киселев, 1959, с. 162–164]. Китайское название карнизной черепицы на концах полуцилиндров вдоль нижнего края кровли – *вадан* 瓦當, а надписей на ней – *вадан вэнь* 瓦當文. При этом ближайшая к Южной Сибири территория, где такая кровля в эпоху Хань получила достаточно широкое применение, – это Монголия, в которой она обнаружена на нескольких городищах хунну. Стоит отметить, что *вадан* Абаканского дворца в сравнении с находками с территории Хань принадлежит к числу крупных, и диски диаметром свыше 19 см там немногочисленны [Фуцзяи Бяньчжу, 2002]. Крупные *вадан* также имеются среди находок черепицы у зданий дворцового типа на территории Монголии, связанных с хунну периода Западной Хань [Ивлиев и др., 2018, с. 141–144].

На территории Хань и на городищах хунну в Монголии имеют аналоги и декоративные облицовочные плитки с геометрическим узором

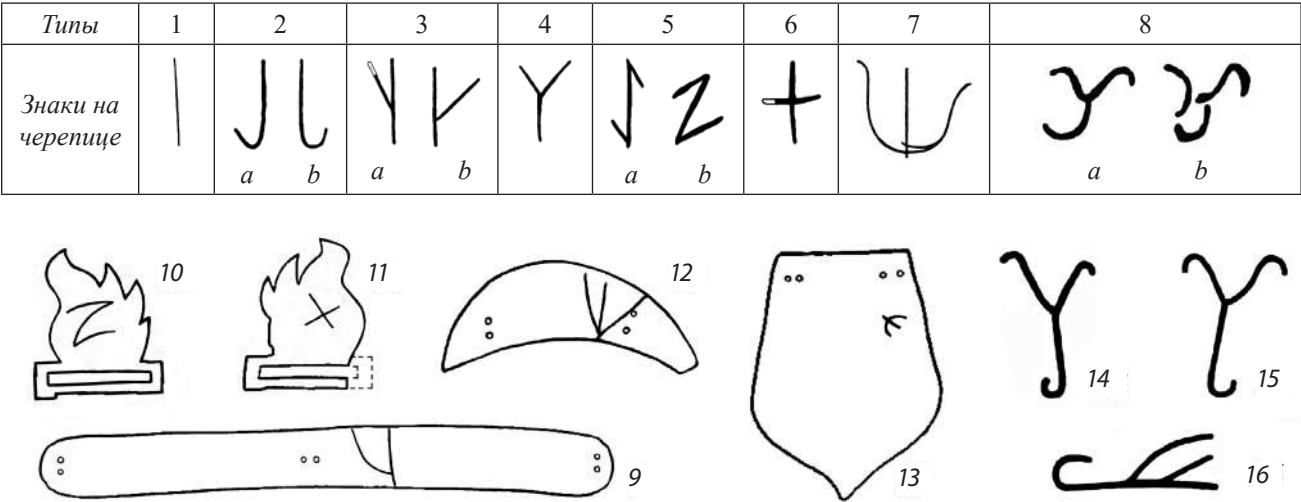

Рис. 2. Классификация знаков, прочерченных на оборотной стороне черепицы Абаканского дворца, и некоторые сопоставимые изображения: 1–8 – Абаканский дворец [Кызласов, 2001, рис. 40, 41]; 10–13 – резные знаки на деревянных предметах из погребений пазырыкской культуры (Туэкта, Шибе, Пазырык), Российский Алтай [Полторацкая, 1962, рис. 2: 1, 5, 6; 3: 1; 4: 1]; 1–16 – петроглифы в горах Кемер, Казахстан [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015, fig. 19]. Масштаб разный.

Fig. 2. Classification of signs drawn on a reverse side of the tiles from the Abakan palace and some comparable images: 1–8 – Abakan palace [Kyzlasov, 2001, fig. 40, 41]; 10–13 – carved signs on wooden objects from burials of the Pazyryk culture (Tuekta, Shibe, Pazyryk), Russian Altai [Poltoratskaya, 1962, fig. 2: 1, 5, 6; 3: 1; 4: 1]; 14–16 – petroglyphs in the Kemer Mountains, Kazakhstan [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015, fig. 19]. Scales are different.

(24×24×2 см и др. размеры). Они были использованы как снаружи здания, так и для внутренней отделки – окаймляли дверные проемы и фриз Абаканского дворца.

Знаки на черепице. На внутренней поверхности черепицы обнаружено 27 знаков, прочерченных по еще сырой глине теми, кто ее изготовил или контролировал процесс изготовления. Первоначально их сравнивали со знаками средневекового орхоно-енисейского рунического письма [Евтюхова, Левашева, 1946, с. 76, 77; Киселев, 1959, с. 163]. Позднее от этого отказались в пользу сопоставления со знаками на бараньих лопатках и астрагалах из склепов таштыкской культуры, знаками на оборотной стороне деревянных изделий пазырыкской культуры Алтая. Отличие знаков на китайской по облику и технологии черепице от китайских иероглифов позволило предположить, что изготовителями черепицы были не ханьцы [Кызласов, 2001, с. 72–76]. Всего по форме можно выделить 8 типов знаков (рис. 2). При этом три из них представлены двумя симметричными вариантами, которые можно условно назвать «правым» и «левым» (типы 2, 3, 5). Самый сложный знак (тип 8) составлен из трех знаков одного простого типа (тип 2). Можно согласиться, что некоторые из знаков на черепице близки резным знакам на деревянных пазырыкских предметах (рис. 2: 10–13), но следует также иметь в виду схожие изображения среди наиболее простых тамговых знаков и устойчивых элементов сложных знаков у хунну [Төрбат и др., 2012]. Кроме того, самый сложный (а значит, и самый важный для сопоставлений) тип знака (рис. 2: 8), с одной стороны, имеет некоторое сходство с одним из знаков на более раннем *вадан* периода Сражающихся царств с территории Внутренней Монголии, среди которых предлагалось видеть истоки ряда тамг хунну [Богданов, 2017, рис. 10: 2], а с другой – у него есть довольно точные аналоги среди хронологически близких тамг [Рогожинский, Яценко, 2019] в горах Кемер (хребет Каратау) возле р. Талас (рис. 2: 14–16).

Дверные ручки. На деревянных дверях центрального зала, с четырех сторон, имелись массивные бронзовые ручки (20×25 см) в виде лица мифического персонажа (или четырех персонажей), крепившиеся при помощи железных гвоздей. Каждое изображение соединяет признаки человека (реалистичное лицо с крупным носом, выпуклыми овальными глазами, большими усами с закрученными вверх кончиками, волосами), быка (рога, уши, кольцо в носу) и хищника (большие зубы, клыки). Сверху лица показаны три

выступа с типичным для искусства Хань и хунну спиралевидным декором – возможно, какое-то специальное наголовье, пучки волос или языки пламени. Наличие кольца в носу, как у рабочего скота, позволяет сравнивать образ с укрощенным сверхъестественным персонажем, который служит хозяину дворца (рис. 3: 1). Четыре изображения на противоположных стенах зала связывают его с идеей четырех сторон света и защиты со всех сторон хозяина дворца.

Фигурные бронзовые скобы в виде морды фантастического существа с кольцами-ручками, как и черепица здания, связаны с китайской традицией. Их обычное название в Китае – *шоухуань* 獸環 или *пушоу* 鋪首. Одни исследователи считали, что ручки Абаканского дворца полностью аналогичны китайским [Го Можо, 1946; Митько, Комиссаров, 2020, с. 51]. Другие обращали внимание на различия: 1) иное место размещения – не на внешней стороне входных дверей здания, а внутри него; 2) иные характеристики образа – не морда хищного зверя, а лицо «бычочеловека» с чертами европеоидного фенотипа [Кызласов, 2001, с. 99–103]. Второй аргумент, однако, нуждается в некоторых коррективах. Среди дверных скоб эпохи Хань, форма которых сохранилась в основном благодаря изображениям на дверях каменных гробниц знати, имеются разные типы. Один из них – как раз с человекоподобным лицом (人面鋪首) [Цуй Сяоюй, 2020]. Ключевые признаки сибирских дверных скоб – крепление кольца в носу образа, особое наголовье, роль верхней челюсти как нижнего края скобы, сочетание антропоморфных и разных зооморфных элементов, спиралевидный декор, способ изображения глаз – находят явные параллели на территории Китая (рис. 3: 2–4).

В то же время, пожалуй, самый близкий известный сегодня содержательный и стилистический аналог образу из Абаканского дворца – голова человека анфас с рогами быка, большими усами с закрученными вверх кончиками, выпуклыми овальными глазами и бровями, с завитками по краю нижней части лица, крупным носом – связан с хунну. Эта голова изображена на парных железных позолоченных пряжках из элитного захоронения хунну в пади Царам в Забайкалье (рис. 3: 5), которое датировано концом I в. до н. э. – I в. н. э. [Miniaev, Sakharovskaia, 2007, p. 54; Pirazzoli-t'Serstevens, 2007, p. 58]. Несмотря на разные функции предметов, вероятно, это один и тот же мифологический персонаж, значимый для хунну (может быть, покровитель или даже предок).

Дополнительно можно отметить, что лица человека с рогами быка и другими признаками, напоминающими изображения из Абаканского дворца и пади Царам, известны среди находок из курганов пазырыкской культуры российского Алтая (рис. 3: 6, 7). Там они служили подвесками уздечки, а также входили в оформление головного убора, где были показаны под ногами лошади, и, по одной из гипотез, символизировали побежденных воинов хунну [Кляшторный, Савинов, 2006]. Отдаленное сходство (в том числе по количеству и определенной симметрии размещения) образы дверных скоб обнаруживают с четырьмя более поздними рогатыми головами анфас из Минусинской котловины (рис. 3: 9), одна пара которых татуирована спереди на плечах, а вторая сзади на

лопатках мужчины из могильника таштыкской культуры Оглахты VI, датированного III–IV вв. [Pankova, 2013, fig. 4, 5].

Голова с рогами и ушами быка (вместо ушей и других признаков тигра, типичных для китайских *пушоу*) на дверях Абаканского дворца перекликается с головой крупного рогатого скота анфас и парными фигурами таких животных на значительной серии металлических пряжек и поясных пластин хунну (в последнем случае на поясе с двумя пластинами, число фигур тоже четыре) [Brosseder, 2009, p. 372, fig. 18; Килуновская, Леус, 2020, с. 118; Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, рис. 2, 374, 376, 400, 405 и др.]. Поэтому, с одной стороны, нет никаких сомнений, что бронзовые ручки дворца следуют китайской традиции

Рис. 3. Дверная скоба в виде морды фантастического существа с ручкой-кольцом из Абаканского дворца и некоторые схожие образы: 1 – Абаканский дворец, коллекция КККМ; 2–4 – барельефы на каменных гробницах эпохи Хань на севере КНР (2 – Хуайнин в Цзычжоу, провинция Шэньси [Цуй Сяюй, 2020, рис. 1: 3], 3–4 – Убайчжуан в Линьи, провинция Шаньдун [Би Чжичэн, 2020, рис. 1]); 5 – металлическая пряжка из могильника хунну Царам, Забайкалье [Miniaev, Sakharovskaia, 2007, fig. 18]; 6 – деревянная подвеска к упряжи лошади из кургана пазырыкской культуры Кутургунтас, Российский Алтай [Полосьмак, 1994]; 7 – золотая фольга из могильника пазырыкской культуры Уландрык, Российский Алтай [Древние курганы, 1998]; 8 – реконструкция морды фантастического зверя на ткани из могильника Сампула, Синьцзян, КНР (на основе: [Панкова, 2005, рис. 1: 4]); 9 – реконструкция первоначальной формы татуировки на лопатке мужчины из могильника таштыкской культуры Оглахты VI, Хакасия (на основе: [Панкова, 2005, рис. 1: 1]). Масштаб разный.

Fig. 3. Door bracket in the form of a fantastic creature's face with a ring handle from the Abakan palace and some similar images: 1 – Abakan palace, collection of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore; 2–4 – reliefs on stone tombs of the Han Era in the north of China (2 – Huaining in Zizhou, the Shaanxi Province [Cui Xiaoyu, 2020, fig. 1: 3], 3–4 – Ubaizhuang in Linyi, the Shandong Province [Bi Zhicheng, 2020, fig. 1]); 5 – metal buckle from the Xiongnu cemetery Tsaram, Transbaikalia [Miniaev, Sakharovskaia, 2007, fig. 18]; 6 – wooden pendant for a horse harness from Kuturguntas, a barrow of the Pazyryk culture, Russian Altai [Polosmak, 1994]; 7 – gold leaf from Ulandryk, burial site of the Pazyryk culture, Russian Altai [Drevnie kurgany, 1998]; 8 – reconstruction of a fantastic beast's muzzle on a cloth from Sampula burial ground, Xinjiang, China (based on: [Pankova, 2005, fig. 1: 4]); 9 – reconstruction of the original form of a tattoo on the man's shoulder blade from Oglakhty VI, the burial ground of the Tashtyk culture, Khakassia (based on: [Pankova, 2005, fig. 1: 1]). Scales are different.

дверных скоб, но, с другой стороны, показанные образы адаптированы к верованиям населения степной империи хунну.

Находки во дворце. Малое количество найденных обломков сосудов и других бытовых предметов отличает сооружение от обычных жилых построек. Среди находок имеются железный нож с кольцом на рукояти, железный втульчатый наконечник копья, железные топоры, бронзовая пряжка для ремня и др. Фрагменты керамических сосудов представлены образцами, подобными изделиям таштыкской культуры и хунну. Показательны фрагмент овальной вазочки из светло-зеленого нефрита китайского типа, нефритовые подвески в виде когтя – характерные принадлежности культуры элиты хунну. Среди находок во дворце есть также подвеска и бусина из розового коралла, золотая серьга в виде восьмерки. В настоящее время ближайшие аналоги этой серьге довольно специфической формы известны в погребениях памятника Усть-Эдиган, отнесенного к раннему этапу (II в. до н. э. – I в. н. э.) буланкобинской культуры Алтая [Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 3: 16, 17]. Не исключено, что частью серьги могла быть подвеска из веточки коралла – как в погребении эпохи хунну из Тувы (см. статью М. Е. Килуновской и П. М. Леуса в этом выпуске журнала).

Сведения о городище. Здание располагалось внутри построенного по единому плану городища на западном берегу р. Абакан, защищенного земляными стенами (вероятно также использование деревянных) и рвами. Помимо внешних стен, имелись и внутренние: в 400 м к северо-западу от здания исследованы остатки глинобитных стен и башни со входом, которая, как и основное здание, была покрыта черепицей и облицована декоративной плиткой. Очень важное обстоятельство – стены не были достроены. Другой важный момент – к юго-востоку от здания, ближе к внешней стене городища, обнаружены следы наземных жилищ с ямами для хранения продовольствия, ряды которых вытянуты по линии запад-восток [Кызласов, 2001, с. 115–123; 2006, с. 162–174; Кызласов, 1989]. Полного представления о городище получить уже невозможно, т. к. основная его часть оказалась уничтожена при строительстве пос. Чапаево. Выбор для строительства западного берега реки и наличие внутренних стен сближает Абаканское городище с недавно открытым центральным городищем хунну на р. Орхон в Монголии (длина внешней северной стены – 553 м, внутренние стены вокруг дворцовых

зданий – 265×200 м) [Идэрхангай и др., 2020а, с. 24–25].

Продолжительность использования объекта. Одни исследователи перестройку отопительных каналов, следы ремонта некоторых стен и установку дополнительных столбов интерпретируют как свидетельство, что «дворцовое здание на Ташебе существовало довольно долго» [Кызласов, 2001, с. 94–95]. Другие, наоборот, пишут об отсутствии «сколь-нибудь значительного культурного слоя, относящегося к периоду функционирования дворца», и предполагают кратковременность его использования [Ковалев, 2011, с. 109]. В контексте этой дискуссии заслуживают внимания недостроенные стены возле здания, что, скорее всего, указывает на непродолжительное время его использования в качестве дворца высокопоставленного хозяина и, возможно, на внезапную утрату статуса такой резиденции.

Образовавшийся после обрушения дворца холм в таштыкское время и в Средние века использовался для захоронений, а еще позднее – для совершения жертвоприношений.

2. Гипотезы о возрасте и владельце Абаканского дворца

Археологи, проводившие раскопки Абаканского дворца, полагали, что уникальное здание китайской архитектуры и технологии в Сибири могли построить только сами китайцы и для китайцев. В качестве вероятного владельца дворца был назван китайский полководец Ли Лин 李陵, попавший в плен к хунну в 99 г. до н. э. Он был самым известным и знатным китайцем, возможно связанным с территорией Саяно-Алтая той эпохи, т. к., согласно письменным источникам, был назначен князем западных земель хунну. Предполагалось, что построить для него дворец могли китайские мастера, находившиеся в землях хунну – военнопленные и переселенцы. В основу гипотезы о дворце Ли Лина была положена находка в здании предметов хуннского типа и хуннского времени и датировка китайской надписи на черепице дворца эпохой Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.), которую предложил китаевед В. М. Алексеев [Евтюхова, 1946, с. 111; Евтюхова, Левашева, 1946, с. 83, 84; Евтюхова, 1954, с. 202–206]. Гипотезу о Ли Лине поддержали и развили С. В. Киселев [1949, с. 267–268] и Л. Р. Кызласов [1960, с. 163; 2001]. При этом Л. Р. Кызласов высказал отличное от других исследователей предположение, что благопожелание на черепице адре-

совано не китайскому императору, а правителю (шаньюю) хунну и его супруге.

Почти сразу гипотеза о дворце Ли Лина встретила и возражения. А. Н. Бернштам указывал, что условия проживания Ли Лина у хунну, известные по его письму своему другу в Китай, свидетельствуют об использовании им войлочной юрты, а не дворца. Основываясь на этом, а также считая, что архитектурные приемы и некоторые типы предметов дворца продолжают существовать и много позднее эпохи Хань, А. Н. Бернштам полагал, что речь может идти о принадлежности дворца лишь потомкам Ли Лина и о периоде поздней Тан или даже о X в. [Бернштам, 1946]. Впрочем, другими учеными подлинность и трактовка письма Ли Лина оспаривалась, а идея о средневековом возрасте дворца противоречит многим фактам его принадлежности к эпохе Хань, среди которых особенно важны палеографические особенности надписи, типы найденных вещей, а также перекрывание дворца погребениями таштыкской культуры [Евтюхова, Левашева, 1946а; Киселев, 1960, с. 312]. При этом в ходе дискуссии Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева высказали компромиссную идею, что здание связано с наместником хунну и периодом Западной Хань, но уже не настаивали, что это был обязательно Ли Лин.

Иную альтернативу гипотезе о дворце Ли Лина предложил осмотревший находки с р. Абакан китайский ученый Го Можо [1946, с. 135–136]. В отличие от В. М. Алексеева Го Можо сразу выявил правильный порядок чтения иероглифов на черепице. Он подтвердил ее датировку эпохой Хань, но не поддержал идею, что дворец мог быть построен силами государства хунну и для Ли Лина. Го Можо предположил, что это здание было построено императорским двором для одной из китайских принцесс, выдававшихся замуж за правителей хунну в рамках практики договоров о «согласии и близости» (*хэ цинь* 和親)¹.

Значительный вклад в дальнейшую разработку проблемы внес Чжоу Лянькуань [1956]. Он сформулировал 5 критериев хронологического, географического и культурного плана, которым должен соответствовать владелец дворца. Наиболее важным был хронологический критерий. В частности, Чжоу Лянькуань обратил внимание, что использование иероглифа *чан* 常 в выражении *чан лэ* 常樂 ‘постоянная радость’ (вместо традиционного *чан лэ* 長樂 ‘долгая радость’) на черепице

соответствует кампании по корректировке наименований китайского императора-узурпатора Ван Мана 王莽 (9–23 гг.), который в начале правления повелел заменить соответствующий иероглиф в названии города Чанань и дворца Чанлэ. По этой причине он отвергал гипотезу о Ли Лине, умершем в 75 г. до н. э., полагая, что постройка дворца не могла состояться ранее правления Ван Мана. Чжоу Лянькуань считал, что дворец построен для китайца или человека, следовавшего китайским обычаям и культуре, но связанного с хунну и проживавшего в их землях на севере, вдали от центральной ставки шаньюев. Как и Го Можо, он был уверен, что дворец построен с помощью императорского двора, а благопожелание на черепице адресовано правителю Китая. В связи с этим хозяин дворца должен был иметь особенно близкие отношения с китайским правящим домом, пользоваться его поддержкой, а правитель хунну в период возведения здания должен был следовать китайскому церемониалу, иначе бы он не позволил написать благопожелания, восхваляющие императора.

В итоге Чжоу Лянькуань не нашел соответствия этим критериям ни для одной из китайских принцесс, выданных замуж за правителей хунну в рамках мирных договоров, как предполагал Го Можо, и выдвинул новую гипотезу: в качестве наиболее вероятного владельца дворца в Южной Сибири Чжоу Лянькуань назвал Сюйбу цзюйцы Юнь 須卜居次雲 («Юнь, принцесса [рода] Сюйбу»), также известную под именем Имо цзюйцы Юнь 伊墨居次雲. Юнь являлась старшей дочерью знатной китаянки Ван Чжаоцзюнь 王昭君 и шаньюя Фучжулэй 復株累 (в 33 г. до н. э. Ван Чжаоцзюнь была выдана замуж за шаньюя Хуханье, а после его смерти стала женой Фучжулэй). Около рубежа эр Юнь находилась при императорском дворе в составе свиты вдовствующей императрицы, но затем вернулась к хунну и стала женой влиятельного князя – правого гудухоу Сюйбу Дана 須卜當. Во время правления Ван Мана она вместе с мужем играла важную роль в политике хунну, пытаясь сохранить тесные связи с Китаем [Материалы, 1973, с. 52, 60–63]. Дворец мог быть построен для нее и ее мужа в период правления Улэй жоти шаньюя 烏累若鞮單于.

Основные выводы Чжоу Лянькуаня затем были приведены в статье С. И. Вайнштейна и М. В. Крюкова [1976], благодаря чему стали известны в СССР. С этой гипотезой согласились многие китайские и российские исследователи [Худяков, 2001; 2006, с. 25; Сян Дао, 2014, с. 83; Сунь Цзячжоу, 2018].

¹ В ряде русскоязычных публикаций встречается иной перевод названия такого рода договоров – «о мире и родстве» или «о мире, основанном на родстве» [Бичурин, 1950, с. 51; Крюков и др., 1983, с. 115; Крадин, 2001].

Среди ученых, принявших новую датировку дворца, была Э. Б. Вадецкая. Она, однако, усомнилась в возможности размещения постоянной ставки Сюйбу Дана в Минусинской котловине, поскольку эти земли находятся за пределами основной территории хунну, отрезаны от нее Саянами и населены многочисленными и враждебными хунну племенами тагарской археологической культуры. Исходя из представления, что Абаканский дворец является «типичным китайским зданием ханьского времени» и был построен для китайцев, она выдвинула свою гипотезу, поместив его в контекст военных успехов Хань второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. и установления контроля над Восточным Туркестаном. Э.Б. Вадецкая предположила, что городище с дворцом было построено не для наместника хунну и его супруги, а в качестве резиденции администрации китайской колонии – военного поселения, занимавшегося торговлей, земледелием, ремеслом (видимо, подразумевалось поселение типа *цзюньтунь* 軍屯. – Ю.Е.). В числе колонистов могли быть китайцы Синьцзяна и хунну или иные тюркоязычные группы Центральной Азии [Вадецкая, 1999, с. 190–195]. Эта интерпретация отчасти стала развитием высказанной ранее мимоходом другими учеными идеи об Абаканском дворце как «торговой фактории» Хань [Евтюхова, Левашева, 1946, с. 83]. Дополнительным аргументом в пользу своей гипотезы Э. Б. Вадецкая считала находки на городище возле дворца костей свиньи. По ее мнению, свиноводство могли принести в Минусинскую котловину именно ханьцы (как и ряд других традиций в период около рубежа эр – выращивание проса, строительство оросительных каналов и др.).

Еще одну гипотезу о владельце Абаканского дворца выдвинул А. А. Ковалев. Он специально рассмотрел вопрос о времени появления в Китае написания *чан лэ* 常樂. Выполненный обзор доступных сегодня китайских материалов показал, что иероглиф *чан* 常 в данном сочетании употребляется с конца II в. до н.э. (среди прочего имеется на *вадан* второй половины I в. до н.э.), т.е. еще до правления Ван Мана. В настоящее время китайские историки и археологи уже не считают данное сочетание иероглифов хронологическим признаком именно его правления [Ковалев, 2011, с. 83–87]. В качестве нового ключевого хронологического признака А.А. Ковалев предложил рассматривать симметричное четырехчастное размещение иероглифов на черепице и порядок их чтения. Такая композиция, по его мнению, является подражанием схеме размещения иеро-

глифов, введенной в начале правления все того же Ван Мана, на монетах. Кроме того, А. А. Ковалев отметил, что родственных связей с императором или принадлежности владельца дворца к государству Хань недостаточно, чтобы написать на черепице титул «Сын Неба», т.к. это противоречит китайской практике использования благопожеланий. Исходя из этого, он полагал, что хозяином Абаканского дворца являлся сам носитель этого титула, т.е. непосредственно китайский император. Единственная подходящая кандидатура – император-самозванец Лу Фан 盧芳 (выдавал себя за Лю Вэньбо, правнука императора У-ди). В период мятежей и раздробленности Китая он заявил свои права на престол и в 27 г. был признан Худуэрши даогао жоти шаньюем 呼都而尸道皋若鞮單于 в качестве Сына Неба. В 27–29 гг. в этом статусе Лу Фан пребывал на территории, подконтрольной хунну, но затем вернулся в Хань, где был вынужден отказаться от притязаний на трон. Однако после 40 г. со своей семьей и сторонниками он опять ушел к хунну. А. А. Ковалев предположил, что в периоды пребывания у хунну Лу Фан мог быть размещен в удаленных от Хань землях за Саянами, где построил для себя дворец на р. Абакан [Ковалев, 2007; 2011].

Некоторые российские и китайские исследователи рассматривают перечисленные гипотезы о хозяине Абаканского дворца как равнозначные, полагая, что «более детальное изучение материалов в конечном счете поможет выбрать наиболее вероятную» [Митько, Комиссаров, 2020, с. 56]. Вместе с тем все эти гипотезы имеют свои слабые места и не кажутся вполне убедительными, поэтому вряд ли стоит подходить к ним как к исчерпывающему перечню возможных объяснений.

Авторы большинства изложенных гипотез – Л. А. Евтюхова, В. П. Левашева, С. В. Киселев; все китайские ученые; С. И. Вайнштейн и М. В. Крюков; Э. Б. Вадецкая; А. А. Ковалев – исходили из того, что упомянутый на черепице Абаканского дворца Сын Неба являлся императором Китая. В этом контексте гипотезу о Ли Лине, который нарушил этикет Хань и разорвал с ней связи (*Хань шу*, цз. 54) [Материалы, 1973, с. 109–117], следует исключить уже ввиду явной невозможности использования им титула императора на своем дворце. Однако не менее странным был бы этот титул на дворце, построенном для выданной замуж китайской принцессы или для администрации китайской колонии. Стоит отметить, что на известной сегодня черепице эпохи Хань с территории Китая благопожелания лицу с титулом Сын Неба вообще не встречены. А доводы

в пользу интерпретации Абаканского городища как военного поселения Хань не кажутся убедительными еще по одной причине: свиноводство и земледелие, судя по раскопкам в Забайкалье, было известно и обитателям городищ хунну [Клементьев и др., 2020].

Сомнения по поводу этой группы гипотез вызывает и то, что никаких сведений о пребывании в Южной Сибири какой-либо из китайских принцесс, ставки Сюйбу Дана и его жены Юнь, императора-самозванца Лу Фана или китайского военного корпуса, о строительстве для них дворца в китайских источниках нет. Хотя, разумеется, не все события в землях хунну находили отражение в хрониках Хань.

Л. Р. Кызласов привел некоторые свидетельства из исторических хроник о ранней Хань, указывающие на возможность использования титула Сын Неба правителем хунну [2001, с. 108–109]. Однако применил их для обоснования принадлежности дворца все тому же Ли Лину. Получилось, что благопожелание черепицы дворца опять обращено на лицо, не проживающее во дворце. Как и в случае с китайской принцессой или китайским гарнизоном, такая идея плохо соответствует практике использования благопожеланий. Кроме того, гипотеза о принадлежности титула Сын Неба шаньюю тоже встретила критику, поскольку, в отличие от китайского императора, «нет данных, что слова "Сын Неба" могли быть употреблены обособленно в качестве титула правителя хуннского государства» [Ковалев, 2011, с. 99–101]. Тем не менее эта дискуссия не выглядит завершенной.

В целом можно констатировать, что проблемы определения даты постройки и владельца Абаканского дворца через 80 лет после его открытия по-прежнему сохраняют свою актуальность. Вместо определения лучшей из прежних гипотез необходим поиск новых решений. Дополнительного внимания при этом заслуживают композиция на *вадан* и малоизученный вопрос использования титула Сын Неба у хунну.

3. Композиция на карнизной черепице и ее возраст

Большое значение в контексте проблемы возраста и принадлежности Абаканского дворца имеет композиция на карнизной черепице. Обзорные издания по *вадан* [Фуцзяи Бяньчжу, 2002] позволяют сделать вывод о нестандартности этой композиции. Саму по себе эту нестандартность можно интерпретировать как еще один аргумент

против участия императорского двора в строительстве здания, т. к. в этом случае решения были бы более консервативные.

Но как и когда могла появиться такая композиция? Найти ответ на этот вопрос ранее пытался только А. А. Ковалев, предположивший, что она подражает порядку размещения четырех иероглифов вокруг центра на монетах Ван Мана, а сам порядок, видимо, следует концепции *у-син* 五行 ‘пять элементов’ в китайской философской и ритуальной традиции [2011, с. 88–90]. Выпуск монет с четырьмя иероглифами вокруг центра (大泉五十 «большая монета пять десятков» и др.) был начат Ван Маном в 7 г. н.э., когда он был регентом при малолетнем императоре Хань (рис. 4: с).

Однако эти монеты не являются самыми первыми монетами Хань с пятичастной композицией: впервые подобная композиция появилась в период 175–119 гг. до н.э. (рис. 4: а). В то время она не стала единым стандартом, но продемонстрировала наличие соответствующей идеи и разработку вариантов ее воплощения. Показательны примеры сочетания иероглифов на ранних монетах со «знаками солнца и луны» и четырьмя симметричными точками (нередкими и в оформлении *вадан* – ср. рис. 4: 5), раскрывающими связь композиции с представлениями о миропорядке. Очевидно, что эта идея не исчезла после монетной реформы 118 г. до н.э. (рис. 4: б), а даже усилила свое влияние в культуре и в итоге снова была реализована на монетах в 7 г. н.э. (рис. 4: с).

Кроме того, с монетами лицевую сторону черепицы с р. Абакан до некоторой степени сближает лишь один из двух использованных на ней композиционных принципов. Этот принцип предполагает выделение центра и четырех сторон вокруг него, а также определение в качестве начала текста верхнего иероглифа. При этом той завершенной и полностью симметричной композиции, какая представлена на монетах 7–23 гг. н.э. (как и квадрата в центре), на абаканской черепице нет, а потому идея о подражании монетам Ван Мана вызывает сомнения. Еще больше отличает ее от монет второй композиционный принцип, не получивший должного внимания, – явное расположение текста тремя параллельными строками, характерными для черепицы Западной Хань [Фуцзяи Бяньчжу, 2002; Ковалев, 2011, рис. 2: 7–9].

Дополнительно стоит отметить, что прямого соответствия между хронологией использования пятичастной композиции на монетах и *вадан* не прослеживается, что особенно наглядно для II в. до н.э. и Восточной Хань (ср. рис. 4: 5 и 4:

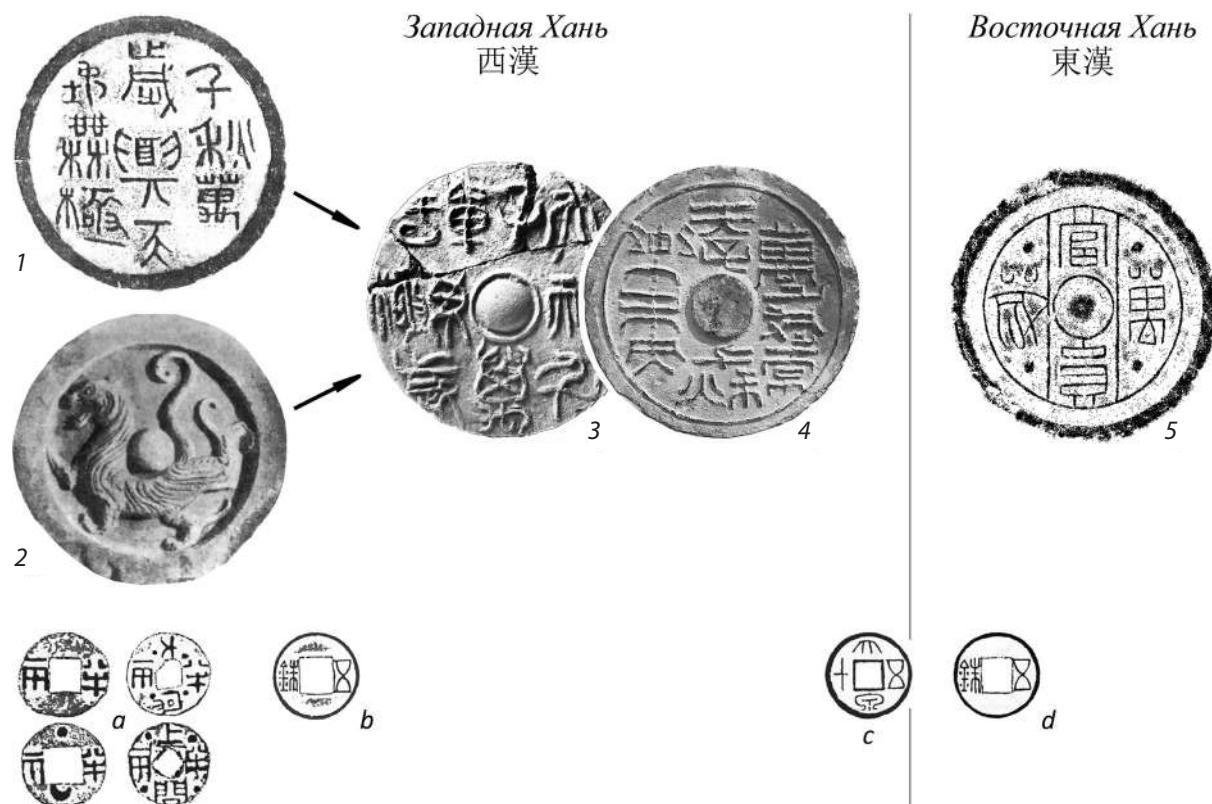

Рис. 4. Композиция *вадан* Абаканского дворца в контексте *вадан* и монет Хань: 1 – *вадан* с надписью тремя параллельными строками [Фуцзяи Бяньчжу, 2002, № 585]; 2 – *вадан* с рельефным кружком в центре [Киселев, 1959, рис. 2: 2]; 3–4 – *вадан* с рек Орхон [Идэрхангай, 2021, рис. 2] и Абакан (коллекция МКМ), совмещающие композиционные принципы двух предыдущих типов; 5 – *вадан*, сохраняющий деление поля на три вертикальные колонки в качестве пережиточного признака [Фуцзяи Бяньчжу, 2002, № 1478]; а – варианты монеты *бань лян* 半兩 (стандартный; включающий знаки «солнце и луна»; 大常半兩; 上閭半兩), 175–119 гг. до н.э. [Hartill, 2005, fig. 7.17, 7.21, 7.26, 7.25]; б – монета *у чжу* 五銖, 118 г. до н.э. – 9 г. н.э. [Ibid, fig. 8.9]; с – монета *да цюань у ши* 大泉五十, 7 г. н.э. [Ibid, fig. 9.1]; д – монета *у чжу* 五銖, типичная для Восточной Хань с 40 г. н.э. [Ibid, fig. 10.2]. Масштаб разный.

Fig. 4. Composition of the *wadang* from the Abakan palace in the context of *wadang* and coins of the Han: 1 – *wadang* with the inscription in three parallel lines [Fujiayi Bianzhu, 2002, №585]; 2 – *wadang* with the relief circle in the center [Kiselev, 1959, fig. 2: 2]; 3–4 – *wadang* from the Orkhon River [Ilderkhangai, 2021, fig. 2] and the Abakan River (collection of the MMLL), combining the compositional principles of the two previous types; 5 – *wadang*, preserving the division of a surface into three vertical columns as a vestigial feature [Fujiayi Bianzhu, 2002, №1478]; а – variants of the *ban liang* 半兩 coin (typical; with “sun and moon signs”; 大常半兩; 上閭半兩), 175–119 BC [Hartill, 2005, fig. 7.17, 7.21, 7.26, 7.25]; б – coin *wu zhu* 五銖, 118 BC – 9 AD [Ibid, fig. 8.9]; с – coin *da quan wu shi* 大泉五十, 7 AD [Ibid, fig. 9.1]; д – coin *wu zhu* 五銖, typical of Eastern Han since 40 AD [Ibid, fig. 10.2]. Scales are different.

д). Вместо объяснения композиции на абаканской черепице через иную категорию предметов – монеты – можно предложить более естественное объяснение, опирающееся на сопоставление с другими типами *вадан*. Нестандартное оформление черепицы Абаканского дворца следует рассматривать как результат синтеза двух разных типов композиций *вадан*: 1) с тремя параллельными строками для создания максимально насыщенного благопожеланиями текста (рис. 4: 1); 2) с выделением центра специальным выпуклым кружком (рис. 4: 2) для иного способа магического упорядочивания пространства диска, обычно предполагающего обозначение четырех

сторон [Ковалев, 2011, рис. 2: 4–6]. Совмещение этих двух принципов предопределило разделение знаков текста на четыре группы и изменило композиционную роль средней строки и верхних иероглифов. Последнее, как и на монетах 175–119 гг. до н.э., привело к перемещению сюда начала текста, а дальнейший порядок чтения сохранился – от правой части к левой (рис. 5: d). Пережиток подобной смешанной композиции с разграничением валиками трех колонок, но уже лишь с четырьмя иероглифами вокруг центра представлен на некоторых находках, отнесенных к эпохе Восточная Хань (рис. 4: 5) [Ковалев, 2011, рис. 5: 7; Крюков, 1980, рис. 26].

Пятичастность композиции на *вадан* Абаканского дворца, видимо, имеет самостоятельную, а не опосредованную монетами, связь с концепцией *у-син*. Для композиции некоторых черепичных дисков Хань она получила серьезное обоснование в исследованиях китайских ученых [Ван Пэйлянь, 2004]. Эта возникшая в эпоху Чжоу и популярная в эпоху Хань [Философы, 2004, с. 52, 53] концепция пяти элементов, распространявшаяся на различные явления, стороны света, цвета, нумерологию и др., устанавливающая между ними связи и последовательности, являлась олицетворением китайских представлений о мировом порядке. В пользу сопоставления с ней композиции на диске может свидетельствовать сокращение иероглифа 'осень' до знака 'огонь' на одном из вариантов штампа (рис. 5: *a*), отмеченное выше. Второе место знака 'огонь' в контексте последовательности считывания элементов текста на этой черепице (верх → низ → правая часть → левая часть) полностью соответствует месту огня в последовательности пяти базовых элементов из классического конфуцианского трактата *Шу цзин* 書經, составителем которого считается сам Конфуций: 1) вода 水, 2) огонь 火, 3) дерево 木, 4) металл 金, 5) земля (почва) 土 (рис. 5: *b*). Расположение первого элемента текста *вадан* вверху, а второго – внизу не противоречит пространственным признакам исходного положения воды (стекает сверху) и огня (поднимается снизу) в этом трактате: «Вода: [она] увлажняет [и] стремится вниз; огонь: [он] горит [и] стремится ввысь» [Гране, 2008, с. 115]. Кроме того, место первого элемента текста на диске – иероглифа 天 'небо' – соответствует основополагающей идее о месте и роли Неба как начала мирового порядка и источнике власти правителя. Поскольку вход во дворец был с юга, то третий элемент текста на дисках лицевой стороны крыши был направлен к востоку, а четвертый – к западу, т.е. в полном соответствии с пространственными отождествлениями 3-го и 4-го элементов классического конфуцианского списка.

Размещение первого элемента текста на *вадан* вверху (так же как первого иероглифа на ряде монет Ван Мана) прямо противоположно, однако, локализации внизу первого элемента *у-син* в конфуцианском трактате Восточной Хань *Бо ху тун* 白虎通, записанном в 79 г. [Древнекитайская философия, 1990, с. 228]. Последний вариант затем нашел воплощение в составленном в эпоху Сун нумерологическом кресте *хэ ту* 河圖 [Кобзев, 1993, табл. 29; Ковалев, 2011, с. 88]. По отношению к порядку элементов на черепичном диске

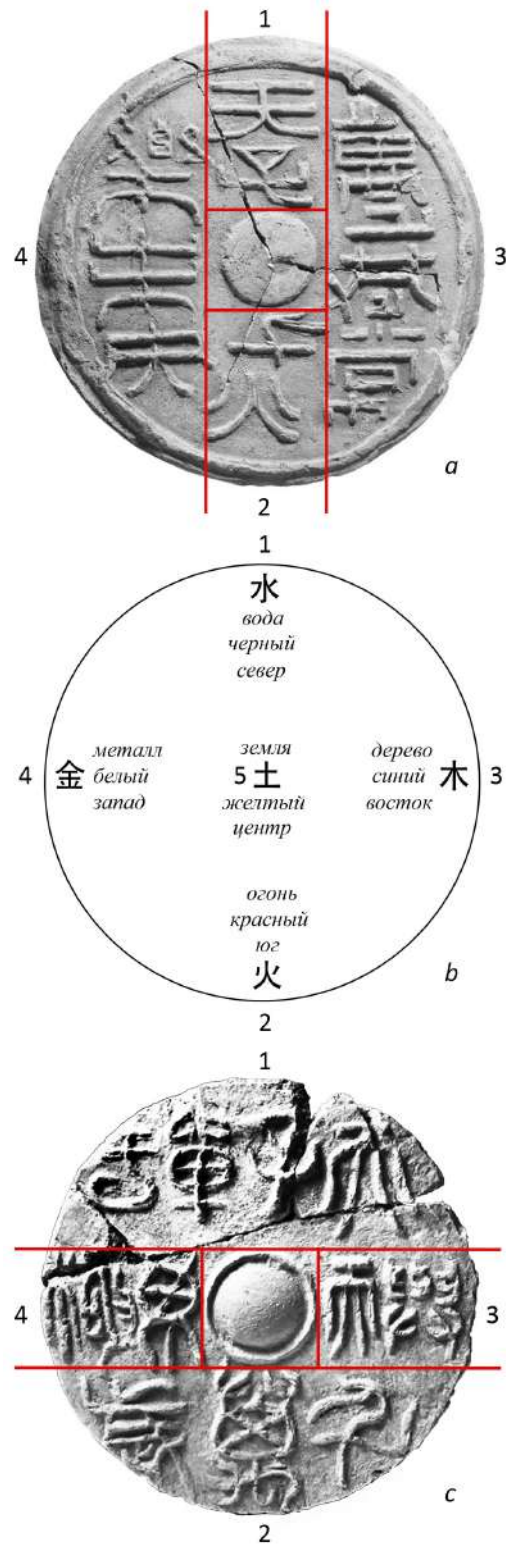

Рис. 5. Соотношение пяти частей композиции на *вадан* Абаканского дворца (*a*) с древнекитайской системой пяти элементов (*b*) и композицией с р. Орхон в Монголии (*c*, по: [Идэрхангай, 2021, рис. 2]).

Fig. 5. Correlation of five parts of the composition on the *wadang* from the Abakan palace (*a*) with the ancient Chinese system of five elements (*b*) and the composition from the Orkhon river in Mongolia (*c*, after: [Iderkhangai, 2021: Fig. 2]).

он повернут на 180°, и, чтобы совместить западные и восточные элементы этой системы с реальными сторонами света, наблюдатель должен быть обращен лицом к югу. Видимо, в эпоху Восточной Хань некоторые аспекты оперирования системой пяти элементов претерпели изменения.

К этому можно добавить, что длинные тексты из трех строк и трехкомпонентное благопожелание, как на *вадан* из Сибири, тоже характерны для Китая в период Западной Хань (хотя последний компонент благопожеланий варьируется). Подобный набор компонентов представлен на целой серии *вадан* из столичного города Чанань [Фуцзяи Бяньчжу, 2002, № 578–585], например, 千秋萬歲與天地無極 «Тысячу осеней, десять тысяч лет, вместе с Небом и Землей не иметь предела» (рис. 4: 1). В последующий период Хань на *вадан* возобладала крестообразная композиция и более лаконичные тексты (рис. 4: 5). Текст иного содержания из 10 иероглифов на *вадан* с территории Цинхя, датированный 105 г., вряд ли можно считать близким к *вадан* Абаканского дворца, как предлагалось [Ковалев, 2011, с. 96, рис. 5: 9], т.к. он следует круговому принципу размещения вдоль края предмета, а не принципу трех параллельных строк.

Таким образом, композиция текста на черепице Абаканского дворца не подражает монетам, а, скорее, демонстрирует состояние, когда реализованная позднее на черепице Восточной Хань визуальная схема еще окончательно не оформилась и не обрела универсальный характер.¹ Это, а также содержание текста делает более вероятной принадлежность черепицы Абаканского дворца к концу эпохи Западная Хань. В этом случае Лу Фан вряд ли может являться подходящей на роль хозяина дворца кандидатурой.

4. О титуле Сын Неба у хунну

4.1. Прямые свидетельства письменных и археологических источников

Сведения об использовании титула Сын Неба у хунну в период Западной Хань зафиксированы в *Хань шу* 漢書 («Книга Хань», составлена Бань Гу 班固 в 82 г.). Здесь ранний текст о хунну, взятый из *Ши цзи* 史記 («Исторические записки», сост. Сыма Цянь 司馬遷 около 91 г. до н.э., цз. 110), был дополнен Бань Гу новыми важными сведениями о родовой принадлежности и титуле

правителей хунну (*Хань шу*, цз. 94а, с. 3751): 單于姓攣鞬氏, 其國稱之曰「撐犁孤塗單于」。匈奴謂天為「撐犁」, 調子為「孤塗」, 單于者, 廣大之貌也, 言其象天單于然也 «Шаньюй 單于 происходит из рода 氏 攣鞬, в их государстве его именуют “Чэнли 撐犁 гуту 孤塗 шаньюй 單于”. Сюнну 匈奴 называют Небо 天 чэнли, называют Сына 子 гуту, а шаньюй – тот, кто обладает обликом обширного и великого, и, следовательно, шаньюй подобен Небу» (ср. [Материалы, 1973, с. 6; Кроль, 2005, с. 158]).

Вероятно, эти сведения о титуле шаньюев появились уже после составления *Ши цзи* Сыма Цянем. Считается, что его обстоятельное описание заканчивалось событиями 104–101 гг. до н.э., а описание последующего десятилетия менее полное и точное. Поэтому сведения о титуле Сын Неба у хунну в *Хань шу* могут относиться к периоду не ранее начала I в. до н.э. или конца 90-х гг. до н.э., т.е. не ранее правлений Цзюйти-хоу шаньюя 且鞮侯單于 (101–96 гг. до н.э.) или его наследника Хулугу шаньюя 狐鹿姑單于 (96–85 гг. до н.э.).

Недавно черепица с благопожеланием «Сыну Неба шаньюю» 天子單于, подтверждающая использование такого титула правителем хунну, найдена археологом Улан-Баторского университета Тумур-Очиром Идэрхангаем на укрепленном городище в верховьях р. Орхон. Очевидно, оно являлось центральной ставкой хунну [Идэрхангай и др., 2020а; 2020б; Идэрхангай, 2021]. Надпись нанесена тремя горизонтальными строками, читающимися справа налево (рис. 6: 1а, 1б). Титул расположен в верхней строке. Четыре иероглифа средней строки нанесены двумя парами по бокам округлого выступа в центре диска.

Как и у черепицы Абаканского дворца, эта надпись и ее композиция отличаются от стандартов *вадан* Хань. К ее особенностям, прежде всего, можно отнести указание титула и горизонтальное расположение строк. Причиной изменения положения строк с традиционного вертикального на горизонтальное могло быть стремление разместить весь длинный титул в верхней части *вадан* и дополнительно упорядочить знаки на четыре группы вокруг центрального кружка. Порядок чтения строк надписи допускает два варианта:

1) последовательно сверху вниз: 天子單于與天毋極千萬歲; монгольские исследователи предложили два варианта перевода: «Тэнгэрийн хүү Шаньюй тэнгэр адил хязгааргүй өнө мөнх наслаугай» [Идэрхангай и др., 2020а, с. 26] – «Сын Неба шаньюй пусть живет вечно как бескрайнее небо», либо «Тэнгэрийн хүү Шаньюй, Тэнгэр-

¹ Это можно сопоставить и с появлением сочетания 常樂 еще до правления Ван Мана, который просто официально закрепил замену иероглифа, внеся изменение в название императорского дворца Чанлэ 常樂宮.

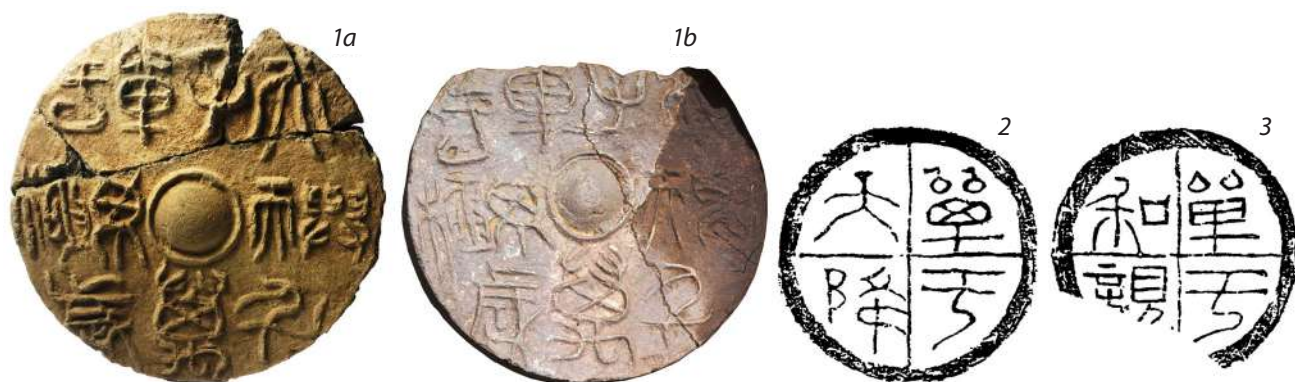

Рис. 6. Вадан с титулом шаньюй: 1 – р. Орхон, Монголия [Идэрхангай, 2021, рис. 2; Идэрхангай и др., 2020б]; 2–3 – окрестности г. Баотоу, Внутренняя Монголия, КНР [Чэ Жигэ, 2000, рис. 1: 1, 2]. Масштаб разный.

Fig. 6. Wadang with the title Chanyu: 1 – the Orkhon River, Mongolia [Iderkhantai, 2021, fig. 2; Iderkhantai et al., 2020b]; 2–3 – the vicinity of Baotou, Inner Mongolia, China [Che Rige, 2000, fig. 1: 1, 2]. Scales are different.

тэй адил өнө мөнх, Мянга түм насал» – «Son of Heaven Chanyu, unlimited as the sky, life is forever eternal» [Идэрхангай, 2021]; иной перевод предлагал А. Вовин, но он основан на неполной и неточной записи текста [Vovin, 2020, p. 318];

2) сначала – верхняя строка, затем – нижняя, затем – средняя: 天子單于千萬歲與天毋極 «Сыну Неба шаньюю – многих тысяч лет, вместе с Небом не иметь предела» (рис. 5: с). Один из аргументов в пользу такого варианта заключается в том, что в наиболее типичной последовательности элементов составных благопожеланий на черепице Хань самые древние, устойчивые и короткие выражения 千秋 и 萬歲 (от которых производно 千萬歲), как правило, стоят в начале, а длинные и более вариативные (типа 與天毋極) дополняют их и завершают текст (то же самое и на вадан из Хакасии). Другой аргумент следует из особенностей самой надписи: у обоих приведенных здесь вариантов вадан между нижним краем верхней строки и верхом средней строки есть четко выдержанный отступ, тогда как между нижним краем средней и верхним краем нижней строк его практически нет; размер иероглифов средней строки может быть меньше, чем двух других (показателен вариант 1a); у варианта 1b нижняя часть последнего иероглифа средней строки (極) уходит в верхнюю часть нижней строки (рис. 6). Перечисленные признаки могут свидетельствовать, что сначала были написаны знаки верхней и нижней строк, а средняя строка «вписана» в оставшееся пространство. При таком объяснении элементы текста относительно центра диска разделены на четыре группы с тем же порядком чтения, что и у текста из Сибири: верхняя, нижняя, правая, левая.

С точки зрения содержания текста орхонской черепицы стоит отметить, что последняя часть

благопожелания – «вместе с Небом не иметь предела» – довольно точно соответствует словам Хань шу, что шаньюй «обладает обликом обширного» подобно Небу.

В историческом контексте карнизная черепица с р. Орхон не может датироваться ранее конца II в. до н.э., когда ставка шаньюев была перенесена к северу от Гоби. Ряд признаков указывает, что вадан с р. Орхон древнее черепицы Абаканского дворца. В частности, несмотря на похожее разделение текста на четыре части вокруг выпуклого кружка в центре, порядок чтения строк орхонской черепицы более традиционен, т.к. начинается с правого верхнего иероглифа и с верхней строки, а не со средней. Кроме того, орхонская и абаканская надписи выполнены разным почерком (стилем): орхонский включает плавно изогнутые линии и сложные формы, т.е. содержит некоторые признаки позднего чжуаньшу 篆書 (сяочжунань 小篆); абаканский отличается угловатостью линий, упрощенностью форм, большей шириной иероглифов, что сопоставимо с развитым лишу. Очень показателен, например, разный стиль написания иероглифов 'небо' и 'десять тысяч' на этих двух дисках. Оба стиля существовали параллельно в период Хань, но сфера и широта их употребления менялись: первый в большей мере характерен для раннего и среднего периода Западной Хань, а второй получил распространение на вадан в позднем периоде Западной Хань и в Восточной Хань [Qiu Xigui, 2000, pp. 113–130; Чэ Жигэ, 2000, с. 174]. С учетом особенностей почерка и композиции абаканскую черепицу можно было бы датировать около 2-й половины I в. до н.э., а орхонскую – около 1-й половины того же века. Несмотря на имеющиеся различия, оба вадан являются ближайшими аналогами друг для друга, образуют одну группу

(рис. 4: 3, 4) и демонстрируют определенную преемственность в оформлении. Это подкрепляет идею, что титул Сын Неба на черепице с р. Абакан, употребленный самостоятельно, тоже принадлежит правителю хунну.

Заслуживает внимания и сам факт указания титула правителя на *вадан*. Его появление приводит к тому, что черепица начинает выполнять удостоверительную функцию. Для Хань, в отличие от хунну, случаи написания титула правителя на карнизной черепице неизвестны. В то же время указание титула напоминает практику нанесения на *вадан* некоторых дворцов в землях хунну другого типа удостоверительных знаков – используемых в культуре скотоводов тамг. Эти явления могут быть взаимосвязаны.

4.2. Структура титула правителей хунну

Выражение «Сын Неба» в двух приведенных примерах – в *Хань шу* и на орхонской черепице – служит частью развернутого титула правителей хунну, главный элемент которого – *шаньюй*. Так же как главный элемент, оно, несомненно, является апеллятивом. С учетом смысла выражения «Сын Неба» оно выступает как элемент, дополнительно возвеличивающий шаньюев, показывающий божественную природу их власти. В то же время форма этого элемента не исключает возможности его самостоятельного использования при обращении и именовании в качестве своего рода эквивалента титулу «шаньюй».

Обожествление и почитание Неба у хунну, нашедшее отражение в апеллятивной части титула их правителя, не вызывает сомнений. В *Ши цзи* (цз. 110, с. 2892) приведены такие сведения: 歲正月, 諸長小會單于庭, 祠。五月, 大會龍城, 祭其先、天地、鬼神。秋, 馬肥, 大會蹕林, 課校人畜計 «В первой луне [каждого] года, на малом собрании всех предводителей в ставке шаньюя, совершают жертвоприношения. В пятой луне, на большом собрании в *Лунчэне*, приносят жертвы своим предкам, Небу и Земле, земным и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, на большом собрании в *Дайлине*, подсчитывают и сверяют количество людей и скота». В *Хоу Хань шу* 後漢書 («Книга поздней Хань», сост. Фань Е 范曄 в 445 г.; цз. 89, с. 2944) говорится, что все главные жертвоприношения у южных хунну были обращены к Небу: 匈奴俗, 歲有三龍祠, 常以正月、五月、九月戊日祭天神 «По обычаям сюнну каждый год происходят три *Лунцы* 龍祠 (жертвоприношения при ставке правителя; подробнее об этом

названии ниже. – Ю.Е.): постоянно в день *У*¹ 戊 первой, пятой и девятой луны приносят жертвы духам Неба». Кроме того, ежедневными обрядами шаньюя было почитание Солнца и Луны (*Ши цзи*, цз. 110, с. 2892): 而單于朝出營, 拜日之始生, 夕拜月 «Утром шаньюй выходит из лагеря и совершает поклон появляющемуся Солнцу, вечером совершает поклон Луне». Правитель хунну, таким образом, был организатором и исполнителем важнейших для государства обрядов, связанных с Небом, и, следовательно, сам обладал сакральным статусом.

У хунну, видимо, имелись представления о небесном происхождении власти правителя, его появлении по воле Неба. Позднее подобная концепция хорошо известна у многих скотоводческих народов на востоке степного пояса. Ее, в частности, демонстрируют титулы и тронные имена средневековых правителей тюркоязычных народов, включавшие компоненты *Тенгри* (Небо) и *кут* (посылаемая Небом жизненная сила или душа). Это тем более заслуживает внимания, что приведенное Бань Гу название Неба на языке хунну (*Чэнли* 撐犁) в период Западной Хань читалось как *tān-rāj* [Pulleyblank, 1962, p. 241; Дыбо, 2007, с. 83]. Древнее чтение второго компонента (*суму* 孤塗) обнаруживает соответствие с титулом *kāla* ‘принц’, распространенным в эпоху Хань в Восточном Туркестане [Дыбо, 2007, с. 109]. В этом случае в титуле хунну речь шла не просто о сыне, а о сыне с высочайшим социальным и сакральным статусом – наследнике Неба.

Кроме апеллятивной части, как мы знаем по китайским письменным источникам, полный титул правителей хунну содержал также индивидуальную часть, так называемое «тронное имя», которое было связано лишь с конкретным правителем. Индивидуальная часть у первых шаньюев могла включать личное имя, но в дальнейшем отличалась от него. По всей видимости, она являлась эпитетом, отражающим личные качества и достижения человека – его храбрость, справедливость, политические или военные заслуги и др. Подобные индивидуальные наименования-эпитеты позднее хорошо известны в полных титулах жужаней и других кочевников восточных степей. В *Вэй шу* 魏書 («Книга Вэй», сост. в 554 г. Вэй Шоу 魏收; цз. 103, с. 2291) есть

¹ Пятый знак десятиричного цикла в китайском календаре. Если южные хунну заимствовали у ханьцев циклическое счисление времени, то это был первый день соответствующего месяца, приходящийся на знак *У* 戊. Особая роль пятого дня для обрядов хунну отмечена и в *Ши цзи*.

специальное пояснение на этот счет: 蠕蠕之俗, 君及大臣因其行能即為稱號, 若中國立諡, 既死之後, 不復追稱 «По обычаям жуаньжуань 蠕蠕 правитель и высшие сановники получают прозвания 號 по своим делам и способностям, подобно тому, как в Срединном государстве назначают посмертные имена 諡; после того, как носитель умер, новое прозвание ему уже не присваивают». Такого рода индивидуальные компоненты (проприальная часть) полного титула корректнее всего охарактеризовать как *описательные именования*, в которых личное имя, как правило, не представлено [Кормушин, 2008, с. 290].

Для некоторых из «тронных имен» шаньюев к настоящему времени предложены достаточно убедительные интерпретации на основе реконструкции раннеханьского чтения, оказавшегося близким к лексике восточных индоевропейских языков [Дыбо, 2007, с. 108–115]: *Лаошан* 老上 – ‘царственный’ (собственное значение этих иероглифов тоже кажется не случайным – ‘почтенный’ [Сыма Цянь, 2002, с. 335]); *Хухань* 呼韓邪 – ‘лучший + справедливость’. Иногда «тронные имена» довольно длинные: например, *Чжичжи гудуху* 郅支骨都侯 (около 56 г. до н. э. его принял левый достойный князь Хутуусы 左賢王呼屠吾斯; *Хань шу*, цз. 946, с. 3796). Хотя значение первой части (郅支) этого «тронного имени» лингвистами пока не установлено, но, судя по второй части, оно, возможно, характеризует его обладателя как отличного и благородного воина: раннеханьское чтение для 骨都 предложено интерпретировать через хотано-сакское *gūha* – ‘пеший воин’; 侯 – не транскрипция слова из языка хунну, а добавленный китайский княжеский титул. Родство с лексикой восточных индоевропейских языков имеют и некоторые другие слова из титулатуры хунну. Это, видимо, связано с их прежним долгим подчинением *Юэчжи* 月氏, не исключавшим и родственных связей между правящими родами, исходя из норм дипломатии того времени.

4.3. Хронологические изменения титула правителей хунну

Использование титула со словами «*Чэнли гуту*» имело свои хронологические границы. К сожалению, судить об этом по текстам китайских исторических хроник приходится лишь по косвенным признакам, т. к. в них нет ни одного случая прямого употребления выражения «Сын Неба» в качестве титула или части титула какого-либо конкретного правителя хунну. И даже в приведенной выше цитате из *Хань шу* с объяснением

смысла титула шаньюя слова 天 ‘небо’ и 子 ‘сын’ разделены другими иероглифами. Очевидно, что в хрониках Хань использование титула, равного священному императорскому, применительно к другим лицам было недопустимо. Даже в те моменты, когда войска Хань терпели крупные поражения и степная империя признавалась равной Срединному государству, шаньюи рассматривались как младшие родственники императора – младшие братья, но не по крови, а по браку с принцессами [Материалы, 1968, с. 71–72; Кроль, 2005]. Стандартное обращение Хань к правителю хунну лаконично – 匈奴大單于 «Великий шаньюй сюнну». Это выражение использовали в своих письмах и сами шаньюи.

В связи с табуированием в официальных хрониках Хань титула «Сын Неба» для лиц, не являвшихся императорами Хань, начало употребления выражения «Сын Неба» в качестве элемента титула правителя хунну остается неизвестным. Для создателя империи – Маодуня 冒頓 – его использование кажется маловероятным, т. к. первое время система именования и титулования правителей оставалась относительно простой. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что у шаньюя сохранилось то же имя, что было в детстве. Такая ситуация вполне соответствует сведениям *Ши цзи* (цз. 110, с. 2879) о ранних обычаях хунну, сильно отличавшихся от китайских: 其俗有名不諱, 而無姓字 «По их обычаям не табуируют [первых] имен 名, не имеют фамилий 姓 и вторых имен 字».

Из-за силового захвата власти статус Маодуня как верховного правителя хунну поначалу не был общепризнанным [Di Cosmo, 2013, p. 27]. Ситуация изменилась около 201 г. до н. э., когда после масштабных завоеваний произошло важное событие: 於是匈奴貴人大臣皆服, 以冒頓單于為賢 «Тогда все знатные люди и высшие сановники сюнну подчинились, признав шаньюя Маодуня *достойным*» (*Ши цзи*, цз. 110, с. 2893). По форме это похоже на добавление к прежнему имени эпитета, закрепляющего его новый статус. Само событие могло произойти на одном из ежегодных собраний хунну. В хронике этот статусный эпитет приведен не в виде транскрипции, а сразу в переводе на китайский язык. Предлагаемое объяснение подтверждается тем, что это же слово *сянь* 賢 ‘достойный, лучший’ являлось титулом двух главных князей правого и левого крыла государства, которыми назначались сыновья или другие ближайшие родственники шаньюя. При описании системы титулов и чинов в *Ши цзи* (цз. 110, с. 2890) и *Хань шу* приведена собственная

фонетическая форма этого названия у хунну: 匈奴調賢曰「屠耆」, 故常以太子爲左屠耆王 «Сюнну, называя *достойных* 賢, говорят *туци* 屠耆, поэтому постоянно наследник [шаньюя] является *Цзо туци ваном* 左屠耆王 ('Левый (т. е. управляющий в восточном крыле, старший) *туци* князь'. – Ю. Е.)». Китайское слово *ван* 王, как и отмеченное выше *хоу* 侯, означающие княжеский титул разного статуса, вряд ли использовались самими хунну; вероятно, они добавлялись в китайских текстах, чтобы отчасти объяснить смысл предыдущего не китайского слова. *Туци* как тронное имя в 58 г. до н. э. получил один из соперничавших лидеров сюнну – *Туци шаньюй* 屠耆單于 (Хань шу, цз. 94б, с. 379б). В *Хань шу* (цз. 94а) слово *туци* (о его фонетической форме в эпоху Западной Хань и возможной интерпретации см.: [Дыбо, 2007, с. 103–104]) в качестве эпитета встречается и в составе княжеского имени: 右賢王屠耆堂 «Правый достойный князь *Туци Тан*» (в 60 г. до н. э. он стал *Вояньцюйти шаньюем* 握衍胸鞬單于).

Похожая ситуация наблюдается с сыном Маодуня по имени *Цзюй* 稽粥: в *Ши цзи* (цз. 110, с. 289б) сообщается, что при воцарении он сразу получил прозвание (號) *Лаошан шаньюй* 老上單于, однако следом именуется *Лаошан Цзюй шаньюй* 老上稽粥單于. Видимо, и здесь прежнее имя сохранилось и лишь было дополнено новым эпитетом. Последующее (в I в. до н. э.) внедрение традиции обязательного присвоения нового именования для правителя и усложнение титулатуры могло стать следствием влияния обычаев Хань.

Появление у хунну титула со словами *Чэнли гуту* / *Сын Неба* можно рассматривать как результат регулярных дипломатических контактов с Хань, соперничества с Хань и как подражание титулу императора на основе собственных представлений хунну о связи власти правителя и Неба¹. Определенное влияние здесь, видимо, оказали переходившие на службу к шаньюям чиновники и военные командиры Хань. В связи с этим заслуживает внимания, что основатель степной империи шаньюй Маодунь в письме к императору Хань от 176 г. до н. э. (составлено человеком, знавшим нормы дипломатической переписки Хань [Бичурин, 1950, с. 55]) называл себя *天所立匈奴大單于* «Небом поставленный Великий шаньюй сюнну» (*Ши цзи*, цз. 110, с. 289б). Его сын Лао-

шан шаньюй уже использовал более близкое по смыслу выражение: *天地所生日月所置匈奴大單于* «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, Великий шаньюй сюнну» (*Ши цзи*, цз. 110, с. 289б). В хронике прямо указано, что эти стандартные фразы, с которых начинались письма Лаошана, составил помощник шаньюя Чжунхан Юэ 中行說, бывший придворный Хань. Юэ продолжал службу и у преемника Лаошана. Сразу несколько влиятельных выходцев из Хань, перешедших на сторону хунну, оказалось при дворе шаньюев в начале I в. до н. э. Среди них наиболее близким и деятельным союзником шаньюев был бывший ханьский посол Вэй Люй 衛律.

В 100 г. до н. э. Цзюйтихоу шаньюй говорил китайским послам, что не может смотреть на ханьского Сына Неба как на равного, по сравнению с которым он как ребенок перед старцем. Однако вскоре, как сообщается в *Хань шу*, стал вести себя по отношению Хань невежливо и более гордо, чем его предшественники [Материалы, 1968, с. 60; 1973, с. 101]. В 89 г. до н. э., после крупной победы над китайской армией, в дерзком по стилю письме Хулугу шаньюя императору Хань появляется практически эквивалентное китайскому наименование (*Хань шу*, цз. 94а, с. 378б): 南有大漢, 北有強胡。胡者, 天之驕子也 «На юге – великая Хань 漢, на севере – могущественный Ху 胡. Ху – Неба 天 любимый Сын 子» (ср. [Бичурин, 1950, с. 76; Материалы, 1973, с. 22; Кроль, 2005, с. 158]). В данном случае под Хань подразумевается представляющий свое государство император, а под китайским названием для северных иноплеменников Ху, использованным здесь в качестве другого обозначения хунну (вместо 匈奴), – шаньюй государства хунну. Построение фразы указывает, что оба правителя равны по статусу и шаньюй тоже является Сыном Неба. При этом выражение *天子* 'Сын Неба' в явном значении титула шаньюя в процитированном фрагменте письма все же не использовано, что позволило составителю хроники включить его в *Хань шу*. Однако приведенная в другом месте того же цзюаня и уже упомянутая выше транскрипция титула правителей хунну – *Чэнли гуту шаньюй* 撐犁孤塗單于 'Сын Неба шаньюй', скорее всего, тоже извлечена Бань Гу из писем шаньюев к императорскому двору, подобно транскрипции иного титула – *Жоти шаньюй* 若鞮單于 (будет рассмотрен ниже), которая явно употреблялась хунну в дипломатической переписке. Отношение ко второму титулу при дворе Хань было положительным. Видимо, поэтому, в отличие от предыдущего, он часто приводится в исторической хро-

¹ Не исключено, что какие-то корни этих представлений у обоих народов могли быть общими, если учитывать северо-западное происхождение чжоусцев, принесших в Китай почитание Неба и весь тот круг представлений, с которыми в Китае связано появление титула «Сын Неба» [Крил, 2001].

нике как часть полных титулов правителей хунну.

Важным событием, повлекшим перемены в форме титула шаньюев, стал раскол хунну на две части в 53 г. до н.э. Правитель северной части – Чжичжи шаньюй (56–36 гг. до н.э.), внук Хулугу – противостоял не только шаньюю южной части хунну Хуханье, но и поддержавшей его Хань. Использование им прежнего титула шаньюев с выражением «Сын Неба», подчеркивающим его независимость и высокий статус, равный императору, вполне вероятно. В этом случае его полный титул мог иметь следующую форму: *Чжичжи гуду-хоу чэнли гуту шаньюй* 郅支骨都侯撐犁孤塗單于.

В иной ситуации оказался Хуханье шаньюй (58–31 гг. до н.э.), после поражения от Чжичжи ушедший к границам Хань, признавший в 51 г. до н.э. главенство китайского Сына Неба и получивший от него взамен защиту, различную помощь и китайских чиновников для присмотра. Несмотря на особый статус на официальных церемониях, который поставил его выше китайских князей (назван вассалом, но без упоминания имени; разрешено не совершать земного поклона) [Материалы, 1973, с. 35, 141], Хуханье уже не мог официально использовать титул, аналогичный правителю Хань (особенно писать его китайской письменностью в посланиях к императору или на черепице, выставленной на всеобщее обозрение в резиденции), поскольку это бы нарушало китайский церемониал и могло ограничить поддержку. В письме, написанном после гибели Чжичжи, Хуханье прямо называет правителя Хань Сыном Неба, а себя – его слугой [Там же, с. 39].

В этом контексте представляет интерес благопожелание на прямоугольной облицовочной плитке для дворца некоего шаньюя на территории современной Внутренней Монголии: 單于和親千秋萬歲安樂未央 «Шаньюю согласия и близости, тысячу осеней, десять тысяч лет безмятежного счастья без предела» [Ковалев, 2011, с. 101, рис. 7: 3]. По форме оно довольно близко к найденному на р. Абакан, тоже записано вертикальными строками и содержит титул правителя, но без компонента «Сын Неба», зато с упоминанием «согласия и близости». Там же, во Внутренней Монголии, в заполнении погребений позднего периода Западной Хань возле современного города Баотоу найдены черепичные диски с надписями 單于天降 (или 天降單于) «Шаньюй ниспосланный Небом» (диаметр 17,1 см) и 單于和親 «Шаньюю согласия и близости» (диаметр 15,5 см) (рис. 6: 2, 3). Композиция этих *вадан* относится к одному из обычных типов для Западной Хань. Существует мнение, что оба диска могут быть датированы широко в

рамках среднего – позднего периодов Западной Хань, но по различиям в форме иероглифов первый несколько старше [Чэ Жигэ, 2000, с. 173–174]. По другой гипотезе китайских ученых эти диски и облицовочная плитка происходят из располагавшейся в этом районе с 52 г. до н.э. ставки шаньюя Хуханье [Чжао Цзюнь, 2018].

Текст на втором диске, как и начало надписи на облицовочной плитке, содержит устойчивое китайское выражение *хэ цинь* 和親 ‘согласие и близость’, используемое еще с эпохи Чжоу. К эпохе Западной Хань оно имело двойственное значение: описывало отношения между людьми и служило для описания отношений между государствами, закрепляемыми и регулируемые договором с тем же названием. Такой договор между хунну и Хань обязательно предполагал со стороны Хань предоставление регулярных подарков и невесты из императорского дома для правителя хунну, а со стороны хунну – ненападение на границы Хань [Кроль, 2005, с. 138–168]. Первый договор был заключен при шаньюе Маодуне, а затем неоднократно перезаключался на протяжении II в. до н.э. В I в. до н.э., после гибели Чжичжи, такой же договор заключил шаньюй Хуханье (но получил невесту более низкого статуса) [Материалы, 1973, с. 75, 150; Кроль, 2005, с. 144].

В тексте на первом диске (單于天降) выражение *тянь цзян* 天降 ‘ниспосланный Небом’ мало похоже на благопожелание, поэтому часто китайские исследователи располагают эти иероглифы в иной последовательности – 天降單于 [Лю Цинчжу, 2000, с. 330; Шень Юньян, 2006, с. 262]. Смысл этого текста может рассматриваться как близкий к концепции Сына Неба, но доносящий ее в отличной от титула «Сын Неба» форме. Кроме того, он выглядит как сакральный титул шаньюя, напоминая оборот из процитированного выше письма Маодуня.

Гипотеза о связи этих находок с южной резиденцией Хуханье представляется вполне убедительной. Близость его резиденции к границе Хань, принятие статуса вассала императора, вероятная помощь со стороны Хань в строительстве дворца могли повлиять на отсутствие на черепице из ставки шаньюя титула, аналогичного титулу императора Хань, на использование вместо него близкого по смыслу, но иного выражения «ниспосланный Небом», а также на появление позднее надписи *хэ цинь*. Поскольку выражение «Сын Неба» на *вадан* из Монголии являлось частью титула шаньюя, то этого же нельзя исключать для выражения *天降* на *вадан* из Баотоу. Тогда полный титул Хуханье после 51 г. до н.э. мог иметь следующий вид – 呼韓邪天降單于 «Справед-

ливейший (?) ниспосланный Небом шаньюю».

Апеллятивная часть полного наименования преемников Хуханье, сохранявших установленные Хуханье отношения с Хань, приобрела форму *жоти шаньюю* 若鞮單于 (например, *Фучжунлэй жоти шаньюю* 復株累若鞮單于, 31–20 гг. до н.э.; *Худуэрши даогао жоти шаньюю* 呼都而尸道皋若鞮單于, 18–46 гг.; и др.). Иероглифы *жоти* 若鞮 – транскрипция слова из языка хунну, которое присутствовало без перевода в письмах шаньюев к императору. По объяснению из *Хань шу* (цз. 946, с. 3828–3829) оно означает ‘почтительный к родителям (старшим)’: 匈奴謂孝曰「若鞮」。自呼韓邪後，與漢親密，見漢謚帝為「孝」，慕之，故皆為「若鞮」。«Сюнну, почтительного к родителям, называют *жоти* 若鞮. Начиная с Хуханье, находились в дружественных отношениях с Хань и, видя, что в Хань в качестве посмертного титула императора используется *сяо* 孝 ‘почтительный к родителям’, восхитились этим, поэтому все [шаньюю] стали [именоваться] *жоти*». Правда, есть сомнения в точности этого конфуцианского объяснения. Реконструируемое чтение *жоти* 若鞮 в эпоху Хань – *nak d(h)ē*. Схожее слово, которое могло быть его источником, сохранилось в тохарских языках (например, в тохарском В – *ñakte* ‘бог’, а вокатив *ñakta* часто использовался как почтительное обращение к царю); при этом оно известно в качестве титула правителя или его компонента со значением ‘божественный’ у малых юэчжи в конце II в. до н.э. [Pulleyblank, 1966, р. 19–20; Иванов, 1992, с. 17; Дыбо, 2007, с. 112–114]. Следует отметить, что это значение является близким по смыслу к *чэнли гуту*, т.к. тоже указывает на божественную природу власти шаньюя, а само слово занимает то же место в его полном титуле. В отличие от объяснения в *Хань шу* наименование *жоти* служило почтительным обращением к самому правителю хунну.

Следующее изменение в титуле правителей хунну произошло в середине I в. Оно вновь связано с расколом хунну на северных и южных. Это было время, когда южные правители оказались в еще большей зависимости от Хань, а на ежегодных собраниях даже стали совершать жертвоприношения императору. Все они, начиная с *Хайло шичжун* 休蘭尸逐鞮單于 (48–56 гг.), перестали именоваться *жоти шаньюями*. На месте *жоти* в их полном титуле присутствует слово *ти*: 鞮單于. По мнению комментатора Ли Сяня, *ти* 鞮 является сокращением от *жоти* [Материалы, 1973, с. 146]. Значение *ти* пока неизвестно, можно лишь отметить, что этот иероглиф

ранее встречался в тронных именах некоторых шаньюев (например, *Цзюйтихоу шаньюю* 且鞮侯單于) и в названии правящего рода хунну *Луаньти* 攡鞮 (западноханьское чтение сопоставимо с сакским *runde* ‘цари’ [Дыбо, 2007, с. 108]). В полном титуле южных правителей регулярно повторяется еще один элемент – *шичжун* 尸逐, значение которого тоже пока неизвестно. Однако есть случаи, когда после него стоит иероглиф *хоу* 侯 ‘князь’ (например, *Хулань шичжунхоу ти шаньюю* 休蘭尸逐侯鞮單于, 88–93 гг.), что подобно *гудухоу* в «тронном имени» Чжичжи шаньюя. С учетом этого данная часть титула южных шаньюев отнесена к «тронным именам». В пользу этого решения свидетельствует и то, что в повествовании о южных хунну *Хоу Хань шу* при перечислении княжеских титулов фигурируют левый и правый *шичжун* *гудухоу* 尸逐骨都侯, что позволяет предполагать *вишичжун* какой-то эпитет, который мог быть использован и в «тронном имени».

Начиная со 128 г. в полном титуле южных шаньюев вместо элемента *ти* появляется другое слово – *цзю* 就 (например, *Цзюйтэжэ шичжун цзю шаньюю* 去特若尸逐就單于, 128–171 гг.). Сохраняется выработанный ранее у них стандарт формы «тронного имени», который с 48 г. включает слово *шичжун*. Сведения об именах и титулах последних южных шаньюев фрагментарны. Полные титулы северных шаньюев в *Хоу Хань шу* не приводятся.

4.4. Основные выводы о титуле правителей хунну

Обобщая изложенное выше, можно сделать вывод, что полный титул правителей хунну включал несколько частей: 1) устойчивую часть, присущую многим правителям (апеллятивный компонент), которая включала два элемента: а) неизменный для всех правителей, т.е. наиболее функциональный и, безусловно, древнейший элемент – слово *шаньюю*, который часто употреблялся автономно; б) менее устойчивый и более поздний элемент, указывающий на божественную природу власти шаньюя, дополнительно его возвеличивающий, который тоже допускает автономное употребление при обращении и именовании; 2) индивидуальную часть (проприальный компонент) – «тронное имя», которая имеет три варианта: а) повторяет прежнее имя; б) прежнее имя + новый эпитет; в) новое описательное именование, связанное с особенностями, качествами, достижениями провозглашенного правителем лица (табл. 1).

Годы правления		Полный титул правителя хунну			Предыдущие имя, титул или статус	
		индивидуальная часть	стандартная (апеллятивная) часть			
			«тронное имя»	сакральный элемент		базовый элемент
209–174 до н. э.		Маодунь 冒頓; с 201 г. с эпитетом Туци 屠耆 / Сянь 賢 ‘Достойный’	(Великий; Небом поставленный; Небом и Землей рож- денный, Солнцем и Луной поставленный) ?	шаньюй 單于	Маодунь 冒頓, наследник 太子	
174–161 до н. э.		Лаошан 老上; Лаошан Цзиюй 老上稽粥			Цзиюй 稽粥	
96–85 до н. э.		Хулугу 狐鹿姑			чэнли гуту 撐犁孤塗 / 天子 ‘Сын Неба’	Левый достойный князь 左賢王
56–36 до н. э.		Чжичжи гудухоу 郅支骨都侯; Чжичжи 郅支				Левый достойный князь Хутуусы 左賢王呼屠吾斯
31–20 до н. э.		Фучжулэй 復株絁				жоти 若鞮 ‘Божественный’
18–46		Худуэрши даогао 呼都而尸道皋	Юй 輿, Левый достойный князь 左賢王			
Южные хунну	48–56	Хайло шичжу 醯落尸逐	ти 鞮	Би 比, Правый юйцзянь жичжу князь 右薁鞮日逐王		
	88–93	Хулань шичжухоу 休蘭尸逐侯		Туньтухэ 屯屠何		
	128–141	Цюйтэжо шичжу 去特若尸逐		цзю 就	Сюли 休利	
	172–177	Тутэжо шичжу 屠特若尸逐			?	

Табл. 1. Структура полного титула правителей хунну и варианты его апеллятивной части с несколькими примерами.

Table 1. Structure of the full title of the Xiongnu rulers and variants of its appellative part with several examples.

Первоначально, т.е. с конца III по начало I в. до н.э. включительно, «тронное имя» в основном соответствовало вариантам 2а и 2б, а затем – варианту 2в. Элемент 1б на протяжении истории хунну тоже не оставался неизменным. Во фрагментах писем первых шаньюей уже имеется ряд эпитетов, которые по содержанию и по своей позиции перед базовым титулом связаны или могут быть связаны с сакральным статусом правителя: 天所立 ‘Небом поставленный’; 天地所生 ‘Небом и Землей рожденный’; 日月所置 ‘Солнцем и Луной поставленный’; 大 ‘Великий’ Однако в источниках они фигурируют только как обороты в дипломатической переписке, но не встречаются в составе приводимых полных титулов правителей. Помимо этого, у разных шаньюей эти выражения разные, т.е. на начальном этапе истории государства хунну форма данной части титула еще не была выработана

и закреплена. Это произошло позднее, когда в хрониках Хань последовательно зафиксировано несколько стандартных вариантов: чэнли гуту 撐犁孤塗 ‘Сын Неба’; жоти 若鞮 ‘божественный’; ти 鞮; цзю 就.

Если опираться на косвенные признаки из Хань шу и на черепицу с р. Орхон, то использование шаньюями сакрального титула Чэнли гуту могло войти в практику в I в. до н.э. в правление Хулугу шаньюя. А последним его носителем мог быть независимый от Хань шаньюй Чжичжи, погибший в 36 г. до н.э. Подчинение шаньюя Хуханье и его преемников Сыну Неба из Хань привело к замене прежнего элемента титула шаньюей на близкое по смыслу, но иное по форме наименование жоти (с 31 г. до н.э.), а затем, по мере дальнейшего ослабления хунну, у южных шаньюей – на ти (с 48 г.) и цзю (со 128 г.) (рис. 7). Таким образом, в эпоху Западной Хань выра-

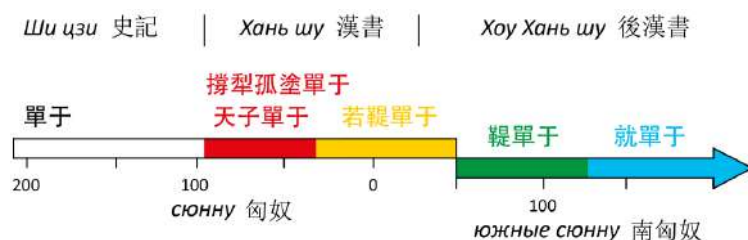

Рис. 7. Хронологические изменения в апеллятивной части титула правителей хунну по сведениям китайских исторических хроник.

Fig. 7. Chronological changes in an appellative part of the Xiongnu rulers' title according to Chinese historical chronicles.

жение 天子 'Сын Неба' в качестве титула вряд ли могли нанести на черепицу своих резиденций те шаньюи, которые после 51 г. до н.э. стали пользоваться покровительством Срединного государства.

5. Ключевые факты и критерии для исторической интерпретации Абаканского дворца

Анализируя особенности Абаканского дворца в контексте истории и археологии Центральной и Восточной Азии, можно выделить следующие важные для поиска любой новой интерпретации обстоятельства, отличные от критериев Чжоу Лянькуаня:

1. Архитектура, строительные приемы и оформление дворца сочетают китайские элементы с некитайскими, близки постройкам на городищах хунну в Монголии. Они не исключают участия в его возведении выходцев с территории Китая, но делают маловероятной идею, что он построен при помощи императорского двора. Среди находок во дворце отмечена керамика и другие предметы, типичные для хунну и элиты хунну, что характеризует культурную среду его обитателей.

2. Особенности иероглифов на черепице свидетельствуют, что дворец относится к эпохе Хань, при этом стиль их написания и композиция на диске позволяют определить наиболее вероятное время его возведения в пределах позднего периода Западной Хань. С точки зрения места дворца в рамках археологической периодизации Минусинской котловины важно также, что поверх развалин были сооружены погребения таштыкской археологической культуры. Л.Р. Кызласов относил их к рубежу эр и I в. [2001, с. 19], а Э.Б. Вадецкая – к IV в. или позднее [1999, с. 71]. Также в культурно-хронологическом контексте

обсуждался облик лепной керамики, найденной во дворце и в хозяйственных ямах сопровождавших его жилищ, среди которой есть фрагменты, напоминающие раннеташтыкские [Вадецкая, 1999, с. 224]. В любом случае дворец предшествует таштыкской культуре, появившейся около рубежа эр, либо синхронен самому ее началу.

3. Надпись на черепице дворца является благопожеланием его владельцу. Нанесение на карнизную черепицу благопожеланий хозяину здания является традицией Хань, а содержание и трехкомпонентность абаканского благопожелания особенно характерны для периода Западной Хань. В то же время есть свидетельства нанесения подобных по содержанию длинных благопожеланий в несколько параллельных строк на круглую черепицу и прямоугольные облицовочные плитки резиденций правителей хунну, располагавшихся в верховьях р. Орхон и возле современного г. Баотоу во Внутренней Монголии.

4. Хозяином здания являлся человек с высоким титулом Сын Неба. В эпоху Западной Хань такой статус известен у двух правителей – китайского императора и шаньюя хунну. Учитывая удаленность Абаканского дворца от границ Хань и отсутствие примеров употребления данного титула на черепице с территории Китая, первостепенного внимания заслуживает второй случай. Тем более что есть пример использования выражения «Сын Неба» как части титула непосредственно на *вадан* главной резиденции шаньюев на р. Орхон. В хронологическом плане использование записанного иероглифами титула Сын Неба правителями хунну наиболее вероятно в I в. до н.э., но после раскола государства на две части возможно лишь для северного шаньюя, сохранявшего независимость от Хань.

5. Незавершенность строительства стены вокруг дворца и небольшой культурный слой указывают на непродолжительное время его использования в качестве резиденции Сына Неба.

6. Абаканский дворец – ставка шаньюя Чжичжи в землях Цзянькунь

6.1. Сведения Хань шу о деятельности шаньюя Чжичжи в 49–36 гг. до н.э.

Сопоставление перечисленных выше пяти позиций со сведениями Хань шу о событиях на востоке степного пояса позволяет высказать

новую гипотезу о вероятном владельце дворца [Есин, 2020а; 2021]. Максимально полно им соответствует шаньюй хунну Чжичжи: а) правил в конце Западной Хань; б) был знаком с китайскими традициями и культурой, использовал китайскую письменность; в) сохранял независимость от Хань, поэтому мог использовать титул Сын Неба; г) в *Хань шу* зафиксировано создание им ставки на западе империи хунну во владении¹ Цзянькунь 堅昆, а анализ сведений о географическом положении этого владения указывает на его локализацию в Минусинской котловине (эта локализация впервые четко определена чиновниками ранней Тан; в ее же пользу высказывались такие специалисты по китайским источникам, как В. С. Таскин [Материалы, 1968, с. 136], А. Г. Малявкин [1981, с. 181], Юй Тайшань [Yu Taishan, 2019]; моя аргументация и критика иных подходов будет изложена ниже); д) эта ставка использовалась им непродолжительное время.

Общая канва событий, связанных с переносом ставки Чжичжи шаньюя на северо-запад империи, благодаря *Хань шу* известна довольно хорошо [Материалы, 1973, с. 36–39]. В конце эпохи Западная Хань – около 49 г. до н.э. – он предпринял успешные военные походы на запад и север, чтобы подчинить ряд ранее входивших в державу хунну народов, которые в период ослабления хунну из-за суровых зим, голода и болезней (особенно значительные потери скота и людей произошли в 72 и 68 гг. до н.э.) и последовавших междоусобиц правящих кланов обрели независимость. Первоначально Чжичжи планировал объединить свои силы с крупным западным владением Усунь 烏孫, чтобы усилить свое войско для противостояния с шаньюем Хуханье и воссоздать единую державу. С этой целью он отправил посла к малому кунью Уцзюту 小昆彌烏就屠, мать которого была из знатного рода хунну. Однако

Уцзюту, будучи в союзных отношениях с Хань и зная, что Хань поддерживает Хуханье, убил посла и выслал навстречу Чжичжи 8000 всадников. Несмотря на победу над этим отрядом, Чжичжи не решился идти дальше. Вместо этого он повернул на север, где подчинил владение Уцзе 烏揭, а затем завоевал Цзянькунь 堅昆 (в русскоязычных публикациях можно также встретить варианты написания Гяньгунь, Цзяньгунь) и Динлин 丁令. Очень важно, что после подчинения этих владений Чжичжи перенес свою ставку в земли Цзянькунь, где она находилась около 6 лет.

Ключевые события, связанные с походом Чжичжи против Усунь около 49 г. до н.э., подчинением им окраинных земель и созданием новой (самой северной) ставки хунну, изложены так (*Хань шу*, цз. 946, с. 3800): 鄧支見烏孫兵多, 其使又不反, 勒兵逢擊烏孫, 破之。因北擊烏揭, 烏揭降。發其兵西破堅昆, 北降丁令, 并三國。數遣兵擊烏孫, 常勝之。堅昆東去單于庭七千里, 南去車師五千里, 鄧支留都之。«Чжичжи, увидев большое войско Усунь 烏孫, а его посол не вернулся, двинул свое войско навстречу Усунь и разбил их. Затем на севере напал на Уцзе 烏揭, Уцзе подчинилось. Отправив войска, на западе разбил Цзянькунь 堅昆, на севере подчинил Динлин 丁令, присоединив три владения. Неоднократно посылал войска для нападения на Усунь и постоянно побеждал их. От Цзянькунь в 7000 ли на востоке расположена ставка шаньюев 單于庭, в 5000 ли к югу находится Цзюйши² 車師, Чжичжи остался там и создал столицу 都» (ср. [Бичурин, 1950, с. 91; Материалы, 1973, с. 37; Боровкова, 2001, с. 278]).

В другом месте *Хань шу* (цз. 70, с. 3008) эти же события описаны более кратко: 會漢發兵送呼韓邪單于, 鄧支由是遂西破呼揭、堅昆、丁令, 兼三國而都之 «В это время Хань направила войска сопроводить шаньюя Хуханье (весной 51 г. до н.э., после личного визита к императору, шаньюй в сопровождении китайских войск отбыл из столицы в свою ставку возле северной границы Хань. – Ю. Е.), тогда Чжичжи, воспользовавшись этим (решением Хуханье остаться у границ Хань. – Ю. Е.), разбил на западе Хуцзе 呼揭, Цзянькунь 堅昆, Динлин 丁令, присоединил [эти] три владения и создал там столицу 都».

¹ В текстах употреблен иероглиф 國, который часто переводят на русский язык как 'государство' [Малявкин, 1989, с. 5–6]. Однако разнообразные контексты его использования в хрониках *Хань шу* и *Вэй Люэ*, в т.ч. по отношению к племенам охотников, таких как *Мацзин* (см. ниже), свидетельствуют, что так могли обозначать любые племена и земли, имевшие собственных правителей или вождей. По этой причине в данной статье при переводе иероглифа 國 чаще используются близкие по смыслу к 'государству', но имеющие более широкое значение слова 'владение', 'страна'. Впрочем, по отношению к ряду этих 'владений' значение 'государство' представляется тоже оправданным ввиду довольно высокого уровня их социальной и политической организации. К этому уровню, видимо, вплотную подошло и Цзянькунь 堅昆國, учитывая появление в Минусинской котловине уже около середины I тыс. до н.э. грандиозных курганов правителей и знати.

² Во многих русскоязычных публикациях со времен Бичурина употребляется иной вариант чтения этого названия – *Чзюши*. Китайские историки, однако, предпочитают именно *Цзюйши* (*Jushi*), т.к. фонетически это ближе к чтению более раннего названия здешнего владения – *Гуши* 姑師; оба названия считаются транскрипцией одного и того же иноязычного для китайцев слова [A Concise Commentary, 2014, p. 90].

В 45 г. до н.э., уже после переноса своей ставки в земли Цзянькунь, Чжичжи прислал в Хань послов с подношениями и письмом, в котором просил вернуть сына, находившегося в свите императора (*Хань шу*, цз. 70, с. 3008). Император согласился, и в 43 г. до н.э. [Кроль, 2005, с. 219] в сопровождении начальника дворцовой охраны Гу Цзи 谷吉 сын шаньюя отправился в ставку 庭 своего отца. Но когда они прибыли к Чжичжи, тот, охваченный злобой на Хань, убил китайских послов (*Хань шу*, цз. 70, с. 3009; цз. 94б, с. 3801) [Материалы, 1973, с. 37, 125]. Убийство могло быть связано и с желанием недопустить составления послами после возвращения в Хань доклада о местонахождении ставки и ее защищенности, поскольку это могло быть использовано в случае военных действий.

Вернув сына и опасаясь нападения Хуханье при поддержке Хань, Чжичжи решил перенести ставку еще дальше на запад. Этому способствовало предложение, полученное им от правителя государства Канцзюй 康居. По сведениям *Хань шу*, цз. 94б и 70, в это время правитель Канцзюй, постоянно теснимый усунями, решил пригласить Чжичжи поселиться на его восточной границе, а затем общими силами захватить Усунь и поставить Чжичжи управлять этим владением. С этим предложением в земли Цзянькунь был отправлен посол для переговоров. Чжичжи согласился, заключил союз и двинулся с войском на запад. Поход, видимо, состоялся в зимнее время, т.к. в дороге от холода погибло очень много людей¹. Возможно, Чжичжи покинул резиденцию в Цзянькунь зимой 43–42 гг. до н.э. (после его ухода шаньюй Хуханье в 42 г. до н.э. начал планировать возвращение на север от Гоби). До границ Канцзюй с ним добралось только около 3000 человек. Правитель Канцзюй отдал свою дочь в жены Чжичжи, а сам взял в жены его дочь. На новом месте, на р. Дулай 都賴 (предположительно, р. Талас), Чжичжи построил новую укрепленную резиденцию. Чжичжи и Канцзюй стали совместно совершать очень успешные походы против Усунь, чем обеспокоили Хань, которая расширяла свое влияние в Восточном Туркестане. Армия численностью около 40 000 воинов под командованием наместника Западного края (西域都護) Гань Яньшоу 甘延壽 и помощника военачальника (副校尉) Чэнь Тана 陳湯 отправилась

в поход и взяла в осаду город Чжичжи. Он погиб при его обороне в 36 г. до н.э. [Материалы, 1973, с. 38, 39, 125–129].

К этому стоит добавить, что реконструкция древнекитайского чтения слова *Цзянькунь* 堅昆, в землях которых в 40-е гг. до н.э. Чжичжи разместил свою ставку, позволила лингвистам идентифицировать его как транскрипцию раннего фонетического варианта этнонима *кыркыз* / *кыргыз* (возможно, *кыркыр*, *кыркун* или *кыркур*) [Pulleyblank, 1962, р. 240; 1990б; Яхонтов, 1970; Дыбо, 2007, с. 103]. Ниже этот этноним и политоним будет использоваться параллельно с современным чтением *Цзянькунь*.

6.2. Варианты обозначения резиденций шаньюев в хрониках Хань

В контексте проблемы идентификации резиденции Чжичжи в землях кыргызов отдельного внимания заслуживают иероглифы, используемые в исторических хрониках Хань для обозначения таких объектов у хунну. Можно выделить несколько основных вариантов:

1. Обычно место пребывания шаньюев 單于 хунну во всех письменных источниках об эпохе Хань передается иероглифом *тин* 庭. Как правило, используется словосочетание *Шаньюй тин* 單于庭. После разделения хунну на северных и южных, произошедшего в середине I в., для северного шаньюя 北單于 это место могло быть кратко названо *Бэй тин* 北庭, а для южного шаньюя 南單于 – *Нань тин* 南庭.

Китайское слово *тин* 庭, согласно словарю эпохи Восточной Хань, обозначает среднюю, внутреннюю часть постройки дворцового типа (庭: 宮中也) [Шовэнь цзецзы, 1988, с. 443]. В контексте реалий Срединного государства *тин* переводится как ‘двор’: например, *Хань тин* 漢庭 ‘двор Хань’ (*Хань шу*, цз. 94б, с. 3832) [Материалы, 1973, с. 66]. Однако, когда речь идет о хунну, в российских публикациях *тин* переводится обычно как ставка (В. С. Таскин, Е. И. Кычанов) или орда, стойбище (Н. Я. Бичурин). Такой подход предполагает, что место пребывания правителя кочевников могло быть непостоянным и представлять собой юрту или палатку, а не дворец [Бичурин, 1950, с. 49; Кычанов, 1997, с. 11–12].

Практика использования шаньюями легких, крытых войлоком каркасных жилищ – *цюнлу* 穹廬 ‘юрта [раннего типа, без складных решеток]’ – в качестве места пребывания и проведения официальных дипломатических приемов действительно существовала. Например, она подробно описана

¹ Наиболее вероятным представляется маршрут через Саяны на юг, затем в Западную Монголию, откуда, пополнив людские и продовольственные ресурсы в Уцзе, через степи Казахстана к р. Талас. Этот путь мог занять около 3-х месяцев.

при Увэй шаньюе 烏維單于, 114–105 гг. до н.э. (*Ши цзи*, цз. 110, с. 2913). Несмотря на это, накапливаемые в последнее время археологические материалы ясно свидетельствуют о появлении у хунну на определенном этапе истории дворцов китайского облика. Кроме того, локализация объекта, именуемого в хрониках 單于庭, в рамках отдельных исторических этапов была вполне стабильной: первоначально он находился северо-восточнее излучины Хуанхэ и южнее Гоби – 單于之庭直代、雲中 «ставка 庭 шаньюя располагается напротив (к северу. – Ю.Е.) [областей] Дай 代 и Юньчжун 雲中» (*Ши цзи*, цз. 110, с. 2891), а с конца II в. до н.э. был размещен на р. Орхон (река *Аньхоу* 安侯河 в *Хань шу* [A Concise Commentary, 2014, р. 489]). После разделения хунну на северных и южных ставка на Орхоне осталась в руках северного шаньюя, а южный разместил свою вблизи излучины Хуанхэ.

Дополнительно можно отметить, что такое же, как у шаньюя, название ставки распространялось на высших князей хунну: *ван тин* 王庭 (*Ши цзи*, цз. 110, с. 2911), *югули тин* 右谷蠡庭 (*Хань шу*, цз. 94а, с. 3786). Это обстоятельство допускает сходство стоявших за ними реальных объектов.

Самые ранние узкодатируемые примеры употребления Сыма Цянем слова *тин* по отношению к хунну связаны со 124 г. до н.э., когда была захвачена «ставка правого достойного князя сюнну» 匈奴右賢王庭 (*Ши цзи*, цз. 111, с. 2926), и после их военного поражения в 119 г. до н.э.: 是後匈奴遠遁, 而幕南無王庭 «После этого сюнну бежали далеко, и к югу от пустыни не осталось ставок князей» (*Ши цзи*, цз. 110, с. 2911). Еще один важный и наиболее ранний исторический контекст связывает *тин* с именем шаньюя Лаошана: 焚老上之龍庭 «сожгли Лунтин Лаошана» (*Хоу хань шу*, цз. 23, с. 815). Этот текст составлен Бань Гу в 89 г. н.э. и является исторической отсылкой.

2. В *Хоу Хань шу* (цз. 23, с. 815) резиденция Маодуня названа *цуюло* 區落 «становище, поселение [некитайских племен]», что предполагает использование в ней традиционных жилищ хунну. При этом выражение «становище Маодуня» (冒頓之區落) употреблено параллельно с названием «Лунтин Лаошана» (老上之龍庭) в контексте образного исторического сравнения ставки шаньюев конца I в., располагавшейся на р. Орхон.

3. В *Ши цзи* (цз. 110, с. 2892) место пребывания шаньюя, выходя из которого он кланяется Солнцу и Луне, обозначено иероглифом *ин* 營 «лагерь» [Большой, 1983–1984, № 2361]. Видимо, здесь подразумевается ставка с *цунлу* типа «становища Маодуня» и отмеченной выше ставки

Увэй шаньюя, которая, впрочем, должна была иметь какую-то фортификацию.

4. Значительно реже, чем *тин*, резиденции шаньюев описывались китайским словом *чэн* 城, характеризующим город со стенами [Большой, 1983–1984, № 11727]. Так, в частности, названа последняя ставка Чжичжи – 鄧支城 «Город Чжичжи» или 單于城 «Город шаньюя» (*Хань шу*, цз. 70, с. 3013–3014). К категории *чэн* 城 принадлежало наиболее известное поселение хунну – *Лунчэн*, где шаньюи ежегодно (в июне по современному календарю) проводили большие собрания для совершения жертвоприношений и обсуждения государственных вопросов. Само название фигурирует в *Ши цзи* и *Хань шу* и записано двумя вариантами: 龍城 (*Ши цзи*, цз. 110, с. 2892 и др.) и 龍城 (*Хань шу*, цз. 94а, с. 3752 и др.).

В контексте исторических событий название *чэн* впервые зафиксировано в 130-е гг. до н.э. в связи с обсуждением планов похода в земли хунну и разрушения города *Лунчэн*, а также при описании последующих военных действий полководца Вэй Цина 衛青, выступившего из соседнего с Дай округа Шангу 上谷 [Сыма Цянь, 2002, с. 310, 342; 2010, с. 28, 59]. Место города соответствует приведенным выше ориентирам для ставки шаньюев южнее Гоби, обозначенной как *тин* 庭. В последующий период Западной Хань местоположение *Лунчэна* изменилось аналогично 單于庭. В *Хоу хань шу* (цз. 23, с. 815) главное городище хунну названо *Лунтин* 龍庭, что дополнительно указывает на возможность отождествления *чэн* 城 и *тин* 庭 в качестве резиденции правителя.

Небольшую деталь к этому, однако, добавляет процитированное выше из *Ши цзи* раннее описание трех ежегодных собраний хунну, которое допускает наличие отдельных летней и зимней ставок шаньюя, что вполне соответствует традиционному образу жизни кочевников. В контексте этого описания *Лунчэн* можно считать летней резиденцией, как уже предлагалось некоторыми исследователями. Иная гипотеза, что *Лунчэн* – это не ставка шаньюя, а обособленный от нее религиозный центр [Логинов, 2012], была основана на неточном переводе Бичурина фрагмента *Хань шу* (цз. 94а, с. 3789) о событиях в *Лунчэне* в 60 г. до н.э. (провозглашение шаньюем *Туци Тана* после смерти предыдущего шаньюя [Материалы, 1973, с. 30]) и должна быть отклонена.

Иероглиф *лун* 龍 / 龍 (одинаковый фонетик, но с ключом «трава» либо без него) в первой части приведенных названий может быть либо (1) транскрипцией неизвестного слова на языке хунну [De Groot, 1921, s. 59; Pulleyblank, 1962, p. 241], либо

(2) его китайским переводом (эта интерпретация берет начало от комментария Цуй Хао 崔浩, V в.) [Кюнёр, 1961, с. 74; Сыма Цянь, 2002, с. 445; Batsuren, 2013, p. 127].

Для первого случая поначалу предлагалась идея сопоставить древнее чтение этого иероглифа с топонимикой Центральной Монголии, в частности, с названием р. Онги [De Groot, 1921, s. 59, 166]. Эта гипотеза не была удачной, в том числе и потому, что *Лунчэн* первоначально располагался в ином регионе. В настоящее время, исходя из установленного чтения иероглифов 龍/龍 в эпоху Хань как *гоп*, возможный вариант интерпретации – *гоп* ‘трон, ставка’ от пратюркского *orun* ‘место, трон’ [Дыбо, 2007, с. 84, 114], т. е. это слово должно считаться названием ставки правителя на языке хунну.

Во втором случае, исходя из значения иероглифа 龍 ‘дракон’ [Большой, 1983–1984, № 12272], речь может идти о *Городе/Ставке дракона*. Простая и красивая «драконья» трактовка среди археологов и историков наиболее популярна (последний пример: [Iderkhantai, 2021]). Но среди сведений о культах и мировоззрении хунну в хрониках Хань оснований для нее нет. Изображения драконов и змей имеются на некоторых типах бронзовых пряжек из погребений эпохи хунну, но на таких же пряжках из тех же могильников представлены и многие другие зооморфные образы [Килуновская, Леус, 2020], поэтому особая роль дракона в культуре населения не очевидна. Это же касается и образов животных на ханьских изделиях из захоронений высшей знати хунну. Иногда ‘дракон’ в контексте названия города хунну трактуется лишь как символ императора, и предлагается объяснение – «Город императора», где последний отождествляется с правителем-шаньюем [Кызласов, 2006, с. 145].

Однако иероглиф 龍 (с ключом), использованный в *Ши цзи*, обозначением дракона не является. Это серьезный аргумент против «драконьей» этимологии названия города. Российские комментаторы *Ши цзи* допускали для него значение ‘покрыв, покрывать’, что могло бы подразумевать ‘могильный холм’, ‘курган’ [Сыма Цянь, 2002, с. 445]. Но название древнего города, которое устойчиво повторялось, несмотря на изменения географического положения, скорее может быть связано с его функцией. В таком контексте среди значений *лун* 龍 стоит отметить ‘столпиться, собраться’ [Большой, 1983–1984, № 12293], что довольно близко к постоянно подчеркиваемой в хрониках функции

этого города как места проведения регулярных собраний хунну. Таким образом, более вероятно, что название *Лунчэн* означает ‘Город-ставку’, а выбранный для передачи фонетики чужого слова иероглиф указывает, что это место, где проходят большие собрания.

В источниках Хань приведены сведения о том, кто строил некоторые *чэн* 城 хунну. В *Ши цзи* (цз. 110, с. 2910) есть информация о *Чжаосинь чэн* 趙信城, который к 119 г. до н.э. был построен севернее Гоби перебежчиком Чжао Синем 趙信 (перешел на сторону хунну в 123 г. до н.э. с отрядом в 800 человек), ставшим ближайшим советником шаньюя, мужем его сестры и князем высокого ранга. Город с этим же названием затем фигурирует в *Хань шу* (цз. 94а, с. 3778) в связи с военными событиями 90 г. до н.э., хотя Чжао Синь умер еще в правление Увэй шаньюя. Из описания ясно, что город находился на западном берегу р. *Аньхоу* и являлся в это время резиденцией Хулугу шаньюя [Материалы, 1973, с. 20]. В конце 80-х гг. до н.э. под руководством другого перебежчика, близкого к нескольким шаньюям начала I в. до н.э. князя Вэй Люя 衛律, хунну строили сразу несколько *чэн* на случай обороны от войск Хань вместе с перешедшими на сторону хунну китайцами (*Хань шу*, цз. 94а, с. 3782). Не исключено, что Вэй Люем в 80-е или 90-е гг. до н.э. мог быть отремонтирован или перестроен и бывший *Чжаосинь чэн*, получивший черепицу с титулом «Сын Неба шаньюя», открытую недавно Идэрхангаем. В контексте особой роли, которую в строительстве городов со стенами у хунну играли выходцы из Хань, первый *Лунтин/Лунчэн*, находившийся южнее Гоби, скорее всего, тоже был построен подобным образом. К его возведению могли иметь отношение бывшие придворные Хань, сопровождавшие в ставку шаньюев выданных замуж ханьских принцесс. Возможно, это произошло в правление шаньюя Лаошана.

В *Ши цзи* следом за *Лунчэном* как место собраний упомянут *Дайлин* 蹄林. Иногда это название считают еще одним городом и даже зимней столицей хунну [Кызласов, 2006, с. 145]. Однако никаких подтверждений этому нет. Скорее *Дайлин* (*дай* 蹄 ‘окружать, вокруг’, *лин* 林 ‘лес’) – это транскрипция названия местности. Судя по значению второго иероглифа, в этом месте имелся лес [Кычанов, 1997, с. 33]. Немаловажно, что лес с таким же названием был известен на р. Орхон недалеко от бывшей ставки шаньюев хунну даже спустя много столетий после исчезновения их империи (прибывший на Орхон в 924 г. император Ляо совершил в этом лесу моление)

[Дмитриев, 2009, с. 85], но аналогичный топоним встречается и в других местах [Малявкин, 1981, с. 145]. При этом название местности могло быть обусловлено проводившимся здесь обрядом. С его содержанием комментатор Янь Шигу 顏師古 (581–645 гг.) связывал значение первого иероглифа. Он отметил, что такой же древний осенний обряд существовал у сяньби¹, в ходе которого они верхом на лошадях стремительно три раза объезжали лес или ритуальный объект из вертикально поставленных веток [Кюннер, 1961, с. 310].

Это похоже на древний «праздник лошадей», испытывавший значительное влияние буддизма, но до сих пор сохранившийся у скотоводов на востоке Тибета. Мне удалось наблюдать его в августе 2018 г. в окрестностях монастыря Сайкан в верховьях р. Янцзы [Есин, 2020, рис. 1]. Праздник являлся смотром лошадей и вооруженных всадников, съехавшихся из округи в особое место недалеко от почитаемой в этих местах горы, и включал «освящение» прибывших и построенных рядами лошадей, большое жертвоприношение (в специальном высоком жертвеннике сжигались различные части растений), а кульминацией был многократный стремительный коллективный объезд на лошадях по ходу солнца вокруг жертвенника. Несмотря на отдаленность этого примера, видимо, осеннее собрание хунну играло роль подобного смотра и ревизии боеспособных сил. Ясные сведения об этом содержатся в приведенном выше письме шаньюя южных хунну от 88 г., который ждал прибытия лошадей и воинов всех кочевий на осеннее жертвоприношение, чтобы затем готовить военный поход (*Хоу Хань шу*, цз. 89).

5. В *Хоу Хань шу* вместо *Лунчэн* в аналогичном контексте используется название *Лунцы* 龍祠 (цз. 89, с. 2942, 2944, 2952, 2967). Второй иероглиф здесь, как и в структуре названия *Лунчэн*, – это китайское слово. Круг значений *цы* 祠 – ‘приносить жертву; место жертвоприношений / храм’ [Большой, 1983–1984, № 5555]. Следовательно, речь идет о коллективных жертвоприношениях при ставке правителя, которые и являлись главной целью собраний: 已勅諸部嚴兵馬, 訖九月龍祠, 悉集河上 «Уже приказал всем кочевьям строго готовить воинов лошадей до *Лунцы* в девятой луне, чтобы полностью собраться на берегу реки [Хуанхэ]» (из письма южного шаньюя от 88 г. о

подготовке совместного с Хань похода против северных хунну); 究掩其窟穴, 躡北追奔三千餘里, 遂破龍祠, 焚鬪幕, 阬十角 «Неожиданно напали на их логово, преследовали разбитых и убегающих более 3000 ли, смогли разрушить *Лунцы* (т. е. ставку правителя как место главных жертвоприношений. – Ю. Е.), сожгли войлочные хижины, закопали в землю 10 рогов (10 высших военачальников хунну. – Ю. Е.)» (описание итогов успешного похода армии Хань с союзниками в земли северных хунну в 89 г.).

6. Для ставки Чжичжи в землях Цзянькунь в *Хань шу* употреблен иероглиф *ду* 都. В Хань этот иероглиф обозначал главный, столичный город, являвшийся резиденцией правителя государства или владения. Важной частью этого города был храм предков, где правителем совершались жертвоприношения. Если такого храма не было, то город назывался *и* 邑 [Шовэнь цзецзы, 1988, с. 283]. Использование иероглифа *ду* позволило в тексте хроники обособить новую резиденцию Чжичжи от резиденции шаньюев на р. Орхон. Параллельно для обозначения этой же новой ставки Чжичжи в *Хань шу* зафиксировано использование слова *тин* 庭.

Таким образом, среди наименований мест пребывания шаньюев наиболее общим является китайское слово *тин* ‘двор’, значение которого в Хань связано с дворцом. Реже ставка правителя обозначена с использованием других китайских слов – *чэн* ‘город со стенами’, *цы* ‘место жертвоприношений’, *ду* ‘столица’, *ин* ‘лагерь’, *цюйло* ‘становище’. Слова *тин* и *чэн* являются наиболее употребимыми, часто используются параллельно для обозначения одного и того же поселения и обычно выступают частью составных названий: титул+*тин* или место+*тин*; титул+*чэн* или имя владельца+*чэн*. Параллельно с китайской лексикой в хрониках сохранилось название ставки правителя из языка самих хунну, записанное иероглифом *лун*. Оно представлено в составных названиях, дополняя приведенные выше схемы несколькими вариантами: *лун+чэн*, *лун+тин*, *лун+цы*. Исходя из лексических значений, можно выделить две противоположные группы названий: 1) связанные с традиционными жилищами хунну – *цюйло*, *ин*; 2) связанные с долговременными сооружениями и глинобитной архитектурой – *тин*, *чэн*, *ду*, *цы*. По этому признаку ставка Чжичжи в Цзянькунь, обозначенная в *Хань шу* как *ду* и *тин*, вполне может быть сопоставлена с поселением на р. Абакан и последней ставкой Чжичжи у границ Канцзюй.

¹ В русскоязычных публикациях используются два варианта транскрипции этнонима 鮮卑: *сяньбэй* – современное чтение, *сяньби* – лучше соответствующее древнему чтению.

6.3. Планировка ставки Чжичжи и его знамя

В *Хань шу* (цз. 70, с. 3013–3014) содержится довольно подробное описание последней укрепленной ставки Чжичжи (鄧支城 ‘Город Чжичжи’, 單于城 ‘Город шаньюя’), построенной им на р. Талас, которое представляется исключительно важным для сопоставления с археологическими материалами из Сибири и Монголии. Сообщается, что эта резиденция была защищена земляной/глинобитной стеной 土城 (вероятно, четырехугольной в плане, как у известных по археологическим материалам городищ хунну, тем более что осада города велась с четырех сторон 四面圍城), снаружи нее по всему периметру – двойная (усиленная) деревянная стена 重木城, затем – ров 塹. Упомянуты также городские ворота 城門 и деревянные башни 樓, на которые поднимались лучники, чтобы эффективнее оборонять подходы к укреплениям. Описание сражения позволяет сделать вывод, что башни находились с внутренней стороны деревянной стены и снаружи земляной¹. Когда воины Хань ворвались за земляную стену города, более 100 защитников отступили в дворец правителя 大內, ставший последним рубежом обороны. В Китае название данэй 大內 ‘дворец правителя’ (как и гун 宮 ‘дворец’) обозначало комплекс, включающий несколько зданий и других объектов за собственной стеной. Под названием 大內 в *Городе шаньюя*, видимо, подразумевались одно или несколько дворцовых зданий внутри городских стен, обособленных от остального города еще одной стеной, как у городищ хунну на реках Орхон и Абакан.

Город Чжичжи, судя по числу погибших и взятых в плен в ходе осады 36 г. до н. э., обороняло около 3000 человек, что примерно соответствует численности пришедшего с Чжичжи в Канцзюй отряда. Они же, очевидно, составляли население города и проживали внутри земляных стен возле 大內. В 大內 находился сам шаньюй, его жены и наложницы общим числом несколько десятков, ближайшие родственники и слуги. Город был построен Чжичжи за два года: 發民作城, 日作五百人, 二歲乃已 «Посылал народ возводить город 城, каждый день работало 500 человек, поэтому за два года закончили» (*Хань шу*, цз. 70, с. 3009).

¹ Ранее, однако, высказывалось предположение об использовании одной башни, расположенной в центре города, которое ничем не подтверждается. На основании этого предположения и с учетом дальности полета стрелы с убийной силой (около 90 м) был сделан вывод о расстоянии между противоположными деревянными стенами в 180 м [Боровкова, 2001, с. 305], который, следовательно, тоже не может быть принят.

Многие зафиксированные в этом описании конструктивные элементы, строительные приемы, затраты времени и сил на возведение, несомненно, типичны и для других городов чэн 城 у хунну. В нем, однако, пропущены объекты жизнеобеспечения, данные о которых содержатся в рассказе о деятельности Вэй Люя, в 80-е гг. до н. э. руководившего строительством сразу нескольких окруженных стенами из утрамбованной земли городищ 築城 с колодцами 井, хранилищами зерна 藏穀 и башнями 樓. Упоминается, что было выкопано несколько сотен колодцев и срублено несколько тысяч деревьев 材, но в полной мере план не был реализован (*Хань шу*, цз. 94а, с. 3782). Большие запасы зерна (просо 粟) ранее упомянуты в *Чжаосинь чэне* 趙信城 (*Ши цзи*, цз. 110, с. 2910), захваченном войсками Хань в 119 г. до н. э. Зерно и другие продукты хранились в глубоких ямах: одна такая большая яма (大窖), выстланная войлоком (旃毛), в ставке Цзюйтихоу шаньюя (101–96 гг. до н. э.) – вероятно, бывший *Чжаосинь чэн* – была использована как место содержания ханьского посла, подозревавшегося в причастности к покушению на Вэй Люя (*Хань шу*, цз. 54, с. 2463).

Обозначения и описания обустройства ставок хунну в хрониках являются ценным сравнительным материалом для остатков реальных городищ с земляными стенами и рвами, серия которых обнаружена на территории Монголии, Внутренней Монголии, Забайкалья, Южной Сибири [Данилов и др., 2016; 2018; Боталов, Баттулга, 2017; Эгийма, 2019; Идэрхангай и др., 2020а]. Во внутренней части некоторых из этих функционально неоднородных памятников тоже имеются развалины дворцов, в которых могли проживать правители и влиятельные князья хунну. При этом особенность города Чжичжи на р. Талас, заключающаяся в том, что за рвом и стенами, помимо дворца шаньюя, размещался большой военный отряд, обнаруживает явное сходство с планировкой Абаканского городища.

При описании города Чжичжи в *Хань шу* (цз. 70, с. 3013) специально отмечены пятицветные знамена 五采幡織, установленные на стенах и видимые издалека. Судя по использованным ключам, они представляли собой длинные полотнища из шелковой ткани. Подобно тамгам и титулам на карнизной черепице городищ хунну, знамена выполняли важную коммуникативную и удо-

стоверительную роль. Практика использования знамен при обустройстве ставки зафиксирована также изображением мобильной ставки, вырезанной на сосуде из погребения представителя высшей элиты хунну могильника Царам [Miniaev, Sakharovskaia, 2007, fig. 11]. Знамена с узкими и длинными полотнищами (показаны несколькими параллельными линиями, которые могут передавать ленты текстильного полотна разного цвета) установлены здесь на двух крытых повозках, соединенных оглоблями и, видимо, образующих ворота на проходе к главной (самой большой) юрте лагеря.

Удостоенные упоминания в лаконичном тексте хроники знамена Чжичжи, несомненно, являлись важным символом. Впоследствии в одном из экспертных докладов императору уничтожение этих знамен оценивалось в ряду важнейших заслуг руководивших походом китайских военачальников: 遂蹈康居, 屠五重城, 搴歙侯之旗, 斬郅支之首, 縣旌萬里之外, 揚威昆山之西, 埽谷吉之恥 «Пришли в Канцзюй, вырезали город с пятью рядами укреплений, сорвали знамя захваченного князя, отрубили голову Чжичжи, повесили бунчук 旌 [Хань] в 10 000 ли [от столицы Хань], продемонстрировали силу к западу от Куньшань, устранили позор с Гу Цзи» (Хань шу, цз. 70, с. 3017).

В *Ши цзи* (цз. 7) сочетание пяти цветов 五采 (традиционно – черный, синий, белый, красный, желтый) трактуется как символ Сына Неба [Сыма Цянь, 2003, с. 131]. В другой хронике пятицветное знамя упоминается как знак отличия императорского экипажа, следующий чжоускому церемониалу (*Хоу Хань шу*, цз. 119). В контексте упоминавшейся выше древнекитайской концепции пяти элементов пять основных цветов соотносились со всеми частями земного мира (рис. 5) и с этих позиций могли выступать символом высочайшей власти. Установка знамен с цветами Сына Неба на стенах резиденции Чжичжи в землях Канцзюй находит явную параллель с использованием титула 天子 ‘Сын Неба’ на черепице Абаканского дворца. Это можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу идентификации Абаканского дворца как другой его ставки. Использование символов и титула Сына Неба, несомненно, соответствовало политическим амбициям Чжичжи, оно могло стать частью его политической стратегии, способом продемонстрировать высокий статус, равный императору Китая.

7. Местонахождение страны Цзянькунь и соседних владений

7.1. Локализация Цзянькунь по историческим хроникам Хань

Для обоснования новой гипотезы исторической интерпретации Абаканского дворца ключевое значение имеет вопрос локализации земель Цзянькунь.

Самое раннее достоверное упоминание кыргызов содержится в *Ши цзи*. Это название записано иероглифами 隔昆 (в *Хань шу* в том же фрагменте текста первый иероглиф дополнен ключом «холм»: 隔昆) и появляется в контексте рассказа о завоевательных походах хунну при шаньюе Маодуне незадолго до 201 г. до н.э. (цз. 110, с. 2893): 後北服渾庾、屈射、丁零、隔昆、薪犁之國 «Впоследствии на севере покорили владения Хуньюй 渾庾, Цюйшэ 屈射, Динлин 丁零, Гэкунь 隔昆 и Синьли 薪犁». Для идентификации земель кыргызов здесь следует обратить внимание на два момента: 1) кыргызы находились к северу от первоначальных владений хунну, явно севернее Гоби; 2) кыргызы расположены почти в конце списка, после динлинов; поскольку в начале списка указано наиболее южное и соседнее с хунну владение Хуньюй, то место в конце списка может указывать на большую удаленность от первоначальных земель хунну, связанных в то время с территорией современной Внутренней Монголии.

Информация, приведенная в *Хань шу* в связи с деятельностью шаньюя Чжичжи в середине I в. до н.э., где кыргызы помещены на западе, дополняет сведения *Ши цзи* и позволяет еще точнее локализовать земли кыргызов – на северо-западе владений хунну. В перечне владений, покоренных Чжичжи, кыргызы опять упомянуты рядом с динлинами и являются их соседями. Однако порядок перечисления отличается (динлины названы после кыргызов) и, возможно, отражает разную последовательность покорения северных земель Чжичжи и Маодунем: поход Маодуня в целом был направлен с юго-востока на северо-запад, а для Чжичжи, напротив, отправным событием является сражение с усунями на западной окраине владений хунну.

К середине I в. до н.э. усунь находились в землях западнее Дуньхуана: на востоке они граничили с хунну, а на северо-западе – с землями Канцзюй, на западе – с Ферганой, на юге – с разными городами-государствами Западного края [Кюннер, 1961, с. 74; A Concise Commentary, 2014, p. 202], т.е. располагались на территории

нынешних Синьцзяна, Кыргызстана и юго-востоке Казахстана. Поскольку усунь отправили свое войско навстречу Чжичжи, то сражение произошло не в глубине их земель, а где-то вблизи их восточной границы. Если учесть, что войско отправил малый куньми усуней Уцзюту, то события происходили на юго-восточной окраине их владений, т.к. северо-западная часть земель усуней управлялась большим куньми [Кюнер, 1961, с. 73; A Concise Commentary, 2014, р. 201]. Хотя Чжичжи разбил войско Уцзюту, но дальше на запад, где находились основные силы усуней, не пошел. В тексте прямо говорится, что сразу после этого сражения он направился на север и покорил Уцзе. Следовательно, наиболее вероятное местонахождение последнего связано с Алтаем.

Далее Чжичжи подчинил еще два владения на западе и севере. Эта часть *Хань шу*, цз. 94б («Затем

на севере напал на Уцзе, Уцзе подчинилось. Отправив войска, на западе разбил Цзянькунь, на севере подчинил Динлин, присоединив три владения»), наиболее важна для определения местонахождения Цзянькунь. Традиционно исследователи полагали, что ориентиры для каждого последующего подчиненного владения указаны относительно предыдущего, поэтому владение Цзянькунь располагали к западу от Уцзе, а владение Динлин – к северу от Цзянькунь (рис. 8: а). В результате, в зависимости от представлений о локализации места сражения с отрядом усуней, строгости оценки указанных расстояний и учета других сведений, появилось две основных гипотезы о локализации завоеванных владений: 1) Цзянькунь и Динлин помещались западнее Саяно-Алтая – на юго-востоке современного Казахстана

на или немного южнее [Грум-Гржимайло, 1926, с. 351; McGovern, 1939, р. 119, 188; Бернштам, 1951, с. 109; Боровкова, 1989, с. 62; 2001, с. 278, рис. 3 и 4; Худяков, 2001; Худяков, Борисенко, 2021, с. 111], либо севернее Канцзюй [Sinor, 1998, р. 204]; 2) Цзянькунь помещалось в Западной Монголии и на Енисее [Бартольд, 1927, с. 7] либо только в Западной Монголии [Киселев, 1951, с. 472–473; Кызласов, 1960, с. 162], а динлины (или часть динлинов) оказывались к северу от Саян либо даже к северу от Минусинской котловины [Бичурин, 1950, с. 50; Maenchen-Helfen, 1939, р. 79–80; Бернштам, 1951, карта 4; Дуань Ляньцин, 1988, карта 2; Turbat, 2013a; 2013b]. В обоих вариантах предлагаемое размещение владения Динлин плохо согласуется с другими сообщениями о Динлин в исторических хрониках эпохи Хань [Пьянков, 2002, с. 199–200], а первый вариант – также с другими ориентирами для Цзянькунь, о чем будет специально сказано ниже.

Иное объяснение, которое можно здесь предложить для этого фрагмента *Хань шу* о завоеваниях Чжичжи и кото-

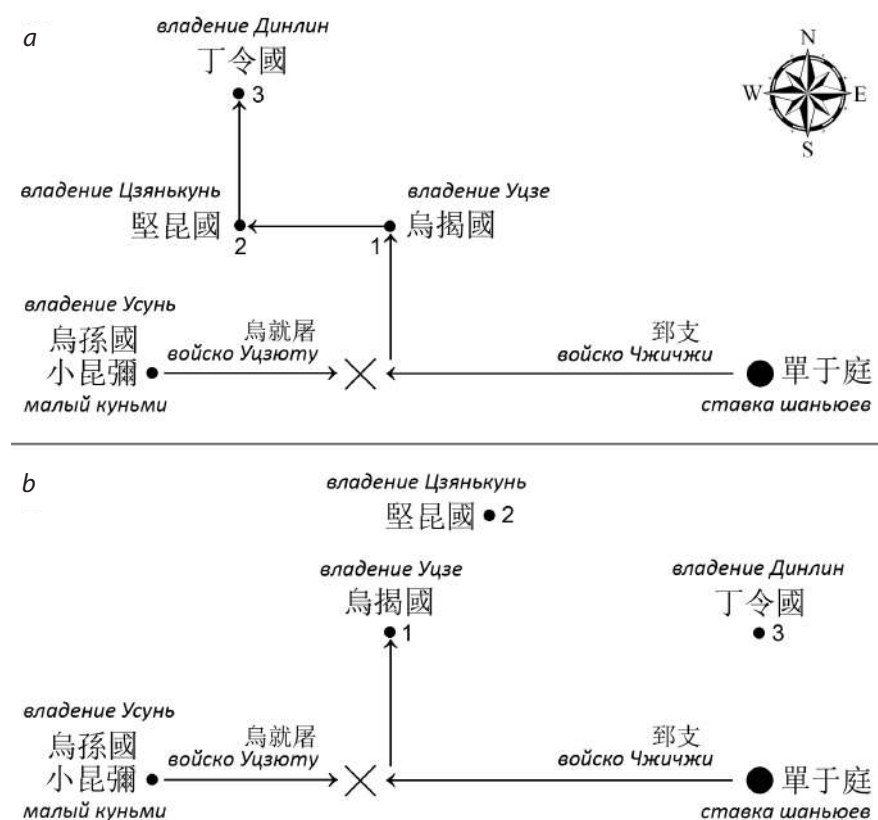

Рис. 8. Визуализация двух подходов к интерпретации сведений Хань шу, цз. 94б о местонахождении владений Уцзе (1), Цзянькунь (2) и Динлин (3), подчиненных шаньюем Чжичжи: а – положение каждого последующего владения определено относительно предыдущего; б – положение владений 2 («на западе») и 3 («на севере») определено относительно ставки шаньюев.

Fig. 8. Visualization of two approaches to the interpretation of Han Shu, Juan 94b data about the location of Wujie (1), Jiankun (2), and Dingling (3) domains under Chanyu Zhizhi's control: a – position of each subsequent domain is defined relative to the previous one; b – positions of domains 2 («in the West») and 3 («in the North») are defined relative to the residence of Chanyus.

рое лучше соответствует другим сведениям, – положение владений Цзянькунь и Динлин указано не от Уцзе, а от упоминаемой далее в этом же фрагменте ставки шаньюев хунну (рис. 8: *b*). Использование ставки шаньюев как отправной точки и главного ориентира при географических характеристиках земель степной империи хунну традиционно для исторических хроник Хань (несколько примеров будут приведены в следующем параграфе). В этом случае местонахождение страны Цзянькунь – к западу от ставки шаньюев. Это позволяет помещать Цзянькунь по соседству с другим покоренным западным владением – Уцзе, но не к югу от него (оттуда пришел отряд Чжичжи), не к западу (там находились враждебные усунь) и не к востоку (где были подконтрольные хунну земли). Единственное возможное направление – севернее или северо-восточнее Уцзе, но западнее владения Динлин, находившегося к северу от ставки шаньюев.

Политический центр хунну в I в. до н. э. располагался в верховьях р. Орхон. С наибольшей вероятностью именно с ним следует идентифицировать ставку шаньюев в анализируемом фрагменте текста, хотя в самом фрагменте информации о ее положении не приведено. Направление к западу от ставки вполне подходит для Минусинской котловины. Вопросы вызывает лишь указанная в источнике дистанция в 7000 ли¹. По мнению китайского историка Юй Тайшаня, тоже помещающего Цзянькунь в Минусинской котловине, к этому числу не следует подходить буквально – в данном случае оно просто указывает на большое расстояние [Yu Taishan, 2019]. Неточность может объясняться тем, что в Хань не было ясного представления о длине этого пути, т. к. единственное китайское посольство в столицу Чжичжи во владении Цзянькунь не вернулось обратно. Более точные данные появились лишь в Средние века, когда Китай наладил прямые контакты с кыргызами. Поскольку ставка шаньюев хунну, изучаемая Идэрхангаем, расположена примерно в 70 км ниже по течению р. Орхон от столицы средневекового уйгурского каганата – г. Орду-Балык, то для сравнения можно использовать китайские данные о направлении и расстоянии до кыргызов от ставки уйгуров. Согласно *Синь Тан шу* 新唐書 («Новая книга Тан», составлена Оуян Сю 歐陽脩

и Сун Ци 宋祁 в 1060 г.), владение Кыргыз 堅昆國 ранее «являлось западной окраиной [владений] сюнну» 乃匈奴西鄙也, до него «напрямую от уйгуров на северо-запад 3000 ли» 直回紇西北三千里 (цз. 2176, с. 6147), это расстояние между ставками 牙 (букв. «знамя главнокомандующего») правителей двух государств занимает «40 дней пути на верблюдах» 橐它四十日行 (цз. 2176, с. 6148). В *Тайпин хуаньюй цзи* (太平寰宇記 «Описание всего мира [в годы] Тайпин [976–983 гг.]», сост. Юэ Ши 樂史 в X в.), цз. 199, расстояние от ставки шаньюев (7000 ли на запад) и расстояние от Уйгурской ставки (40 дней пути на северо-запад) приведены совместно, как в равной мере характеризующие земли на Енисее.

Непосредственно перед покорением трех владений, в период с 53 г. до н. э., ставка шаньюев на р. Орхон принадлежала Чжичжи шаньюю [Материалы, 1973, с. 34]. Он занял ее, разбив войска своего младшего брата и соперника шаньюя Хуханье. Однако Хуханье не признал поражения, ушел со сторонниками на юг и разместил ставку вблизи границы Хань, получив поддержку императора. В контексте одновременного существования двух шаньюев и трех ставок путь в 7000 ли мог бы лучше соответствовать расстоянию до Минусинской котловины от новой ставки Хуханье возле ханьской укрепленной линии (от нее до ставки шаньюев было около 3000 ли), который установил тесные контакты с двором Хань. Однако как была первоначально получена эта цифра, от какого места исчислена и не произошла ли здесь путаница со ставками, выяснить уже невозможно.

Другой ориентир для локализации Цзянькунь содержит информацию о его расположении к северу от Цзюйши (Турфан). Выбор для характеристики географического положения Цзянькунь в качестве второй точки отсчета Цзюйши, т. е. Турфанского оазиса, весьма показателен. Как раз отсюда начинался важнейший торговый путь на север к кыргызам, который в XI в. описан Гардизи [Бартольд, 1973, с. 47]. Расстояние в 5000 ли кажется несколько завышенным с точки зрения реальной географии, однако этот же маршрут с юга на север в Минусинскую котловину и близкая цифра приведены позднее в *Юаньхэ цзюньсянь тучжи* (元和郡縣圖志 «Описания и карты областей и уездов [периода] Юаньхэ [806–820 гг.]», сост. Ли Цифу 李吉甫), цз. 40, где сообщается, что от Бэйтина 北庭, находившегося в Восточном Туркестане севернее Турфана, на север до Кыргызской ставки 堅昆衙帳 – около 4000 ли. Скорее всего, вдоль этого же маршрута после сражения с усунями двигался на север Чжичжи, подчинив-

¹ В период Западной Хань один ли 里 составлял около 497,7 м, в период Восточной Хань, когда составлена хроника Хань шу, – 414,72 м. Основываясь на сведениях исторических хроник, максимальная дистанция, которую преодолевали при движении верхом на лошади составляла около 100 ли в день, но чаще она была на 20–50% меньше.

ший сначала Уцзе, а затем – Цзянькунь. Именно наличие такого пути уже в эпоху Хань и использование его войском хунну могло стать причиной упоминания Цзюйши как ориентира для местонахождения Цзянькунь в контексте описываемых в *Хань шу* событий.

Предлагаемый вариант локализации Цзянькунь к западу, а Динлин – к северу от ставки шаньюев на р. Орхон является менее противоречивым, чем первый (Цзянькунь к западу от Уцзе, а Динлин к северу от Цзянькунь), поскольку подчиненные Чжичжи земли должны располагаться восточнее сильных и враждебных ему усуней. Также в пользу именно такой интерпретации свидетельствуют многочисленные упоминания динлинов (записаны несколькими вариантами: 丁令, 丁零, 丁靈) в других фрагментах *Хань шу* и в *Хоу Хань шу*: они всегда локализованы в степях к северу от орхонской ставки шаньюев и к югу от оз. Байкал. Поскольку владения Уцзе и Цзянькунь были объединены с Динлином в одно государство и, следовательно, располагались рядом, гипотеза о локализации Цзянькунь западнее Саяно-Алтая должна быть отвергнута.

7.2. Локализация динлинов в китайских исторических хрониках

Для подтверждения изложенной гипотезы очень важно уточнить положение соседнего с Цзянькунь владения Динлин. Название Динлин (реконструируемое чтение в эпоху Хань – *tiēn-līn*, а предполагаемая исходная форма – **telen* [Дыбо, 2007, с. 113]) многократно фигурирует в хрониках Хань (в отличие от двух других владений), а также в ряде более поздних источников примерно до V в. Рассмотрим здесь наиболее информативные ранние упоминания о его местонахождении, которые помогают уточнить географические границы земель динлинов:

– Динлины всегда нападали на хунну с севера. Так, о событиях около 72 г. до н.э. в *Хань шу* (цз. 94а, с. 3787) говорится: 於是丁令乘弱攻其北, 烏桓入其東, 烏孫擊其西 «После этого динлины 丁令, пользуясь слабостью [сюнну], напали на них с севера, ухуани 烏桓 вторглись к ним с востока, усунь 烏孫 атаквали их с запада». Это же отмечается и спустя полторы сотни лет, в 85 г. (*Хоу Хань шу*, цз. 89, с. 2950): 時北虜衰耗, 黨眾離畔, 南部攻其前, 丁零寇其後, 鮮卑擊其左, 西域侵其右 «В то время северные дикари (т.е. хунну. – Ю.Е.) ослабли, их союзники отложились, южные племена нападали на них спереди, динлины 丁零 совершали набеги на них сзади (т.е. с севера. –

Ю.Е.), сяньби 鮮卑 атаквали их слева, западные области вторгались справа». В обоих случаях описание местонахождения противников хунну следует принципу географической локализации земель относительно политического центра государства – ставки шаньюев.

– В начале правления Ван Мана хунну совершали частые нападения на китайскую границу, поэтому в ответ Ван Ман планировал крупное наступление с юга на север вплоть до земель динлинов [Материалы, 1973, с. 58]. В *Хань шу* (цз. 94б, с. 3824) об этих планах говорится так: 窮追匈奴, 內之于丁令 «Беспощадно преследовать сюнну, загнать их в Динлин». Очевидно, что среди земель государства хунну этого времени владение Динлин считалось самым северным.

– Когда в середине II в. вождь сяньби Таньшихуай 檀石槐 усилился и начал военную экспансию в земли хунну, то и он на севере их владений столкнулся с динлинами. *Хоу Хань шу* (цз. 90, с. 2989) содержит об этом такую информацию: 南抄緣邊, 北拒丁零, 東卻夫餘, 西擊烏孫, 盡據匈奴故地 «На юге [он] грабил приграничные земли [Хань], на севере дал отпор динлинам 丁零, на востоке заставил отступить Фуюй 夫餘, на западе атаковал Усунь 烏孫, полностью овладел прежними землями сюнну 匈奴».

– Важное уточнение о том, как далеко на север простирались земли динлинов и в какой именно части государства хунну находились, содержит история ханьского посла Су У 蘇武 [Материалы, 1973, с. 103–104]. В начале I в. до н.э. он был задержан шаньюем хунну и отправлен пасти овец к оз. Байкал 北海 (букв. ‘Северное море’). Это место, несомненно, располагалось южнее Байкала, т.к. там находилось кочевье младшего брата шаньюя. Во время ссылки, после того как люди этого князя перешли на другое место и оставили Су У без защиты, динлины 丁令 украли у него скот (*Хань шу*, цз. 54, с. 2463): 匈奴以為神, 乃徙武北海無人處 «Сюнну посчитали [это] сверхъестественным (Су У несколько дней просидел в яме для хранения продовольствия без еды и воды, но выжил. – Ю.Е.), поэтому переселили У в безлюдное место на Северном море»; 其冬, 丁令盜武牛羊 «Той зимой динлины украли скот У».

– Южная граница Динлин находилась севернее ставки шаньюев на р. Орхон и, видимо, была связана с р. Селенга и соседними землями к востоку от нее. Наиболее определенно про южную границу Динлин сообщается лишь применительно к периоду около IV–V вв. в *Сун ши* 宋書 («Книга Сун», сост. Шэнь Юэ 沈約 в 488 г.). В это время прежние земли хунну, подконтрольные

их северной ставке времен Восточной Хань, уже заняли жужани (цз. 95, с. 2357): 自索虜破慕容, 據有中國, 而芮芮虜有其故地, 蓋漢世匈奴之北庭也 «С тех пор как *дикари с косами* 索虜 разбили мужунов 慕容 и овладели Срединным государством (речь идет о заплетавших косы сяньбийцах, правители которых из рода Тоба победили своих соперников мужунов, овладели землями Северного Китая и создали государство Северная Вэй. – Ю.Е.), *дикари жуйжуй* 芮芮虜 овладели их прежними землями, вероятно, соответствующими северной ставке 北庭 сюнну в ханьские 漢 времена». Как и хунну, а затем сяньби, жужани враждовали с динлинами 丁零. Последние по-прежнему проживали в землях к югу от Байкала, имея южную границу на расстоянии более 1000 ли от него (цз. 95, с. 2357): 去北海千餘里, 與丁零相接 «На расстоянии свыше 1000 ли от Северного моря [жужани] граничат с динлинами» (ср.: [Материалы, 1984, с. 289]).

– Динлины были связаны с северо-восточной частью государства хунну. По сведениям *Хоу Хань шу* (цз. 90, с. 2980), ухуани 烏桓, проживавшие на востоке государства хунну, изгоняли своих мятежников в пустыню *шамо* 沙漠, к юго-западу от которой находится Усунь 烏孫, а к северо-востоку – Динлин 丁令, т.е. динлины локализованы к северу от восточной части Гоби: 若亡畔為大人所捕者, 邑落不得受之, 皆徙逐於雍狂之地, 沙漠之中。其土多蝮蛇, 在丁令西南, 烏孫東北焉 «Мятежников, которых ловят старейшины, роды не имеют права принимать, их изгоняют в дикие земли пустыни. В этих землях много ядовитых змей, и они лежат к юго-западу от динлинов и к северо-востоку от усуней» [Таскин, 1980, с. 74]. Территориальная близость динлинов к ухуаням, видимо, привела к тому, что в том же источнике во времена Ван Мана динлины упомянуты вместе с ухуанями в составе войск под командованием китайского военачальника Восточного края [Там же].

– Владение Динлин занимало северную часть государства хунну, но не распространялось на правое (западное) крыло их владений, к которому в том числе относилось владение Цзянькунь (по приведенным выше данным из *Синь Тан шу*). Об этом свидетельствует письмо к императору от шаньюя южных хунну в 88 г. В нем южный шаньюй сообщает, что, по информации, полученной им от перебежчиков, шаньюй северных хунну, опасаясь нападения динлинов и сяньби, бежал на запад от р. Аньхоу (впервые эта река упоминалась в *Хань шу*; она соответствует современной р. Орхон в Хангае [A Concise Commentary,

2014, р. 489]). Цитата из этого письма приведена в *Хоу хань шу* (цз. 89, с. 2952): 去歲三月中發虜庭, 北單于創刈南兵, 又畏丁令、鮮卑, 遯逃遠去, 依安侯河西 «В третьей луне прошлого года, когда [перебежчики] покидали ставку 庭 дикарей (т.е. ставку северных хунну. – Ю.Е.), северный шаньюй 北單于, остерегаясь воинов юга 南兵 (южных хунну. – Ю.Е.) и страшась динлинов 丁令 и сяньби 鮮卑, бежал далеко и обосновался к западу от реки Аньхоу 安侯». Все угрозы и события в этом письме традиционно распределены по сторонам света относительно ставки шаньюев, которая находилась на р. Орхон. Это помогает понять, где именно находились динлины и где их не было: южные хунну угрожали ставке с юга; сяньби – с востока; шаньюй бежал из ставки на запад – в остававшиеся безопасными земли правого крыла; в этой системе координат для динлинов остается место только к северу от р. Орхон.

Таким образом, рассмотренные китайские хроники не содержат никаких сведений о локализации владения Динлин к северу от Цзянькунь и не дают оснований помещать Динлин к северо-западу от ставки шаньюя, где за Саянами находилась Минусинская котловина. Идентификация Динлин с какими-либо иными землями, кроме северной части Центральной и Восточной Монголии и Забайкалья, не имеет достаточных оснований.

Спустя несколько веков после упадка хунну потомки динлинов по-прежнему продолжали занимать эти кочевья (хотя расселялись и на другие территории), но известны под названиями *дили* 狄歷, *чилэ* 敕勒, позднее – *телэ* 鐵勒 и др., а также под переведенным на китайский язык прозвищем *высокие повозки* 高車 из-за использования ими повозок на высоких колесах. Например, эти названия объединены в одну группу и отождествлены с динлинами в *Вэй шу* (цз. 103, с. 2307): 高車, 蓋古赤狄之餘種也, 初號為狄歷, 北方以為敕勒, 諸夏以為高車、丁零 «Высокие повозки – потомки древнего народа *чиди* 赤狄, вначале назывались *дили*, на севере [от Хуанхэ] считаются *чилэ*, в Китае считаются *высокими повозками*, *динлинами* 丁零». По заключению лингвистов, новые названия, пришедшие на смену *динлин*, являются более поздними вариантами китайской транскрипции того же этнонима или прозвища, данного монголоязычными соседями. Есть достаточное количество аргументов в пользу тюркоязычности этих кочевников [Pulleyblank, 1962, р. 230–231; 1990a].

7.3. Сведения о Цзянькунь и соседних с ним владениях из хроники Вэй люэ

К фрагменту из *Хань шу* о завоевании Чжичжи около 49 г. до н.э. трех владений очень близок один из сохранившихся фрагментов *Вэй люэ* 魏略 («Обозрение Вэй», составлено Юй Хуанем 魚豢 в 265 г.; цзюань 西戎傳 «Описание западных жунов»), который процитирован в комментариях Пэй Сунчжи 裴鬆之 (429 г.) к *Саньго чжи* 三國志 («Записи о Трех царствах», составлены Чэнь Шоу 陳壽 в конце III в.; цз. 30, с. 862): 此上三國, 堅昆中央, 俱去匈奴單于庭安習水七千里, 南去車師六國五千里, 西南去康居界三千里, 西去康居王治八千里 «Эти вышеуказанные три владения, с Цзянькунь в середине, удалены от ставки шаньюев сюнну на р. Аньси на 7000 ли, от шести государств Цзюйши на юге на 5000 ли, от границ Канцзюй на юго-западе на 3000 ли, от столицы правителя Канцзюй на западе на 8000 ли» (ср. [Супруненко, 1974, с. 237; A Concise Commentary, 2014, p. 489]).

Этот фрагмент, судя по общей композиции, двум географическим ориентирам и расстояниям до них, явно составлен на основе описания из *Хань шу*, но содержит некоторые дополнения, существенные для локализации кыргызов. Среди них важно название реки, на которой находилась ставка шаньюев хунну. Указанная р. Аньси 安習 соответствует р. Аньхоу из *Хань шу* и современной р. Орхон [A Concise Commentary, 2014, p. 489]. Следовательно, составитель *Вэй люэ* отождествлял ставку шаньюев из *Хань шу* с центральной ставкой хунну на р. Орхон. Также, по сравнению с *Хань шу*, приведены дополнительные ориентиры для локализации страны кыргызов: 3000 ли на северо-восток от границ Канцзюй и 8000 ли на восток от столицы этой страны. Поскольку основные земли Канцзюй занимали территорию от рек Талас и Чу на юге до низовьев Сырдарьи на севере с центром, видимо, в среднем течении Сырдарьи, то приведенные в источнике направления и расстояния дополнительно подкрепляют местонахождение страны кыргызов на севере Саяно-Алтая, корректируя более ранние сведения о 7000 ли до Цзянькунь от ставки шаньюев на востоке.

Под тремя владениями в тексте *Вэй люэ* имеются в виду те же завоеванные Чжичжи земли, перечисленные в *Хань шу*. В *Вэй люэ* для них впервые приведены отдельные описания и сообщаются новые сведения, которые имеет смысл воспроизвести (*Саньго чжи*, цз. 30, с. 862):

1) Худэ – 呼得國在葱嶺北, 烏孫西北, 康居東北, 勝兵萬餘人, 隨畜牧, 出好馬, 有貂 «Владение Худэ расположено к северу от горного хребта Цун 葱,

к северо-западу от Усунь, к северо-востоку от Канцзюй, может выставить 10 000 воинов; следуют за пасущимся скотом; поставляет хороших лошадей, водится соболь 貂». Наименование Худэ 呼得, несомненно, отождествляется с Хуцзе 呼揭 (*Ши цзи*, цз. 110; *Хань шу*, цз. 70) и Уцзе 烏揭 (*Хань шу*, цз. 946);

2) Цзянькунь – 堅昆國在康居西北, 勝兵三萬人, 隨畜牧, 亦多貂, 有好馬 «Владение Цзянькунь расположено к северо-западу от Канцзюй, может выставить 30 000 воинов; следуют за пасущимся скотом; также много соболей 貂, водятся хорошие лошади»;

3) Динлин – 丁令國在康居北, 勝兵六萬人, 隨畜牧, 出名鼠皮, 白毘子, 青毘子皮 «Владение Динлин расположено к северу от Канцзюй, может выставить 60 000 воинов; следуют за пасущимся скотом; производит знаменитые меха белок 鼠, а также меха белых и голубых песцов 毘子» (毘子 – китайская транскрипция, предположительно, связанная с тюркским *qarsaq* [Pulleyblank, 1962, p. 226]).

Приведенные здесь географические сведения, однако, противоречивы и требуют дополнительного анализа:

– Данные о том, что владение Худэ находится к северо-востоку от Канцзюй и к северо-западу от Усунь, вполне согласуются с географическими сведениями, которые даны при совместном описании всех трех владений и с центральным местом среди них Цзянькунь. Однако всем этим сведениям противоречит и, очевидно, является ошибочным (либо слишком широким) указание на расположение Худэ к северу от горного хребта Цун, поскольку его отождествляют с Памиром [A Concise Commentary, 2014, p. 88]. Заслуживает внимания, что известно еще одно упоминание данного владения рядом с Усунь. В частности, в письме шаньюя Маодуня императору Хань от 176 г. до н.э. при описании недавно состоявшегося похода на запад против Юэчжи говорится (*Ши цзи*, цз. 110, с. 2896): 以天之福, 吏卒良, 馬彊力, 以夷滅月氏, 盡斬殺降下之。定樓蘭、烏孫、呼揭及其旁二十六國, 皆以爲匈奴 «Благодаря благорасположению Неба, превосходным командирам и воинам, сильным лошадям [мы] смогли уничтожить Юэчжи 月氏, которые перебиты или сдались. Усмирили Лоулань 樓蘭, Усунь 烏孫, Хуцзе 呼揭, а также двадцать шесть соседних с ними владений, все стали сюнну 匈奴». Место проживания усуней в то время находилось вблизи современного оазиса Хами, а «двадцать шесть владений» обозначают города-государства Западного края [A Concise Commentary, 2014, p. 86, 87]. Если владение Хуцзе и тогда находилось к северо-западу

от Усунь (от района Хами), то это еще раз указывает на его вероятную локализацию на Алтае.

– При отдельном описании Цзянькунь в *Вэй люэ* неожиданно указано, что оно находится к северо-западу от Канцзюй. Это противоречит другим приведенным в том же источнике сведениям и, видимо, является ошибкой составителя. На самом деле должно быть «к северо-востоку от Канцзюй», если только здесь не подразумевается какая-то группа воинов Саяно-Алтая, ушедшая на запад вместе с Чжичжи или в ходе каких-то более поздних исторических событий, учитывая время составления источника. В этом контексте заслуживает внимания небольшая серия хронологически близких петроглифов на западной окраине Семиречья, имеющая сходство с наскальными изображениями Минусинской котловины и соседних областей Саяно-Алтая [Рогожинский, 2016]. Однако и в этом случае помещение Цзянькунь к северо-западу от Канцзюй расходится со сведениями о месте строительства новой ставки Чжичжи (юго-восток Канцзюй) и районом обнаружения упомянутых петроглифов. Кроме того, владение Цзянькунь к северо-западу от Канцзюй уже не будет занимать центральное положение между Худэ и Динлин. Наконец, большая численность воинов и наличие соболя также могут характеризовать только земли Цзянькунь на Енисее, а не районы к северо-западу от Канцзюй.

– Столь же неоднозначны сведения о локализации Динлин. Составитель заметил это и сам, поэтому далее в тексте попытался объяснить очевидное противоречие между приведенной им информацией о Динлин к северу от Канцзюй и более ранними сведениями о том же владении на севере от сюнну, которое вместе с Гэкунь (Цзянькунь) было среди завоеванных Маодунем земель. Он высказывает мнение, что их нельзя отождествлять, что это два разных владения и динлины к западу от Усунь не связаны с динлинами к югу от оз. Байкал (*Саньго чжи*, цз. 30, с. 863).

Следом приведен небольшой рассказ о соседях Динлин, который тем не менее указывает на их локализацию на востоке (*Саньго чжи*, цз. 30, с. 863): 烏孫長老言北丁令有馬脛國, 其人音聲似雁鶩, 從膝以上身頭, 人也, 膝以下生毛, 馬脛馬蹄, 不騎馬而走疾馬, 其爲人勇健敢戰也 «Старейшины長老 усуней рассказывают, что к северу от Динлин есть владение Мацзин 馬脛 ("Лошадиные голени"). Эти люди издают звуки подобно испуганным диким гусям 雁. Выше колен тело и голова человека, но ниже колен растёт шерсть, лошадиные голени 馬脛, лошадиные копыта 馬蹄. Они не ездят на лошадях, но бегают быстрее лошадей. Это храбрые,

сильные и смелые воины» (ср. [Chavannes, 1905 p. 561; A Concise Commentary, 2014, p. 491]). Описание этого народа можно соотнести с более поздними сведениями *Синь Тан шу* (цз. 2176, с. 6148) о трех племенах Мума 木馬 (их полное название 木馬突厥 «Тюрки с деревянными лошадьми»), проживающих восточнее енисейских кыргызов 堅昆. В этом случае мы тоже имеем дело с экзоэтнонимом, собственные названия этих племен приведены в том же фрагменте: 都播 都播, 彌列 彌列, 哥餓支 哥餓支. Причина употребления названия Мума в том, что эти племена «имели обычай ездить на лыжах 木馬 (букв. 'деревянных лошадях') по льду 冰, под ступни подкладывали доски, изогнутой палкой упирались в подмышки, один толчок ноги как сто шагов, передвигались очень быстро» (俗乘木馬馳冰上, 以板藉足, 屈木支腋, 蹴輒百步, 勢迅激). Думается, что более ранний рассказ о народе с лошадиными ногами 馬脛 связан не с образом кентавра, как предполагалось исследователями [Maenchen-Helfen, 1939, p. 82], а отражает использование аналогичного приспособления для быстрого передвижения в зимнее время. Шерсть на ногах могла быть частью специфической высокой и теплой зимней обуви, сшитой мехом наружу. Вероятное место проживания народа «лошадиных голей» то же, что у племен «деревянных лошадей» – Восточные Саяны. Это дополнительный аргумент в пользу локализации коренных земель динлинов эпохи Хань на севере Монголии.

Отдельный момент – многочисленность динлинов, способных, согласно *Вэй люэ*, выставить 60 000 воинов. Такое значительное число сопоставимо с рассказом Вэй Люя, поставленного хунну в начале I в. до н.э. князем динлинов 丁靈王, о наличии у него в подчинении нескольких десятков тысяч человек 擁眾數萬 (*Хань шу*, цз. 54, с. 2457, 2462). Речь при этом идет о землях к северу от ставки шаньюей и к югу от оз. Байкал.

В целом приведенные в *Вэй люэ* направления и расстояния до кыргызов (Цзянькунь) относительно границ и столицы Канцзюй, другие сведения дополнительно подкрепляют вывод о местонахождении владения Цзянькунь, завоеванного Чжичжи, в Южной Сибири. Наличие некоторых противоречий (если полагать, что за ними стояли какие-то исторические факты, а не случайная ошибка) могло быть обусловлено перемещениями небольших групп населения Саяно-Алтая на позднем этапе истории хунну и попыткой составителя совместить разновременные и неполные сведения разных источников. Являясь центральным из трех владений, Цзянькунь занимало степи и

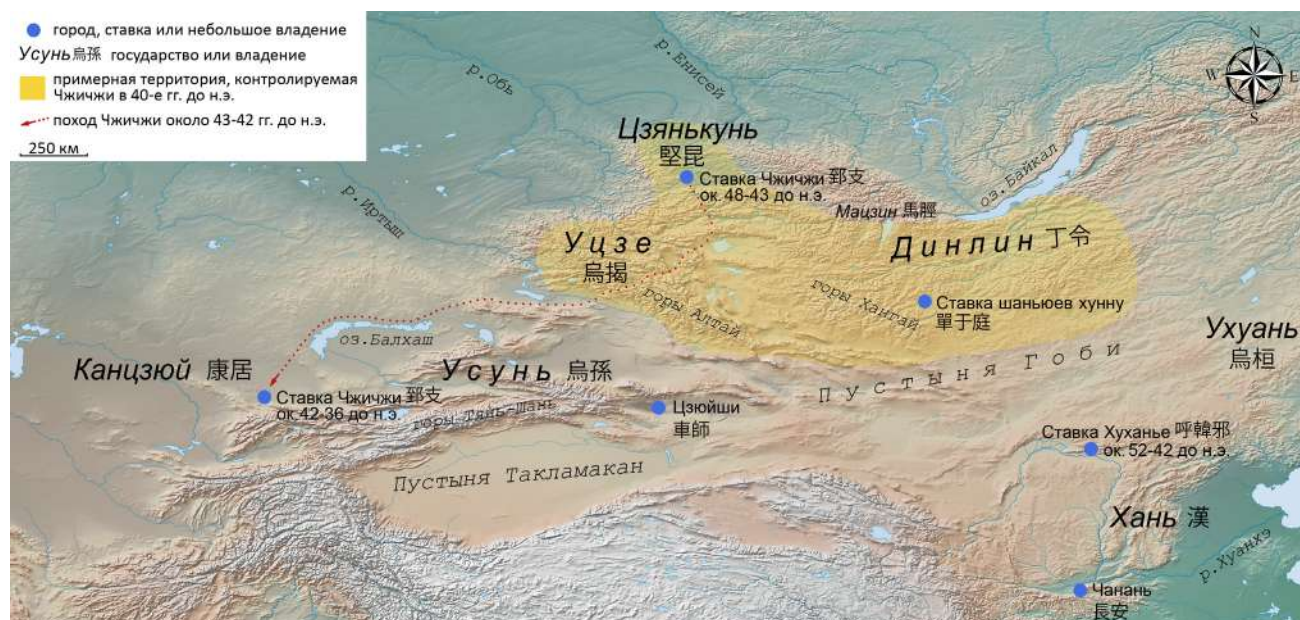

Рис. 9. Локализация Цзянькунь и ряда соседних владений, а также ставок правителей хунну в поздний период Западной Хань.

Fig. 9. Localization of *Jiankun* and a number of neighboring domains, as well as the Xiongnu rulers' residences in the late period of the Western Han.

лесостепи на Енисее. С древнейшими кыргызами (鬲昆, 隔昆, 堅昆), ставшими известными ханьцам в связи с северными походами шаньюев Маодуня и Чжичжи, может быть соотнесено население Минусинской котловины на позднем этапе тагарской археологической культуры (вполне вероятно, что и на протяжении всей тагарской культуры). Обширное и многочисленное владение Динлин (丁零, 丁令, 丁靈) было локализовано на севере Центральной и Восточной Монголии и в Забайкалье (рис. 9); его следует связать с потомками части племен, оставивших памятники культурной общности плиточных могил. Наименьшее по числу воинов владение Хуцзе / Уцзе / Худе (呼揭, 烏揭, 呼得) можно соотнести с горными районами на северо-западе Монголии и севернее (отчасти могло совпадать с территорией, ранее контролировавшейся носителями пазырыкской культуры). В пользу данной локализации свидетельствуют и сведения о мехах, которыми были богаты все эти народы. Особенно показательны редкие песцы, и сегодня встречающиеся на юге Прибайкалья, которыми обладали динлины.

7.4. Сведения о локализации кыргызов в средневековых китайских хрониках и формы политонима

Сведения о кыргызах и их географическом

положении, в том числе с отсылками к более ранним временам, имеются в некоторых официальных исторических хрониках, написанных после *Вэй люэ* и *Саньго чжи*. Чтобы исключить возможные ошибки с локализацией земель, эти данные тоже стоит кратко рассмотреть.

В частности, такие сведения содержит записанное от тюрков генеалогическое предание клана Ашина, создателей и правителей Первого Тюркского каганата (*Чжоу шу* 周書 «Книга Чжоу», сост. Линху Дэфэнь 令狐德棻 в 636 г., цз. 50; *Бэй ши*, цз. 99). В нем сообщается, что один из братьев *Нэдулю-шэ* 訖都六設, который был в числе предков первого кагана тюрков Бумына, стал правителем владения Кыргызы 契骨 (*Цигу*). Владение располагалось между рек *Цзянь* 劍 (среднекит. *Кем*) и *Афу* 阿輔 (среднекит. *Абу*), т.е. между современных рек Енисей и Абакан. Эта географическая привязка является очень детальной и вполне надежной. Установление тюрками контроля над владением Кыргызы, с учетом продолжительности поколений и исторического контекста, видимо, относится к V в. [Савинов, 1988, с. 66]. Соотношение этой формы записи политонима с другими представлено на рисунке 10.

В VII в. впервые были установлены прямые дипломатические контакты между Китаем и владением Кыргызы. В это время название страны и народа было транскрибировано в форме *Цзегу* 結

骨 (Тайпин хуаньюй цзи, цз. 199). При этом двор Тан идентифицировал это государство и его земли за Саянами с древним владением Цзянкунь и в 648 г. присвоил правителю¹ Цзегу звание генерала гвардии левой стороны, главнокомандующего Цзянькунь 左屯衛大將軍堅昆都督. Одновременно на этих землях был учрежден военный округ Цзянькунь 堅昆都督府 (Тайпин хуаньюй цзи, цз. 199; см. также: [Кюннер, 1961, с. 55]).

В период примерно с 784 по 801 г. была записана новая транскрипция – сяцзясы 黠戛斯, которая вошла в сочинение Цзя Даня 賈耽 Гуцзинь сы и шу 古今四夷述 «Описание древних и современных иноземцев четырех сторон» (Тайпин хуаньюй цзи 太平寰宇記, цз. 199). Тогда же, видимо, появилось и близкое написание цзяцзясы 戛戛斯, а источником сведений в обоих случаях были уйгуры (Тан хуйяо 唐會要, цз. 100). После 843 г. вариант сяцзясы получает широкое употребление в китайских документах и сочинениях (Хуйчан ипинь цзи 會昌一品集, цз. 2 и 6; Синь Тан шу, цз. 2176, с. 6146) [Яхонтов, 1970; Кюннер, 1961, с. 55, 57–58]. В это же время границы государства Сяцзясы значительно расширились в результате успешной войны с уйгурами. Сведения о новых границах оказались включены в разные части описания кыргызов в Синь Тан шу (цз. 2176, с. 6149, 6147): 東至骨利幹, 南吐蕃, 西南葛邏祿 «На востоке [владения] доходили до курыкан 骨利幹, на юге – до Тибета 吐蕃 (очевидно, имелись в виду подконтрольные в то время Тибету территории в Восточном Туркестане. – Ю. Е.), на юго-западе – до карлуков 葛邏祿»; затем южная граница закрепились по горам Таньмань 貪漫山 (совр. Танну-ола. – Ю. Е.). В кратком обзоре ранней истории этого государства в хронике Синь Тан шу (цз. 2176, с. 6147) специально отмечено размещение именно на его землях в эпоху Хань столицы владений Чжичжи шаньюя.

Первые сведения о возможной связи кыргызов с Восточным Туркестаном появляются в Бэй ши (北史 «Северная история», сост. Ли Яньшоу 李延壽 в 659 г.; цз. 99, с. 3303). Кыргызы, обозначенные здесь транскрипцией хэгу 紇骨, упоминаются в числе племен телэ: 鐵勒之先, 匈奴之苗裔也。種類最多, 自西海之東, 依山據谷, 往往不絕。獨洛河北, 有僕骨、同羅、韋紇、拔也古、覆羅, 並號俟斤, 蒙陳、吐如紇、斯結、渾、斛薛等諸姓, 勝兵可二萬。伊吾以

西, 焉耆之北, 傍白山, 則有契弊、薄落職、乙咥、蘇婆、那曷、烏護、紇骨、也咥、於尼護等, 勝兵可二萬 «Предки телэ 鐵勒 – это потомки сюнну. Племен очень много. На востоке от Западного моря 西海 по горам и долинам [живут] повсюду. На север от р. Дуло 獨洛 (видимо, современная р. Тола в Монголии. – Ю. Е.) имеются фамилии (кланы) пугу, тунло, вэйхэ, баегу, фуло, всеми управляют иркины 俟斤 (цицзинь), мэнчэнь, тужухэ, сыцзе, хунь, хусюэ, [вместе] они выставляют 20 000 воинов. На запад от Иу 伊吾 (совр. Хами), на север от Яньци 焉耆 (совр. Карашар), около Байшань 白山 (букв. 'Белые горы') имеются циби, баолочжи, иде, супо, нахэ, уху, хэгу 紇骨, еде и юйниху, [вместе] они выставляют 20 000 воинов». Почти идентичный текст приведен в Суй шу 隋書 («Книга Суй», сост. под рук. Вэй Чжэн 魏徵 в 636 г.; цз. 84). При этом Байшанем именовался весь Тянь-Шань в пределах Восточного Туркестана [Малявкин, 1981, с. 166]. Однако насколько далеко на север от Яньци простирались земли, населенные этими девятью племенами, отнесенными к западной группе телэ, не ясно. Текст не исключает, что сами хэгу не находились в Восточном Туркестане, а отнесены к этой группе по причине политических и торговых связей. Что касается собственно названия хэгу 紇骨, то производной от него считалась форма хэгусы 紇圻斯, впервые зафиксированная в период 713–741 гг. в сочинении Сюй цзи 西域記 «Записки о Западном крае» (Тан хуйяо 唐會要, цз. 100), а затем использованная в одном из писем от императора к кагану кыргызов (страна которого, несомненно, находилась на Енисее) в период 841–846 гг. (Хуйчан ипинь цзи 會昌一品集, цз. 6).

Более ясные сведения о связи кыргызов с Восточным Туркестаном появляются в китайских источниках об эпохе Тан. Так, в сочинении Юаньхэ цзюньсянь тучжи, цз. 40, при описании Тинчжоу 庭州 / Бэйтина 北庭, которое характеризует ситуацию первой половины VIII в., присутствует название цзянькунь. Сообщается, что генерал-губернатор Бэйтина 北庭節度使 «держал в повиновении тюркшей 突騎施, цзянькунь 堅昆, Чжаньчо² 斬啜. На северо-запад до тюркшей более 3000 ли, на север до цзянькунь 70 ли, на восток до Чжаньчо 1700 ли» 以防製突騎施、堅昆、斬啜。西北去突騎施三千餘里, 北去堅昆七十里, 東去斬啜一千七百里。 В другом месте того же раздела содержатся дополнительные сведения о положении Тинчжоу, некоторые из которых явно

¹ Сылифа Шибоцзюй Ачжань 俟利發矢鉢屈阿戛, частичная реконструкция – эльтебер ишбар кюль Ачжань [Супруненко, 1970, с. 80]. Последняя часть, трудная для реконструкции, может быть, могла бы помочь понять все еще до конца не ясный титул или имя правителя кыргызов начала IX в. – Аже 阿熱.

² Китайское написание имени Капаган кагана (693–716 гг.) Второго восточно-тюркского каганата из рода Ашина 阿史那默啜, употреблявшееся после 698 г.

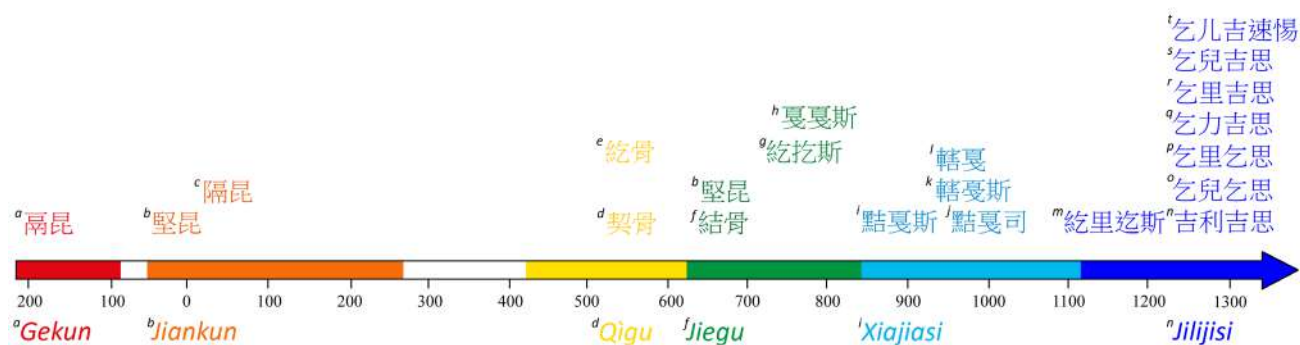

Рис. 10. Формы китайской записи этнонима и политонима *кыргыз* и периоды их использования с конца III в. до н.э. до XIV в. н.э. (цветом обозначены периоды использования; приведено современное чтение основных из них): (a) *Гэкунь* 𪛗昆 – использована в нач. I в. до н.э. при описании событий конца III в. до н.э.; в I в. н.э. при повторении тех же сведений в *Хань шу* написание первого иероглифа изменено – (c) 隔昆; фонетическая форма стала известна от хунну. (b) *Цзянькунь* 𪛗昆 – впервые появляется в *Хань шу* при описании событий истории хунну в 40-е гг. I в. до н.э., затем присутствует в *Вэй люэ* (около середины III в.); вновь возвращается в оборот в 1-й половине VII в. и использовалась до начала IX в. (d) *Цзугу* 契骨 – использовалась в период Первого тюркского каганата, а также при описании событий V в.; фонетическая форма, видимо, стала известна от тюрков. (f) *Цзегу* 結骨 – широко использовалась в эпоху Тан с 630-х гг. (после установления прямых контактов) до начала IX в. (g) *Хэгусы* 紇纥斯 – впервые зафиксирована в период 713–741 гг., затем – в одном из писем от императора к кагану кыргызов в период 841–846 гг., считается производной от ранее употреблявшегося племенами *телэ* 鐵勒 названия (e) *хэгусы* 紇纥. (h) *Цзяцзасы* 戛戛斯 – транскрипция, зафиксированная в конце VIII в.; вместе с близкими ей *хэгусы* и *сяцзасы* исходная фонетическая форма, видимо, стала известна от уйгуров. (i) *Сяцзасы* 黠戛斯 / 黠戛斯 – форма впервые была зафиксирована в период 784–801 гг., входит в широкое употребление после 843 г. В X в. при династии Сун изменилось написание последнего иероглифа – (j) 黠戛司. Близкая форма написания употреблялась в государстве киданей – (k) 轄戛斯 и (l) 轄戛 (*Ляо ши* 遼史; *Синь Удай ши* 新五代史, цз. 74). При династии Цзинь, правившей северной частью Китая после киданей, появилась другая форма – (m) *хэлицисы* 紇里迄斯. Несколько новых вариантов записи использовались во время правления монгольской династии Юань – *чилицисы* (q) 乞力吉思 / (r) 乞里吉思, (p) *чилицисы* 乞里乞思, (o) *циэрцисы* 乞兒乞思, (s) *циэрцисы* 乞兒吉思, (n) *чилицисы* 吉利吉思 и др. (*Юань ши* 元史); (t) *циэрцисуту* 乞儿吉速惕 (*Юаньчао миши* 元朝秘史, цз. 10) – транскрипция монгольского *киргисут* (суффикс -ут – монг. показатель мн. числа).

Fig. 10. Forms of the Chinese record of ethnonym and politonym *Kyrghyz* and periods of their use from the end of the 3rd century BC to the 14th century AD (the periods of use are indicated by color; the modern reading of the main ones is given).

характеризуют ситуацию около середины VIII в.: 西至碎葉二千二百二十里。北至堅昆衙帳約四千里。東北至回鶻衙帳三千里。«На запад до Суяба 碎葉 – 2220 ли, на север до Кыргызской ставки 堅昆衙帳 – около 4000 ли, на восток до Уйгурской ставки 回鶻衙帳 – 3000 ли».

Осторожного отношения здесь требует информация о цзянькунь в 70 ли к северу от Бэйтина. В энциклопедии *Тундянь* (通典 «Всеобщие установления», сост. Ду Ю 杜佑 в 770–801 гг., цз. 172: 防制突騎施、堅昆、斬啜，西北去突騎施三千餘里，北去堅昆七千里，東北去斬啜千七百里), а затем и в хронике *Цзю Тан шу*, цз. 40, в аналогичном описании расстояние на север до цзянькунь указано равным 7000 ли. *Цзю Тан шу*, цз. 40: 西至突騎施庭一千六百里，北至堅昆七千里，東至回鶻界一千七百里 «На запад до ставки тюркешей – 1600 ли, на север до цзянькунь – 7000 ли, на восток до уйгурской границы – 1700 ли». Цифра в 7000 ли от Бэй

тин 北庭 напоминает более ранние сведения о расстоянии до Цзянькунь от *Шаньюй тин* 單于庭, последний, однако, находился совсем в другом месте.

Так или иначе, упоминание Цзянькунь в контексте описания Западного края не случайно и свидетельствует о наличии между ними маршрута коммуникации и более-менее регулярных связей. Последнее перекликается с арабо-персидскими сведениями о функционировании в раннем Средневековье торгового пути из Чинанджкета (Турфанский оазис) до ставки правителя «хырхызов» за Саянами [Бартольд, 1973, с. 47]. В это время кыргызы не проживали в Восточном Туркестане, и в конце VIII – начале IX в. караваны, следующие к кыргызам с территории Арабского халифата, после пересечения восточно-туркестанских владений Тибета 吐蕃, опасаясь грабежей и разбоя уйгуров 回鶻, должны были жить у

карлуков 葛祿, ожидая прибытия сопровождения от кыргызов 黠戛斯 [Синь Тан шу, 1975, цз. 2176, с. 6149].

Процитированное выше описание местонахождения хэгу из *Бэй ши* и *Суй шу* позднее повторено во вступительной части текста о *сяцзясы* в *Синь Тан шу* (цз. 2176, с. 6146): 地當伊吾之西, 焉耆北, 白山之旁 «Земли находятся на запад от Иу, на север от Яньци, около Байшань». Название хэгу здесь тоже имеется: включено в число нескольких перечисленных и отождествляемых составителями вариантов транскрипции этнонима. При этом следом идет речь о южной границе государства кыргызов по горам *Таньмань* (совр. Танну-ола на юге Тувы).

Стоит также обратить внимание, что в *Синь Тан шу* среди перечисленных названий кыргызов из китайских источников приведен этноним *цзюйу* 居勿 – китайская транскрипция названия *кемюль*, известного по руническим эпитафиям на стелах с территории современной Тувы [Тишин, 2017]. Содержание последнего (название племенного союза либо иная социальная характеристика) пока остается предметом дебатов среди специалистов [Кормушин, 2008, с. 311; Кызласов, 20206, с. 144].

Первые ясные свидетельства появления кыргызов в Восточном Туркестане относятся к середине IX в. Они обусловлены событиями, последовавшими за разгромом в 840 г. Уйгурского каганата. В это время военные отряды кыргызов преследовали бежавших уйгуров и пытались взять под контроль важный для них юго-западный торговый путь: весной 843 г. «сяцзясы атаковали наместничества Аньси и Бэйтин¹» (*Цзю Тан шу*, цз. 174; [Малявкин, 1974, с. 37]). Стремление установить контроль за этими землями, отнять их у уйгуров они сохраняли и позднее, т.к. предложение о соответствующем союзе с Тан высказывалось послом кыргызов в 863 г. [Drompp, 1999, p. 396]. Часть кыргызов, видимо, попробовала закрепиться в Восточном Туркестане, поскольку их пребывание там во второй половине IX–X вв. подтверждается несколькими независимыми источниками: сведениями персидского источника [Hudūd al-‘Ālam, 1937, p. 98]; сведениями рукописи из Дуньхуана (930 г.; коллекция А. Стейна, №6551); сведениями *Сун ши* (宋史 «История Сун», сост. Тото 脫脫 в 1343 г.; цз. 490 – в форме *сяцзясы* 黠戛司) и др. Судя по ним, к X в. эта группа кыргызов утратила преж-

нее влияние времен экспансии кыргызского государства и оказалась в зависимости от более сильных соседей.

В XI в. с кыргызами контактировал Махмуд ал-Кашгари, упомянувший их после племени ягма в начале своего знаменитого труда: «Я обошел их города и степи и изучил наречия и стихи тюрков, туркменов-огузов, чигилей, ягма, *кыркызов*, так что для меня стал превосходно известным язык каждого племени» [2010, с. 56]. Поскольку он никогда не бывал на р. Енисей, то это знакомство могло состояться только в Восточном Туркестане. В этом контексте, учитывая используемый ал-Кашгари порядок перечисления народов – с запада на восток, какая-то небольшая группа кыргызов являлась восточными соседями ягма. Однако племя кыргызов, по его данным, находилось не здесь (рядом с чигилями, ягма, уйгурами и др.), а на востоке другой, северной группы тюркских племен (рядом с татарами и вблизи страны Чин, которая соответствует племени *кытай*) [Там же, с. 73], т.е. в землях Саяно-Алтая, вблизи владения киданей.

Высказывалась гипотеза, что сражения правителя киданей Елюй Даши с кыргызами в 1130 и 1133 гг. происходили на востоке Тянь-Шаня, т.е. с потомками оставшейся там части кыргызов [Худяков, 1995, с. 73]. Однако она основывалась на неточном переводе источника, на самом же деле речь идет о владениях на территории современной Тувы, о чем свидетельствует топоним *Qam-Kemčik* (в оригинальном тексте *Q.m K.bč.k*) [The History, 1958, p. 355, 356].

Таким образом, с III в. до н.э. страна Кыргыз находилась в Минусинской межгорной котловине, отграниченной от других территорий хребтами Западного и Восточного Саяна, Кузнецкого Алатау. Оснований локализовать ее на территории Монголии, Восточного Туркестана или еще западнее нет. Информация средневековых китайских исторических хроник о пребывании кыргызов в районе Восточного Тянь-Шаня не связана с древним периодом их истории. Каких-либо противоречий с предложенной выше гипотезой об Абаканском дворце как резиденции шаньюя Чжичжи в землях Цзянькунь не выявлено.

7.5. Лингвистический аспект проблемы

Хроники Тан и другие средневековые источники свидетельствуют о тюркоязычности кыргызов. Однако для племен тагарской культуры, в землях которых был построен Абаканский дворец, использование пратюркского языка малове-

¹ Имеется в виду территория бывших наместничеств, т.к. контроль Тан здесь был утрачен в конце VIII в.

роятно. Истоки тюркоязычности средневековых кыргызов, возможно, следует связывать с фактом, о котором сообщается в *Синь Тан шу* (цз. 2176, с. 6146–6147): 其種雜丁零 «Их племя (чжун) смешалось с динлинами». Судя по контексту и самому названию *динлин*, активное употребление которого в китайских источниках, начавшееся в эпоху Хань, прекращается около V в., сведения об этом «смешении» восходят к хунну-сяньбийскому времени. Причина «смешения» находит объяснение в рамках северной экспансии хунну и их преемников, которая сопровождалась перемещениями населения, нашедшими отражение в археологических памятниках степей Енисея (генезис тесинской и таштыкской культур).

Именно динлинов, родственных более поздним тюркоязычным *телэ*, можно считать носителями пратюркского. Их происхождение явно связано с ареалом культурной общности плиточных могил, распространение которой началось на востоке Монголии в конце II тыс. до н.э., а в I тыс. до н.э. включало уже и Центральную Монголию. Появление и экспансия этой культурной общности обусловлены освоением племенами восточной части евразийских степей кочевого скотоводства. При этом место проживания динлинов и основная территория распространения плиточных могил соответствуют северной части ареала пратюркского языка по современным реконструкциям лингвистов [Uchiyama et al., 2020, p. 11, fig. 3]. От южной части пратюркского ареала эти земли отделяет пустыня Гоби. Степи юго-восточнее Гоби во второй половине I тыс. до н.э. стали местом формирования хунну, язык которых, зафиксированный китайскими письменными источниками эпохи Хань, может быть определен не только как пратюркский [Дыбо, 2007], но и как связанный с прабулгарским (гипотеза Ю. Янхунена), т.е. с подгруппой первого порядка пратюркского языка [Robbeets et al., 2020]. Это хорошо соответствует сведениям китайских источников о соотношении языка динлинов и хунну: 其語略與匈奴同而時有小異 «Их (динлинов. – Ю.Е.) язык в основном одинаков с сюнну, но иногда есть небольшие отличия» (*Вэй шу*, цз. 103, с. 2307).

Возможным отголоском древнего языка Цзянькунь является упоминаемое в нескольких средневековых китайских хрониках название железа у кыргызов – *цзяша* 迦沙 (впервые записано, предположительно, в VII в.), родственное самодийскому *qaša* [Ligeti, 1950, p. 150–155; Tursun, 2020]. Пласт самодийской лексики сохранился в топонимике степной и лесостепной части Минусинской котловины, где предшествует тюрк-

скому пласту [Бутанаев, 1995, с. 7, 8; Сунчугашев, 2009, с. 108–110].

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что шаньюй Чжичжи – наиболее вероятный хозяин Абаканского дворца. Он единственный возможный обладатель титула Сын Неба, о котором есть не только информация, что он предпринимал поход на Саяно-Алтай, но и прямые сведения, что около 49 или 48 г. до н.э. разместил там, в землях Цзянькунь (кыргызов), свою резиденцию. Географическая локализация этой резиденции и Цзянькунь, по сведениям *Хань шу*, лучше всего соответствует Минусинской котловине – основной территории, которую государство Кыргыз занимало и в последующие века вплоть до начала XVIII в. Современная датировка надписи на черепице Абаканского дворца его отождествлению со ставкой Чжичжи шаньюя не противоречит. Использование высшей знатью хунну, вследствие соседства и регулярных контактов с Хань, китайских чиновников и мастеров, ряда традиций и китайской письменности также хорошо известно. Недостроенные стены вокруг дворца согласуются со сведениями исторических хроник о непродолжительном времени, проведенном Чжичжи шаньюем в землях кыргызов. Использование титула Сын Неба на черепице Абаканского дворца находит соответствие в вывешивании знамен Сына Неба на стенах его новой резиденции в землях Канцзюй. И то и другое, так же как подражание престижной дворцовой архитектуре Хань, было способом продемонстрировать и символически утвердить свой статус верховного правителя, равного императору Китая.

Проживание Чжичжи на р. Абакан и боязнь нападения войск Хуханье с юга могли стать причиной строительства еще одного важного объекта той эпохи в Минусинской котловине. В частности, именно данный исторический контекст мог бы объяснить появление в эпоху хунну стены и рва в Саянском каньоне Енисея, частично изученных в 1980–1982 гг. [Длужневская, 1989]. Эти укрепления позволяли перекрыть проход в Минусинскую котловину со стороны Тувы по льду Енисея, т.е. по наиболее удобной древней зимней дороге через Саяны.

С перемещением Чжичжи на р. Талас может быть связано появление на скалах этого района нескольких тамг, аналогичных наиболее сложному типу знака, вырезанному на оборотной сто-

роне черепицы Абаканского дворца. С этими же историческими событиями и воинами владений Цзянькунь и Уцзе, принимавшими участие в том далеком походе, может быть связана небольшая серия хронологически близких петроглифов у восточных границ Канцзюй, имеющая сходство с наскальными изображениями Минусинской котловины и соседних областей Саяно-Алтая.

Благодарности

Автор очень признателен за помощь в поиске китайской литературы и консультации по поводу значений некоторых иероглифов коллегам из КНР – докторам Сяо Бо 肖波 (Университет Гуанси, Наньнин), Жаркын Турсун 贾衣肯 (Институт древней истории Китайской академии общественных наук, Пекин) и особенно Егору Гребневу 葛覺智 (Южный университет науки и технологий, Шэньчжэнь), взявшему на себя труд прочитать ранний вариант рукописи, высказать свои замечания и советы, внести коррективы в некоторые переводы. Автор также благодарен за обсуждение рукописи Игорю Леонидовичу Кызласову (Институт археологии РАН, Москва), критические замечания которого помогли улучшить эту работу.

Статья подготовлена в рамках проекта «Exploring the northernmost capital of the Xiongnu and the Function of the Palace in Xiongnu Society», поддержанного грантом Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, AZ 21/F1/22).

Исторические источники на китайском языке

- Бэй ши [История Севера]. Сост. Ли Яньшоу. В 10 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974. 《北史》李延壽 (全十冊) 北京: 中華書局 1974年.
- Вэй шу [Книга Вэй]. Сост. Вэй Шоу. В 8 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974. 《魏書》魏收 (全八冊) 北京: 中華書局 1974年.
- Саньго чжи [Записи о Трех царствах]. Сост. Чэнь Шоу. В 5 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1971. 《三國志》陳壽 (全五冊) 北京: 中華書局 1971年.
- Синь Тан шу [Новая книга Тан]. Сост. Оуян Сю, Сун Ци. В 20 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. 《新唐書》歐陽脩, 宋祁 (全二十冊) 北京: 中華書局 1975年.
- Сун ши [История Сун]. Сост. Тото и др. В 40 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1977. 《宋史》脫脫 (全四十冊) 北京: 中華書局 1977年.
- Сун шу [Книга Сун]. Сост. Шэнь Юэ. В 8 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1973. 《宋書》沈約 (全八冊) 沈約 北京: 中華書局 1974年.
- Хань шу [Книга Хань]. Сост. Бань Гу. В 12 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1962. 《漢書》班固 (全十二冊) 北京: 中華書局 1962年.

- Хоу Хань шу [Книга Поздней Хань]. Сост. Фань Е. В 12 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1965. 《後漢書》范曄 (全十二冊) 北京: 中華書局 1965年.
- Чжоу шу [Книга Чжоу]. Сост. Линху Дэфэнь. В 3 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1971. 《周書》令狐德棻 (全三冊) 北京: 中華書局 1971年.
- Ши цзи [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь. В 10 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1959. 《史記》司馬遷 (全十冊) 北京: 中華書局 1959年.
- Шовэнь цзэцзы [Объяснение простых и анализ сложных письменных знаков]. Сост. Сюй Шэнь, коммент. Дуань Юйцзай. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1988. 1050 с. 《說文解字注》许慎; 段玉裁. 上海: 上海古籍出版社 1988年.

Литература

- Бартольд В. В. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1927. 57 с.
- Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII: Работы по источниковедению. М.: Наука, 1973. 724 с.
- Бернштам А. Н. [рец. на:] Евтюхова Л., Левашева В. Раскопки китайского дома близ Абакана // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. 1946. № 5. С. 478–481.
- Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л.: ЛГУ, 1951. 256 с.
- Би Чжичен. Классификация сюжетов каменных рельефов династии Хань провинции Шаньдун, КНР // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова. 2020. № 1–1. С. 343–354.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
- Богданов Е. С. Происхождение тамг хунну // Нижне-волжский археологический вестник. 2017. Т. 16, № 2. С. 5–32.
- Большой китайско-русский словарь. В 4 т. / сост., ред. И. М. Ошанин. М.: Наука, 1983–1984.
- Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука, 1989. 181 с.
- Боровкова Л. А. Царства «западного края» во II–I вв. до н. э. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. 368 с.
- Боталов С. Г., Баттулга О. История изучения поселенческих памятников хунну в Монголии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2. С. 69–76.
- Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995. 268 с.
- Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В. «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // СЭ. 1976. № 3. С. 137–149.
- Ван Най. История китайских иероглифов / пер. с кит.

- А. А. Южаниновой. М.: Шанс, 2019. 191 с.
- Ван Пэйлян.** Цинь Хань вадан ту лунь [Рассуждение об изображениях на вадан Цинь и Хань]. Сиань: Саньцин чубаньшэ, 2004. 324 с. 王培良《秦汉瓦当图论》西安: 三秦出版社 2004年.
- Го Можо.** Сулянь Цзисин [Заметки о поездке в Советский Союз]. Шанхай: Шанхай чжунвай чубаньшэ, 1946. 216 с. 郭沫若《苏联纪行》上海: 上海中外出版社 1946年.
- Гране М.** Китайская мысль от Конфуция и Лаоцзы. М.: Алгоритм, 2008. 528 с.
- Грум-Гржимайло Г.** Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. 898 с.
- Данилов С. В.** Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 201 с.
- Данилов С. В., Именохоев Н. В., Нанзатов Б. З., Симухин А. И., Очир А., Эрдэнэболд Л.** Города эпохи хунну на востоке Монголии // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 17. С. 74–93.
- Данилов С. В., Именохоев Н. В., Нанзатов Б. З., Симухин А. И., Тулуш Д. К., Эрдэнэболд Л.** Города эпохи хунну на территории Тувы // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 24. С. 74–92.
- Длужневская Г. В.** Крепость Омай-тура в Саянском каньоне Енисея (по материалам работ 1980–1982 гг.) // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 93–98.
- Дмитриев С. В.** Основные компоненты ханьского города на примере Чанъани // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция. М.: Вост. лит., 2002. С. 43–56.
- Дмитриев С. В.** К вопросу о Каракоруме // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция. М.: Вост. лит., 2009. С. 76–100.
- Древнекитайская философия.** Эпоха Хань / Ян Хиншун (сост.). М.: Наука, 1990. 523 с.
- Древние курганы Алтая.** Фотоальбом. Горно-Алтайск: Ак чечек, 1998. 128 с.
- Дуань Ляньцин.** Динлин, гаоцзюй юй телэ [Динлины, гаоцзюй и телэ]. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1988. 596 с. 段连勤《丁零·高车与铁勒》上海: 上海人民出版社 1988年.
- Дыбо А. В.** Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. лит. РАН, 2007. 222 с.
- Евтюхова Л. А.** Древнекитайское здание на Среднем Енисее // ВДИ. 1946. № 1. С. 107–111.
- Евтюхова Л. А.** Южная Сибирь в древности // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.: Гос. изд-во культурно-просветительской лит-ры, 1954. С. 195–224.
- Евтюхова Л. А., Левашева В. П.** Раскопки китайского дома близ Абакана (Хакасская АО) // КСИИМК. Вып. XII. 1946. С. 72–84.
- Евтюхова Л. А., Левашева В. П.** Ответ А. Н. Бернштаму // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. № 6. 1946а. С. 573–574.
- Есин Ю. Н.** Орудие для управления рабочим скотом в Восточном Тибете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 107–116.
- Есин Ю. Н.** Дворец правителя хунну в землях кыргызов // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы VII Международной научной конференции (23–24 сентября 2020 г.). Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2020а. С. 111–116.
- Есин Ю. Н.** Новая гипотеза о владельце Абаканского дворца // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан) / отв. ред. А. В. Поляков, М. Т. Кашуба, А. Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН, 2021 С. 147–153.
- Есин Ю. Н., Хоммель П., Амзараков П. Б., Ковалева О. В., Витлам Д., Петрова Н. Ю., Иптышев А. В.** Современные проблемы изучения жилищ тагарской культуры Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 72–84.
- Иванов В. В.** Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: этнос, языки, религии. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1992. С. 6–31.
- Ивлиев А. Л., Крадин Н. Н., Васютин С. А.** Черепица городища Тэрэлжин-Дэрвэлжин, Монголия (по материалам раскопок 2015 г.) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 20. С. 134–146.
- Идэрхангай Т.** Хүннү гүрний улс төрийн төв, Харганын Дөрвөлжингийн Хүннүгийн хааны зуны орд Лунчэн буюу Луут хот // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан) / отв. ред. А. В. Поляков, М. Т. Кашуба, А. Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 183–191.
- Идэрхангай Т., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П., Баянсан П.** Архангай аймгийн Өлзийт сумын нутаг дахь Харганын хөндийд орших хүннүгийн хотын тууринд явуулсан малтлага судалгаа // Монголын археологи-2020: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар хот, 2020а. С. 24–28.
- Идэрхангай Т., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П., Баянсан П.** Монголын археологчидын 2020 оны шилдэг хээрийн судалгаанууд тодорчээ. 2020б. URL: <https://usu.edu.mn/shildeg/> (дата обращения: 29.12.2020).
- Килуновская М. Е., Леус П. М.** Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 97–126.
- Киселев С. В.** Древняя история Южной Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.

- Киселев С.В.** Из истории китайской черепицы // СА. 1959. № 3. С. 159–178.
- Киселев С.В.** О древней черепице в музеях Китайской Народной Республики // СА. 1960. № 3. С. 311–316.
- Клементьев А.М., Симухин А.И., Бурова В.В., Прокопец С.Д.** Иволгинское хуннское городище в Забайкалье: археозоологические исследования (по материалам раскопок 2017 г.) // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 167–183.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэчжийских войн // Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. С. 367–383.
- Кобзев А.И.** Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука, 1993. 432 с.
- Ковалев А.А.** Китайский император на Енисее? Еще раз о хозяине ташебинского «дворца» // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2007. С. 145–148.
- Ковалев А.А.** Император Китая в хакаской степи // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 77–114.
- Кормушин И.В.** Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.
- Крадин Н.Н.** Империя хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.
- Крил Х.Г.** Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб.: Евразия, 2001. 480 с.
- Кроль Ю.Л.** Отношения империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. Вып. XXXII: Дальний Восток. Кн. 4: Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Вост. лит., 2005. С. 126–361.
- Крюков М.В.** Что такое счастье? // СЭ. 1980. № 2. С. 128–139.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. 416 с.
- Кызласов И.Л.** Дворцовый комплекс на Ташебе (новые исследования) // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: тезисы докладов. Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. С. 122–123.
- Кызласов И.Л.** Древняя история Хакасии. Абакан: Хакаское кн. изд-во имени В.М. Торосова, 2020а. 304 с.
- Кызласов И.Л.** Опасность современного письма рунами тюрков // Вопросы тюркской филологии. Вып. XIII: материалы Дмитриевских чтений / отв. ред. М.М. Репенкова, Е.А. Оганова. М.: Изд-во МБА, 2020б. С. 133–154.
- Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: МГУ, 1960. 198 с.
- Кызласов Л.Р.** Гуннский дворец на Енисее: проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Вост. лит., 2001. 176 с.
- Кызласов Л.Р.** Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит., 2006. 360 с.
- Кычанов Е.И.** Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд-во «Вост. лит.» РАН, 1997. 319 с.
- Кюннер Н.В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 392 с.
- Логинов В.В.** Локализация ставки хуннского шаньюя // Общество и государство в Китае. Т. XLII, ч. 3 / редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ИВ РАН, 2012. С. 53–64.
- Лю Цинчжу.** Гудай дучэн ю дилин каогу сюэ яньцзю [Археологические исследования древних столиц и императорских гробниц]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000. 367 с. 刘庆柱《古代都城与帝陵考古学研究》北京: 科学出版社, 2000年.
- Малавкин А.Г.** Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, 1974. 210 с.
- Малавкин А.Г.** Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск: Наука, 1981. 337 с.
- Малавкин А.Г.** Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам).** Вып. 1 / введ., пер. и примечания В.С. Таскина. М.: Наука, 1968. 177 с.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам).** Вып. 2 / введ., пер. и примечания В.С. Таскина. М.: Наука, 1973. 168 с.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / пер. с кит., предисл. и коммент.** В.С. Таскина. М.: Наука, 1984. 487 с.
- Махмуд ал-Кашгари.** Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина, прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. Т. 1. М.: Вост. лит., 2010. 461 с.
- Митько О.А., Комиссаров С.А.** «Дворец Ли Лина»: реалии и гипотезы // Великий шелковый путь: культурное наследие и развитие контактов. Новосибирск: НГУ, 2020. С. 46–57.
- Панкова С.В.** Новые образы таштыкского искусства и их параллели // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.В. Киселева, г. Минусинск. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 183–185.
- Полосьмак Н.В.** Стережущие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
- Полторацкая В.Н.** Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // АСГЭ. 1962. Вып. 5. С. 76–90.
- Пьянков И.В.** Проблема динлинов. Еще раз к вопросу

- о динлинах // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: материалы конференции. Т. I. СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 199–202.
- Рогожинский А.Е.** Незадолго до Чжан Цяня: след движения кочевников из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры // Алтай в кругу евразийских древностей / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 527–550.
- Рогожинский А.Е., Яценко С.А.** Знаки поздней античности в петроглифах Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 141–158.
- Савинов Д.Г.** Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1988. С. 64–74.
- Сунчугашев Р.Д.** Топонимия Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2009. 196 с.
- Сунь Цзячжоу.** «Цзуй бэйфан дэ Хань ши гундянь» цзици лиши цзеду [«Самый северный дворец ханьского типа» и его историческая интерпретация] // Вэньши Тяньди. 2018. Вып. 4. С. 12–16. 孙家洲《“最北方的汉式宫殿”及其历史解读》文史天地, 2018年, 第4期.
- Супруненко Г.П.** Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М.: Наука, 1974. С. 236–248.
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи). Т. 8 / пер. с кит. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, коммент. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина и А.М. Карапетьянца. М.: Вост. лит., 2002. 510 с.
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи). Т. 2 / пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 2003. 567 с.
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи). Т. 9 / пер. с кит. и коммент. А.Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 2010. 623 с.
- Сюй Хуэй.** Этимология китайских иероглифов / пер. с кит. Е.А. Кузьминой. М.: Шанс, 2020. 423 с.
- Сян Дао.** Цяньтань Ван Ман шици вадан [Краткий анализ вадан периода Ван Мана] // Хэйлунцзян ши чжи. 2014. № 11. С. 83–84. 向导《浅谈王莽时期瓦当》黑龙江史志, 2014年, 11期.
- Таскин В.С.** Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в Средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 54–102.
- Тишин В.В.** Заметки по поводу одного племенного названия в истории енисейских племен VI–X вв.: цзюй-у || kömtül-kümtül // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2017. № 1 (25). С. 32–41.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. № 3. С. 31–40.
- Төрбат Ц., Батсүх Д., Баярхүү Н.** Хүннүгийн археологийн тамгууд Люаньди овгийн тамга болох нь // Studia Archaeologica. Tom. XXXII, Fasc. 9. Улаанбаатар, 2012. Т. 136–161.
- Философы** из Хуайнани. Хуайнаньцзы / пер. Л.Е. Померанцевой; сост. И.В. Ушаков. М.: Мысль, 2004. 430 с.
- Фуцзян Бяньчжу.** Чжунго вадан ишу [Искусство вадан Китая]. Шанхай: Шанхай шудянь чубаньшэ, 2002. Т. 1-2. 傅嘉儀 編著《中國瓦當藝術》(全二冊) 上海: 上海書店出版社 2002年.
- Худяков Ю.С.** Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995. 188 с.
- Худяков Ю.С.** Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // ЭО. 2001. № 5. С. 75–83.
- Худяков Ю.С.** Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи: учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2006. 130 с.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.** Локализация районов проживания кыргызов в Южной Сибири и Центральной Азии в периоды поздней древности, раннего и развитого Средневековья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 109–120.
- Цуй Сяюй.** Цзинь Шань дицуй хуасян ши чжундэ пушоу сяньхуань тусян [Изображение дверной скобы в виде головы с кольцом на каменных рельефах из Шаньси и Шэньси] // Вэньу тяньди. 2020. № 1. С. 23–29. 崔潇瑜《晋陕地区画像石中的铺首衔环图像》文物天地, 2020年, 第1期.
- Чжао Цзюнь.** Е тань «чаньюй тянь цзянь» вадан чжун «цзянь» цзы дэ дуинь юй хань [Обсуждение чтения и значения иероглифа «цзянь» на «чаньюй тянь цзянь» вадан] // Чжунсюэ лиши цзясюэ цанькао. 2018. № 2. С. 52–53. 赵俊《也谈“单于天降”瓦当中“降”字的读音与含义》中学历史教学参考, 2018年, 第2期.
- Чжоу Лянькуань.** Сулянь Нань Сиболля со фасянь дэ чжунго ши гундянь ичжи [Остатки дворца китайского типа, обнаруженные в Советской Южной Сибири] // Каогу сюэбао. 1956. № 4. С. 55–66. 周连宽《苏联南西伯利亚所发现的中国式宫殿遗址》考古学报, 1956年, 第4期.
- Чэ Жигэ.** Цяньтань Баотоу чуту дэ Хань дай вадан [Краткий анализ вадан эпохи Хань из раскопок в Баотоу] // Нэймэнгу вэньу каогу. 2000. № 1 (22). С. 173–179. 车日格《浅谈包头出土的汉代瓦当》内蒙古文物考古, 2000年, 第1期.
- Шень Юньян.** Чжунго гудай вадан яньцзю [Исследование вадан Древнего Китая]. Пекин: Вэньу чубанше, 2006. 340 с. 申云艳《中国古代瓦当研究》北京: 文物出版社, 2006年.
- Эгиймаа Ц.** Сравнительный анализ строительных материалов хуннских городищ Тэрэлжийн дурвужин и Гуа дов // Россия и АТР. 2019. № 1. С. 62–81.
- Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д.** Тэнгэрийн илд: хүрэл зэвсгийн үе, Хүннү гүрний хүрэл эд өлгийн соёл. Пүрэвжавын Эрдэнэчулууны цуглуулга. Улаанбаатар: Нарлаг Монгол Оноодор, 2011. 496 т. (на монг. яз.)
- Яхонтов С.Е.** Древнейшие упоминания названия «киргиз» // СЭ. 1970. № 2. С. 110–120.

- A Concise Commentary** on the «Memoirs on the Western Regions» in the Official Histories of the Western and Eastern Han, Wei, Jin, and Southern and Northern Dynasties / Translated by Yu Taishan, Li Qiancheng. Beijing: Commercial Press, 2014. 911 pp.
- Atwood Ch. P.** Huns and Xiōngnú: New Thoughts on an Old Problem // *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*. Brian J. Boeck, Russell E. Martin, and Daniel Rowland, eds. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2012. Pp. 27–52.
- Batsuren B.** Longcheng // *Encyclopaedia Xiongnu* (ed. Ts. Turbat). Ulaanbaatar: ADMON, 2013. P. 127.
- Brosseder U.** Belt Plaques as an Indicator of East – West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. Pp. 349–424.
- Chavannes E.** Les pays d'Occident d'après le Wei lio // *T'oung Pao*. Vol. 2: 6. 1905. Pp. 519–571.
- De Groot J. J. M.** Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens I: Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin-Leipzig: Walter de Gruyter, 1921. 303 s.
- Di Cosmo N.** Aristocratic Elites in the Xiongnu Empire as Seen from Historical and Archeological Evidence // *Nomad Aristocrats in a World of Empires*, Ed. Jürgen Paul. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2013. Pp. 23–53.
- Drompp M. R.** Breaking the Orkhon Tradition: Kirghiz Adherence to the Yenisei Region after A.D. 840 // *Journal of the American Oriental Society*. 1999. Vol. 119. № 3. Pp. 390–403.
- Hartill D.** Cast Chinese coins: a historical catalogue. Victoria: Trafford Pub., 2005. 450 pp.
- Ḥudūd al-Ālam**, «The Regions of the World»: A Persian Geography 372 AH – 982 AD. London: Luzac & Co., 1937. 544 pp.
- Ligeti L.** Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1950. Vol. 1, № 1. Pp. 141–188.
- Maenchen-Helfen O.** The Ting-Ling // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1939. Vol. 4, No. 1. Pp. 77–86.
- McGovern W. M.** The Early Empires of Central Asia: A Study of the Scythians and the Huns and the Part They Played in World History, with Special Reference to the Chinese Sources. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1939. 529 pp.
- Miniaev S.S., Sakharovskaia L.M.** Investigation of a Xiongnu Royal Tomb Complex in the Tsaraam Valley. Part 2: The Inventory of Barrow No. 7 and the Chronology of the Site // *The Silk Road*. 2007. Vol. 5.1. Pp. 44–56.
- Pankova S. V.** One more culture with ancient tattoo tradition in Southern Siberia: tattoos on a mummy from the Oglakhty burial ground, 3rd–4th century AD // *Zurich studies in archaeology*. 2013. Vol. 9: Tattoos and body modifications in antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings the Hague and Oslo, 2010/11. Pp. 75–96.
- Pirazzoli- t'Serstevens M.** A Chinese Inscription from a Xiongnu Elite Barrow in the Tsaraam Cemetery // *The Silk Road*. 2007. Vol. 5.1. Pp. 56–58.
- Pulleyblank E.G.** The Consonantal System of Old Chinese: Part 2 // *Asia Major*. 1962. Vol. 9. Pp. 206–265.
- Pulleyblank E.G.** Chinese and Indo-European // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1966. № 1/2. Pp. 9–39.
- Pulleyblank E. G.** The «High Carts»: A Turkish-Speaking People Before the Türks // *Asia Major. Third Series*. 1990a. Vol. 3, № 1. Pp. 21–26.
- Pulleyblank E. G.** The name of the Kirghiz // *Central Asiatic Journal*. 1990b. Vol. 34, № 1–2. Pp. 98–108.
- Qiu Xigui.** Chinese Writing. Berkeley: Society for the Study of Early China and Institute of East Asian Studies, University of California, 2000. 569 pp.
- Robbeets M., Janhunen J., Savelyev A., Korovina E.** The homelands of the individual Transeurasian proto-languages // M. Robbeets, A. Savelyev (Eds.). *The Oxford Guide to the Transeurasian Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. Pp. 753–771.
- Rogozhinskii A. E., Yatsenko S. A.** The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: The Route from East to West in the 2nd Century BCE – 2nd Century CE // *The Silk Road*. 2015. Vol. 13. Pp. 109–125.
- Sinor D.** The Uighurs in Mongolia and the Kyrgyz // *History of civilizations of Central Asia*, v. 4: The Age of achievement, A.D. 750 to the end of the fifteenth century; Pt. I: the historical, social and economic setting. Ed. by M. S. Asimov and C. E. Bosworth. Paris: UNESCO, 1998. Pp. 196–205.
- The History of the World-Conqueror** by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Translated from the Text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 409 pp.
- Turbat Ts.** Dinling tribe // *Encyclopaedia Xiongnu* (ed. Ts. Turbat). Ulaanbaatar: ADMON, 2013a. P. 66.
- Turbat Ts.** Kyrgyz // *Encyclopaedia Xiongnu* (ed. Ts. Turbat). Ulaanbaatar: ADMON, 2013b. P. 124.
- Tursun J.** On «raining iron» in the Qırqız land in the early Middle Ages // *Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы VII Международной научной конференции (23–24 сентября 2020 г.)*. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2020. С. 177–180.
- Uchiyama J., Gillam J., Savelyev A., Ning C.** Populations dynamics in Northern Eurasian forests: A long-term perspective from Northeast Asia // *Evolutionary Human Sciences*. 2020. Vol. 2, E16. – DOI: 10.1017/ehs.2020.11
- Vaissiere E. de la.** Huns et Xiongnu // *Central Asiatic Journal*. 2005. № 1 (49). Pp. 3–27.
- Vovin A.** Two Newly Found Xiōng-nú Inscriptions and Their Significance for the Early Linguistic History of Central Asia // *International Journal of Eurasian Lin-*

guistics. 2020. Vol. 2. Pp. 315–322.

Yu Taishan. On the Geographical Location of the Jiankun and the Hypothesis about Juanhan-Jiankun Identity // International Journal of Eurasian Studies. 2019. Vol. 9. Pp. 1–5. 余太山《坚昆地望小考—兼说鄯鞑即坚昆》*歐亞學刊*，新9輯，2019年。

References

- A Concise Commentary** on the «Memoirs on the Western Regions» in the Official Histories of the Western and Eastern Han, Wei, Jin, and Southern and Northern Dynasties / Translated by Yu Taishan, Li Qiancheng. Beijing: Commercial Press, 2014. 911 pp.
- Atwood Ch. P.** Huns and Xiōngnú: New Thoughts on an Old Problem. In: Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski. Brian J. Boeck, Russell E. Martin, and Daniel Rowland, eds. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2012. Pp. 27–52.
- Bartol'd V.V.** Kirgizy (Istoricheskii ocherk). Frunze: Kirgizskoe gos. izd-vo, 1927. 57 pp.
- Bartol'd V.V.** Sochineniya. T. VIII: Raboty po istochnikovedeniyu. Moscow: Nauka, 1973. 724 pp.
- Batsuren B.** Longcheng. In: Encyclopaedia Xiongnu (ed. Ts. Turbat). Ulaanbaatar: ADMON, 2013. P. 127.
- Bernshtam A.N.** [rets. na:] Evtyukhova L., Levasheva V. Raskopki kitaiskogo doma bliz Abakana. *Izv. AN SSSR. Seriya istorii i filosofii*. 1946. № 5. Pp. 478–481.
- Bernshtam A.N.** Ocherk istorii gunnov. Leningrad: LGU, 1951. 256 pp.
- Bichurin N.Ya.** Sbranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. T. I. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950. 382 pp.
- Bi Chzhichen.** Klassifikatsiya syuzhetov kamennykh rel'efov dinastii Khan' provintsii Shan'dun, KNR. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi khudozhestvenno-promyshlennoi akademii im. S. G. Stroganova*. 2020. № 1–1. Pp. 343–354.
- Bogdanov E.S.** Proiskhozhdenie tamg khunnu. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*. 2017. T. 16, № 2. Pp. 5–32.
- Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'.** V 4 t. / Sost., red. I. M. Oshanin. Moscow: Nauka, 1983–1984.
- Borovkova L.A.** Tsarstva «zapadnogo kraya» vo II–I vv. do n.e. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2001. 368 pp.
- Borovkova L.A.** Zapad Tsentral'noi Azii vo II v. do n.e. – VII v. n.e. (istoriko-geograficheskii obzor po drevnekitaiskim istochnikam). Moscow: Nauka, 1989. 181 pp.
- Botalov S.G., Battulga O.** Istoriya izucheniya poselencheskikh pamyatnikov khunnu v Mongolii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2017. № 2. Pp. 69–76.
- Brosseder U.** Belt Plaques as an Indicator of East – West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in Inner Asia. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. Pp. 349–424.
- Butanaev V.Ya.** Toponimicheskii slovar' Khakassko-Minusinskogo kraya. Abakan, 1995. 268 pp.
- Chavannes E.** Les pays d'Occident d'après le Wei lio. *T'oung Pao*. Vol. 2: 6. 1905. Pp. 519–571.
- Che Rige.** Qiantan Baotou chutu de Han dai wadang. *Neimenggu wenwu kaogu*. 2000. № 1 (22). Pp. 173–179. 车日格《浅谈包头出土的汉代瓦当》*内蒙古文物考古*，2000年，第1期。
- Cui Xiaoyu.** Jin Shan diqu huaxiang shi zhongde pushou xianhuan tuxiang. *Wenwu tiandi*. 2020. № 1. Pp. 23–29. 崔潇瑜《晋陕地区画像石中的铺首衔环图像》*文物天地*，2020年，第1期。
- Danilov S.V.** Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2004. 201 pp.
- Danilov S.V., Imenokhoev N.V., Nanzatov B.Z., Simukhin A.I., Ochir A., Erdenebold L.** Goroda epokhi khunnu na vostoke Mongolii. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»*. 2016. T. 17. Pp. 74–93.
- Danilov S.V., Imenokhoev N.V., Nanzatov B.Z., Simukhin A.I., Tulush D.K., Erdenebold L.** Goroda epokhi khunnu na territorii Tuvy. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»*. 2018. T. 24. Pp. 74–92.
- De Groot J.J. M.** Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens I: Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin-Leipzig: Walter de Gruyter, 1921. 303 pp.
- Di Cosmo N.** Aristocratic Elites in the Xiongnu Empire as Seen from Historical and Archeological Evidence. In: Nomad Aristocrats in a World of Empires, Ed. Jürgen Paul. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2013. Pp. 23–53.
- Dluzhnevskaya G.V.** Krepost' Omai-tura v Sayanskom kan'one Eniseya (po materialam rabot 1980–1982 gg.). *KSIA*. 1989. Vyp. 196. Pp. 93–98.
- Dmitriev S.V.** Osnovnye komponenty khan'skogo goroda na primere Chan'ani. In: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXII nauchnaya konferentsiya. Moscow: Vost. lit., 2002. Pp. 43–56.
- Dmitriev S.V.** K voprosu o Karakorume. In: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXIX nauchnaya konferentsiya. Moscow: Vost. lit., 2009. Pp. 76–100.
- Drevnie kurgany Altaya.** Fotoal'bom. Gorno-Altaysk: Ak chechek, 1998. 128 pp.
- Drevnekitaiskaya filosofiya.** Epokha Khan' / Yan Khinshun (sost.). Moscow: Nauka, 1990. 523 pp.
- Drompp M.R.** Breaking the Orkhon Tradition: Kirghiz Adherence to the Yenisei Region after A.D. 840. *Journal of the American Oriental Society*. 1999. Vol. 119. № 3. Pp. 390–403.
- Duan Lianqin.** Dingling, gaoju yu tielei. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 1988. 596 pp. 段连勤《丁零、高车与铁勒》上海：上海人民出版社 1988年。

- Dybo A.V.** Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskii fond: pratyurkskii period. Moscow: Vost. lit. RAN, 2007. 222 pp.
- Egiimaa Ts.** Sravnitel'nyi analiz stroitel'nykh materialov khunnskikh gorodishch Terelzhiin durvulzhin i Gavadov. *Rossiia i ATR*. 2019. № 1. Pp. 62–81.
- Erdenechuluun P., Erdenebaatar D.** Tengeriin ild: khurel zevsgiin ue, Khunnu gurnii khurel ed olgiin soel. The Purev Erdenechuluun collection. Ulaanbaatar, 2011. 496 pp.
- Esin Yu.N.** An Eastern Tibetan Tool for Managing Draught Cattle. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2020. T. 48, № 3. Pp. 107–116.
- Esin Yu.N.** Dvoretz pravatelya khunnu v zemlyakh kyrgyzov. In: Narody i kul'tury Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (23–24 sentyabrya 2020 g.). Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 2020a. Pp. 111–116.
- Esin Yu.N.** Novaya gipoteza o vladel'tse Abakanskogo dvortsa. In: Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoi Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (8–11 sentyabrya 2021 goda, g. Abakan) / otv. red. A.V. Polyakov, M.T. Kashuba, A.D. Tsybiktarov. Abakan: IIMK RAN, 2021 Pp. 147–153.
- Esin Yu. N., Khommel' P., Amzarakov P.B., Koval'eva O.V., Vitlam D., Petrova N.Yu., Iptyshev A.V.** Sovremennye problemy izucheniya zhilishch tagarskoi kul'tury Minusinskoi kotloviny. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 2020. № 1 (25). Pp. 72–84.
- Evtukhova L.A.** Drevnekitaiskoe zdanie na Srednem Enisee. *VDI*. 1946. № 1. Pp. 107–111.
- Evtukhova L.A.** Yuzhnaya Sibir' v drevnosti. In: Po sledam drevnikh kul'tur. Ot Volgi do Tikhogo okeana. Moscow: Gos. izd-vo kul'turno-prosvetitel'skoi lit-ry, 1954. Pp. 195–224.
- Evtukhova L.A., Levasheva V.P.** Otvet A. N. Bernshtamu. *Izv. AN SSSR. Seriya istorii i filosofii*. № 6. 1946g. Pp. 573–574.
- Evtukhova L.A., Levasheva V.P.** Raskopki kitaiskogo doma bliz Abakana (Khakasskaya A.O.). *KSIIMK*. Vyp. XII. 1946. Pp. 72–84.
- Filosofy iz Khuainani.** Khuainan'tszy / Per. L.E. Pomerantsevoi; sost. I.V. Ushakov. Moscow: Mysl', 2004. 430 pp.
- Fujiayi Bianzhu.** Zhongguo wadang yishu. Shanghai: Shanghai shudian chubanshe, 2002. In 2 vol. 傅嘉儀編著《中國瓦當藝術》(全二冊)上海: 上海書店出版社 2002年.
- Grane M.** Kitaiskaya mysl' ot Konfutsiya i Laotszy. Moscow: Algoritm, 2008. 528 pp.
- Grum-Grzhimailo G.** Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai. T. II. Leningrad, 1926. 898 pp.
- Guo Moruo.** Sulian jixing. Shanghai: Shanghai zhongwai chubanshe, 1946. 216 pp. 郭沫若《苏联纪行》上海: 上海中外出版社 1946年.
- Hartill D.** Cast Chinese coins: a historical catalogue. Victoria: Trafford Pub., 2005. 450 pp.
- Hudūd al-Ālam,** «The Regions of the World»: A Persian Geography 372 AH – 982 AD. London: Luzac & Co., 1937. 544 pp.
- Iderkhangai T.** Khunnu gurnii uls turiin tuv, Kharganyan Durvulzhingiin Khunnugiin khaany zuny ord Lunchen buyuu Luut khot // Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoi Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (8–11 sentyabrya 2021 goda, g. Abakan) / otv. red. A.V. Polyakov, M.T. Kashuba, A.D. Tsybiktarov. Abakan: IIMK RAN, 2021. Pp. 183–191.
- Iderkhangai T., Orgilbayar S., Tsend D., Batchimeg B., Amgalanbat B., Erdenepyrev P., Bayansan P.** Arkhangai aimgiin Olziit sumyn nutag dakh' Kharganyan khendiid orshikh khynnygiin khotyn tuurind yavuulsan maltlaga sudalgaa. In: Mongolyn arkheologi-2020: Erdem shinzhilgeenii khurlyn emkhetgel. Ulaanbaatar khot, 2020a. Pp. 24–28.
- Iderkhangai T., Orgilbayar S., Tsend D., Batchimeg B., Amgalanbat B., Erdenepyrev P., Bayansan P.** Mongolyn arkheologchidyn 2020 ony shildeg kheerijn sudalgaanuud todorchee. 2020b. URL: <https://usu.edu.mn/shildeg/> (2020.12.29).
- Ivanov V.V.** Tokhary. In: Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e: Etnos, yazyki, religii. Moscow: Nauka: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1992. Pp. 6–31.
- Ivliev A.L., Kradin N.N., Vasyutin S.A.** Cherepitsa gorodishcha Terelzhin-Dervelzhin, Mongoliya (po materialam raskopok 2015 g.). *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. 2018. № 20. Pp. 134–146.
- Khudyakov Yu.S.** Kyrgyzy na prostorakh Azii. Bishkek, 1995. 188 pp.
- Khudyakov Yu.S.** Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri khunnosyan'biiskoi epokhi: Uchebnoe posobie. Novosibirsk: NGU, 2006. 130 pp.
- Khudyakov Yu.S.** Problemy istorii drevnikh kyrgyzov (pervonachal'noe rasselenie). *EO*. 2001. № 5. Pp. 75–83.
- Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu.** Localization of the Kyrgyz Residence Areas in Southern Siberia and Central Asia within the Periods of late Antiquity, Early and High Middle Ages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, № 7: Archaeology and Ethnography, p. 109–120. (in Russ.)
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M.** Azhurnye bronzovye pryazhki epokhi khunnu v Tuve. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 2020. № 1 (25). Pp. 97–126.
- Kiselev S.V.** Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949. 364 pp.
- Kiselev S.V.** Iz istorii kitaiskoi cherepitsy. *SA*. 1959. № 3. Pp. 159–178.
- Kiselev S.V.** O drevnei cherepitse v muzeyakh Kitaiskoi Narodnoi Respubliki. *SA*. 1960. № 3. Pp. 311–316.
- Klementiev A.M., Simukhin A.I., Burova V.V., Prokopets S.D.** Ivolginsk Xiongnu Fortress in Transbaikalia: archaeozoological research (based on excavations 2017). *Povolzhskaya arkheologiya*. 2020. Vol. 1 (31). Pp. 167–183.
- Klyashtorny S.G., Savinov D.G.** Pazyrykskaya uzda. K predystorii khunno-yuehchzhiiskikh voyn // Klyash-

- tornyi S. G. Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti i ehtnokul'turnaya istoriya Tsentral'noi Azii. St. Petersburg: Nauka, 2006. Pp. 367–383.
- Kobzev A. I.** Uchenie o simvolakh i chislakh v kitaiskoi klassicheskoi filosofii. Moscow: Nauka, 1993. 432 pp.
- Kormushin I. V.** Tyurkskie eniseiskie epitafii: grammatika, tekstologiya. Moscow: Nauka, 2008. 342 pp.
- Kovalev A. A.** Kitaiskii imperator na Enisee? Eshche raz o khozyaine tashebinskogo «dvortsya». In: Etnoistoriya i arkheologiya Severnoi Evrazii: teoriya, metodologiya i praktika issledovaniya. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gos. tekhnicheskogo un-ta, 2007. Pp. 145–148.
- Kovalev A. A.** Imperator Kitaya v khakasskoi stepi. In: Khunnu: arkheologiya, proiskhozhdenie kul'tury, etnicheskaya istoriya. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2011. Pp. 77–114.
- Kradin N. N.** Imperiya Khunnu. Moscow: Logos, 2001. 312 pp.
- Kril Kh. G.** Stanovlenie gosudarstvennoi vlasti v Kitae. Imperiya Zapadnaya Chzhou. St. Petersburg: Evraziya, 2001. 480 pp.
- Krol' Yu. L.** Otnosheniya imperii i syunnu glazami Ban' Gu. In: Strany i narody Vostoka. Vyp. XXXII: Dal'nii Vostok. Kn. 4: Problemy geografii i vneshnei politiki v «Istorii Khan'» Ban' Gu: issledovaniya i perevody. Moscow: Vost. lit., 2005. Pp. 126–361.
- Kryukov M. V.** Chto takoe schast'e? SE. 1980. № 2. Pp. 128–139.
- Kryukov M. V., Perelomov L. S., Sofronov M. V., Cheboksarov N. N.** Drevnie kitaitsy v epokhu tsentralizovannykh imperii. Moscow: Nauka, 1983. 416 pp.
- Kychanov E. I.** Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov. Moscow: Izd-vo «Vost. lit.» RAN, 1997. 319 pp.
- Kyuner N. V.** Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka. Moscow: Izd-vo vost. lit., 1961. 392 pp.
- Kyzlasov I. L.** Dvortsovyi kompleks na Tashebe (novye issledovaniya). In: Problemy izucheniya Sibiri v nauchno-issledovatel'skoi rabote muzeev: tezisy dokladov. Krasnoyarsk: Izd-vo KGU, 1989. Pp. 122–123.
- Kyzlasov I. L.** Drevnyaya istoriya Khakasii. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo im. V. M. Torosova, 2020a. 304 pp.
- Kyzlasov I. L.** Opasnost' sovremennogo pis'ma runami tyurkov. In: Voprosy tyurkskoi filologii. Vyp. XIII: materialy Dmitrievskikh chtenii / Otv. red. M. M. Repenkova, E. A. Oganova. Moscow: Izd-vo MBA, 2020b. Pp. 133–154.
- Kyzlasov L. R.** Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoi kotloviny (I v. do n.e. – V v. n.e.). Moscow: MGU, 1960. 198 pp.
- Kyzlasov L. R.** Gunnskii dvorets na Enisee: Problema rannei gosudarstvennosti Yuzhnoi Sibiri. Moscow: Vost. lit., 2001. 176 pp.
- Kyzlasov L. R.** Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoi i Severnoi Azii: istoricheskie i arkheologicheskie issledovaniya. Moscow: Vost. lit., 2006. 360 pp.
- Ligeti L.** Mots de civilization de Haute Asie en transcription chinoise. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1950. Vol. 1, № 1. Pp. 141–188.
- Liu Qingzhu.** Gudai ducheng yu diling kaogu xue yanjiu. Beijing: Kexue chubanshe, 2000. 367 pp. 刘庆柱《古代都城与帝陵考古学研究》北京: 科学出版社, 2000年.
- Loginov V. V.** Lokalizatsiya stavki khunnuskogo shan'yuya. In: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLII, ch. 3 / Eds.: A. I. Kobzev et al. Moscow: IV RAN, 2012. Pp. 53–64.
- Maenchen-Helfen O.** The Ting-Ling. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1939. Vol. 4, No. 1. Pp. 77–86.
- Makhmud al-Kashgari.** Divan lugat at-turk (Svod tyurkskikh slov): v 3 t. / Per. s arab. A. R. Rustamova pod red. I. V. Kormushina, prim. I. V. Kormushina, E. A. Potseluevskogo, A. R. Rustamova. T. 1. Moscow: Vost. lit., 2010. 461 pp.
- Malyavkin A. G.** Istoricheskaya geografiya Tsentral'noi Azii (materialy i issledovaniya). Novosibirsk: Nauka, 1981. 337 pp.
- Malyavkin A. G.** Tanskije khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noi Azii: Teksty i issledovaniya. Novosibirsk: Nauka, 1989. 432 pp.
- Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu.** / Per. s kit., predisl. i komment. B. C. Taskina. Moscow: Nauka, 1984. 487 pp.
- Materialy po istorii syunnu (po kitaiskim istochnikam).** Vyp. 1 / Vved., per. i primechaniya B. C. Taskina. Moscow: Nauka, 1968. 177 pp.
- Materialy po istorii syunnu (po kitaiskim istochnikam).** Vyp. 2 / Vved., per. i primechaniya B. C. Taskina. Moscow: Nauka, 1973. 168 pp.
- McGovern W. M.** The Early Empires of Central Asia: A Study of the Scythians and the Huns and the Part They Played in World History, with Special Reference to the Chinese Sources. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1939. 529 pp.
- Miniaev S. S., Sakharovskaia L. M.** Investigation of a Xiongnu Royal Tomb Complex in the Tsaraam Valley. Part 2: The Inventory of Barrow No. 7 and the Chronology of the Site. *The Silk Road*. 2007. Vol. 5.1. Pp. 44–56.
- Mit'ko O. A., Komissarov S. A.** «Dvorets Li Lina»: realii i gipotezy. In: Velikii Shelkovyi put': kul'turnoe nasledie i razvitie kontaktov. Novosibirsk: NGU, 2020. Pp. 46–57.
- Pankova S. V.** Novye obrazy tashtytskogo iskusstva i ikh paralleli. In: Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri: idei, metody, otkrytiya. Sbornik dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. V. Kiseleva, g. Minusinsk. Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astaf'eva, 2005. Pp. 183–185.
- Pankova S. V.** One more culture with ancient tattoo tradition in Southern Siberia: tattoos on a mummy from the Oglakhty burial ground, 3rd-4th century AD. In: Zurich studies in archaeology. 2013. Vol. 9: Tattoos and body modifications in antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings the Hague and Oslo, 2010/11. Pp. 75–96.
- Pirazzoli-t'Serstevens M.** A Chinese Inscription from a Xiongnu Elite Barrow in the Tsaraam Cemetery. *The*

- Silk Road*. 2007. Vol. 5.1. Pp. 56–58.
- Polos'mak N. V.** Steregushchie zoloto grify (ak-alakhinskie kurgany). Novosibirsk: Nauka, 1994. 125 pp.
- Poltoratskaya V. N.** Znaki na predmetakh iz kurganov epokhi rannikh kochevnikov v gornom Altae. *ASGE*. 1962. Vyp. 5. Pp. 76–90.
- Pulleyblank E. G.** The Consonantal System of Old Chinese: Part 2. *Asia Major*. 1962. Vol. 9. Pp. 206–265.
- Pulleyblank E. G.** Chinese and Indo-European. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1966. № 1/2. Pp. 9–39.
- Pulleyblank E. G.** The «High Carts»: A Turkish-Speaking People Before the Türks. *Asia Major. Third Series*. 1990a. Vol. 3, № 1. Pp. 21–26.
- Pulleyblank E. G.** The name of the Kirghiz. *Central Asiatic Journal*. 1990b. Vol. 34, № 1–2. Pp. 98–108.
- P'yankov I. V.** Problema dinlinov. Eshche raz k voprosu o dinlinakh. In: Lev Nikolaevich Gumilev. Teoriya etnogeneza i istoricheskie sud'by Evrazii: Materialy konferentsii. T. I. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2002. Pp. 199–202.
- Qiu Xigui.** Chinese Writing. Berkeley: Society for the Study of Early China and Institute of East Asian Studies, University of California, 2000. 569 pp.
- Robbeets M., Janhunen J., Savelyev A., Korovina E.** The homelands of the individual Transeurasian proto-languages. In: M. Robbeets, A. Savelyev (Eds.). The Oxford Guide to the Transeurasian Languages. Oxford: Oxford University Press, 2020. Pp. 753–771.
- Rogozhinskii A. E.** Nezdolgo do Chzhan Tsyanya: sled dvizheniya nomadov iz Tsentra Azii na Zapad v poslednie veka do nashei ery. In: Altai v krugu evraziiskikh drevnostei / Otv. red. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2016. Pp. 527–550.
- Rogozhinskii A. E., Yatsenko S. A.** The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: The Route from East to West in the 2nd Century BCE – 2nd Century CE. *The Silk Road*. 2015. Vol. 13. Pp. 109–125.
- Rogozhinskii A. E., Yatsenko S. A.** Znaki pozdnei antichnosti v petroglifakh Kazakhstana. In: Tamgi doislamskoi Tsentral'noi Azii. Samarkand: MITsAI, 2019. Pp. 141–158.
- Savinov D. G.** Vladoenie Tsigu drevnetyurkskikh genealogicheskikh predanii i tashtyyskaya kul'tura. In: Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Yuzhnoi Sibiri. Abakan: KhakNIYaLI, 1988. Pp. 64–74.
- Shen Yunyan.** Zhongguo gudai wadang yanjiu. Beijing: Wenwu chubanshe, 2006. 340 pp. 申云艳 《中国古代瓦当研究》北京: 文物出版社, 2006年.
- Sinor D.** The Uighurs in Mongolia and the Kyrgyz. In: History of civilizations of Central Asia, v. 4: The Age of achievement, A.D. 750 to the end of the fifteenth century; Pt. I: the historical, social and economic setting. Ed. by M. S. Asimov and C. E. Bosworth. Paris: UNESCO, 1998. Pp. 196–205.
- Sun Jiazhou.** «Zui beifang de Han shi gongdian» jiqi lishi jiedu. *Wenshi tiandi*. 2018. № 4. Pp. 12–16. 孙家洲《“
- 最北方的汉式宫殿”及其历史解读》文史天地, 2018年, 第4期.
- Sunchugashev R. D.** Toponimiya Khakasii. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 2009. 196 pp.
- Suprunenko G. P.** Nekotorye istochniki po drevnei istorii kyrgyzov. In: Istoriya i kul'tura Kitaya. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 236–248.
- Syma Tsyun'.** Istoricheskie zapiski (Shi tszi). T. 2 / Per. s kit. i komment. R. V. Vyatkina i B. C. Taskina; pod obshch. red. R. V. Vyatkina. Moscow: Vost. lit., 2003. 567 pp.
- Syma Tsyun'.** Istoricheskie zapiski (Shi tszi). T. 8 / Per. s kit. R. V. Vyatkina i A. M. Karapet'yantsa, komment. R. V. Vyatkina, A. R. Vyatkina i A. M. Karapet'yantsa, vstup. st. R. V. Vyatkina. Moscow: Vost. lit., 2002. 510 pp.
- Syma Tsyun'.** Istoricheskie zapiski (Shi tszi). T. 9 / Per. s kit., komment. A. R. Vyatkina. Moscow: Vost. lit., 2010. 623 pp.
- Syui Khuei.** Etimologiya kitaiskikh ieroglifov / Per. s kit. E. A. Kuz'min. Moscow: Shans, 2020. 423 pp.
- Taskin V. S.** Materialy po istorii ukhuanei i syan'bi. In: Dal'nii Vostok i sosednie territorii v srednie veka. Novosibirsk: Nauka, 1980. Pp. 54–102.
- The History of the World-Conqueror** by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Translated from the Text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 409 pp.
- Tishin V. V.** Zametki po povodu odnogo plemennogo nazvaniya v istorii eniseiskikh plemen VI-X vv.: tszyuiu || kömül-kümül. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*. 2017. № 1 (25). Pp. 32–41.
- Tishkin A. A., Gorbunov V. V.** Gornyi Altai v khunnuskoe vremya: kul'turno-khronologicheskii analiz arkheologicheskikh materialov. *Rossiiskaya arkheologiya*. 2006. № 3. Pp. 31–40.
- Turbat Ts.** Dinling tribe. In: Encyclopaedia Xiongnu (ed. Ts. Turbat). Ulaanbaatar: ADMON, 2013a. P. 66.
- Turbat Ts.** Kyrgyz. In: Encyclopaedia Xiongnu (ed. Ts. Turbat). Ulaanbaatar: ADMON, 2013b. P. 124.
- Turbat Ts., Batsukh D., Bayarkhuu N.** Xiongnu archaeological tamgas are as the Luanti clan property signs. *Studia Archaeologica*. Tom. XXXII, Fasc. 9. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 136–161.
- Tursun J.** On «raining iron» in the Qirgiz land in the early Middle Ages. In: Narody i kul'tury Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (23–24 sentyabrya 2020 g.). Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 2020. Pp. 177–180.
- Uchiyama J., Gillam J., Savelyev A., Ning C.** Populations dynamics in Northern Eurasian forests: A long-term perspective from Northeast Asia. *Evolutionary Human Sciences*, 2020, 2, E16. – DOI: 10.1017/ehs.2020.11
- Vadetskaya E. B.** Tashtyyskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 440 pp.
- Vainshtein S. I., Kryukov M. V.** «Dvorets Li Lina», ili konets odnoi legendy. *SE*. 1976. № 3. Pp. 137–149.
- Vaissiere E. de la.** Huns et Xiongnu. *Central Asiatic*

- Journal*. 2005. № 1 (49). Pp. 3–27.
- Van Nai.** Istoriya kitaiskikh ieroglifov / Per. s kit. A. A. Yuzhaninovi. Moscow: Shans, 2019. 191 pp.
- Vovin A.** Two Newly Found Xiōng-nú Inscriptions and Their Significance for the Early Linguistic History of Central Asia. *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2020. Vol. 2. Pp. 315–322.
- Wang Peiliang.** Qin Han wadang tu lun. Xi'an: Sanqin chubanshe, 2004. 324 pp. 王培良《秦汉瓦当图论》西安: 三秦出版社 2004年.
- Xiang Dao.** Qiantan Wang Mang shiqi wadang. *Heilongjiang shi zhi*. 2014. № 11. Pp. 83–84. 向导《浅谈王莽时期瓦当》黑龙江史志, 2014年, 11期.
- Yakhontov S.E.** Drevneishie upominaniya nazvaniya «kirgiz». *SE*. 1970. № 2. Pp. 110–120.
- Yu Taishan.** On the Geographical Location of the Jiankun and the Hypothesis about Juanhan-Jiankun Identity. *International Journal of Eurasian Studies*. 2019. Vol. 9. Pp. 1–5. 余太山《坚昆地望小考—兼说鄯鞬即坚昆》《欧亚学刊》, 新9辑, 2019年.
- Zhao Jun.** Ye tan «chan yu tian jiang» wadang zhong «jiang» zi de duyin yu hanyi. *Zhongxue lishi jiaoxue cankao*. 2018. №2. Pp. 52-53. 赵俊《也谈“单于天降”瓦当中“降”字的读音与含义》《中学历史教学参考》, 2018年, 第2期.
- Zhou Liankuan.** Sulian nan Xiboliya suo faxian de zhongguo shi gongdian yizhi. *Kaogu xuebao*. 1956. № 4. Pp. 55–66. 周连宽《苏联南西伯利亚所发现的中国式宫殿遗址》《考古学报》, 1956年, 第4期.

СТРАНА КЫРГЫЗОВ НА КАРТАХ БОЛЬШОГО АТЛАСА АЛ-ИДРИСИ

Ю. Н. Есин

Центр археологических исследований Монгольского национального университета, №202, 2-й корпус, ул. Их Сургуули 1, Бага Тойруу, 14200, Улан-Батор, Монголия; email: esin2013@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4291-3313

Статья посвящена изучению географических сведений о стране кыргызов в атласе *Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак* арабского географа XII в. ал-Идриси. Установлено, что в некоторых аспектах картографический материал выходит за пределы словесного описания этих же земель, существенно его дополняет, т.е. иным способом и в ином объеме передает доступную ал-Идриси исходную географическую информацию. При этом наибольшей полнотой географических сведений обладает карта из ранней рукописи (ок. 1300 г.), хранящейся в Национальной библиотеке Франции (Arabe 2221). Сделан вывод, что показанные владения кыргызов соответствуют их коренным землям в бассейне р. Енисей в Южной Сибири. Согласно описанию, эти земли с четырьмя городами были основной частью их владений, хотя имела и другая часть, обособленная от основной и не имевшая выхода к морю. Последнее обстоятельство, а также расположение кыргызов относительно Китая, тугузгузов (уйгуров) и кимаков отражает историческую ситуацию, сложившуюся в середине – второй половине IX в. Сделан вывод, что источником этой информации для ал-Идриси было географическое сочинение ал-Джайхани начала X в. На основе изучения композиции карты и ее сравнительного анализа со сведениями других арабо-персидских сочинений, китайских и древнетюркских источников реконструированы пути внешних коммуникаций страны кыргызов. Рассмотрена возможная идентификация городов кыргызов с археологическими материалами. Сделан вывод, что сведения ал-Идриси о городах с индивидуальными названиями и о маршрутах из Восточного Туркестана и Северной Монголии относятся к периоду около 757–790 гг. и происходят из сочинения Ибн Хурдазбиха. Визуализацией этих же маршрутных сведений являются и основные природные объекты, показанные на карте.

Ключевые слова: арабо-персидская география, Средние века, кыргызы, уйгуры, Китай, кимаки, города, маршруты коммуникаций, Шелковый путь.

THE KYRGHYZ COUNTRY ON THE MAPS IN AL-IDRISI'S GREAT ATLAS

Yu. N. Esin

Archaeological Research Center of the National University of Mongolia, №202, 2nd Building, Ikh Sarguuli Str. 1, Baga Toiruu, 14200, Ulaanbaatar, Mongolia; email: esin2013@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4291-3313

The article is devoted to the study of the geographic information on the Kyrgyz Country in atlas *Nuzhat al-muštāq fi'ḥtiraq al-āfāq* of the Arab geographer of the 12th century al-Idrīsī. I demonstrate that in some aspects the cartographic material goes beyond the verbal description of the same lands, substantially complements it, i.e. transmits the initial geographic information available to al-Idrīsī in a different way and in a different volume. Wherein, the map from the early manuscript (ca. 1300), kept in the National Library of France (Arabe 2221), has the greatest completeness of geographical information. I concluded that the depicted domains of the Kyrgyz match to their indigenous lands in the basin of the Yenisei River in South Siberia. According to the description, these lands with four towns were the main part of their possessions, although there was another part that was separate from the main one and had no access to the sea. The last circumstance and the Kyrgyz' location relative to China, the Tughuzghuz (Uyghurs), and the Kimaks reflect the historical situation of the middle – second half of the 9th century. I made conclusion that al-Idrīsī's main source of this information could be the geographical work of al-Jayhānī, compiled at the beginning of the 10th century. Based on a study of the map composition and its comparative analysis with information from Arab-Persian, Chinese and Old Turkic sources, I propose a reconstruction of external communication routes of the Kyrgyz Country and discuss possible identification of four Kyrgyz towns with the archaeological materials. I also prove that al-Idrīsī's information on the towns with individual names and on the routes from Eastern Turkestan and Northern Mongolia describes the situation in the period between 757 and 790 and originated from the geographical work of Ibn Ḥurdaḡbih. The main terrain objects on the map are the result of the visualization of these routes description as well.

Keywords: Arab-Persian geography, Middle Ages, Kyrgyz, Uyghurs, China, Kimaks, towns, communication routes, Silk Road.

Введение

Важным источником сведений о кыргызах раннего и развитого Средневековья на востоке Азии – крупном тюркоязычном народе, имя которого до сих пор сохраняется у ряда этносов и родовых групп, расселенных от северо-востока Китая до Урала, – являются сочинения исламских географов. Впервые их строгое географическое описание появилось в IX в. в работе Ибн Хурдазбиха, а уже с X в. страна кыргызов попадает на исламские карты мира ал-Балхи и его последователей [История Казахстана, 2010, с. 21, 248; Tibbetts, 1992, fig. 5.15, 5.16]. Поначалу информация на картах крайне скупа и позволяет судить лишь о месте проживания относительно других народов и стран. Значительно более информативный и ценный картографический материал о стране кыргызов, содержащий изображения рек, гор, городов, топонимы, дополненный текстовым описанием этих земель, был составлен двумя веками позже арабским географом ал-Идриси.

Мухаммад ибн Мухаммад ал-Идриси (1100–1165/1175 гг.) родился в г. Сеута на северо-западе Африки, принадлежал к знатному роду потомков Пророка Мухаммада, получил хорошее образование в Кордове. Работа над атласом известного мира, включавшего тогда Европу, значительную часть Азии и Африку к северу от экватора, велась им по поручению и на средства правителя Сицилийского королевства Рожера II (1130–1154 гг.). По описанию самого ал-Идриси, эта работа состояла из двух основных этапов. Первоначально всю доступную ему географическую информацию, полученную из книг авторов античного времени и Средневековья, рассказов современников, собственных путешествий, он собрал на чертежной доске, затратив на это около 15 лет. После этого получившаяся подробная карта мира в 1154 г. по распоряжению короля была скопирована на большой серебряный диск, а сам ал-Идриси стал готовить книгу, которая должна была содержать карту мира, карты отдельных его частей и сопровождающие их текстовые описания. Книга получила название *Nuzhat al-muštāq fi’htiraq al-āfāq* «Отрада страстно желающего пересечь мир», но, видимо, была завершена уже после смерти короля [Крчковский, 1957, с. 281–299; Rubinacci, 1970; Maqbul, 1992, p. 158–160; Коновалова, 2006, с. 7–11; Ducène, 2017].

Помимо этой книги, которую можно условно назвать большим атласом, ал-Идриси позднее составил еще один, «малый» атлас мира. Его ори-

гинальное название во введении – *Uns al-muhağ wa-rawḍ al-furağ* «Приязнь сердец и сад радости» [Maqbul, 1992, p. 163–167; Ducène, 2017, p. 39; Арабские источники, 1965, с. 329–331]. Иногда второй характеризуют просто как краткий вариант первого, однако в нем имеются сведения, которые отсутствуют в *Нузхат ал-муштак*, что указывает на повторное обращение автора к собранным источникам, их новую обработку [Ducène, 2012]. Это сочинение является ценным сравнительным материалом для большого атласа и в какой-то части его дополнением.

Современным исследователям средневековой истории Азии *Нузхат ал-муштак* ал-Идриси стал широко известен лишь с XIX в., после появления издания с полным переводом текста на французский язык П. А. Жобера (на основе рукописи Arabe 2222 из Парижа) [Géographie, 1836–1840]. Большие возможности для изучения карт открыл свод картографических материалов из нескольких рукописей большого и малого атласов, опубликованный в начале XX в. [Miller, 1926; 1927; 1929]. Наибольший интерес историков вызвала текстовая часть большого атласа. При этом быстро сложилось скептическое отношение к точности и достоверности приводимой ал-Идриси информации о востоке Азии в отличие от его материалов по Передней Азии и Европе. Например, по оценке В. В. Бартольда, в сочинении ал-Идриси «как во всех арабских компиляциях, сведения, относящиеся к различному времени, несколько не отделены друг от друга; собственные имена искажены до неузнаваемости», «строгая критическая разработка имевшегося в его распоряжении богатого материала (рукописи прежних авторов и рассказы многочисленных путешественников) была ему не по силам; едва ли такая задача вообще могла быть исполнена в то время» [1964, с. 292; 1973, с. 104].

Существующие сложности, однако, не отрицают значения данной книги как ценного исторического источника, т. к. многие сочинения, информация из которых была использована ал-Идриси, в том числе о восточных тюркских народах, – сочинения ал-Джайхани, ал-Кимаки, полное сочинение Ибн Хурдазбиха и др. – в последующем оказались утрачены. Это замечание касается не только текста, но также картографического материала, который, как показали исследования ряда карт, не вполне тождествен словесному описанию в книге, и часть доступных ал-Идриси географических сведений зафиксирована им только на картах. При этом конкретное соотношение между картографической и текстовой

информацией для разных частей атласа различно [Крачковский, 1957, с. 292, 293; Коновалова, 2014, с. 257–260].

За последние десятилетия исследователями накоплен большой опыт изучения отдельных областей мира у ал-Идриси. Он позволил лучше понять особенности его работы с географической информацией и выработать ряд общих методических правил анализа этого сочинения [Коновалова, 2006, с. 36–51; 2014, с. 259–263]. Среди них стоит отметить необходимость дифференцированного подхода к анализу материала разных частей книги (включая карты разных частей мира), отличающихся друг от друга по составу, источникам и возрасту сведений; необходимость сравнительного анализа карт и описаний отдельных частей мира по номенклатуре и взаимному положению географических объектов; необходимость учета специфики и историко-культурных особенностей визуального способа передачи географической информации; необходимость изучения связи между описаниями стран и средневековыми путями коммуникаций, особенно торговыми маршрутами. Отдельная проблема – изучение топонимов, трудности интерпретации которых не сводятся только к специфике арабского письма (где одна графема может обозначать несколько букв в зависимости от количества и места постановки диакритических точек) и ошибкам переписчиков. Топонимы происходят из разных источников, связаны с разным временем и разной культурно-языковой средой со своими концептами и традициями номинации географических объектов. По этой причине идентификация топонимов требует внимательной и разносторонней контекстуализации.

Что касается непосредственно страны кыргызов, то исследователей, в том числе археологов, главным образом интересовало ее описание в тексте *Нузхат ал-муштак* в связи с теми или иными частными вопросами. Картографический материал привлекал меньше внимания и, за редким исключением [Караев, 1973а, с. 27–34], специально не изучался. При этом сравнительный анализ вариантов карты страны кыргызов из разных рукописей для определения их полноты и достоверности не проводился, соотношение карты и текста не изучалось. Реконструкция карты, выполненная на основе произвольного совмещения ее вариантов из нескольких рукописей К. Миллером, большого научного значения не имеет. Остается неизученной и более широкая проблема определения источников информации ал-Идриси о кыргызах, возраста этих сведений.

Высказывались предположения о заимствовании ал-Идриси сведений о кыргызах из сочинений ал-Джайхани и Ибн Хаукала, но серьезного изучения этого вопроса не было [Кызласов, 1968, с. 71; 1984, с. 103; Караев, 1973а, с. 31]. В публикациях археологов сведения исламских авторов о кыргызах нередко датировались теми веками, когда были написаны соответствующие сочинения, мало учитывался компилятивный характер многих работ. Общепринятая идентификация географических объектов страны кыргызов, изображенных на карте и описанных в тексте, до сих пор отсутствует. Показательным было мнение, что «данные ал-Идриси о киргизах крайне противоречивы, а территория их, обозначенная на карте, не соответствует исторической действительности» [Караев, 1968, с. 55]. Несмотря на подобные критические оценки, специальный анализ материалов этого арабского географа о соседях кыргызов – кимаках, карлуках [Кумек, 1971; 1981] и уйгурах [Vaissiere, 2016] – выявил их историческую достоверность и информативность, что является еще одним аргументом в пользу нового и более внимательного изучения материала о кыргызах.

Цель данной статьи – комплексное изучение географических сведений карты страны кыргызов из *Нузхат ал-муштак* на основе решения нескольких задач: 1) систематизация и сравнительный анализ картографического материала разных рукописей для изучения его полноты, аутентичности и соотношения с текстом атласа; 2) изучение проблемы пространственно-временной локализации страны кыргызов через сравнительный анализ картографических данных с описанием положения страны в тексте сочинения, сопоставление с другими арабо-персидскими картографическими и письменными источниками и исторической географией восточной части Азии; 3) идентификация природных объектов страны кыргызов на карте ал-Идриси в контексте описаний из этого и других арабо-персидских сочинений; 4) идентификация городов страны кыргызов через сравнительный анализ данных на карте и в тексте с другими средневековыми письменными источниками и археологическими материалами, анализ топонимов; 5) определение источников информации *Нузхат ал-муштак* о кыргызах на основе возраста приведенных исторических фактов, ссылок самого ал-Идриси и сравнительного анализа с другими арабо-персидскими сочинениями; 6) анализ картографических и письменных сведений о городах и природных объектах вблизи земель кыргызов для изучения проблемы маршрутов внешних коммуникаций.

1. Краткая характеристика источников

1.1. Общие сведения о рукописях и картографическом материале

Карта мира ал-Идриси, изготовленная в единственном экземпляре из серебра, около 1160 г. была утрачена. Судьба *Нузхат ал-муштак* сложилась лучше. Сочинение дошло до нашего времени в девяти рукописях конца XIII–XVI вв., происходящих в основном из Северной Африки, куда в конце жизни вернулся ал-Идриси. Они отличаются по полноте и сохранности и находятся в библиотеках и архивах ряда стран. Самая ранняя из них, выполненная в Магрибе около 1300 г., хранится в Париже (Национальная библиотека Франции, Arabe 2221). Рукописи демонстрируют расхождения между собой, обусловленные сокращениями и ошибками переписчиков, разным их вниманием к деталям на картах, разным стилем почерка и оформления и, возможно, существованием двух разных авторских редакций [Maqbul, 1992; Коновалова, 2006; Ducène, 2017]. В Италии коллективом специалистов на основе сравнительного анализа известных рукописей поэтапно было подготовлено критическое издание текста всего сочинения, содержащее и описание кыргызов [Al-Idrīsī, 1970–1984, fasc. IV, p. 517–521], но оно не включает карты.

Атлас *Унс ал-мухадж* известен сегодня по трем поздним рукописям, которые восходят к

одной копии, выполненной в 1192 г.; для изучения доступны две [Al-Idrīsī, 1984; Ducène, 2017, p. 39].

В *Нузхат ал-муштак* представлены два типа карт: 1) круглая карта мира; 2) набор прямоугольных карт, детализирующих круглую карту и вместе образующих большую прямоугольную карту мира. Круглая карта по многим признакам следует традиции «школы ал-Балхи», известной ал-Идриси, в частности, по сочинению Ибн Хаукала. Она сохранилась в шести рукописях из девяти (табл. 1) и, видимо, подобна по композиции и содержанию утраченной серебряной, является ее упрощенным вариантом. Мир на этой карте имеет круглую форму, вдоль его края находится *al-Baḥr al-Muḥīṭ* ‘Окружающее море (океан)’, в центре расположен Аравийский полуостров со священной для мусульман Меккой. В отличие от карт школы ал-Балхи за Окружающим морем изображены горы, которые отождествляют с мифическими горами *Qāf*, занявшими важное место в суфийских представлениях о мире, ставших влиятельными с XII в. [Pinto, 2016, p. 165]. Обитаемый мир разделен параллельными линиями на семь климатов (широтных поясов; *iqḷīm*) с юга на север (схема такого деления вместо круглой карты мира включена в *Унс ал-мухадж*). Каждый климат, в свою очередь, поделен ал-Идриси на 10 примерно равных секций (*ḡuzʿ*) с запада на восток. На круглой карте это деление на секции не показано, но каждая из них представлена отдель-

№	Место хранения и шифр	Возраст и происхождение	Карта мира	Карта секции 3-10
1.	Париж, Bibliotheque Nationale de France, Arabe 2221	1300 Каир	+ Рис. 3а	+ Рис. 3с
2.	Каир, Dar al-Kutub, Jughrafiya 150	1348 Каир	+ Maqbul, 1992, fig. 7.2	
3.	Стамбул, Suleymaniye Kütüphanesi, Ayasofya 3502	1456 Каир		+ Miller, 1927, taf. 30
4.	Оксфорд, Bodleian Libraries, Рососке 375	1456 Каир	+ Рис. 2	+ Рис. 4а
5.	Стамбул, Köprülü Kütüphanesi, MS. 955	1469 Стамбул	+ Maqbul, 1992, fig. 7.3	+
6.	София, Cyril and Methodius National Library, Or. 3198	1556 Шумен	+ Рис. 5а	+ Рис. 5б
7.	Оксфорд, Bodleian Libraries, Greaves 42	Кон. XVI в. (или кон. XIV) Каир	+ Maqbul, 1992, fig. 7.5	+ Рис. 4б

Табл. 1. Перечень известных рукописей сочинения ал-Идриси (на основе: [Maqbul, 1992, appendix 7.1; Ducène, 2017, p. 38]) с картами страны кыргызов (знак «+» показывает наличие определенной карты).

Table 1. List of existing manuscripts of al-Idrīsī’s work (based on: [Maqbul, 1992, appendix 7.1; Ducène, 2017, p. 38]) with maps of the Kyrgyz country (sign «+» indicate the presence of a certain map).

ной прямоугольной картой, которая детализирует информацию круглой карты мира. На полях обоих типов карт для правильного позиционирования были обозначены направления по сторонам света. При этом они обратны современной ориентации – вверху расположен юг, что характерно для многих исламских карт. На прямоугольных картах 1-го и 2-го климатов рукописи *Arabe 2221* из Парижа у ряда объектов подписана широта и долгота, что, наряду с другими данными, говорит об использовании ал-Идриси при подготовке карт также достижений математической географии. Считается, что здесь он опирался на какой-то переработанный и дополненный арабский вариант труда астронома и географа II в. из Александрии Клавдия Птолемея, имя которого неоднократно упомянуто в атласе [Ducène, 2011, p. 274, 283; Коновалова, 2006, с. 31]¹.

Страна кыргызов представлена на обоих типах карт *Нузхат ал-муштак*. Сначала она изображена очень обобщенно на круглой карте мира, а затем помещена на отдельной подробной прямоугольной карте 10-й секции 3-го климата (кратко – секция 3-10). Среди известных сегодня рукописей сочинения эта карта имеется только в 6 экземплярах (табл. 1). Именно она представляет наибольший интерес для данного исследования.

1.2. Вопрос полноты и достоверности сведений на картах разных рукописей

И текст, и карты ал-Идриси в процессе неоднократного копирования претерпели изменения. Эти изменения на картах заключаются в упрощении, смещении, утрате или появлении ряда деталей, изменении способа их показа, утрате или изменении некоторых письменных знаков в надписях, изменении цвета объектов и надписей, сокращении информативности цвета в пользу декоративности. Опираясь на результаты исследования хронологии и взаимосвязей сохранившихся рукописей [Rubinacci, 1966, p. 23; Ducène, 2017], последовательность манускриптов, где имеется карта страны кыргызов, можно представить в виде схемы (рис. 1). Изменения в картографическом материале, касающемся кыргызов, этой схеме в целом не противоречат. Внимательного отношения, однако, заслуживает секционная карта ветки β , содержащая некоторые детали,

которые отсутствуют на ранней карте ветки α либо показаны в существенно ином месте. Среди всех вариантов именно карта ветки β по композиции наиболее близка карте секции 3-10 *Унс ал-мухадж*.

Самая ранняя круглая карта мира (рукопись *Arabe 2221* из Парижа), к сожалению, сохранилась не очень хорошо. Представленная на ней географическая информация о землях кыргызов с наименьшими искажениями и утратами дошла до нас на двух картах ветки γ (ср. рис. 2b с рис. 3a и 3b). У двух других карт той же ветки (*Jugrafiya 150* из Каира и *Or. 3198* из Софии) утраты более серьезные, включающие даже границы климатов и надписи (рис. 5a). На единственной карте мира (возможно, незаконченной) ветки β (*Greaves 42* из Оксфорда) показаны границы климатов, но почти не изображены горы и реки, в т. ч. полностью отсутствует картографическая информация о землях кыргызов.

Варианты секционной карты 3-10 тоже демонстрируют множество различий. Например, сведения о секции и климате в одних рукописях записаны вертикальной строкой на правом поле карты (рис. 4), в других – горизонтальной строкой сверху карты (рис. 3c, 5b); обычно использовался черный пигмент, но в одной поздней рукописи – красный. Гораздо более важные различия касаются изображений гор, рек, городов и надписей на самой карте. На публикуемых здесь фотографиях все такие элементы пронумерованы, что позволяет легко проследить изменения: землям / странам с этой целью даны номера, их составным частям – номера с заглавными буквенными дополнениями (например, Китай – 3, Нижний

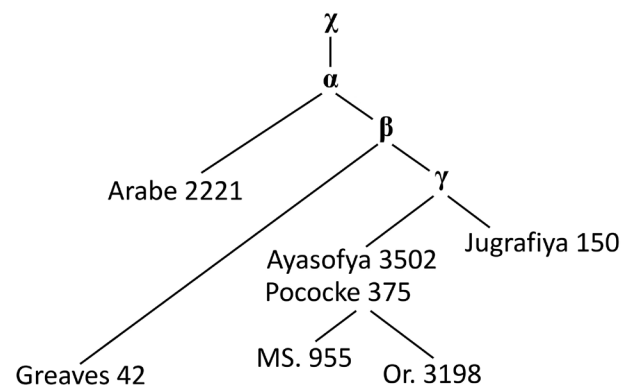

Рис. 1. Схема последовательности рукописей сочинения ал-Идриси, содержащих картографический материал о кыргызах (на основе: [Rubinacci, 1966, p. 23]).

Fig. 1. Sequence diagram of manuscripts of al-Idrisi's work containing cartographic material on the Kyrghyz (based on: [Rubinacci, 1966, p. 23]).

¹ Следуя за Птолемеем, ал-Идриси считал, что мир имеет форму шара и делится по линии экватора на 360°. При этом люди живут в основном в северном полушарии, и протяженность обитаемого мира с запада на восток составляет около 180°.

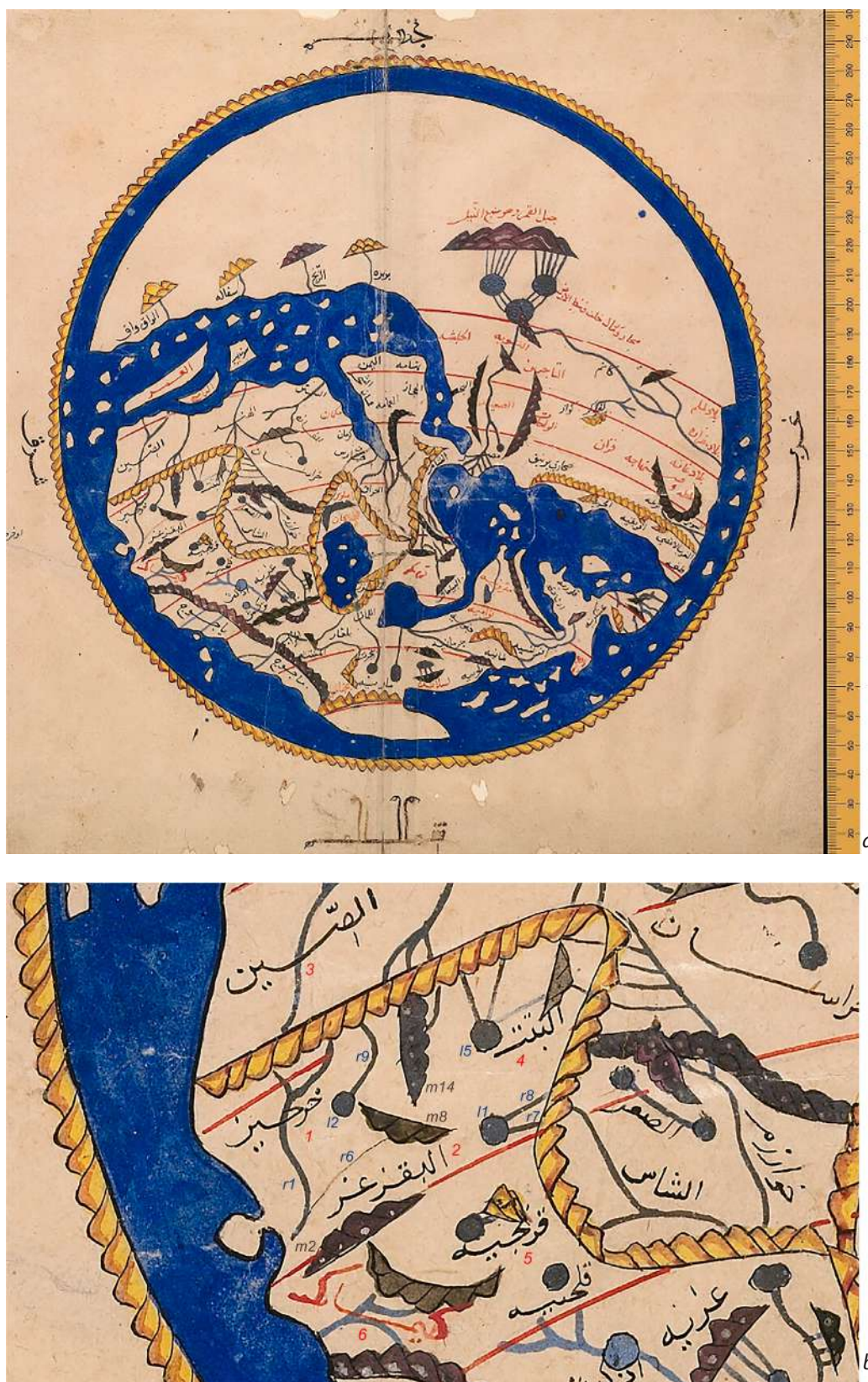

Рис. 2. Карта мира ал-Идриси из Бодлианской библиотеки (Рососке 375): *a* – полный вид, *b* – фрагмент: 1 – кыргызы, 2 – тугузгузы (уйгуры), 3 – Китай, 4 – Тибет, 5 – карлуки, 6 – кимаки; цифры с буквами соответствуют обозначениям на карте секции 3-10 на рис. 3с; фото – Bodleian Libraries, University of Oxford.

Fig. 2. Al-Idrisi's world map from the Bodleian Library (Pococke 375): *a* – full view, *b* – fragment: 1 – Kyrghyz, 2 – Tughuzghuz (Uyghur), 3 – China, 4 – Tibet, 5 – Qarluk, 6 – Kimak; the numbers with letters correspond to the designations on the map of section 3-10 in Fig. 3c; photo – Bodleian Libraries, University of Oxford.

Рис. 3. Фрагмент карты мира (a), ее прорисовка (b; по: [Miller, 1931], с коррективами) и карта секции 3-10 (c) ал-Идриси из Национальной библиотеки Франции (Arabe 2221). Красные цифры на карте мира соответствуют обозначениям на рис. 2b. На секционной карте цифрами обозначены: s1 – *al-Baḥr al-Muḥlim al-Šarqī* (?); 3A – *hudūd al-Šīn*; 3A.1-3 – *min al-Šīn*; 3A.4 – *Saṭrawyā min al-Šīn*; 1 – *arḍ Ḥirḥīr*; 1.1, 1.3 – *Ḥirḥīr*; 1.2 – *Darand Ḥirḥīr*; 1.4 – *Ḥāqān Ḥirḥīr*; i1 – *Ġazīrat al-yāqūt* (?); 2.1 – *Našrān*; 2.2 – *Nadhū* (?); 2.3 – *Ḥizaḥarākāt* (?). Фото – Bibliothèque nationale de France.

Fig. 3. Fragment of the world map (a), its tracing (b; after: [Miller, 1931], with corrections) and the map of section 3-10 (c) of al-Idrisi from the National Library of France (Arabe 2221). The red numbers of the world map correspond to the designations in Fig. 2b. The numbers of the sectional map indicate: s1 – *al-Baḥr al-Muḥlim al-Šarqī* (?); 3A – *hudūd al-Šīn*; 3A.1-3 – *min al-Šīn*; 3A.4 – *Saṭrawyā min al-Šīn*; 1 – *arḍ Ḥirḥīr*; 1.1, 1.3 – *Ḥirḥīr*; 1.2 – *Darand Ḥirḥīr*; 1.4 – *Ḥāqān Ḥirḥīr*; i1 – *Ġazīrat al-yāqūt* (?); 2.1 – *Našrān*; 2.2 – *Nadhū* (?); 2.3 – *Ḥizaḥarākāt* (?). Photos – Bibliothèque nationale de France.

Рис. 4. Карты секции 3-10 из Бодлианской библиотеки: (a) Pococke 375 и (b) Greaves 42; фото – Bodleian Libraries, University of Oxford.

Fig. 4. Maps of section 3-10 from the Bodleian Library: (a) Pococke 375 and (b) Greaves 42; photos – Bodleian Libraries, University of Oxford.

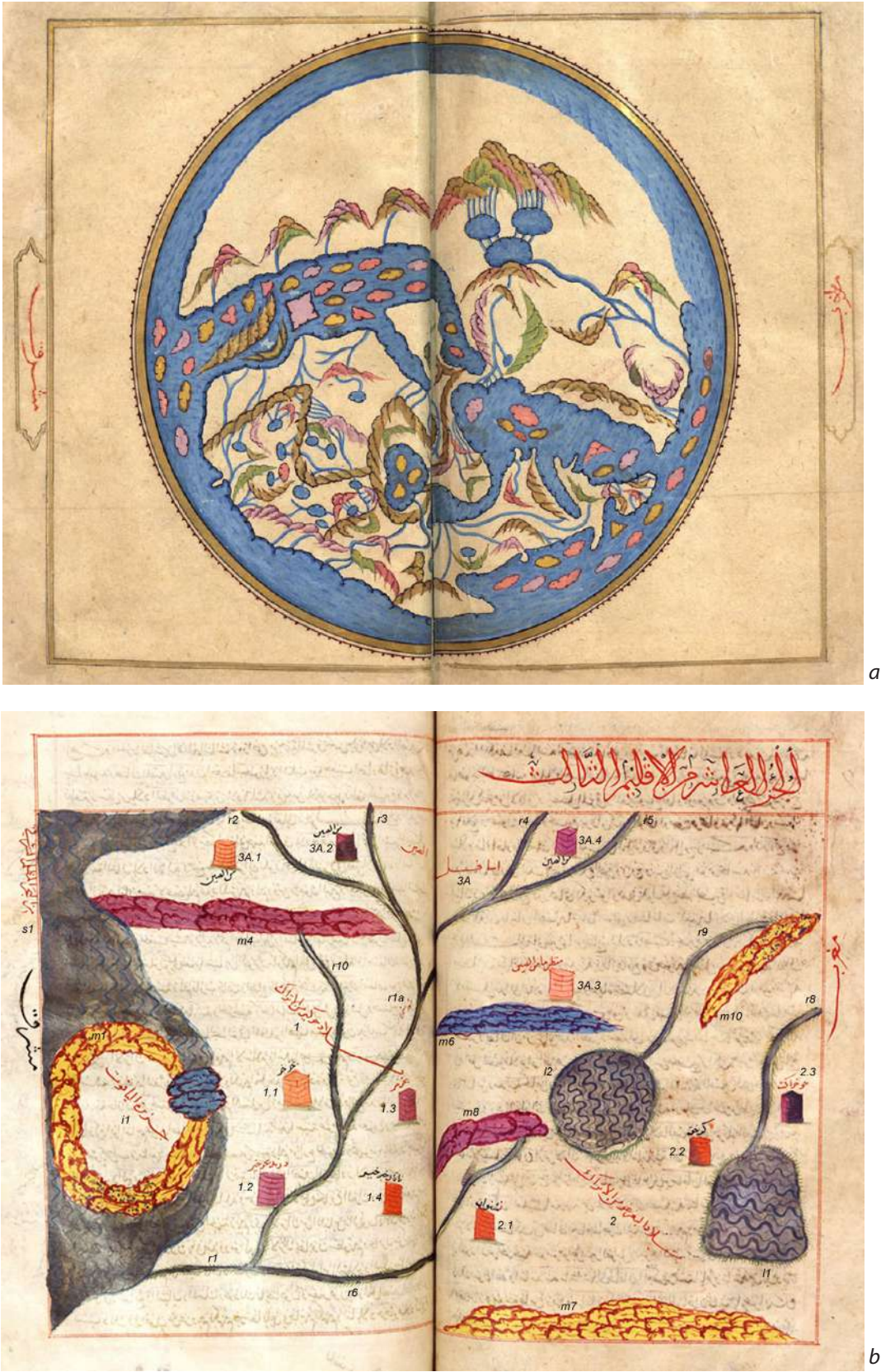

Рис. 5. Карта мира ал-Идриси (a) и карта секции 3-10 (b) из Национальной библиотеки святых Кирилла и Мефодия (Or. 3198), фото – Национальная библиотека святых Кирилла и Мефодия.

Fig. 5. Al-Idrisi's world map (a) and the map of section 3-10 (b) from the National Library of Saints Cyril and Methodius (Or. 3198), photos – National Library of Saints Cyril and Methodius.

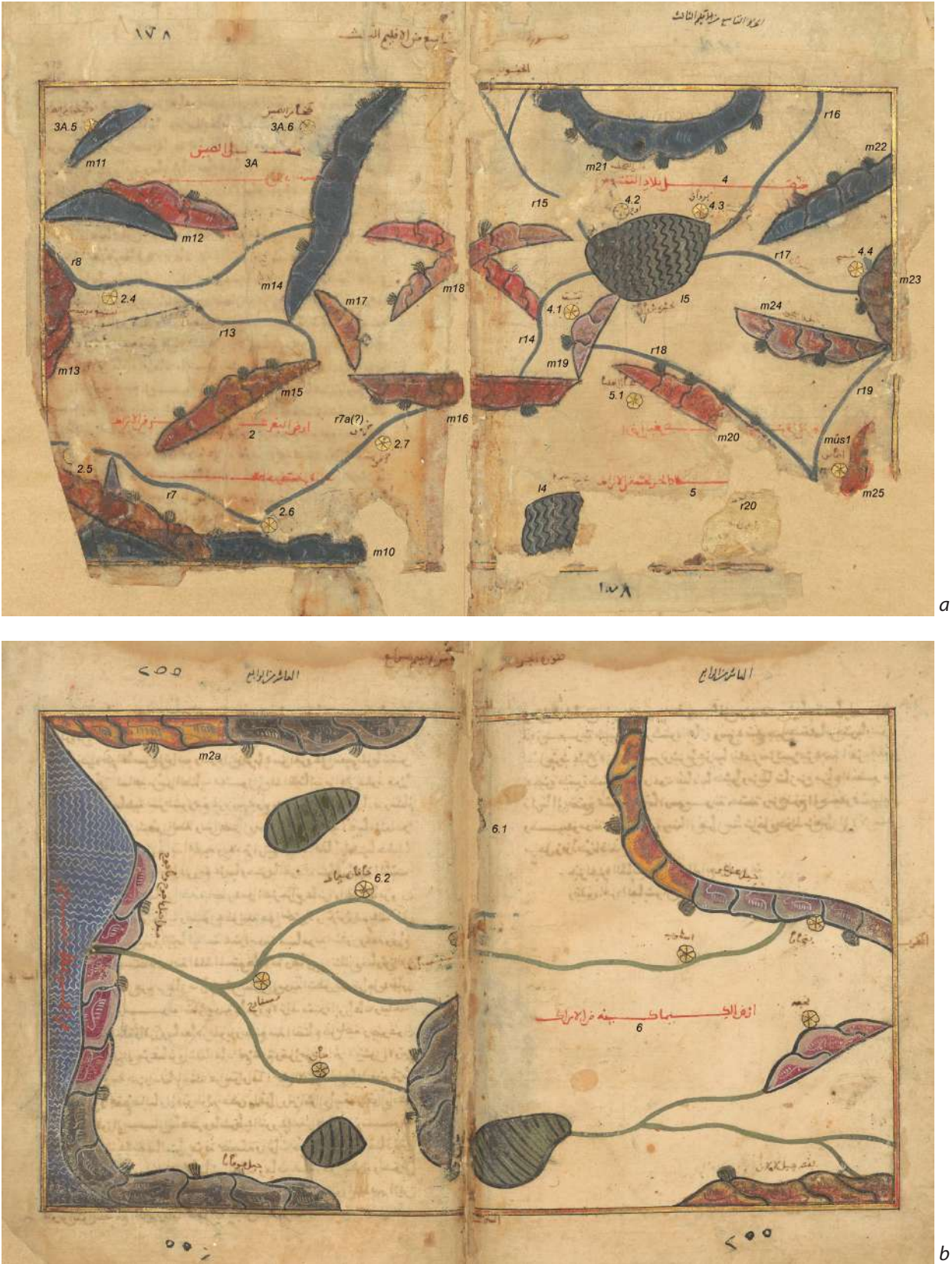

Рис. 6. Карты секции 3-9 (a) и 4-10 (b) из Национальной библиотеки Франции (Arabe 2221); фото – Bibliothèque nationale de France.

Fig. 6. Maps of sections 3-9 (a) and 4-10 (b) from the National Library of France (Arabe 2221); photos – Bibliothèque nationale de France.

Китай – 3A), а городам – порядковые номера в сочетании с номером страны или ее части; номера природных объектов сопровождаются строчными буквенными дополнениями: *r* – для рек, *m* – для гор, *l* – для озер, *s* – для морей, *i* – для островов. В необходимых случаях эта нумерация продолжена на ряд объектов сопредельных секций 3-9 и 4-10 (рис. 6) с пояснениями в тексте статьи.

Сравнительный анализ показанных объектов карт веток α и γ позволяет сделать вывод о двух разнонаправленных процессах: с одной стороны, при копировании карт происходили искажения и утраты многих объектов и надписей, т. е. достоверность и «плотность» географической информации снижалась; с другой стороны, некоторые элементы дополнялись (рис. 4a: 1), на карте появлялись новые объекты (рис. 4a: *r10*) и надписи (рис. 4a: 2; 5b: *r1a*), связанные с желанием переписчиков эту информативность восполнить, что происходило на основе их собственного сопоставления карты и текста. При этом на карте ветки β имеется ряд деталей, в рукописи ветки α отсутствующих (рис. 4b: *r11*, *l3*, *l12a*, *r12*) либо изображенных в принципиально ином месте (рис. 4b: 1.2). Некоторые из них (озеро и река на юго-востоке, речной приток на северо-западе, название озера на юге) можно было бы объяснить как детали, имевшиеся на первоначальной карте ал-Идриси, но уже утраченные на парижской карте ветки α . Другие, в частности место расположения города 1.2, которое будет рассмотрено ниже, не исключают существования и другой редакции карты. Оценивая все это, самой полной и достоверной среди вариантов секционной карты следует признать раннюю карту из Парижа (рис. 3c). Некоторые плохо сохранившиеся на ней надписи реконструируются благодаря картам более поздних рукописей и тексту сочинения. При этом карта ветки β тоже имеет большую ценность и должна быть учтена в ходе дальнейшего анализа. На парижской карте секции 3-10 представлено 36 объектов (включая море, название которого вынесено на левое поле карты), в т. ч. арабским письмом нанесено 15 топонимов, 7 из которых характеризуют владения кыргызов. На более поздних вариантах карты (в совокупности) общее число топонимов достигает 19, с кыргызами связаны 8.

На карте из Парижа владения кыргызов обозначены как *Arḍ ḥ.rḥīr* ‘земля кыргызов’ (рис. 3c: 1). Цвет надписи, как и в случае других макротопонимов, – красный (обычные топонимы нанесены черным). На более поздних секционных картах ветки γ эта надпись стала длиннее, а форма

этнонима претерпела изменение – *Bilād ḥ.rkīr min al-atrāk* ‘страна кыргызов из тюрок’ (рис. 4a: 1; 5b: 1). На карте ветки β данная надпись, наоборот, отсутствует (рис. 4b), как и на карте из *Унс ал-мухадж*. Среди имеющихся вариантов круглой карты мира обозначение местоположения кыргызов имеется лишь в двух рукописях ветки γ (Рососке 375 из Оксфорда и MS. 955 из Стамбула). При этом на карте из рукописи Рососке 375 (рис. 2b: 1) эту подпись можно ясно прочесть как *ḥ.rḥīz*. Такое же написание этнонима сохранилось в названии одного города на карте секции 3-10 из рукописи Greaves 42 ветки β (рис. 4b: 1.2); у другого названия точка над последним знаком (*z*), видимо, трансформировалась в отдельную букву (рис. 4b: 1.1); схожую, но более сложную трансформацию можно предполагать и для названия третьего города этой карты (рис. 4b: 1.4). В остальных рукописях для городов на секционной карте (там, где сохранность пигмента надписи удовлетворительная), а также в тексте типична форма *ḥ.rḥīr*. Обращает на себя внимание отличие этой фонетической формы от зафиксированной в древнетюркских рунических текстах – *qīrq(i)z* (𐰆𐰣𐰇𐰏), а также в *Диван лугат ат-турк* «Свод тюркских слов» тюркского филолога XI в. Махмуда ал-Кашгари [2010, с. 73] – *qirqiz*. По замечанию В. В. Бартольда, «арабские и персидские авторы этого времени пишут *хирхиз*, как вообще буквой *х* в то время передавали турецкое гортанное *к*» [1963, с. 491]. Другая особенность используемого написания в большинстве рукописей – *r* на конце слова вместо обычного в древнетюркских и арабо-персидских источниках *z*. Судя по наличию вариантов на картах, сохранивших конечное *z*, видимо, это ошибка переписчиков. Показательно, что на картах из рукописи Рососке 375, хранящейся в Оксфорде, представлены все три варианта написания этнонима. С учетом этого его исходная форма для сочинения ал-Идриси может быть реконструирована как *ḥirḥīz*.

На обоих типах карт с одной стороны владения кыргызов омывает восточная часть Окружающего моря. На юге они граничат с землями Китая (*al-Ṣīn*), на севере – с землями *ал-Кимакийя*. На западе их соседи – *ат-тугузгуз*. Последний политоним является транскрипцией древнетюркского названия объединения девяти племен (др.-тюрк. *токуз-огуз*) во главе с уйгурами. При этом для карт характерно искаженное написание *ал-багаргар* – рис. 4a: 2 и 5b: 2, но встречается и близкий к исходному вариант *ал-букузгуз* (рис. 2b: 2). На секционной карте на прилегающих к кыргызам территориях *al-Ṣīn* подписано

«Пределы Китая» (рис. 3с: 3А) или «Нижний Китай» (рис. 4а: 3А; 5б: 3А). Нижний Китай противопоставлен Верхнему Китаю на юге, что соответствует ориентации карт. Он ограничен от остального Китая длинной горной цепью, протянувшейся вдоль северного края секций 2-10 и 2-9, и расположен с внешней стороны этих гор, что иногда тоже отмечается в описании в параллельном названии Внешний Китай.

1.3. Соотношение карты и текста

В композиции *Нузхат ал-муштак* картам было отведено ключевое место, т.к. именно с карты начиналась каждая новая секция. Это полностью соответствует распоряжению короля, как его пересказывает во вступлении ал-Идриси. При этом карты сопровождаются составленным по определенной системе объемным описанием стран и народов соответствующих секций, где приводятся дополнительные сведения о географии, флоре и фауне, населении, его хозяйстве и обычаях, городах, маршрутах коммуникаций и др. Эти сведения, несомненно, являются важнейшим и первоочередным контекстом для корректной интерпретации карт.

Многие касающиеся кыргызов и сопредельных земель фрагменты сочинения ал-Идриси и подписи на картах переводились на русский язык [Караев, 1973б, с. 51–54, рис. 3, 4; Кумек, 1972, рис. 1; История Казахстана, 2010, с. 104–105; История башкирских родов, 2015, с. 301–302], но не всегда опирались на результаты сравнительного критического изучения известных рукописей, имеют некоторые недостатки с точки зрения полноты текста или его перевода, форм топонимов. По этой причине в ходе подготовки статьи я использовал последний опубликованный вариант французского перевода полного арабского текста сочинения – пересмотренный и исправленный (с учетом итальянского издания) перевод П. А. Жобера [La géographie, 2000], а также новый перевод текста об уйгурах из 10-й секции 3-го климата [Vaissiere, 2016]. Формы топонимов уточнялись по итальянскому изданию арабского текста сочинения [Al-Idrīsī, 1970–1984] и сопоставлялись с малым атласом.

Проведенное мною сравнение информации на карте секции 3-10 *Нузхат ал-муштак* и словесного описания этой же секции показало, что полнота передачи имевшихся у ал-Идриси географических сведений в тексте и на карте не одинакова. В некоторых аспектах картографические сведения выходят за пределы составленных

географом словесных описаний, существенно их дополняют: 1) содержат не упомянутые в тексте географические объекты (среди них почти все горы, кроме *m1* и отчасти *m3*; одно озеро – рис. 3с: *l2*; река – рис. 3с: *r9*; кроме того, две реки – рис. 3с: *r7*, *r8* – упомянуты не в этой секции, а в секции 3-9); 2) детализируют формально-количественные характеристики упомянутых географических объектов (на примере рек – это могут быть сведения о направлении течения реки, местонахождении ее устья и истока, наличии или отсутствии притоков и их количестве); 3) содержат отсутствующие в тексте топонимы (одно название города у кыргызов – рис. 3с: *l.2*; название озера вблизи их южной границы – рис. 4б: *l.2a*); 4) показывают взаимное положение целого ряда географических объектов, о котором нет сведений в тексте (например, положение городов кыргызов относительно друг друга, относительно рек, гор и городов других стран). Отсутствие упоминания многих объектов карты в тексте секции (прежде всего гор) могло поспособствовать тому, что в процессе копирования рукописей их перестали изображать.

В целом результаты сравнения карты и текста заставляют с доверием относиться к приведенным во введении *Нузхат ал-муштак* словам самого ал-Идриси, что подготовка картографического материала предшествовала написанию текста книги. Именно определенная автономность подготовки каждого из двух компонентов атласа может объяснить те различия между ними, которые демонстрирует секция 3-10. Учитывая выявленную «асимметричность» карты и описания, только их совместное изучение способно максимально раскрыть информативность источника, необходимую для решения актуальных вопросов средневековой истории и археологии этой части Азии. В частности, на фоне неполноты или отсутствия в тексте секции информации о взаимном положении многих географических объектов и маршрутах между ними специального внимания заслуживают пространственные отношения на карте. Поскольку такой тип ранних карт передает не столько реальную физическую географию, сколько субъективное пространство, созданное на основе опыта путешествий первичных источников информации (конечно, через призму его восприятия и интерпретации составителем карты), следовательно, представленные в визуальной форме пространственные отношения являются отражением сложившихся в определенное время политических, экономических связей и маршрутов коммуникаций.

2. Проблемы определения географического положения страны кыргызов

2.1. История вопроса

Первый анализ географических сведений о стране кыргызов в работе ал-Идриси провел В.В. Григорьев [1873]. Рассматривая карту арабского географа в контексте современного ему земледелия Азии и учитывая вероятную идентификацию земель к западу от владений кыргызов с Восточным Туркестаном, он пришел к заключению, что ал-Идриси, путаясь в разновременных сведениях разных арабских географов, «не нашел ничего лучше, как отодвинуть Хэрхисов к востоку от Токузгузов, в места, где в его время находилось сильное дансянское владение Ся (Xia) (тангуты. – Ю.Е.), которое и описывает он под именем Хэрхисов» [Там же, с. 210]. Иначе говоря, «земли, занимавшиеся Хэрхисами, соответствовали северным частям нынешних Шансийской и Ган-суйской губерний с Ордосом и за Ордосом» [Там же, с. 208].

Схожую интерпретацию карты ал-Идриси через несколько десятилетий предложил К. Миллер [Miller, 1929, fig. 164]. Его подход был основан на еще более прямолинейном сопоставлении расположения и формы географических объектов с реальной физической географией Азии без должного учета сопровождающего текста, исторической специфики источников и способа составления картографического материала. Это привело его к выводу, что земли кыргызов находились к северу от р. Хуанхэ и достигали моря на востоке. С этой же рекой он соотносил главную реку кыргызов, а полуостров возле ее устья – с полуостровом Ляодунь, город правителя кыргызов считал возможным сравнивать с Пекином [Miller, 1929, с. 86].

Совершенно иначе в 1930-е гг. к проблеме подошел В.Ф. Минорский [Ḥudūd al-ʿĀlam, 1982, р. 286]. Отталкиваясь не от карты, а от средневековых описаний географии кыргызов, он считал необходимым сопоставлять упоминаемую ал-Идриси главную реку в их стране с Енисеем. Там же он сравнил название этой реки у ал-Идриси с предполагавшимся названием ставки правителя кыргызов, записанным китайцами в эпоху Тан («*Mi-ti-chih-t'o*»), допустив, что это мог быть ее искаженный вариант. Последующие переводы, однако, уточнили, что данное китайское слово является транскрипцией названия большой юрты правителя, а не столицы.

О. Караев, специально изучавший проблему локализации страны кыргызов у ал-Идриси, рассмотрел несколько возможных вариантов. Исходя из расположения страны кыргызов на карте к востоку от тугузгузов, он, как и В.В. Григорьев, тоже полагал, что ее можно было бы соотнести с западной частью пустыни Гоби, а главную реку страны *Манхаз / Манхар* – с р. Эдзин-гол. Однако, поскольку в тексте сочинения есть сообщение, что страна тугузгузов граничит с кыргызами на севере, а это больше соответствует исторической действительности того времени, он также рассматривал возможность отождествления главной реки кыргызов с Енисеем. Однако этот вариант О. Караев также отклонил ввиду приводимых в тексте ал-Идриси сведений о наличии на реке мельниц, используемых для размалывания различных злаков, среди которых фигурирует рис, который на Енисее никогда не выращивался из-за неподходящих природных условий. В итоге О. Караев сделал вывод, что р. *Манхаз / Манхар* следует отождествлять с р. Черный Иртыш или с верхними притоками р. Или. На его взгляд, это согласуется со сведениями некоторых китайских источников, что часть кыргызов в конце I тыс. проживала в Восточном Туркестане [Караев, 1973а, с. 31, 32].

Сторонником отождествления главной реки кыргызов с Енисеем был Л. Р. Кызласов. Кроме того, основываясь на сходстве с данными физической географии, он допускал, что две сливающиеся реки на карте ал-Идриси могут быть Енисеем и Абаканом [Кызласов, 1992б, с. 31]. При этом по поводу названия главной реки «*Менказ* (или *Менхар*)» Л.Р. Кызласов писал, что здесь могла иметься «в виду впадающая справа в Енисей р. Минус (адаптация древнего "Мен ögüz"), на которой ныне стоит Минусинск» [1984, с. 103].

Проведенный краткий обзор основных подходов и решений свидетельствует о наибольшей распространенности среди исследователей способа идентификации объектов на карте ал-Идриси через сопоставление с современной физической географией. Этот способ, однако, методологически уязвим и ненадежен, независимо от того, применен ли он для локализации целой страны или отдельной реки. Наиболее показателен здесь, конечно, опыт К. Миллера. Гораздо более корректным представляется подход В.Ф. Минорского, использовавшего для интерпретации географических сведений ал-Идриси данные других арабо-персидских сочинений, а также перекрестный анализ со средневековыми китайскими

Рис. 7. Страна кыргызов на арабских картах мира X в.: *a* – карта ал-Истахри (из рукописи 1193 г., хранящейся в университетской библиотеке Лейдена [Pinto, 2016, fig. 1.1]); *b* – карта Ибн Хаукала (из рукописи 1086 г., хранящейся в Топкапи Сарай Музеум в Стамбуле [Pinto, 2016, fig. 4.7]), где цифрами обозначены: 1 – *Ḥirḥīz*, 2 – *al-Tuğuzguz*, 3 – *bilād al-Šīn*, 4 – *al-Tubat*, 5 – *al-Ḥarluḥīya*, 6 – *Kīmā(l/k)*, 7 – *al-Ġuzīya*.

Fig. 7. The Kyrghyz Country on Arab world maps of the 10th century: *a* – al-Istakhri's map (from the manuscript of 1193, stored in the Library of Leiden University [Pinto, 2016, fig. 1.1]); *b* – Ibn Haukal's map (from the manuscript of 1086, stored in the Topkapi Saray Museum in Istanbul [Pinto, 2016, fig. 4.7]), where the numbers indicate: 1 – *Ḥirḥīz*, 2 – *al-Tuğuzguz*, 3 – *bilād al-Šīn*, 4 – *al-Tubat*, 5 – *al-Ḥarluḥīya*, 6 – *Kīmā(l/k)*, 7 – *al-Ġuzīya*.

источниками. У него такой подход был ограничен словесными описаниями, но он вполне может быть распространен и на карты.

Кроме того, история исследований показывает, что для решения вопроса о местоположении страны кыргызов большое значение имеет изучение сведений о ее границах (и на карте, и в описании) в контексте истории политической географии Центральной и Восточной Азии. Оно же позволяет установить и возраст соответствующих исходных сведений, которыми пользовался ал-Идриси. Многие исследователи, начиная уже с В.В. Григорьева, использовали этот прием, однако делали это не вполне последовательно, акцентируя внимание на отдельные и разные сведения и субъективно оценивая их «вес» относительно других. Результатом стало различие полученных выводов. Например, В. В. Григорьев [1873, с. 209] полагал, что показанное на карте размещение восточных тюркоязычных народов относится в основном к VIII в. О. Караев считал, что эти сведения ал-Идриси относятся к IX–XI вв. [Караев, 1968, с. 55]. Исследователи из Башкирии недавно датировали эти же сведения X в. [История башкирских родов, 2015, с. 24]. Вопрос о том, какому периоду истории соответствуют границы кыргызов с тугузгузами, Китаем и кимаками в атласе ал-Идриси, заслуживает более детального и системного изучения.

2.2. Граница с тугузгузами

Известно, что в середине VIII – начале IX в., во время существования Уйгурского каганата, владения кыргызов занимали территорию Минусинской котловины в бассейне р. Енисей и граничили с государством уйгуров на юге, столица которых находилась на р. Орхон в центре современной Монголии. Эту ситуацию довольно точно передают самые первые сохранившиеся арабские карты мира X в. ал-Истахри, Ибн Хаукала и связанные с ними сочинения, на которых страна тугузгузов / уйгуров расположена между кыргызами и Китаем, т.е. южнее кыргызов, а кроме того, имеет выход к морю (рис. 7). Подобную же информацию содержит краткое описание географического положения тугузгузов из текста 9-й секции 3-го климата ал-Идриси: «Страна тугузгузов расположена между Тибетом и Китаем и ограничена на севере страной кыргызов», к западу от нее находятся карлуки, а противоположная сторона «простирается до Восточного

Темного моря» [La géographie, 2000; История Казахстана, 2010, с. 276].

Однако на карте в *Нузхат ал-муштак* взаимное положение стран уже иное: между Китаем и кыргызами тугузгузов нет, вместо этого они показаны к западу, юго-западу от кыргызов и выхода к морю не имеют (рис. 2–5). Соответствующее карте описание приведено в другой секции 3-го климата – в 10-й: «Страна тугузгузов, положение которой мы уже указали, граничит с восточной стороны со страной кыргызов» [La géographie, 2000]. Эта ситуация соответствует историческому периоду, наступившему после 840 г., когда в результате победы кыргызов над уйгурами основная часть последних ушла в Восточный Туркестан, на западную окраину своей бывшей империи. В течение нескольких десятилетий кыргызы контролировали территорию современной Монголии, часть Восточного Туркестана и находились от тугузгузов на северо-востоке. В начале X в. многие земли Северного Китая и Монголии (к югу от коренных земель кыргызов на Енисее) оказались под контролем империи Ляо, созданной народом *китаи / кидани* [Дробышев, 2010]. Однако сведений об этом в *Нузхат ал-муштак* нет. Следовательно, ситуация на карте ал-Идриси, где кыргызы показаны восточнее тугузгузов и севернее Китая, лучше всего соответствует середине – второй половине IX в.

Противоречия между описаниями взаимного положения стран из секций 3-9 и 3-10 свидетельствуют, что использованные арабским географом сведения о тугузгузах принадлежали к разным историческим периодам. Часть из них характеризует период Уйгурского каганата, а другая – период после 840 г. Видимо, основная часть ранних сведений ал-Идриси о тугузгузах основана на сочинении *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* «Книга путей и государств» (первая редакция подготовлена в 846 г., вторая – в 885 г.) Ибн Хурдазбиха, исламского географа персидского происхождения. Ибн Хурдазбиху удалось собрать объемную информацию об удаленных восточных территориях благодаря работе в почтовом ведомстве Халифата (сначала возглавлял почтовую службу одной из провинций, а затем – всего государства) [Göckenjan, Zimonyi, 2001, p. 29–31]. Ал-Идриси в секции 3-10 прямо отмечает его в качестве ключевого источника своих сведений о тюркских городах. При этом текст о землях тугузгузов секции 3-10 и о столице в секции 3-9 явно включает сведения, собранные Ибн Бахром, который посещал столицу уйгуров на р. Орхон в качестве посла Саманидов в 821 г., а также, видимо,

согдийское описание торговых маршрутов в этой части Азии до падения уйгурской империи в 840 г. [Minorsky, 1948; Vaisseire, 2016, p. 405]. Принадлежность данного описания ко времени Уйгурского каганата подтверждается рядом приводимых во второй редакции сочинения (сохранилось только в кратком варианте) самого Ибн Хурдазбиха сведений, в частности, что «страна тюрок-тугузгузов (*ал-атрак ат-тугузгуз*) – самая обширная из тюркских стран», тогда как страна кыргызов отнесена к числу второстепенных и занимает место почти в конце соответствующего списка [Ибн Хордадбех, 1986, с. 65–66]. Географическое положение тугузгузов в работе Ибн Хурдазбиха – между Китаем, Тибетом и карлуками [Там же, с. 66] – соответствует сведениям из 9-й секции 3-го климата *Нузхат ал-муштак*. Дополнительно стоит отметить, что при общей характеристике земель тугузгузов секции 3-10 они названы центральной частью страны тугузгузов, что явно противоречит их месту на карте ал-Идриси (где центральная часть страны тугузгузов помещена в секции 3-9), но соответствует данным Ибн Бахра начала IX в.

2.3. Граница с Китаем

Соседство владений кыргызов и Китая, о котором сообщает ал-Идриси, действительно имело место в истории: после событий 840 г. кыргызы взяли под контроль бывшие земли Уйгурского каганата севернее Гоби и получили беспрепятственный выход к северо-западным границам Тан возле излучины Хуанхэ. После длительного перерыва возобновились регулярные дипломатические контакты. Однако показанная на секционной карте приграничная территория Китая связана с иной частью Азии и иным временем.

В тексте своего атласа географ дает о Нижнем Китае некоторую общую информацию. Он рассказывает, что эта «часть китайских владений, которая граничит со страной Тугузгуз, управляется князьями, принадлежащими к правящей в Китае семье; эти князья имеют значительные войска, вооружение и богатство; они тверды и энергично отражают предприятия тюрок, сражаются с ними и защищают страну от их грабежей. Жители этой части Китая имеют внешнее сходство с тюрками, такую же манеру одеваться и ездить верхом, такое же вооружение. Они обладают немалым количеством слонов и выступают с ними во главе своих экспедиций»; а для тюрок это очень важное место торговли: они доставляют сюда свои товары, в числе которых «ремесленные

изделия, шерсть, масло, мед, множество оружия и доспехов, таких как кольчуги, панцири, щиты и булавы, а также ткани и мускус, другие предметы» [La géographie, 2000].

Это описание, а также показанные на карте географические объекты (их идентификация будет приведена ниже) соответствуют территориям, которые в Китае называли Западным краем, т.е. подчиненному в VII в. Восточному Туркестану. Однако к моменту, когда в результате военной экспансии кыргызов здесь в середине IX в. оказалась южная граница подконтрольных им земель, Восточный Туркестан уже давно не принадлежал Китаю. Китайским он перестал быть не позднее 790 г., когда под натиском Тибета последние китайские гарнизоны, действовавшие совместно с уйгурами, были ликвидированы [Малявкин, 1983]. Еще одно противоречие заключается в том, что, согласно процитированному тексту о секции 3-10, Нижний Китай граничит на севере с тугузгузами, а кыргызы при этом не упомянуты. Оба обстоятельства позволяют датировать соответствующие первичные сведения о Нижнем Китае временем от середины VIII в. до 790 г. Наиболее вероятным источником этих сведений, близких по времени сведениям об Уйгурском каганате, тоже могло быть сочинение Ибн Хурдазбиха.

2.4. Граница с кимаками

Еще одним важным историческим фактом атласа ал-Идриси является то, что среди соседей кыргызов, помимо тугузгузов и Китая, присутствует государство кимаков. Этот каганат прекратил свое существование в начале XI в. [Golden, 1992, pp. 276–277], что можно рассматривать как еще один рубеж для возраста географических сведений об интересующих нас народах на карте из *Нузхат ал-муштак*.

На карте (рис. 2) и в описании в начале 10-й секции 3-го климата [La géographie, 2000] кимаки находятся севернее кыргызов. Размещение кимаков к северу от кыргызов у ал-Идриси отличается от большинства других арабо-персидских сочинений и карт, где кимаки находятся к западу (рис. 7), что гораздо точнее с точки зрения общих данных исторической географии. Аналогичное карте ал-Идриси взаимное расположение, однако, приведено в сочинении ал-Марвази *Таба'у' ал-хайаван* («Природа животных»), завершеном в 1120 г.: «...хырхызы, многочисленный народ, живущий между летним востоком [северо-востоком] и севером; кимаки живут к северу, ягма и

харлухи к западу от них, а Куча (*K.ğā*) и Арк [по отношению к ним] лежат между зимним западом и югом» [Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī, 1942, p. 30, *18]. Описанная у ал-Марвази ситуация была исторически и географически точной короткое время около середины IX в. после успешных военных походов кыргызов в Восточный Туркестан: в начале 843 г. кыргызы сообщали Тан, что атаковали и заняли территорию бывших китайских наместничеств Аньси и Бэйтин [Малявкин, 1974, с. 37, 116]. Отсутствие в цитате из книги ал-Марвази упоминания тугузгузов (уйгуров) явно не случайно и соответствует периоду их политической дезинтеграции после 840 г. При этом Куча и Арк¹ были теми двумя городами, которые около 843 г. заняла одна из наиболее сильных групп уйгуров (во главе с Пан-тегином 龐特勒), бежавшая от кыргызов на юг, к бассейну Тарима. Возникшее политическое образование просуществовало до 866 г., когда было подчинено другой группой тугузгузов (во главе с Буку Чинном 僕固俊), до того контролировавшей Беш-Балык, но успешно действовавшей против Тибета и занявшей Турфанский оазис [Малявкин, 1983, с. 196–205, 137]. В середине IX в. кимаки действительно находились к северу от взятых под контроль кыргызами территорий западнее Алтая. В последующем, возможно, после создания Буку Чинном нового крупного уйгурского государства и поражения союзного кыргызам Тибета, этот контроль был утрачен.

Важно, что в тексте сочинения ал-Марвази нет следов использования материалов известных географов X в. ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Мас'уди, ал-Мукаддаси, но фиксируется объемное использование утраченной «Книги путей и стран» (сост. около 922 г.) среднеазиатского географа ал-Джайхани, вазира при дворе Саманидов в Бухаре в начале X в. [Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī, 1942, p. 6]. В книге ал-Джайхани широко использовалось сочинение

¹ Арк (ارک) упомянут среди городов тугузгузов в *Худуд ал-Алам* («Пределы мира»; сост. в 982 г.); название производно от тох. *Argi* и соответствует Карашару / Яньци 焉耆 других источников [Hudūd al-Ālam, 1982, p. 94, 273; Henning, 1938, p. 564–567, 571; Martinez, 1982, p. 133]. В *Зайн ал-ахбар* («Украшение известий»; сост. Гардизи в сер. XI в.) этот же город с искаженным названием (Jj) локализован восточнее Кучи и в предании о борьбе двух представителей аристократии тугузгузов за власть над землями в Восточном Туркестане назван столицей прежнего кагана [Бартольд, 1973, с. 52, 53]. Сведения о столичном статусе этого города подтверждаются данными *Синь Тан шу* («Новая книга Тан», сост. в 1060 г.), что столица объединения тугузгузов во главе с Пан-тегином после переселения в Восточный Туркестан находилась в Яньци [Малявкин, 1983, с. 201].

Ибн Хурдазбиха, но содержались дополнения и новые сведения, собранные им самим [Бартольд, 1963, с. 57–58; Czeglédy, 1955, р. 82–88; Zimonyi, 2016, р. 7–27; Göckenjan, Zimonyi, 2001, р. 29–31; Мишин, 2009]. Работа ал-Джайхани была одним из источников, прямо упоминаемых ал-Идриси, поэтому близкие сведения о кыргызах у него и ал-Марвази могут восходить именно к ней. Эта гипотеза заслуживает дальнейшей проверки в ходе анализа других географических и этнографических сведений ал-Идриси о кыргызах.

Согласно тексту ал-Идриси в начале 10-й секции 4-го климата, положение страны кимаков несколько отличается от изложенного ранее в секции 3-10: теперь к югу от них помещается страна тугузгузов, к юго-западу, «где примыкает Тибет», – страна карлуков, к западу – страна халаджей [La géographie, 2000]. Очень важно, что кыргызы в качестве южных соседей кимаков в описании из секции 4-10 уже не фигурируют, т.е. источники, на основе которых подготовлено описание кимаков, отличались от тех, на основе которых составлено описание кыргызов. Основным источником информации ал-Идриси о кимаках в этой секции, очевидно, являлось упомянутое им сочинение Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки (т.е. сына кагана кимаков) конца X – начала XI в. [Григорьев, 1873, с. 207; Кумеков, 1971, с. 195; 1972, с. 23, 28].

2.5. Граница с морем и две части кыргызов

В качестве еще одной границы страны кыргызов на карте ал-Идриси выступает восточная часть Окружающего моря. Это соответствует описаниям уже ранних исламских географов (ал-Балхи, Ибн Хаукал и др.), что владения кыргызов простирались до *al-Bahr al-Muḥīt* [История Казахстана, 2010, с. 87, 95, 234, 253]. Принадлежность земель кыргызов секции 3-10 к окраинным северо-восточным землям известного мира вблизи моря является одной из причин, по которой их нельзя помещать во внутренней части Азии – в Гоби, Ордосе или Восточном Туркестане.

Важные дополнительные сведения о некоторых аспектах географии кыргызов содержит вводный текст к 10-й секции 3-го климата. Здесь ал-Идриси пишет, что «эта секция, которая завершает описание стран, включенных в восточную часть 3-го климата, охватывает на юге часть Китая, в которой расположены четыре города, один из которых называется *Saṭrawyā*; названия остальных трех не известны; кроме того, центральную часть страны Тугузгуз, где есть три города; и значительную часть страны кыргызов,

прилегающую к морю, четыре процветающих города которых включены в эту секцию» [La géographie, 2000]. Таким образом, этот текст сообщает, что в данной секции описаны не все владения кыргызов, а только та их часть (основная), которая выходит к морю. Следовательно, у кыргызов есть еще какая-то территория или территории и какие-то города за пределами этой секции. К сожалению, доступные ему сведения о другой части владений кыргызов, удаленной от моря, в описаниях и на картах иных секций ал-Идриси не отразил.

Сопоставимое разделение кыргызов на две части, позволяющее лучше понять их географию, представлено в сочинении *Худуд ал-Алам* («Пределы мира»; сост. анонимным автором на персидском языке в 982 г.) [Ḥudūd al-Ālam, 1982, р. 94]: 1) основная часть кыргызов локализована к северу от тугузгузов и отделена от них степями, которые расположены к северу от летней ставки правителя тугузгузов (Беш-Балык) и тянутся до земель кимаков, находившихся западнее кыргызов; именно этой северной части посвящено специальное «Рассуждение о стране Кыргыз» в *Худуд ал-Алам* [Там же, р. 96–97]; 2) «некоторые части кыргызов» находятся западнее тугузгузов; их отдельное описание отсутствует, но они соответствуют разрозненным упоминаниям в том же сочинении при описании земель ягма, карлуков и тухсийцев [Там же, р. 96, 98, 99]; в основном западная группа кыргызов может быть локализована вблизи Аксу, где находился занятый ими город *B.ṅṅūk* [Там же, р. 296] (*Barčūk* на маршруте из Барсхана в Кучу у Гардизи [Martinez, 1982, р. 136]), на южных границах владений их союзников-карлуков вблизи противников-тугузгузов, к востоку от Кашгара и племени ягма. Первая часть кыргызов в *Худуд ал-Алам* соответствует кыргызам 10-й секции 3-го климата у ал-Идриси, а вторая часть в этом случае должна была бы находиться в удаленной от моря 9-й секции 3-го климата. Эта вторая часть появилась в результате военной экспансии кыргызов после 840 г.

Менее четко разграниченные сведения об обеих частях кыргызов содержатся также в сочинении ал-Марвази: указанием на западную их часть является сообщение о кыргызах, «ставших соседями с мусульманами», в результате чего начавших хоронить тела умерших, а не сжигать, как раньше [Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī, 1942, р. 30].

Информацией об обособленной западной части кыргызов являются и сведения Абу Дулафа (*Risāla* «Записка»; вторая половина X в.), среди которых можно отметить следующие: кыргызы находятся между карлуками и тугузгузами;

используют знамена зеленого цвета; употребляют в пищу рис; у них есть немного мускуса [Rohr-Sauer, 1939, s. 22–23; Восточные авторы, 1994, с. 50; Кожин, 2011, с. 314]. Цвет знамен здесь отличается от красного знамени кыргызов Енисея, правитель которых Аже 阿热 (начало IX в.) 建一纛, 下皆尚赤 «учредил одно знамя, все нижестоящие почитают красный цвет» [Синь Тан шу, 1975, цз. 2176, с. 6147]¹. Знамя такого же, как в китайских источниках цвета (*al urunŋu* ‘алое знамя’), полученное от правителя государства вместе с соответствующей должностью (возможно, в его личной гвардии), упомянуто в рунической надписи на стеле с Верхнего Енисея (E10) [Кормушин, 2008, с. 102, 303–305]. Цвет знамен западной части кыргызов мог стать зеленым под влиянием их новых сильных соседей-союзников, принявших ислам². Наличие риса и небольшое количество мускуса тоже отличают эту группу кыргызов от восточной части, где рис, согласно китайским хроникам, отсутствовал, а мускус, напротив, согласно исламским источникам, был одним из важнейших товаров.

Сведения о двух частях кыргызов в XI в., видимо, содержатся и в *Диван лугат ат-турк* Махмуда ал-Кашгари, который изучал язык какой-то небольшой группы кыргызов, проживавшей рядом с ягма [2010, с. 56], но племя кыргызов помещал далеко на северо-востоке, вблизи киданей [Там же, с. 73].

Стоит отметить, что основными источниками сведений о тюрках для составителя *Худуд ал-Алам* выступали сочинения Ибн Хурдазбиха и ал-Джайхани. При этом данные первого, касающиеся VIII – нач. IX в., могли использоваться и опосредованно, поскольку в большом объеме вошли в сочинение ал-Джайхани [Там же, р. L–LII]. Так или иначе, сведения о двух частях владе-

ний кыргызов, характеризующие середину – вторую половину IX в., могли быть связаны именно со вторым. О связи сочинения ал-Марвази с работой ал-Джайхани уже говорилось выше. Источником сведений Абу Дулафа была его собственная поездка через Восточный Туркестан к границам Китая в 920-е гг. или рассказы купцов в Бухаре во второй четверти X в.

В целом наиболее взвешенным будет сопоставление страны кыргызов на карте и в описании 10-й секции 3-го климата с местом локализации коренных земель кыргызов раннего Средневековья в Южной Сибири. Имеющиеся в работе арабского географа расхождения в сведениях о некоторых границах и соседях обусловлены совмещением описаний разных источников, отразивших ситуацию разных исторических периодов: 1) наиболее ранние сведения связаны с сер. VIII – началом IX в. и, видимо, происходят из сочинения Ибн Хурдазбиха; на этом этапе владения кыргызов находились к северу от тугузгузов за горами Кегмен; 2) другая часть сведений относится к середине – второй половине IX в. и могла быть получена из сочинения ал-Джайхани; в этот период владения кыргызов расширились, изменилось место проживания тугузгузов, в результате чего к югу от кыргызов оказался Китай, тугузгузы – к западу, а к северу от новой западной части владений кыргызов – кимаки; обособленная группа кыргызов появилась на западной границе тугузгузов вблизи Аксу; 3) еще одна часть сведений характеризует X в. и связана с сочинением ал-Кимаки; на этом этапе контроль кыргызов над землями в Восточном Туркестане к югу от кимаков уже был утерян.

Возникавшие ранее трудности в определении географического положения кыргызов обусловлены не только совмещением ал-Идриси разновременных сведений, но также полным отсутствием в тексте сочинения информации о маршрутах, связывающих их страну с другими странами. Это обстоятельство заслуживает отдельного внимания в ходе дальнейшего анализа.

3. Природные объекты страны кыргызов

3.1. Общая характеристика

Набор географических объектов на карте существенно больше, чем в описании секции 3-10. Показанные на карте объекты можно разделить на две группы: природные (реки, горы, озера, море и остров, соединенный с материком узким

¹ В переводе Бичурина этот фрагмент был пропущен. Н. В. Кюннер перевел аналогичный фрагмент из *Тайпин Хуаньюй цзи* 太平寰宇記 («Описание всего мира [в годы] Тайпин [976–983 гг.]», сост. Юэ Ши 樂 史) как «установил один штандарт, низ его весь красный» [1961, с. 60]. Однако иероглиф 下 здесь скорее обозначает не нижнюю часть знамени, а имеет социальное значение ‘нижестоящий, подчиненный’, аналогично значению в расположенном рядом другом предложении: 諸下皆帽白氎 «у всех нижестоящих шапки из белого войлока» [Синь Тан шу, 1975, цз. 2176, с. 6147].

² Абу Дулаф в той же «Записке» прямо сообщает о принятии ислама тюрками западной окраины Восточного Туркестана, в т. ч. воинственным племенем *al-Bağrāğ*, находящимся между чигилиями и Тибетом. Это название ряд исследователей, в т. ч. А. Рор-Зауер [1939], убедительно идентифицировали с титулом правителя племени ягма и с обратившимся в ислам Бугра-ханом из династии Караханидов, локализовав в районе Кашгара.

перешейком) и созданные человеком (города).

Цвет моря на картах варьируется от светло-синего (рис. 3а) до очень темного синего (рис. 4а) и зеленовато-коричневого (рис. 5б). В рукописи из Парижа цвет моря на круглой и секционной картах почти одинаков, в некоторых рукописях он различается. На море параллельными волнистыми линиями (как более светлыми, так и более темными, чем фон) условно изображены волны, хотя на ряде поздних круглых карт эта деталь оформления утрачена (рис. 2, 5а). Подобным же способом с условными волнами изображены озера, но их цвет всегда отличается оттенком от цвета моря на карте из той же рукописи.

Наиболее многочисленные и важные природные объекты на карте страны кыргызов – реки и горы. Реки нарисованы в виде тонких извилистых линий зеленого или синего цвета, аналогичного цвету озер. Горы изображены в условной профильной проекции, их цвет и положение тоже варьируются в разных рукописях. Иногда на них показана растительность. Все перечисленные географические объекты заслуживают специального исследования.

3.2. Море

В своей книге ал-Идриси подразделяет Окружающее море на ряд менее крупных морей. Их названия присутствуют не только в тексте, но и на секционных картах. В ранней рукописи из Парижа они часто нанесены прямо поверх изображения вод (рис. 6б), в других рукописях – на полях секционных карт. В частности, на левом поле карты секции 3-10, ниже или выше слова *mašriq* ‘место восхода солнца’, указано название моря, с которым граничат земли кыргызов: *al-Baḥr al-Muḥīṭ al-Šarqī* ‘Восточное Темное море’ (рис. 3с–5б: sl). На большинстве карт эта надпись выполнена красным пигментом, как характерно для макротопонимов, а в Greaves 42 из Оксфорда – черным. Это же название на картах разных рукописей повторяется далее на север вплоть до пределов известного мира в секции 7-9. В рукописи Рососке 375 из Оксфорда похожее, но более сложное название сопровождает и море секции 2-10: *al-Baḥr al-Muḥīṭ al-Šarqī* ‘Восточное Окружающее Темное море’. На карте из *Унс ал-мухадж* вдоль северного края секции 2-10 нанесена надпись *al-Baḥr al-Ẓulumāt* ‘Море Мрака’ (видимо, она относится и к морю секции 3-10), а в секции 6-10 – *al-Baḥr al-Muḥīṭ al-Šarqī* ‘Восточное Окружающее море’ [Miller, 1927, taf. 64]. Оба названия, следовательно, выступают как

эквивалентные названию *al-Muḥīṭ*.

В Greaves 42 из Оксфорда море в секциях 2-10 и 1-10 подписано как *al-Baḥr al-Šīn* ‘Море Китая’. Оно образовано от названия той страны, которую омывает, и это другая часть вод.

В тексте *Нузхат ал-муштак* о 10-й секции 3-го климата при перечислении различных тюркских народов, среди которых отмечены кыргызы и кимаки, говорится, что они живут на землях от Мавераннахра (т.е. к востоку от Амударьи) до Восточного Темного моря (*al-Baḥr al-Šarqī al-Muḥīṭ*), что соответствует обозначению моря на картах секций 3-10 и 4-10. При описании собственно кыргызов это название ал-Идриси не использовал, но указал, что страна кыргызов находится недалеко от Китайского моря (*al-Baḥr al-Šīnī*), которое в его сочинении также называется Морем Китая (*al-Baḥr al-Šīn*). Таким образом, карта и описание секции 3-10 в этом аспекте хорошо согласуются. В то же время в описании секции 4-10 море, с которым граничат кимаки, названо Морем Мрака (*Baḥr al-Ẓulumāt*).

Сведения о восточных морях в других секциях дополняют эту картину. В частности, в 10-й секции 1-го климата та часть Окружающего моря, которая граничит с Китайским морем, названа Морем Смола / Смолистым морем (*al-Baḥr al-Ziftī / al-Baḥr al-Ziftī*) («из-за того, что вода в нем темная, ветер [над ним] сильный и большую часть времени его покрывает мрак») [Коновалова, 2016, с. 228]. При этом говорится, что это Смолистое море соединяется на севере с той частью Окружающего моря, что омывает мифическую землю Йаджуджа и Маджуджа и простирается на запад под названием Моря Мрака (*al-Baḥr al-Ẓulumāt*). В описании из секции 6-5 восточным пределом Моря Мрака выступает западная часть горы *Qūqāyā*, расположенная в секции 7-5, а восточная часть этой горы уже находится у Смолистого моря [Там же, с. 227]. Именно это название (*al-Baḥr al-Ziftī*) нанесено возле восточной части горы *Qūqāyā* на карте секции 7-9 из *Унс ал-мухадж* [Miller, 1927, taf. 66]. Следовательно, море с названием *al-Ziftī* имеет те же границы от горы Кукайя на северо-востоке до Китайского моря на юго-востоке, что и море с названием *al-Muḥīṭ al-Šarqī*, и включает в себя морские воды возле страны кыргызов.

На секционных картах ал-Идриси название *al-Baḥr al-Muḥīṭ* фактически эквивалентно названию *al-Baḥr al-Muḥīṭ*, т.к. в сочетании с дополнениями *Восточное*, *Северное*, *Западное* описывает все окружающие сушу воды. При этом оно само нередко выступает как дополнение к названию *al-Muḥīṭ*. Ему также эквивалентно и

название *al-Baḥr al-Zulumāt*, которое охватывает внешние воды на северо-западе и северо-востоке мира, но используется несколько реже. Причина такого разнообразия названий, очевидно, в том, что в разных арабо-персидских источниках, которыми пользовался ал-Идриси, моря на севере и востоке обитаемого мира описывались и назывались по-разному [Коновалова, 2016, с. 219–228; Pinto, 2016, p. 156; Zagórski, 2013, p. 212]. Одной группой этих источников были работы школы математической географии ал-Хваразми, использовавшие прямоугольную карту мира. В работе самого ал-Хваразми море, граничащее с Китайским, названо *al-Muḥlim*, а моря к северо-западу от суши назывались Северным Внешним и Западным Внешним [Das Kitāb, 1926, s. 42; Ducène, 2011, p. 272; Калинина, 1988, с. 46, 86]. Границам *al-Baḥr al-Muḥlim al-Šarqī / al-Baḥr al-Zifī* от горы Кукайя на северо-востоке до Китайского моря на юго-востоке в сочинении ал-Идриси хорошо соответствует показанное коричневым цветом, т.е. цветом смолы (в отличие от других морей, имеющих здесь зеленый цвет), море на прямоугольной карте обитаемого мира из копии начала XIII в. анонимного сочинения *Kitāb Gharā'ib al-funūn* 'Book of Curiosities' (1020–1050 гг., Египет) [Rapport, Savage-Smith, 2008, pl. IV]. Сама эта карта тесно связана с традицией школы математической географии ал-Хваразми [Там же, p. 138]. Другой группой источников ал-Идриси были сочинения, принадлежавшие к традиции описательной географии, использовавшей для изображения всего мира круглую карту, а для характеристики окружающих суши вод – название *al-Baḥr al-Muḥīṭ*. Названия Море Мрака, Темное море они применяли по отношению к северо-западу и западу обитаемого мира. Работа ал-Идриси совмещает обе традиции и использует более сложную систему, где прежние названия выступают не как взаимоисключающие, а как параллельные и дополняющие друг друга. Названия для моря возле земель кыргызов в полной мере отразили это.

3.3. Остров

На карте секции 3-10 *Нузхат ал-муштак* в море изображен остров, подписанный *Остров рубинов (al-yāqūt)*. Он окружен по периметру горой и соединен с материком узким перешейком (рис. 3с: *m1*). И гора, и перешеек специально отмечены в описании секции. Форма и цвет острова на картах разных рукописей демонстрируют изменения: в ранней рукописи у него овальная, вытянутая с юга на север форма с красными

горами по всему периметру (рис. 3с); на поздних вариантах карты форма острова становится более округлой (рис. 4, 5b); в одном случае в цепи гор имеется разрыв – проход на остров, который уже явно превращается в полуостров (рис. 4b); горы вместо красных становятся желтыми (рис. 4a, 5b). На картах рукописей *Унс ал-мухадж* этот остров (тоже вытянут с юга на север) с материком не соединен.

Словесное описание острова в *Нузхат ал-муштак* помещено внутри текста о стране кыргызов. Говорится, что с помощью мастерства и определенных хитростей жители страны добывали на этом острове ценные ювелирные камни, хотя на окружающую его гору крайне трудно подняться, а достичь внутренней части из-за обитающих там смертоносных змей вообще невозможно. Говорится, что между Окружающим морем, где находится остров, и городом правителя кыргызов около трех дней пути.

Несомненно, что сведения об острове оторваны от реальной географии кыргызов и являются пересказом какой-то легенды. В то же время эти сведения соответствуют плану ал-Идриси рассказать о ценных минеральных ресурсах и товарах разных земель. Аналогичное место в его рассказе о стране кимаков занимает повествование о добыче там рассыпного золота, а в рассказе о стране уйгуров – о добыче и торговле лазуритом. Настораживает, однако, что ни в одном источнике о кыргызах *Остров рубинов* больше не упоминается, так же как и драгоценные камни не фигурируют в перечнях товаров кыргызов. Кроме того, в тексте *Унс ал-мухадж* этот остров представлен как особая страна.

Тожественное название – *Остров рубинов* – присутствует в ряде других арабо-персидских сочинений. В частности, сведения об этом легендарном острове пересказывает ал-Бируни (нач. XI в.): «Батлабийус (Птолемей) в книге "Джәуграфийә" рассказывает о красной горе, окружающей Остров яхонтов (*yāqūt*. – Ю.Е.), на который можно проникнуть с суши. [Эта гора] опоясывает остров, а в глубине его имеются города, источники и реки. А из того, что он (Птолемей) сообщает о его долготах и широтах, можно заключить, что остров находится на востоке населенной части земли, на конце ее, на экваторе или близко от него» [Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни, 2011, с. 75]. Вместе с тем в «Географическом руководстве» Птолемея *Остров рубинов* не фигурирует [Tibbetts, 1992, p. 105; Rapport, Savage-Smith, 2008, p. 133], следовательно, книга, которой пользовался ал-Бируни,

являлась не просто переводом, а каким-то обновленным и дополненным вариантом его сочинения.

Важный сохранившийся образец такого рода – *Китаб сураат ал-ард* («Книга картины Земли», ок. 836–847 гг.; копия 1037 г.) основоположника исламской математической географии ал-Хваразми. Полное название сочинения – «Книга картины Земли, включающая города, горы, моря, острова и реки. Абу Джафар Мухаммад ибн Муса ал-Хваразми извлек это из книги *География*, написанной Птолемеем Клавдием». Имеется гипотеза, что источник, на основе которого ал-Хваразми создавал свою арабскую адаптацию *Географии*, уже содержал обновленные сведения по некоторым регионам мира и, возможно, это была карта, подготовленная ранее для халифа ал-Мамуна (813–833) [Ducène, 2021, p. 77].

В работе ал-Хваразми тоже присутствует *Остров рубинов*, сходство которого с географическим объектом ал-Идриси включает целый ряд характеристик: его остров также находится на восточной границе мира, на окраине моря *al-Šīn*, в море *al-Muẓlim*, которое нельзя пересечь, и окружен горой красного цвета [Das Kitāb, 1926, s. 42; Ducène, 2011, p. 272, 273]. Правда, имеются и некоторые отличия по форме и расположению: а) согласно ал-Хваразми, этот остров находился южнее – возле экватора; б) на карте острова из работы ал-Хваразми, где он подписан как *Остров драгоценных камней (al-ġawhar)*, у него округлая форма, а окружающая гора по большей части изображена не на острове, а в море; в) отсутствует перешеек с материком [Das Kitāb, 1926, taf. 1]. Кроме того, в перечнях городов и рек мира в *Китаб сураат ал-ард* фигурируют несколько городов и река с этого острова [Nallino, 1896, p. 41]. Они, однако, не показаны на карте острова из этой же рукописи, что аналогично отсутствию подобных сведений в *Нузхат ал-муштак*. При этом изображения, которые можно трактовать как рисунки рек, и кружок, аналогичный условным изображениям городов, имеются на *Острове рубинов* в *Унс ал-мухадж* [Miller, 1927, taf. 65].

Близкое к карте из *Нузхат ал-муштак* изображение *Острова драгоценных камней* имеется на прямоугольной карте обитаемого мира из уже отмеченной выше анонимной арабской рукописи из Египта, демонстрирующей тесные связи с традицией математической географии и работой ал-Хваразми: у острова здесь вытянутая с юга на север овальная форма и красные горы по периметру, а не в море; остров изображен на восточной окраине мира в море смолистого цвета рядом с прилегающим к Китаю морем зеленого цвета; сам

остров уже смещен севернее экватора [Rapoport, Savage-Smith, 2008, fig. 1, p. 133–135, pl. IV].

Таким образом, *Остров рубинов* в исламской географии изначально не принадлежал к землям кыргызов. Более того, в сочинении ал-Хваразми и на карте анонимной рукописи из Египта, так же как у Птолемея, страна кыргызов вообще отсутствует. Соединение этих двух объектов не находит аналогов в известных географических работах предшественников ал-Идриси. Видимо, оно могло произойти в ходе подготовки им карты при согласовании различных данных описательной и математической географии о восточных морях и землях. Сведения об этом острове обусловлены использованием ал-Идриси какого-то источника, который связывался им с именем Клавдия Птолемея, но «на самом деле был либо картой, использованной ал-Хваразми, либо работой самого ал-Хваразми, а не работой Птолемея» [Ducène, 2021, p. 88].

3.4. Горы

На карте материковой части секции 3-10 показано несколько гор, названий и описаний которых ал-Идриси не привел. Один из горных массивов расположен на северной границе земель кыргызов. На ранней карте секции 3-10 и на карте мира он изображен прямо между кыргызами и кимаками вдоль границы 3-го и 4-го климатов. На секционной карте он состоит из двух частей: западная – красная, восточная – синяя (рис. 2, 3: *m2*), что отличает эти горы от других этой секции, раскрашенных однородно. Немаловажно, что эти же горы еще раз симметрично показаны к северу, во владениях кимаков на прилегающей части секции 4-10, где тоже разделены при помощи цвета на две части (рис. 6а: *m2a*). На более поздних вариантах карты секции 3-10 этот массив отсутствует. В рукописи Greaves 42 из Оксфорда он, возможно, перемещен немного южнее и раскрашен одним цветом (рис. 4b: *m2(?)*), хотя, учитывая особенности карты данной рукописи, это скорее другие горы. Место расположения гор *m2* / *m2a* позволяет идентифицировать их среди описаний гор известного мира в *Худуд ал-Алам*, где сообщается о протянувшихся с запада на восток горах, расположенных между владениями кыргызов и кимаков. Горы эти достигают необитаемых земель на севере, а их северную часть кимаки называют K.NDĀV.R-BĀGHĪ [Ḥudūd al-Ālam, 1982, p. 66, 202]. Соответствие по местоположению и композиции гор на карте ал-Идриси с описанием из *Худуд ал-Алам* явно не случайно и связано с

общим источником информации авторов этих сочинений. Горы с подобным названием фигурируют также на маршруте в стране кимаков в *Зайн ал-ахбар* («Украшение известий»; сер. XI в.) Гардизи [Martinez, 1982, p. 122].

Гора *m6* на северной окраине владений Китая вблизи пределов тугузгузов и кыргызов может быть сопоставлена с горой *T̤f̤qān* в *Худуд ал-Алам*, которая расположена «в самых отдаленных пределах тюрков-тугузгузов (т.е. на востоке их владений. – Ю. Е.), где они примыкают к Китаю» [Hudūd al-Ālam, 1982, p. 62]. Дополнительный аргумент в пользу такой идентификации, связанный с изображенным рядом городом, будет приведен ниже.

Весьма точное совпадение в том же источнике можно обнаружить для длинной изогнутой горы красного цвета в западной половине карты секции 3-10 (рис. 3с: *m10*). Один ее конец начинается на северо-восточной окраине секции 3-9 (рис. 6а: *m10*) вдоль западной части земель тугузгузов (рис. 6а: 2), к востоку от озера Иссык-куль (рис. 6а: 14). Она сопоставима с описанной в *Худуд ал-Алам* горой *Tūlas*: «Другая гора отходит от начала границы тугузгузов недалеко от озера *Iskūk* (Иссык-куль). Она продолжается до конца [земель] тухсийцев и начала границы халлухов, затем она изгибается, и ответвление отходит от нее в землю племени хырхыз» [Hudūd al-Ālam, 1982, p. 62]. Указанное ответвление тождественно вытянутой на восток горе *m9* на ранней парижской карте (рис. 3с: *m9*).

В процитированном фрагменте *Худуд ал-Алам* описание горы *Tūl.s* дано с запада на восток: 1) недалеко от оз. Иссык-куль и вблизи западной границы владений тугузгузов – начало горы; 2) до конца земель тухсийцев и начала границы карлуков – западная часть горы; 3) владения карлуков – восточная часть горы, где она изгибается и где находится ее ответвление в сторону кыргызов. Владения карлуков к востоку от тухсийцев (часть тюргешей [Там же, p. 300–304]) в этом описании, видимо, связаны с их первоначальными землями до ухода в Семиречье после 746 г. и последующего подчинения тюргешей (766 г.). В этом случае восточную часть горы *Tūl.s* можно соотнести с Алтаем.

Та же гора *Tūl.s* в работе ал-Марвази фигурирует как *Tūnis* (**Tūl.s*). Он прямо сообщает, что здесь находилось место проживания карлуков перед тем, как они восстали против тугузгузов и ушли в земли тюргешей, а также указывает параллельное название – *Золотые горы* [Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī, 1942, p. 31]. Последнее аналогично топониму *Altun jīš* древнетюркских

текстов с Орхона и переводному названию *Цзинь-шань* 金山 в китайских исторических хрониках. Оба факта из работы ал-Марвази не оставляют сомнений в возможности отождествления названия *Tūl.s* с Алтаем.

Позднее аналогичный топоним в качестве названия Алтая фигурирует также в *Зафар-наме* («Книга побед»; XV в.) Шараф ад-Дина Али Йазди при описании похода войск Тимура на р. Иртыш в 1390 г. [Hudūd al-Ālam, 1982, p. 196; Йазди, 2008, с. 139]. В то же время близкий топоним имелся и на Тянь-Шане [Hudūd al-Ālam, 1982, p. 274]. По этой или другой причине описание горы *Tūl.s* в *Худуд ал-Алам* соединяет оба места [Там же, p. 195–196]. То же самое явно демонстрирует и гора *m10* на картах ранней парижской рукописи *Нузхат ал-муштак*.

В *Худуд ал-Алам* дополнительно сообщается, что на горе *Tūl.s* «находится много черных соболей, серых белок и мускусных оленей, а в том ответвлении, которое простирается по направлению к стране Хырхыз, находятся мускусные олени и *хуту* (*hutū*), серые белки, черные соболя» [Hudūd al-Ālam, 1982, p. 62]. Перечисленные животные соответствуют перечню типичных товаров кыргызов юга Сибири – меха соболя и белки, мускус, поделочный рог *хуту* (вероятно, бивни мамонта), которые поступали от них в страны ислама.

Если гора *m9* – это ответвление горы *Tūl.s*, то соседняя близкая к кыргызам гора *m4* (рис. 3с), возможно, соответствует горе *Mānb.klū*¹, упомянутой в сочинении *Зайн ал-ахбар* на маршруте к кыргызам вблизи их земель. Помимо соседства с кыргызами, эта гора обладает схожими с *Tūl.s* ресурсами, т.к. описывается как «высокая гора, на которой много соболей, белок и мускусных оленей» [Martinez, 1982, p. 126].

На раннем варианте карты секции 3-10 еще один большой горный массив расположен прямо поперек течения главной реки кыргызов (рис. 3с: *m3*). Его название ни на карте, ни в тексте не приведено, описание тоже отсутствует. К северу от этих гор находится главная территория кыргызов, где расположены четыре их города, но надпись «земля кыргызов» нанесена с южной стороны от этих гор. На более поздних вариантах карты секции 3-10 этот горный массив, отграничивающий с юга главную территорию кыргызов, уже не

¹ По В.Ф. Минорскому [Hudūd al-Ālam, 1982, p. 283]. В.В. Бартольд допускал два варианта – *Mānb.k-lū* или *Mānb.k-lū* [1973, с. 29, прим. 8]. Другие варианты прочтения – *Mātk Lū* [Göckenjan, Zimonyi, 2001, p. 122] и *Mānabag-lū* [Martinez, 1982, p. 126].

воспроизведен, другие горы тоже немного изменили положение, а надпись о стране кыргызов, ставшая более длинной, разместилась рядом с их городами либо вообще отсутствует (рис. 4; 5b). В контексте других арабо-персидских источников этот горный массив можно сопоставить только с высокими и покрытыми лесом горами *Kūkmān*, расположенными в 7-ми днях пути к югу от ставки правителя кыргызов и в 4-х днях к северу после *Mānb.klū*. Информация о них приведена в дорожнике к кыргызам из сочинения Гардизи [Бартольд, 1973, с. 29, 47; *Ḥudūd al-‘Ālam*, 1982, р. 282; Martinez, 1982, р. 126]. Эта транскрипция соответствует топониму Кегмен в древнетюркских рунических текстах VIII в.; современное название – Западный Саян. Надежность такой идентификации подкрепляется анализом данных о реке кыргызов, результаты которого будут изложены ниже.

3.5. Озеро вблизи южной границы

Судя по композиции секционной карты, горы *m9* и *m4* (рис. 3с) выполняют роль своего рода южной границы земель кыргызов, т.к. города и территория за их пределами отнесены к Китаю. При этом еще один крупный природный объект изображен южнее горы *m9* – это озеро, в которое с юго-запада впадает река (рис. 3с: *l2*, *r9*). На карте в рукописи Greaves 42 из Оксфорда у озера имеется название (рис. 4b: *l2a*), которое можно прочесть как *al-Mūkān*. Корректная идентификация этого объекта, как и в случае других объектов атласа ал-Идриси, требует сравнения не с современными картами, а с сохранившимися описаниями соответствующего региона у исламских географов ранее XII в. Сопоставляя с такими описаниями положение озера относительно кыргызов, тугузгов и Китая, учитывая при этом наличие реки и направление ее течения, единственно возможным представляется отождествление с «озером (*baīḥa*) реки *Kiṣā*», которое находится на севере Китая, на западном крае пустыни, южнее которой – области Китая, восточнее – Восточный океан, западнее – река Куча, севернее – тугузгузы и кыргызы [*Ḥudūd al-‘Ālam*, 1982, р. 56, 80]. Сегодня оно известно как оз. Лобнор в устье главной реки этих земель – Тарим, название которой совпадает с названием города и древнего государства Куча в ее верхнем течении (при этом топоним мог включать конечную *n*, а в тюркском варианте – *r*; так, *n* в конце топонима зафиксирована у ал-Бируни [Там же, с. 295]). Топоним на карте из рукописи Greaves 42, судя по особенностям его написания,

возможно, является искаженной арабской формой того же названия, которое приведено в *Ḥudūd al-‘Ālam*, но с конечной *n*: **Buḥayrat al-nahr Kuḡān* (*nhr>mū*, *kḡān>kān*).

Среди перечисленных в *Ḥudūd al-‘Ālam* географических сведений об озере реки Куча отдельного внимания заслуживает наличие пустыни к востоку от него. На карте ал-Идриси месту этой пустыни соответствует территория южнее гор *m9* и *m4*. Это вновь совпадает со сведениями в описании маршрута к кыргызам из Восточного Туркестана у Гардизи [Martinez, 1982, р. 126], поскольку он сообщал о пяти днях пути через пустыню к югу от двух гор: 1) неназванные горы с перевалом *K.mīz-art*, которые можно соотнести с горами *Tūl.s* из других сочинений; 2) *Mānb.klū*.

3.6. Реки

В землях кыргызов на карте показана одна крупная река, текущая с юга на север и впадающая в Восточное Темное море (рис. 2–5: *r1*). На картах веток α и β она образуется слиянием четырех рек, истоки которых отнесены к землям Китая (рис. 3, 4b: *r2–r5*). Ниже по течению с юго-запада в нее впадает другая река (рис. 3, 4b: *r6*), берущая начало на каком-то удаленном горном массиве (рис. 3: *m8*) или сразу на двух (рис. 4b: *r12*, *m7*). На поздних вариантах карты ветки γ у реки появился еще один приток (рис. 4a, 5b: *r10*).

На ранних картах названия реки и ее притоков не указаны. При этом в тексте атласа описана только одна река кыргызов, названная *Minḥaz* (*m.n.ḥāz*). Ее, несомненно, следует отождествлять с главной рекой на карте страны. Небольшая надпись из двух слов возле главной реки кыргызов появилась лишь на позднем варианте карты из Софии (рис. 5b: *r1a*). В ней хорошо узнается первое слово – *naḥr* ‘река’, а во втором можно распознать тот же самый гидроним *M.n.ḥāz* с очень бледным последним знаком. Эта подпись – явно позднее добавление переписчика, видимо, сделанное на основе текста сочинения.

С реки *M.n.ḥāz* у ал-Идриси начинается его рассказ о стране кыргызов, что указывает на ключевое значение этой реки для географии их земель. Говорится, что *M.n.ḥāz* – главная из рек обширной и плодородной страны кыргызов, хорошо обеспеченной водой и изрезанной различными реками, которые берут начало со стороны границ Китая (т.е. текут с юга на север). Также отмечается, что это – «значительный и очень быстрый поток», «почти всегда текущий через скалы», из-за чего «его воды редко бывают спо-

койными, как у большинства рек» [La géographie, 2000; Al-Idrīsī, 1970–1984, p. 519].

Составленное ал-Идриси описание соответствует Енисею, главной реке в Саянах. Ее истоки расположены на склонах Восточного Саяна, ряд притоков начинается на территории Монголии или у ее границ, некоторое время река течет на северо-запад по степной части Тувы, после чего с юга на север по каньону пересекает крупную горную преграду – Западный Саян, затем через степную Минусинскую котловину река направляется на север к океану. Средневековое название этой крупной реки в орхоно-енисейских рунических текстах и китайских исторических хрониках – *Кем* (др.-тюрк. *Kām*, но также известен вариант *Kim*; в современном хакасском языке – *Ким*, в тувинском – *Улуг-Хем*). В опосредованном виде – как компонент названия города правителя – оно же в форме *К.т* зафиксировано в *Худуд ал-Алам* (подробнее об этом ниже). При этом в рунических текстах бассейна Енисея это название порой употребляется в паре с древнетюркским нарицательным названием крупной реки или почтительным обращением: *Kim ögüz* ‘река Ким’, *Kām qatun* ‘госпожа Кем’ [Кормушин, 2008, с. 105, 131]. Вероятно, форма гидронима у ал-Идриси является искажением какого-то варианта написания, производного от *К.т ögüz*. В ином случае остается проблема интерпретации первой части названия¹.

Сообщение, что *M.n.ḥāz* течет через скалы, согласуется с реальной географией и лучше всего соответствует ранней карте из Парижа, где река непосредственно пересекает горный массив, вытянутый с запада на восток (рис. 3с: *т3*). В географии Южной Сибири эти горы могут быть соотнесены с отмеченным выше Западным Саяном (средневековое название Кегмен), отделяющим Минусинскую котловину от Тувы. На карте горный массив разделяет страну кыргызов в бас-

сейне реки *M.n.ḥāz* на две неравные части. Одна часть расположена к северу от гор и может быть соотнесена с Минусинской котловиной. Другая, меньшая часть находится к югу от этого горного массива. Она, несомненно, включала территорию современной Тувы, т. к. после 840 г. южной границей кыргызов стали горы *Таньмань* 貪漫山 [Синь Тан шу, 1973, цз. 2176, с. 6147], которые можно соотнести с горным хребтом Танну-Ола между Тувой и Монголией. Это сопоставимо с двумя частями земель кыргызов по разные стороны Западного Саяна («Киргиз и Кэм-Кэмджиут»), существовавшими перед завоеванием их монголами в XIII в. и описанными Рашид ад-Дином [1952, с. 150–151]. Вместе с тем следует также иметь в виду, что несколько десятилетий после победы над уйгурами кыргызы контролировали более обширную территорию, которая простиралась на юг до владений Тибета в Восточном Туркестане [Синь Тан шу, 1973, цз. 2176, с. 6149].

В сочинении ничего не сообщается об истоках и притоках реки *M.n.ḥāz*, но на карте изображено, что она образуется слиянием четырех водных потоков к югу от только что рассмотренного поперечного горного массива (рис. 3с: *г2–г5*). Такая географическая ситуация аналогична описанию кыргызской реки из уже упоминавшегося сочинения ал-Марвази *Табат’и’ ал-хайаван*: «На территории хыргызов есть четыре реки, которые текут и вливаются в одну большую реку, протекающую между горами и темными ущельями». Описание приведено в контексте легенды о человеке, который поплыл на лодке по этой реке, и она несла его по ущельям три дня, после чего горы закончились, и он встретил неизвестных людей очень высокого роста с собаками высотой с быка [Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī, 1942, p. 30; Восточные авторы, 1994, с. 55–56]. Отличие описания от карты ал-Идриси только в том, что на карте четыре притока оказались изображены уже за пределами земель кыргызов – в землях Китая. Названия этих рек и гор в сочинении ал-Марвази не приведены. В контексте реальной географии верхние притоки *M.n.ḥāz* на карте можно было бы сравнить с крупными реками в верховьях р. Енисей, среди которых – Бий-Хем, Каа-Хем, Хемчик. Однако сколько-нибудь надежная идентификация здесь вряд ли возможна, т. к. информация о притоках реки *M.n.ḥāz* в тексте сочинения отсутствует. Дополнительные аргументы в пользу отождествления реки из легенды с Енисеем – неординарность этого путешествия на лодке и его продолжительность. Последняя примерно соответствует времени, которое занимал путь на лодке через

¹ Помимо гидронима Минус, привлекавшегося для сравнения Л. Р. Кызласовым, можно учесть еще несколько речек и ручьев региона с названием Минжуль, где *жуль* ‘ручей’ от др.-тюрк. *jul*. Считается, что первый компонент здесь связан с хак. *мөңі*, используемым в фольклоре для обозначения водных источников – *мөңі суу* [Бутанаев, 1995, с. 63–64; Субракова, 2007, с. 28]. Слово восходит к др.-тюрк. *теңи/миңи*, *теңи/миңи* ‘вечный’ [Древнетюркский, 1968, с. 341–343, 345]. В таком случае исходную форму для *M.n.ḥāz* можно было бы реконструировать как *Меңи ögüz* ‘Вечная река’. Это соответствует средневековым представлениям о сакральности р. Кем [Васильев, 2019; Кызласов, 2013, с. 281]. В эпиграфике юга Сибири др.-тюрк. ‘вечный’ (обычно, однако, с начальным *b* вместо *m*) неоднократно зафиксировано в парных словосочетаниях о вечных земле, солнце и луне, некоторых скалах и камнях. Впрочем, это сопоставление не кажется простым и содержит ряд допущений.

Западный Саян в Минусинскую котловину до постройки плотины Саяно-Шушенской ГЭС, а пороги в Саянском каньоне делали такой сплав смертельно опасным и препятствовали использованию этого способа передвижения, на что ранее обращал внимание и В. Ф. Минорский [Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī, 1942, p. 105].

На всех картах у реки *M.n.ḥāz* показан еще один крупный приток в нижнем течении (рис. 3с: r6). Кажущееся очевидным сходство этого притока с текущей в том же направлении р. Абакан не имеет опоры в тексте сочинения. Поэтому здесь важно не допустить ошибку, подобную методологической ошибке интерпретации картографических данных ал-Идриси в публикации К. Миллера. Вопрос идентификации этого притока будет рассмотрен ниже вместе с вопросом идентификации расположенного в его верховьях города. Пока можно обратить внимание, что истоки этой реки показаны не там, где должны были бы находиться истоки Абакана (хребет поперек течения *M.n.ḥāz*, который отождествлен выше с Западным Саяном), а на другом, обособленном и удаленном горном массиве.

В сочинении ал-Идриси рассказывается об обитающем в *M.n.ḥāz* виде рыб с названием *ṣaṭrūn* [La géographie, 2000; Al-Idrīsī, 1970–1984, p. 519], который отличает слоистое мясо с малым числом костей и отсутствие рыбьего запаха. Рыба с одним похожим признаком отмечена в стране кыргызов и китайскими источниками: «*Мохэнь* 莫痕 – без костей, рот находится ниже щек» [Синь Тан шу, 1975, цз. 2176, с. 6147]. Эти признаки напоминают рыб осетровых пород, которые водятся в Енисее. В то же время совершенно фантастична информация, что по берегам *M.n.ḥāz* растут дерево алоэ (видимо, растение рода *Aquilaria*, которое ценилось на Востоке как источник насыщенной смолами и эфирными соединениями древесины, имевшей медицинское, парфюмерное, декоративное применение) и костус (растение со сладковатыми плодами, которые употреблялись в пищу). Ареал дерева алоэ, судя по упоминаниям в атласе ал-Идриси, связан с Аравийским полуостровом, Африкой, Индией и южной частью Китая. С южными районами Азии и Кабулом связан и костус. Критично стоит относиться к упоминанию у кыргызов риса. Сообщение ал-Идриси о наличии в стране кыргызов этих южных растений может быть его предположением (обусловленным необходимостью дать в сочинении информацию о ценных растениях каждой страны), которое основано на отмеченном в начале описания 10-й секции 3-го климата соседстве страны с Китаем

и Китайским морем. Последнее в арабо-персидской литературе является названием для Южно-Китайского и Желтого морей, иногда и для всего Индийского океана [Zagórski, 2013, p. 212; Коновалова, 2016, с. 228], а эти области ал-Идриси как раз включает в ареал выращивания дерева алоэ и костуса. Также можно допустить перенос на эти земли кыргызов некоторых сведений, которые касались другой, более южной части их владений, не удостоенной описания в этом сочинении.

Такой перенос можно предполагать и для сведений о водяных мельницах кыргызов: «Жители страны построили на *M.n.ḥāz* мельницы, где они перемалывают пшеницу, рис и разные другие злаки в муку, из которой они делают хлеб или которые готовят не размалывая и которыми они питаются» [La géographie, 2000]. Подробный рассказ о водяных мельницах, сопоставимых со сведениями ал-Идриси, имеется в сочинении Гардизи. Показательно, что у него он относится к области Хотан в Восточном Туркестане [Бартольд, 1973, с. 56], т. е. по соседству с самой западной группой кыргызов середины IX в., согласно *Худуд ал-Алам*. В китайских источниках, описывающих кыргызов на Енисее, отмечено использование только жерновов, приводимых в движение человеком [Кюннер, 1961, с. 58].

Завершая анализ природных объектов земель кыргызов, стоит обратить внимание на особую роль *M.n.ḥāz* как в описании, так и на карте их страны. На карте это проявляется не только в ведущей композиционной роли этой реки, но и в последовательности нанесения объектов, т. к. сначала изображена река, а уже затем поперечный горный хребет, через который она протекает (рис. 3с: m3). При этом некоторые средневековые письменные источники (будут приведены ниже) свидетельствуют, что отождествляемая с *M.n.ḥāz* р. Кем на протяжении столетий служила важным транспортным путем к кыргызам через Западный Саян: в зимнее время часть маршрута пролегла непосредственно по льду реки, а в летнее время использовалась тропа через горы восточнее русла, выходившая к степной части Минусинской котловины возле современного с. Шушенское (в начале XX в. вдоль нее была построена дорога для колесного транспорта Минусинск – Кызыл). По сведениям XIX – начала XX в., зимний маршрут по льду был доступен с декабря по март, а летняя выючная тропа восточнее русла реки – с конца мая по начало октября [Попов, 1905, с. 116, 144; Очерки, 1881, с. 374–376].

Хотя в сочинении отсутствуют какие-либо описания маршрутов, связывающих основные

земли кыргызов с остальным миром, можно предположить, что источник первичной информации посещал эти земли, преодолевая Западный Саян именно вдоль р. Кем. Более того, сами сведения ал-Идриси о большей части географических объектов на карте страны кыргызов могли быть получены из такого дорожника к кыргызам, что подтверждается сходством с описанием соответствующего пути у Гардизи.

4. Города страны кыргызов

4.1. Общая характеристика

На ранней секционной карте из парижской рукописи и последующих картах ветки γ в землях кыргызов показано четыре города. Иная ситуация на карте ветки β рукописи Greaves 42 из Оксфорда, где их только три. В разных рукописях города обозначены по-разному: изначально, видимо, похожими на цветы желтыми розетками (рис. 3с, 4б); позднее простыми желтыми кружками (рис. 4а); на одной из наиболее поздних карт – разноцветными башенками из кирпича или камня (рис. 5б). Точно такими же значками изображены и города соседних стран. Полный комплект последних состоит из четырех городов Нижнего Китая (из них только один с индивидуальным названием) и трех городов страны тугузгузов (все с индивидуальными названиями). Здесь тоже на общем фоне выделяется карта ветки β , на которой показано только два города Китая (рис. 4б).

Четыре города кыргызов на карте *Нузхат ал-муштак* соответствуют числу городов при описании страны в тексте сочинения. В тексте о них сообщается немного. Автор пишет, что все города страны кыргызов сосредоточены на одной территории, протяженность которой около трех *мархала*, т. е. около трех дневных переходов. Отмечено, что все четыре города – «большие, окруженные стенами и мощными укреплениями» [La géographie, 2000]. При этом в тексте отсутствуют индивидуальные описания и названия городов, за исключением города кагана, отсутствуют сведения об их расположении относительно рек, гор и друг друга, о путях между городами и о маршрутах, связывающих их с другими городами и странами. Эти пробелы отчасти восполняет карта, зафиксировавшая другие доступные составителю исторические сведения.

На карте два города кыргызов расположены на западном, а другие два – на восточном

берегу реки *M.n.hāz*. Оба южных города подписаны только названием народа и страны – *Ḥ.r.hīr* (рис. 3с: 1.1, 1.3), первоначальная форма которого для сочинения ал-Идриси реконструирована выше как *Ḥirhīz*. Оба северных имеют индивидуальные названия: *Ḥāqān Ḥ.r.hīr*, что указывает, что здесь находится резиденция правителя кыргызов, титул которого – *каган* (рис. 3с: 1.4); *D.r.nd Ḥ.r.hīr*, смысл которого не ясен (рис. 3с: 1.2). Хотя расположение городов на разных вариантах карты несколько различается, но *Ḥāqān Ḥirhīz* всегда показан на западном берегу главной реки и в центре страны. Локализация *D.r.nd Ḥirhīz* имеет два варианта: 1) на картах веток α и γ он является самым северным городом из двух, расположенных на восточном берегу главной реки кыргызов; 2) в рукописи ветки β он расположен на левобережье северо-западного притока (рис. 4б: 1.2). Стоит отметить, что в обоих вариантах, в отличие от остальных городов, *D.r.nd Ḥirhīz* всегда изображен непосредственно на берегу реки.

В тексте 10-й секции 3-го климата ал-Идриси сообщает, что в описании упомянутых им городов тюрок он следовал за Ибн Хурдазбихом, «который в своей работе сообщает, что этих городов 16, они населены, процветают, окружены стенами и серьезными укреплениями. Все без исключения построены на скалистых горных вершинах и окружены полями, на которых выращивают злаки. Из них получают шкуры леопарда, горностая и тигра, железо, мускус, рабов и шелк» [La géographie, 2000]. Фраза о 16 городах тюрок без дальнейшей детализации присутствует и в известном сегодня сокращенном варианте сочинения самого Ибн Хурдазбиха [Ибн Хордабех, 1986, с. 66]. При этом в 10-й секции только 11 городов, в т. ч. 4 города, принадлежащих Китаю. Очевидно, что эти сведения Ибн Хурдазбиха касались городов тюрок не только секции 3-10. Тем не менее сообщение ал-Идриси позволяет связывать его сведения о городах или части городов кыргызов и уйгуров секции 3-10, а вместе с ними, очевидно, и о маршрутах между городами именно с Ибн Хурдазбихом.

4.2. Город *D.r.nd Ḥirhīz*:

языковые связи и смысл названия

Ранее исследователями не предлагалось каких-либо объяснений для слова *D.r.nd*. Найти для него соответствия в древнетюркском языке не удастся. Видимо, это слово связано с языком и географической терминологией не местного населения, а

самого источника информации о стране кыргызов. Не исключены также ошибки переписчиков. В ходе консультации по этому поводу с Э. де ла Вэсьер, имевшим опыт работы над исправленным французским переводом сочинения ал-Идриси, он обратил мое внимание, что данное название напоминает персидское слово *дарбанд* с одной пропущенной буквой. Если это допущение справедливо, то название города на карте ал-Идриси можно реконструировать как *Dar(b)and Ħirĥīz*, или *Дар(б)анд кыргызов*.

Слово *дарбанд* использовалось в средневековых персидских названиях городов и крепостей и имеет вполне определенный географический смысл. Его буквальное значение можно трактовать как ‘запертые ворота’ (перс. *дар* ‘ворота’ + *банд* ‘засов’) [Kettenhofen, 1994]. При этом название *Дарбанд* получали пограничные поселения, расположенные у горных проходов и контролировавшие передвижение по ним. Соответствующее объяснение приведено в *Худуд ал-Алам* в связи с топонимом *Dar-i Tāziyān* ‘Ворота арабов’: «Место, расположенное в проходе (*darband*) между двух гор», где арабы сделали заграждение (*band*), чтобы контролировать проходящий здесь путь [Ḥudūd al-Ālam, 1982, p. 112]. Слово *дар* ‘ворота, проход’ в сочетании с *банд* или без него широко представлено в сочинении *Худуд ал-Алам* в качестве первого компонента названий городов и поселков, где получает значение ворот в отдельные страны или области, обозначением которых служит второй компонент: *Ворота Тибета* (*Dar-i Tubbat*; селение мусульман у границы Вахана с таможенным и охранным постом; видимо, то же самое, что *Ворота арабов*), *Ворота хазар* (*Darband-i Khazarān*; совр. Дербент, где узкий проход между Каспийским морем и горами во времена Сасанидов был перегорожен стеной с воротами), *Ворота алан* (*Dar-i Alān*; город-крепость на вершине горы со стражей на стене для контроля за горным проходом к аланам), *Ворота карлуков* (*Dar-i Khallukh*; район возле г. Тараз) и др. [Там же, p. 107, 119, 120, 145, 161, 350, 446, 454; Бартольд, 1973, с. 537, 538]. Существенно, что топоним *Дар(б)анд кыргызов* является аналогичным по структуре двусоставным названием.

Связанное с иранской языковой средой слово *дар(б)анд* вряд ли могло использоваться для обозначения своего укрепления кыргызами. У тюркоязычных народов в аналогичном контексте употреблялось собственное слово *капыг* ‘ворота’ [Камолиддин, 2006, с. 64]. Правда, самое известное тюркское название такого рода *Tāmir qarīy* ‘Железные ворота’ (на границе между Согдом и

Тохаристаном), возможно, появилось как калька с более древнего персидского *Дар-и аханин* [Кляшторный, 1964, с. 77]. До настоящего времени здесь существует кишлак с названием Дербент, а возле прохода через узкое горное ущелье сохранились развалины укреплений, появление которых датируется еще кушанским временем или даже ранее [Ртвеладзе, 2003; Stančo, 2021]. В арабском языке в таких контекстах тоже использовалось свое слово с аналогичным значением – *баб* [Ибн Хордадбех, 1986, с. 304; Бартольд, 1965, с. 419–432]. Например, *Железные ворота* и *Дарбанд* на Каспийском море обозначены на картах ал-Идриси арабскими эквивалентами *Баб ал-хадид* и *Баб ал-Абваб*. Также арабским словом в сочетании с именем губернатора Хорасана конца VIII в. (*Bāb al-Faql b. Yaḥyā b. Ḥālid*) на карте секции 3-8 парижской рукописи подписан подобный объект возле города *Rāšt*. При этом в тексте атласа рядом с этим пограничным пунктом упомянуто и поселение с неарабским названием *Дарбанд*. Этот топоним хорошо сохранился на карте той же секции рукописи Greaves 42 из Оксфорда, где его написание совершенно аналогично топониму в землях кыргызов, за исключением одной пропущенной буквы.

4.3. Город *D.r.nd Ħirĥīz*: идентификация в контексте археологических материалов

В землях кыргызов тоже имелись стратегически важные горные проходы, связывавшие их с другими странами. Это были маршруты через Западный Саян / Кегмен. Один из них – сама долина р. Кем, пересекающая Саяны с юга на север. В холодное время года, когда река замерзала, ее каньон становился наиболее быстрым и легким путем с юга в страну кыргызов [Кызласов, 1979, с. 288–289]. Использование в качестве пути к кыргызам покрытой льдом р. Кем неоднократно зафиксировано средневековыми письменными источниками в связи с различными военными событиями. Вероятно, таким способом в 758 г. на кыргызов напали уйгуры [Кызласов, 1998, с. 12]. В 1218 г. именно по льду р. Кем сюда приходило войско монголов во главе с Джучи для подавления восстания кыргызов: «Когда подоспел Джочи, лед уже сковал реку Кэм-Кэмджиут. Он прошел по льду и, покорив и подчинив киргизов, вернулся назад» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 151]. По сведениям *Юань ши*, весной 1291 г. аналогичным маршрутом, следуя несколько дней по льду р. Кем, во владения кыргызов через Саяны прошла армия под командованием полководца Тутухи [Кычанов, 1963, с. 64].

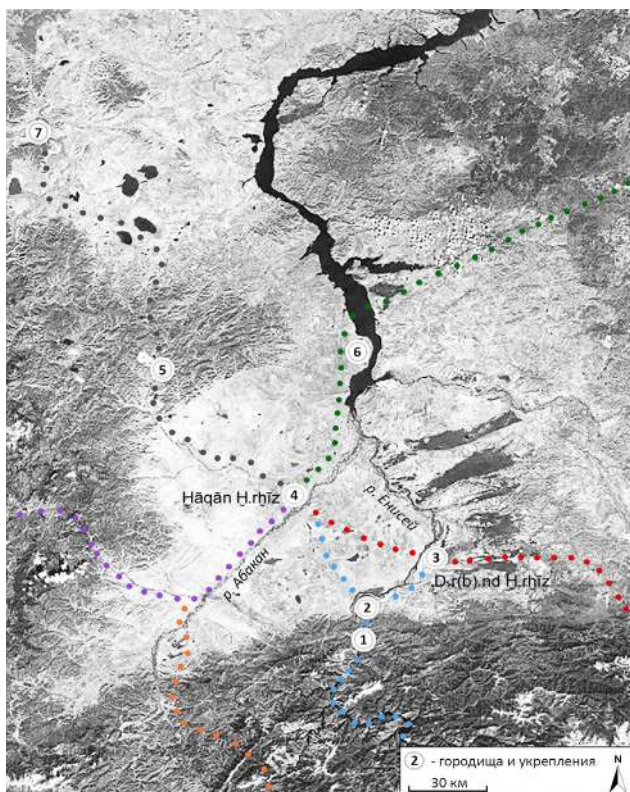

Рис. 8. Средневековые города, укрепления, некоторые пути коммуникаций в Минусинской котловине и их идентификация с городами из сочинения ал-Идриси: 1 – оборонительная стена в Саянском каньоне р. Енисей; 2 – городище у с. Саянск; 3 – городище на месте с. Шушенское; 4 – город в устье р. Уйбат; 5 – объект на ст. Ербинская; 6 – укрепленное место в горном массиве Оглахты; 7 – укрепленное место в междуречье Белого и Черного Июсов; голубой пунктир – зимний маршрут через Западный Саян; красный пунктир – основной летний маршрут через Западный Саян; зеленый пунктир – путь через Восточный Саян; фиолетовый пунктир – путь через Кузнецкий Алатау; оранжевый пунктир – летний маршрут через Западный Саян в Западную Туву; серый пунктир – северный маршрут.

Fig. 8. Medieval towns, fortifications, some communication routes in the Minusinsk Basin and their identification with the towns in al-Idrisi's work: 1 – defensive wall in the Sayan Canyon of the Yenisei River; 2 – fortress near the Sayansk village; 3 – fortress at the Shushenskoe village; 4 – town at the mouth of the Uibat River; 5 – object at the Yerbinskaya; 6 – fortified place in the Oglakhty Mountains; 7 – fortified place in the interfluvium area of the White Iyus and the Black Iyus; blue dotted line – the winter route over the Western Sayan; red dotted line – the main summer route over the Western Sayan; green dotted line – the path over the Eastern Sayan; purple dotted line – the path over the Kuznetsk Alatau; orange dotted line – the summer route over the Western Sayan to Western Tuva; gray dotted line – the northern route.

Для защиты от нападений с юга у выхода реки из горного ущелья, в самом узком месте (ширина ущелья здесь около 800 м, при ширине реки около 500 м), примерно там, где сегодня находится плотина Майнской ГЭС, была построена крепостная стена между восточным берегом реки и высокой скалой (рис. 8: 1). Она находилась в 1 км выше по течению Енисея от впадающей в него р. Голубая. Первые сведения о наличии здесь укреплений попали в поле зрения исследователей в 1735 г., когда основанный русскими ниже по реке г. Красноярск посетил историк Г. Ф. Миллер. На основании предоставленных ему каких-то более ранних документов он записал, что «укрепление имеет вид полумесяца, обращенного в сторону реки. Об этом последнем укреплении есть предание, согласно которому оно было насыпано монгольским ханом Лозаном для собственной безопасности, когда во время войны его преследовал до этих мест в Саянских горах калмыцкий владетель Бушту-хан. Отчего данное место и называется обычно *Лозановой Осадой*» [Сибирь, 1996, с. 59]. Миллер также зафиксировал, что расположенную рядом на восточном берегу Енисея большую лесистую гору, протянувшуюся до северной оконечности каньона, местное население называло *Умай-тайга*. В 1739 г., когда он сам побывал в этих местах, название горы было им записано уже как *Омай-таг* [Там же, с. 58, 156]. По его записям 1735 г., Саянский острог, построенный русскими примерно в 10 км ниже этой горы, коренные жители производно от этого топонима называют *Умай-тура* [Там же, с. 63]. По описанию П. С. Палласа, посетившего устье р. Голубая в 1772 г., и горы, и русский острог, и древнее укрепление коренное население называет *Омай-тура*, но русские казаки для древнего укрепления используют наименование *Логинова Осада*. По преданию, для обороны от неприятеля в зимнее время ранее здесь ломали лед поперек реки, чтобы по реке нельзя было пройти [Паллас, 1788, с. 544]. Название *Лозанова*, или *Логинова, Осада* появилось во второй половине XVII в. и происходит от имени монгольского алтын-хана Лоджана, который в конце 1666 г. строил в этом районе крепость для обороны от угрожавших ему с юга других монгольских князей [Чертыхов, 2007, с. 137].

Археологическое изучение сооружения, проведенное в 1973 и в 1980-е гг. перед постройкой ГЭС, показало, что укрепление имело три периода функционирования. Судя по находкам керамики, первый период был связан еще с эпохой хунну, второй период – с ранним Средневековьем (веро-

ятно, VIII–IX вв.). Третий период, возможно, связан с частичным восстановлением стены войском Лоджана. В интересующий нас второй период сооружение состояло из рва (глубина не менее 0,7–0,9 м, ширина – до 5 м) и каменно-земляного вала (высота не менее 1–1,5 м, снаружи облицован кладкой из камня), который был дополнен наверху стеной из бревен. Эта вытянутая с востока на запад слегка изогнутая конструкция длиной более 250 м перегораживала долину между руслом Енисея и скалами на восточном берегу реки (на западном берегу строить стену не было необходимости, т.к. скалы здесь обрывались в воду). Ров расположен с юга от вала, со всей очевидностью показывая, что строители ожидали угрозу со стороны верховий реки. Для пропуска мирного населения и своих или дружественных войск через ров и стену был сооружен проход, закрывавшийся мощными деревянными воротами из березовых бревен диаметром 25–30 см. В зимнее время эта стена, видимо, продолжалась вмороженным в лед Енисея заграждением из бревен и позволяла полностью перекрыть проход по самой удобной зимней дороге через Саяны по льду реки [Кызласов, 1974; 1980, с. 51; Длужневская, Варламов, 1984; Длужневская, 1989].

Из-за этого оборонительного укрепления войску Второго тюркского каганата зимой 710–711 гг. пришлось отказаться от удобной и короткой дороги по льду Енисея и идти в поход на кыргызов по труднопроходимой в это время года обходной горной тропе в верховьях р. Абакан. В древнетюркской рунической надписи на стеле Тоньюкука укрепление кыргызов, которое пришлось обходить, описано словами *тумыш* (пересказ. прош. вр. от глагола *ту-* ‘закрывать, преграждать’) и *туз* (отглагол. сущ. ‘преграда’) [Кормушин, 2004, с. 90–91, 95]. В данном контексте в обоих случаях подразумевается одна и та же преграда, сооруженная кыргызами в оборонительных целях.

Конечно, поддержание обороноспособности укрепления на зимней дороге через речной каньон требовало размещения вблизи военного гарнизона. Очевидно, что он должен был находиться ниже по течению реки на восточном ее берегу. Место его дислокации, видимо, находилось на высокой и обрывистой террасе того же восточного берега Енисея всего в 8 км от устья Саянского каньона и в 20 км от стены (рис. 8: 2). В 1718 г. на этом месте русскими казаками был построен Саянский острог (впоследствии рядом возникла д. Саянская – в настоящее время с. Саянск Шушенского района). Однако археологи-

ческое изучение памятника позволило сделать вывод, что укрепление здесь появилось еще в раннем Средневековье (найденная керамика близка кыргызской лепной посуде VI–X вв.), а русские лишь подновили уже имевшиеся ров и вал и построили внутри деревянный острог [Худяков, 1990, с. 106; Скобелев, Шаповалов, 1995]. Внутренняя площадь укрепления имеет размеры 75×75 м. Вал и ров окружают этот участок с трех сторон, а с четвертой стороны находится обрыв высокого берега реки, возможно, уничтоживший часть сооружения. Через вал и ров оставлен один проход возле середины стороны, противоположной берегу реки.

Собственное средневековое название у кыргызов для стены в каньоне реки и ближайшего к ней укрепления, возможно, было сходным с формой *Умай* / *Омай тура*, которая зафиксирована в названии этой местности в XVIII в. Первая часть словосочетания, производная от названия горы, связана с хак. *Ымай* – именем богини, восходящим к древнетюркскому пантеону, которая считалась прародительницей и покровительницей народа и воинов [Кызласов, 2014б; Кляшторный, 2006, с. 311, 336, 338]. Вторая часть связана с др.-тюрк. *тура* ‘укрытие, крепость’ [Сравнительно-историческая, 2001, с. 486] и, видимо, родственна основе *ту-* ‘закрывать, преграждать’ в тексте со стелы Тоньюкука.

Застава на месте с. Саянское, судя по размерам, могла играть вспомогательную роль по отношению к более крупному городищу в 30 км ниже по реке (рис. 8: 3). Его описание составил проезжавший здесь в XVIII в. П.С. Паллас. Объект имел четырехугольную форму с длиной периметра около 1000 шагов, ориентирован стенами по странам света. Он располагался на окраине русской деревни Шуша. Если считать длину шага несколько меньше метра, то длина сторон укрепления могла составлять около 200 м. Фортификация включала два больших вала, разделенных глубокими рвами. Вход находился у северо-западного угла. Паллас отметил, что сооружение размещено на ровном месте и не имело рядом источника воды, за исключением болота, протянувшегося вдоль бора выше по течению р. Енисей. Он оценил это место как невыгодное для постройки укрепления [Паллас, 1788, с. 746]. В то же время расположение этого городища позволяло его гарнизону одновременно контролировать и защищать и зимний путь по р. Кем, и летнюю дорогу через горы восточнее реки. Особенно важную роль оно должно было играть для летней дороги, что определялось стратегиче-

ским положением как у северного края горного участка маршрута, так и у переправы через р. Кем, которая тоже являлась важным рубежом на летнем пути.

Исследования этого сооружения, полностью застроенного разросшейся впоследствии деревней (сегодня с. Шушенское), не проводились, и его датировка осталась не ясна. По аналогии с планировкой городов уйгуров в Туве Л. Р. Кызласов предлагал датировать его VIII–IX вв. и рассматривать либо в качестве вынесенного на север уйгурского форпоста на стратегическом пути в земли кыргызов после подчинения последних в 758 г. [1998, с. 12], либо как сооружение самих кыргызов по уйгурскому образцу для обороны южных границ во время войны с уйгурами [1981, с. 50]. Однако наличие у городища сразу двух параллельных валов необычно для уйгурских сооружений. Такой прием обнаруживает сходство с фортификацией трех городищ хунну-сяньбийского времени, известных сегодня в Южной Бурятии и Туве [Данилов, 2004, с. 48; Садыков, 2015, с. 287]. Раннюю дату допускает и расположение входа возле угла [Данилов и др., 2018, с. 81]. В связи с этим не исключено, что строительство этого городища могло быть синхронно первому периоду возведения стены в Саянском каньоне. Как и стена, это укрепление, несомненно, тоже использовалось в дальнейшем.

Для района двух описанных городищ стоит отметить серию случайных находок ценных и статусных средневековых предметов. Среди них, например, крупное восьмилопастное металлическое зеркало из д. Саянская, отлитое ко дню рождения императора династии Тан в период 729–762 гг., которое могло быть привезено одним из кыргызских посольств [Лубо-Лесниченко, 1975, рис. 25, с. 21]. Для этого периода есть сведения о двух посольствах кыргызов в Китай – в 747 и 748 гг. [Супруненко, 1974].

Других столь же важных укреплений на внешних маршрутах через горы, которые могли бы соответствовать смыслу названия *Дар(б)анд кыргызов*, на территории Минусинской котловины нет. Позднее, сразу после присоединения «Кыргызской земли» к России, стратегическое значение этого места, связанного с двумя (летним и зимним) основными маршрутами через Западный Саян, было вновь отмечено строительством поблизости уже упомянутого Саянского острога, призванного защитить регион от нападений с юга. Поэтому имеющийся на карте ал-Идриси

город *Дар(б)анд хырхыз* следует локализовать на южной окраине Минусинской котловины и связать с одним из двух зафиксированных там городищ, скорее с наиболее крупным на летней дороге через Саяны.

4.4. Город *D.r.nd Hirhiz*: источники и возраст сведений

Топоним *D.r(b).nd Hirhiz* могли создать только люди, связанные с территорией бывшей Персидской империи, следовавшие традиционному для этой культурной области принципу именования и лексики для таких географических объектов. Соответствующей лексикой, несомненно, владели Ибн Хурдазбих и ал-Джайхани, составители ключевых описаний восточных тюрок, использованных ал-Идриси. Также она была знакома купцам, участвовавшим в караванной торговле с кыргызами. В исторической хронике *Синь Тан шу* 新唐書 («Новая книга Тан», сост. Оуян Сю 歐陽脩 и Сун Ци 宋祁 в 1060 г.) [1975, цз. 217б, с. 6149] сообщается, что раз в три года к кыргызам (*сяц-зясы* 黠戛斯) приходил караван из 20 или 24 верблюдов с шелковыми тканями, отправлявшийся из *Даши* 大食, т. е. Арабского халифата. Видимо, здесь подразумевалась его восточная, ираноязычная часть, простиравшаяся до Семиречья [Бернштам, 1952, с. 191–192]. В обратную сторону вывозился ценный мускус, меха и некоторые другие товары кыргызов, о которых рассказывают арабо-персидские источники. Например, по данным ал-Истахри из *Китаб масалик ал-мамалик* («Книга путей государств»; нач. X в.), сначала кыргызский мускус доставлялся в Мавераннахр, а уже оттуда он поступал в другие страны [Материалы, 1973, с. 17, 26].

Главную роль в торговле с восточными народами играли согдийцы. Длительное и тесное взаимодействие с ними было налажено южными соседями кыргызов – государствами тюрок и уйгуров. Оно касалось не только торговли, но и дипломатии, делопроизводства, строительства городов и др. и достигло максимума в период Уйгурского каганата [Vaissière, 2005]. Среди прочего с согдийцами было связано распространение на восток манихейского учения, и это еще одна причина, по которой они могли посещать страну кыргызов [Кызласов Л., 1998; Кызласов И., 2017]. Присутствие в землях кыргызов знатного согдийца из Чача отражено в одной из эпитафий с территории Тувы, предположительно, IX в. [Кляшторный, 2013].

Наиболее подробное описание торгового маршрута в *Ставку кыргызов* (*hā'eŋe ħ.rhīz*) за Саянами от одного из узловых центров трансконтинентальной торговой сети, созданной согдийскими купцами, приведено в сочинении Гардизи *Зайн ал-ахбар* [Бартольд, 1973, с. 29, 47; Ĥudūd al-Ālam, 1982, p. 282; Martinez, 1982, p. 126; Göckenjan, Zimonyi, 2001, p. 121–123]. Этот маршрут, охарактеризованный в нем как путь к кыргызам от тугузгузов, начинался от *Чинанджкета*, согд. ‘Город китайцев’, т.е. от *Гаочана* 高昌 / др.-тюрк. *Кочо* в Турфанском оазисе, где проживало много ханьцев. В 640 г. *Гаочан* был завоеван Тан и переименован в *Сичжоу* 西州. Первоначально здесь же разместился административный центр учрежденного наместничества *Аньси* 安西, вскоре перенесенный далее на запад в г. Куча. Во время восстания Ань Лушаня (755–763 гг.) прежнее влияние Китая в этих землях было утрачено. Китайские гарнизоны некоторое время сохранялись только в Куче и Беш-Балыке. Ряд оазисных государств и кочевых племен восстановили автономию, но оказались под контролем усиливших свои позиции уйгуров. В частности, согласно турфанским текстам, в это время правители Кочо считали своим сюзереном уйгурского Бегю-кагана (759–779 гг.). После 790 г. определяющим в Восточном Туркестане стало влияние Тибета. В 866 г. Турфанский оазис был прямо подчинен тугузгузами и Кочо стал столицей их нового государства [Ĥudūd al-Ālam, 1982, p. 271; Малявкин, 1974, с. 61, 87; 1983, с. 137–140; Камалов, 2001, с. 138–143]. Отнесение в *Зайн ал-ахбар* Чинанджкета к землям тугузгузов и описание его как места проживания их правителя связано с периодом после 866 г. и временем составления книги ал-Джайхани. Тем не менее сам дорожник может относиться к более раннему времени, т.к. возраст сведений о соседних тюркских народах у Гардизи, в контексте которых приведена информация о кыргызах, очерчен периодом около 746–780 гг. [Czeglédy, 1973].

Два момента в дорожнике Гардизи – летнее время и продолжительность последнего участка маршрута от гор *Kūmtān* / Кегмен до *Ставки кыргызов* – указывают на использование тропы восточнее русла Енисея. Упомянутая на маршруте гора *Mānb.klū* в 4-х днях пути южнее Кегмена должна находиться в районе юго-западной границы современной Тувы и западной части хребта Танну-Ола. Еще южнее этот маршрут, несомненно, пересекал и горы Алтай, перевал через которые в описании Гардизи можно соот-

нести с топонимом *K.mīz-art*¹. В пользу этого свидетельствует расстояние до него от Чинанджкета в 1 или 2 месяца пути через пастбища и пустыню. Расстояние от *K.mīz-art* до *Mānb.klū* у Гардизи не приведено: говорится о 2-х днях пути через горы после *K.mīz-art* (видимо, путь до перевала или непосредственно через перевал), но продолжительность дальнейшего маршрута через лес, степь, источники и места охоты по направлению к *Mānb.klū* не указана. Для перехода через Алтай, вероятно, использовался перевал в верховьях р. Иртыш, т.к. Иртыш (*ārḏiṣ*) упомянут на маршруте манихейских священников, следовавших из земель *tuγurīstan* (территория вокруг Карашара, рядом с Турфаном) к р. Орхон (*orqin*) безопасной северной дорогой, названной в тексте дорогой к *qara qangli* (т.е. к племени *Черных повозок* 黑車子 в составе шивэй на северо-востоке Монголии), в период правления уйгурского Бегю-кагана (уйгурский текст из Безеклика, 81TB10: 06-3a) [Moriyasu, 2015, p. 323–324].

Маршрут к кыргызам в сочинении Гардизи имеет свой аналог в китайских источниках – это маршрут от *Бэйтина* 北庭 (*Тинчжоу* 庭州 / др.-тюрк. Беш-Балык), который располагался к северу от Чинанджкета / Сичжоу (по другую сторону хребта Богдо-Шань) и был связан как с Сичжоу, так и с кыргызами. В *Юаньхэ цзюньсянь тучжи* 元和郡縣圖志 («Описания и карты областей и уездов [в годы] Юаньхэ [806–820 гг.]», сост. Ли Цифу 李吉甫 в 813 г.) [1983, цз. 40], сообщается, что от Бэйтина «на север до *Кыргызской ставки* 堅昆衙帳 – около 4000 ли» (использована более ранняя, чем *сяцзясы*, транскрипция этнонима, употреблявшаяся в Тан в VII–VIII вв., – *цзянькунь* 堅昆). Здесь же приведено расстояние от Бэйтина по восточной дороге до Сичжоу – 500 ли (рис. 9). В контексте описания в китайском источнике сведения о маршруте к *Кыргызской ставке* связаны с серединой VIII в.: нижний рубеж – возникновение упомянутого здесь же Уйгурского каганата (745 г.), верхний рубеж – потеря контроля над Западным краем во время восстания Ань Лушаня (в это время китайский гарнизон в Бэйтине потерял связь с Тан и оказался в зависимости от уйгуров, а полная его ликвидация произошла в 790 г., после поражения уйгурских войск от Тибета). Это близко к предполагаемому возрасту дорожника к

¹ Сопоставим с *Kūm.s-art* в *Худуд ал-Алам* (о нем сообщается, что это селение во владениях уйгуров, оно находится в горах, все жители – охотники), а также с селением *Kūmi-Talas* на северной границе уйгуров в сочинении ал-Кашгари второй половины XI в. Вторая часть последнего названия сопоставима с горами *Tūl.s* в *Худуд ал-Алам* и *Tūnis* у ал-Марвази, которые, как говорилось выше, допускают возможность отождествления с Алтаем [Ĥudūd al-Ālam, 1982, p. 95, 274]. Предполагаемая исходная тюркская форма топонима – *Kūmūš Art* ‘Серебряный перевал’ [Göckenjan, Zimonyi, 2001, p. 193].

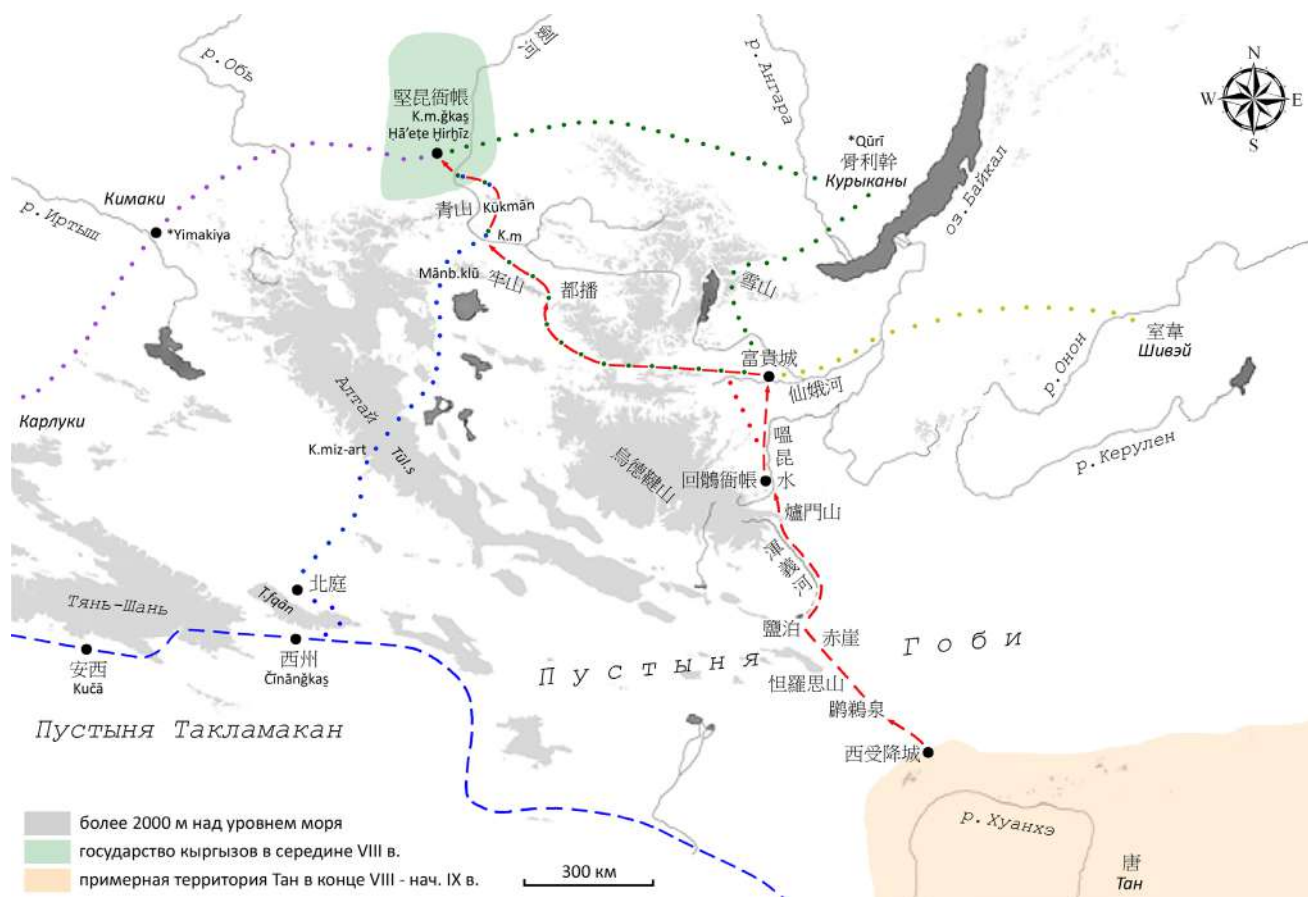

Рис. 9. Кыргызы в системе путей международных коммуникаций середины VIII – нач. IX в. на основе сведений *Зайн ал-ахбар*, *Худуд ал-Алам*, *Синь Тан шу* и *Юаньхэ цзюньсянь тучжи*: 1) «Шелковый путь» (синяя прерывистая линия) и общее направление пути к Кыргызской ставке *Hä'ete Hırhız* / 堅昆衙帳 от Чинанджкэ / Сичжоу 西州 (4500 ли) и Бэйтина 北庭 (4000 ли) через *K.miz-art*, *Mānb.klū*, *Kūkmān* (синий пунктир); 2) маршрут от китайской пограничной крепости Западный Шоусянчэн 西受降城 до Кыргызской ставки (красная прерывистая линия, 4800 ли): от Западного Шоусянчэна до Гагарьего родника 鶻鶻泉 – 300 ли, затем до Уйгурской ставки 回鶻衙帳 – 1500 ли, затем до р. Селенга 仙娥河 и Богатого города 富貴城 – 600 или 700 ли, затем до племени дубо 都播 и гор Лао 牢山 – 13 дней, затем до племени кыргыз 堅昆 и р. Кем 劍河 – 6–7 дней, затем до Кыргызской ставки – около 14 дней; 3) общие направления путей к кимакам и карлукам (фиолетовый пунктир), к кырыканам (зеленый пунктир), к шивэй (желтый пунктир).

Fig. 9. The Kyrghyz in the system of international communication routes in the middle of the 8th - early 9th centuries based on the information from *Zayn al-Akhbar*, *Hudud al-'Alam*, *Xin Tang Shu*, and *Yuan he jun xian tu zhi*: 1) "Silk Road" (blue stippled line) and the general direction of the way to the Headquarters of the Kyrghyz *Hä'ete Hırhız* / 堅昆衙帳 from *Čināngkaš* / Xizhou 西州 (4500 li) and Beiting 北庭 (4000 li) via *K.miz-art*, *Mānb.klū*, *Kūkmān* (blue dotted line); 2) the route from the Chinese border fortress Western Shouxiangcheng 西受降城 to the Headquarters of the Kyrghyz (red stippled line, 4800 li): from Western Shouxiangcheng 西受降城 to the Piti Spring 鶻鶻泉 – 300 li, then to the Headquarters of the Uyghurs 回鶻衙帳 – 1500 li, then to the Selenga river 仙娥河 and to the Rich Town 富貴城 – 600 or 700 li, then to the Dubo 都播 tribe and the Lao mountains 牢山 – 13 days, then to the Kyrghyz 堅昆 tribe and the Kem river 劍河 – 6–7 days, then to the Headquarters of the Kyrghyz – about 14 days; 3) general directions of the ways to the Kimaks and Qarluqs (purple dotted line), to the Kurykans (green dotted line), to the Shiwei (yellow dotted line).

кыргызам у Гардизи. Таким образом, поступление к кыргызам шелковых и других тканей из уже упомянутого выше *Даши*, а также из Аньси и Бэйтина, о чем тоже сообщают китайские хроники [Синь Тан шу, 1975, цз. 2176, с. 6148], связано с тем же маршрутом, что описан у Гардизи.

Маршрут к кыргызам, судя по его исходной

точке в Чинанджкете, являлся ответвлением «Шелкового пути» – главного пути коммуникаций между Средней Азией и Китаем. Поэтому корректная историческая интерпретация сведений о кыргызском маршруте должна учитывать этот контекст. В этом случае стоит отметить два важных момента: 1) описание соседних с Чинан-

джкетом таримского и гансуйского участков «Шелкового пути», приведенное у Гардизи и в *Худуд ал-Алам*, видимо, составлено около 766 г.; 2) известно, что в середине VIII в. посольства арабов неоднократно прибывали этим путем в столицу Тан [Czeplédy, 1973, p. 267; Lurje, 2007, p. 190]. Кажется вполне вероятным, что одним из этих посольств в дополнение к составленному дорожнику в Китай со слов согдийских купцов был описан и маршрут на северо-восток к кыргызам и соседним народам, впоследствии включенный в сочинение Ибн Хурдазбиха, затем отредактированный ал-Джайхани и в том или другом варианте ставший известным ряду более поздних авторов, включая ал-Идриси. Сведения последнего о городе *Дар(б)анд хырхыз*, географический смысл названия которого указывает на его роль пограничной заставы, эту гипотезу подкрепляют, т.к. должны были предшествовать 840 г., когда расширение границ государства кыргызов неизбежно привело к утрате этим городом прежней роли.

4.5. Город *Hāqān Hīrḥīz*

Город кагана кыргызов, который должен быть самым крупным административным и торговым центром этой страны, на всех вариантах карты размещен в ее центре, на западном берегу главной реки (рис. 3с: 1.4). К северу от него показан приток главной реки. Хотя ранее высказывалась гипотеза об отождествлении этого притока с р. Абакан, она не имеет подтверждения в тексте сочинения, поэтому этот приток не может рассматриваться в качестве географического ориентира для определения положения города.

По археологическим материалам, самый крупный средневековый город на территории Хакасии находился к западу от р. Енисей в широкой степной долине на левом берегу р. Абакан, возле устья р. Уйбат (рис. 8: 4). Время его существования определено со второй половины VIII по XIII в. [Кызласов, 2019]. Расстояние от с. Шушенское до этого места по прямой около 60 км, что с учетом двух переправ могло занимать около трех дней пути. Очень важно, что, наряду с развалинами больших построек из сырцового кирпича, здесь были обнаружены мраморные пластины с текстом послания от императора Тан к правителю кыргызов. Первоначально они рассматривались как погребальный дар умершему кагану [Мацумото, 1996]. Недавно в статье китайского исследователя найденные пластины получили лучшее аргументированное объяснение как часть спе-

циальным образом исполненного документа (на камне вместо обычных дощечек) с пожалованием от императора И-цзун (859–873 гг.) титула новому кагану кыргызов, начавшему править в 866 г.¹ [Лю Фэнчжу, 2010]. Эту находку можно рассматривать как указание на местонахождение ставки правителя кыргызов после завершения острой фазы войны с уйгурами.

Титул правителя в близкой к используемой ал-Идриси форме – *хырхыз-хакан* – фигурирует в *Зайн ал-ахбар* и в *Худуд ал-Алам*. В последнем источнике местом его пребывания назван город *Кемиджкет* [Ḥudūd al-Ālam, 1982, p. 97]. Служащая для обозначения города завершающая часть слова *-kaš* ясно указывает на согдийское происхождение топонима [Лурье, 2004, с. 109, 110; Камолиддин, 2006, с. 65; Vaissiere, 2016, с. 405]. Он образован от названия реки *Кем* и означает ‘Город на Кеме’ [Лурье, 2004, с. 98]. Ранее высказывались гипотезы, по которым сведения о *Кемиджкете* предлагалось относить к X в. и связывать с территорией Тувы: с долиной р. Кем в центральной ее части, где известны захваченные кыргызами в IX в. бывшие уйгурские города-крепости, либо с долинами рек Хемчик или Элегест [Кызласов, 1969а, с. 96; Худяков, 1995, с. 70; Худяков, Борисенко, 2021, с. 116; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 264; Грач и др., 1998, с. 68]. В этом случае присутствие в названии ставки слова *Кем* напоминает более позднее название кыргызской области к югу от Западного Саяна – «*Кэм-Кэмджиут*» – из сочинения Рашид ад-Дина.

В *Худуд ал-Алам*, однако, город *хырхыз-хакана* упомянут в контексте описания не самих кыргызов, а подчиненного им народа *фури* (*fūrī*), что косвенно указывает на связь этого города с маршрутом от кургызов к *фури*, хотя сведения об этом маршруте здесь отсутствуют. Название *фури* обоснованно считают искаженным *кури* (*qūrī*), т.е. отождествляют с жившими в Прибайкалье курыканами [Ḥudūd al-Ālam, 1982, p. 284]. О местоположении города сказано лишь, что он расположен к западу от *фури*. Этот же народ упомянут Гардизи, который привел в *Зайн ал-ахбар* описание двух дорог к *фури* от ставки кыргызов, но ее названия не указал: одна – 3 месяца пути через степь, другая – 2 месяца трудного пути по узким тропам через леса и многочисленные реки [Бартольд, 1973, с. 47–48]. Первая, очевидно, должна идти сначала на юг вдоль р. Кем, затем

¹ Любопытно, что смена правителя у кыргызов совпадает по времени с военными успехами объединения тугузгузов из района Беш-Балыка и серьезным поражением в Восточном Туркестане Тибета.

поворачивать на восток и через степи Тувы и Монголии следовать к р. Селенга, после уходя на северо-восток. Короткий, но трудный маршрут пролегал «слева», т. е. севернее степного пути, — напрямую на восток через покрытый лесами Восточный Саян. При этом характеристика народа *фури*, приведенная в *Худуд ал-Алам*, в более подробном тексте Гардизи соответствует не самим *фури*, а тем диким племенам, которые жили в лесах вдоль короткого маршрута. Информация о самих *фури* у Гардизи ограничена сведениями, что это большое племя. Название и описание *фури* в *Худуд ал-Алам* выглядит как производное от тех же сведений, которые более полно представил в своем сочинении Гардизи. К тому же источнику должны восходить сведения о тех же диких соседях кыргызов у ал-Марвази, в какой-то части сокращенные, в какой-то — чуть более полные, чем у Гардизи, и тоже содержащие упоминание маршрута к кыргызам от Чинанджкета. Совсем кратко те же сведения пересказывает ал-Макдиси (*Китаб ал-бад' ва-т-та'рих* «Книга творения и истории», 966 г.), при этом сообщая об одном месяце пути от тугузгузов до кыргызов (и о таком же расстоянии до тугузгузов от Тараза) [Бейлис, 1969, с. 306]. Видимо, общим источником этих сведений для перечисленных работ было сочинение ал-Джайхани [Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī, 1942, р. 9, 31]. В этом контексте, сопоставляя ставки правителя кыргызов в *Худуд ал-Алам* и *Зайн ал-ахбар*, *Кемиджкет* следует локализовать в Минусинской котловине, а сведения о нем датировать аналогично наиболее полному описанию маршрута к кыргызам в *Зайн ал-ахбар*. Гардизи ясно сообщает, что ставка кыргызского кагана является конечным пунктом торгового маршрута на северной стороне Кегмена, в 7 днях пути от него.

Идентификация 'Города на Кеме' на территории Минусинской котловины (ранее она уже предлагалась на некоторых картах, см.: [Кляшторный, Савинов, 2005, карта 6] и др., но без аргументации и пояснений) тем не менее имеет свои сложности, т. к. смысл названия формально не соответствует месту расположения удаленного от реки *М.п. hāz* города *Хакан хырхыз* на карте ал-Идриси и самого крупного города кыргызов на территории Минусинской котловины, выявленного археологически. Отождествляя их, нужно признать, что это согдийское название, привязанное к имени главной реки кыргызов и подчеркивающее ее значение для страны, пренебрегало точной локализацией города. Кроме того, трудно представить, чтобы название *Кемиджкет*, так

же как рассмотренное выше название *Дар(б)анд*, использовали сами кыргызы. Для именования города правителя они, конечно, употребляли лексику собственного языка¹.

В тексте *Нузхат ал-муштак* город, где проживает правитель кыргызов, описан как «сильный, окруженный стенами, рвами и укреплениями» [La géographie, 2000]. Это описание можно сравнить со сведениями Гардизи о *Ставке кыргызов*, представляющей собой обнесенный стеной лагерь (*hā'eṭe*), где размещаются войска *хырхыз-хакана* [Martinez, 1982, р. 126; Рубинчик, 1970, с. 490]. Такой облик согласуется с названием резиденции правителя кыргызов в *Юаньхэ цзюньсянь тучжи* — 衙帳 (я 衙 'правительственное учреждение, резиденция', 帳 'юрта'). Похожая характеристика приведена в *Синь Тан шу* [1975, цз. 2176, с. 6148]: кыргызская ставка включала большую войлочную юрту 帳 правителя и меньшие по размеру юрты подчиненных, была огорожена вместо привычных китайцам глинобитных стен 垣 деревянной оградой 柵². При этом сообщается, что ставка (я 牙, букв. 'зная главнокомандующего') находилась в горах *Циншань* 青山 (Кегмен; идентификация этого названия аргументирована ниже), более точная привязка к местности отсутствует. Поскольку хозяином ставки назван *Аже* 阿熱 (имя или титул правителя кыргызов первой половины IX в., умершего в 847 г. [Бичурин, 1950, с. 357]), то ее описание могло быть составлено китайским посольством Чжао Фаня 趙蕃 844 г. (о посольстве: [Кюнер, 1961, с. 57]) либо в результате опросов кыргызских послов в 843–844 гг. Стоит отметить, что у города на р. Уйбат глинобитных стен тоже не выявлено. Видимо, они могли быть деревянными. Кроме того, целям обороны могли служить выкопанные вокруг города

¹ Например, возможен вариант с использованием известного еще в домонгольскую эпоху слова *тура*, связанного с различными деревянными укреплениями [Golden, 2013, р. 27]. Оно зафиксировано в ранних названиях первых острогов, построенных в кыргызских землях русскими. В этих названиях слово *тура*, обозначавшее защищенное деревянными, а не глинобитными стенами поселение, сочеталось с названием реки (*Том тура*), горы (*Умай тура*) или проживавшего в этой местности племени (*Аба тура*). Аналогом названия *Кемиджкет* в этом контексте могло бы быть название типа *Кем тура*. Но гораздо вероятнее, что кыргызы, подобно уйгурам, называли свою столицу просто *Ставкой*. Именно с этим вариантом связано ее название у Гардизи и то название, которое приведено в описании и на карте ал-Идриси, — *Хакан хырхыз*.

² Такой же тип ставки с юртами и деревянной стеной (*сй*) использовали уйгурские каганы в середине VIII в. Он описан на каменных стелах из Монголии [Кляшторный, 2010, с. 38, 41, 56, 63].

и соединенные с рекой каналы. Возведение здесь зданий из сырцового кирпича, скорее всего, началось уже после решающих военных походов кыргызов на юг, т.е. после китайского посольства 844 г. Развитие и расширение города в это время должно было в какой-то мере изменить его первоначальный облик.

Впервые международно признанный титул *каган* правитель кыргызов стал носить около рубежа VII и VIII вв. [Кормушин, 2004, с. 140]. Однако впоследствии, после поражения от уйгуров, лишился его, восстановив лишь в начале IX в.: «В годы Цяньюань 乾元 [758–760 гг.] разгромлены уйгурами 回紇, с тех пор не могли сообщаться со Срединным государством 中國. ... Уйгуры 回鶻 дали их правителю 君長 Ажэ 阿熱 титул “Пицзя Дунь Цзецзинь” 毗伽頓頡斤 (вероятно, *Бильге Тун эркин* ‘Мудрый Первый эркин’. – Ю.Е.). Уйгуры постепенно слабеют, Ажэ тогда провозглашает себя каганом 可汗» [Синь Тан шу, 1975, цз. 2176, с. 6149]. Позднее титул вновь изменился, поскольку арабские источники монгольского времени, описывая кыргызов начала XIII в., уже называют их правителя *инал* [Рашид ад-Дин, 1952, с. 150]. Хотя сам по себе титул *каган* еще не гарантирует уточнения возраста сведений ал-Идриси о стране кыргызов, т.к. его сочинение объединяло разновременную информацию, но возможность использования такого титула в середине VIII в. вполне согласуется с изложенными выше выводами о возрасте описания маршрута к кыргызам от Чинанджжета.

4.6. Проблемы идентификации других городов кыргызов

На карте ал-Идриси нанесены два города, подписанные только этнонимом / политонимом *Hirhiz* (рис. 3с: 1.1, 1.3). Их описание в тексте сочинения отсутствует, имеются лишь указания на наличие стен и на общую протяженность территории, где находятся все города. Соотнести сведения об этих городах с информацией других письменных источников не удалось. Единственный контекст, в котором их можно рассмотреть, – археологический.

Если исходить из известных сегодня археологических материалов, то оба города могли находиться как в Минусинской котловине, так и в Туве (после 840 г.). В этой статье будет рассмотрен только первый вариант, лучше соответствующий сведениям сочинения ал-Идриси. Так, признаки города кыргызов имеются в районе современной железнодорожной станции Ербинская (рис. 8: 5),

где Л.Р. Кызласовым раскопано большое средневековое здание из сырцового кирпича с каменным фундаментом [Кызласов, 1992а]. Топографически это место тесно связано с городом у р. Абакан, т.к. одно место расположено в низовьях р. Уйбат (в широкой степной долине), а другое – в верховьях (в небольшой долине *Сорга* в окружении поросших лесом гор). Они могли быть летней и зимней резиденциями правителя. Расстояние между ними около 90 км. Вблизи меньшей, зимней резиденции произошло решающее сражение между кыргызами и тюрками зимой 710–711 гг., описанное на стелах с Орхона [Там же, с. 181].

Еще одно заслуживающее внимания место обнаружено в междуречье Белого и Черного Июсов в обособленной долине Барбаковых гор, где найдены не изученные пока укрепления, сопровождающиеся несколькими вспомогательными крепостями на вершинах соседних гор [Кызласов, 2014а, с. 168]. Это наиболее удаленное от гор Кегмен и р. Кем место (рис. 8: 7). От долины Сорга до междуречья Июсов около 120 км.

Также следует упомянуть оборонительное сооружение в горном массиве Оглахты (средневековая форма топонима, видимо, Ала-таг [Спаский, 1857, с. 151]) непосредственно на западном берегу Енисея (рис. 8: 6), тип которого сопоставим с межгорным укреплением в Барбаковых горах. В центре здесь находится большой внутренний лог, проходы в который из степи были перекрыты рвами, стенами из плитняка и частоколом из бревен [Кызласов, 1969б, с. 244]. Развалин зданий сырцовой архитектуры не выявлено, очевидно, использовались только войлочные юрты и, возможно, постройки из дерева. Немаловажно, что на вершинах соседних гор долины реки – Туран, Тепсей, Куня – имеются укрепления меньших размеров [Кызласов, 2014а, с. 167]. В качестве дозорных пунктов и оборонительных рубежей они прикрывают подходы к объекту в Оглахты с юга и востока, что дополнительно указывает на особую важность этого места. Исследованные автором тамги, выбитые на скале во внутреннем логу (рис. 10: 1а, 2а), свидетельствуют о связи этого места с правящей семейно-родственной группой кыргызов, тамга которой зафиксирована в *Тан хуйяо* 唐會要 («Институциональное обозрение Тан», сост. Ван Пу 王溥 в 961 г.) [Есин, 2017, рис. 2: 1, 2]. По материалам раскопанных возле стены Оглахты курганов Л.Р. Кызласов датировал постройку самой стены концом X в. [Кызласов, 1969б, с. 245], что, следовательно, позже возраста сведений ал-Идриси. От устья р. Уйбат до Оглахты около 70 км.

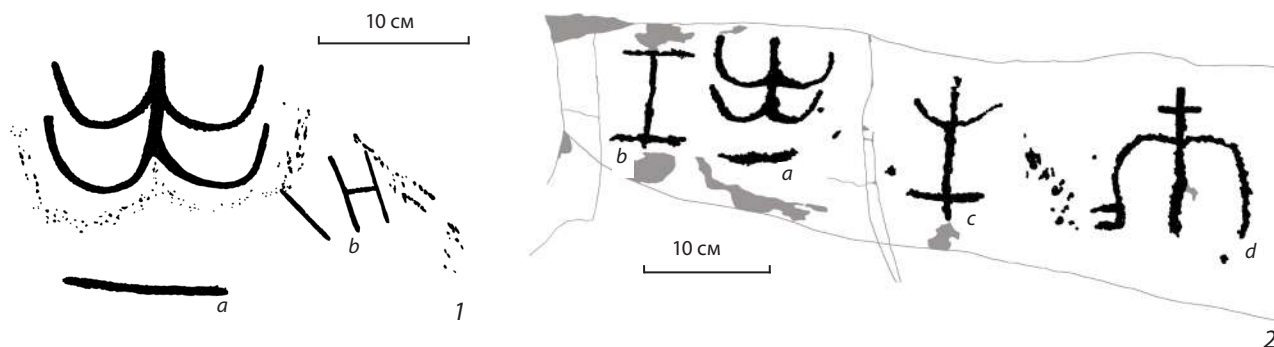

Рис. 10. Две группы тамг на скале во внутреннем лого Оглахты.

Fig. 10. Two groups of tamga-signs on the rock in the inner part of the Oglakhty.

Расположение всех этих памятников, однако, плохо соотносится с описанием и картой ал-Идриси. Если города с индивидуальными названиями на его карте отождествлять с археологическими объектами у с. Шушенское и в устье р. Уйбат, то оба города *Hirhiz*, показанные южнее, должны оказаться на юге Минусинской котловины. Один из них (рис. 3с: 1.1) можно было бы соотнести с укреплением у с. Саянское, уже рассмотренным выше, хотя на карте этот город показан не на берегу реки, а удален к востоку. Однако еще один город, который показан на западном берегу реки *M.n.hāz* (рис. 3с: 1.3), соответствий с известными археологическими материалами не имеет. Возможно, он еще не обнаружен, либо в сведениях ал-Идриси о взаимном положении городов и протяженности территории с городами есть неточности. Так или иначе, расстояние в три дня пути на лошадях либо верблюдах не противоречит дистанции между укреплением у с. Шушенское и городом в устье р. Уйбат, но его корректность применительно к другим городам остается неизвестной. Отсутствие индивидуальных названий, возможно, указывает на меньшую значимость соответствующих поселений, располагавшихся в стороне от летнего пути через Кегмен к ставке кагана. Не исключено также, что сведения о двух городах без индивидуальных названий были просто добавлены к более раннему описанию, в котором фигурировали только *Дар(б)анд кыргызов*, *Ставка кыргызов* и расстояние между ними в три дня пути. Такое дополнение, например, мог сделать ал-Джайхани при редактировании более раннего описания Ибн Хурдазбиха или сам ал-Идриси.

Сообщение ал-Идриси о четырех городах кыргызов в сибирских землях не находит соответствий в других известных сегодня арабо-персидских и китайских источниках домонгольского

времени. Причина этого, возможно, в отсутствии других сохранившихся сведений о сибирских землях кыргызов после середины IX в. Новые данные появляются лишь применительно к началу XIII в. При описании двух областей кыргызов на р. Кем этого времени отмечается, что «в этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 150]. Города имели укрепления, и для их штурма монголам потребовались камнеметные машины [Школяр, 1980, с. 285], поскольку в *Юань ши* 元史 («История Юань», сост. в 1370 г. под рук. Сун Лянь 宋濂), цз. 151, в биографии знаменитого камнеметчика Цзя Талахуня 賈塔刺渾 (ум. в 1244 г.) отмечены его заслуги в подчинении области *Цянь-Цяньчжоу* 謙謙州 [1976, с. 3577]. Последняя соответствует области *Кэм-Кэмджиут* у Рашид ад-Дина, т.к. в *Юань ши* топоним *Цянь хэ* 謙河 используется как транскрипция названия р. Кем (среднекит. фонет. форма по Baxter&Sagart, 2014, version 1.1 [Baxter, Sagart, 2014]: *khem* 謙).

5. О городах соседних стран и проблеме маршрутов в страну кыргызов

5.1. Нижний Kumay и маршрут из города *Saṭrawyā*

В рамках высказанной выше гипотезы о том, что представленные на карте секции 3-10 пространственные отношения между городами являются отражением имевшихся у ал-Идриси сведений о маршрутах коммуникаций, которые не были описаны им в тексте, первоочередного внимания заслуживают два города, показанных ближе других к землям кыргызов: *Saṭrawyā* в землях Китая и *N.šrān* в землях тугузгузов.

Место города *Saṭrawyā* (рис. 3с: 3А.3) на карте, описание земель Нижнего Китая в тексте атласа, идентификация реки и озера этой части Азии с р. Куча и ее озером указывают на принадлежность к территориям, которые в Китае называли Западным краем, т. е. к Восточному Туркестану. К сожалению, помимо названия, которое не встречается в других источниках, никаких сведений об этом городе ал-Идриси не привел. Рукописи *Унс ал-мухадж*, видимо, сохранили более полную форму написания – *Šaṭrawyā* [Al-Idrīsī, 1984], которая может быть производна от араб. *šaṭr* ‘деление чего-нибудь пополам’ [Ягелло, 1910, с. 914]. В случае правомерности такого сопоставления топоним мог характеризовать место города в средней части маршрута через Нижний Китай. В контексте местоположения на карте первоочередным кандидатом на соответствие городу *Saṭrawyā* является Чинанджкет, упоминавшийся в связи с маршрутом к кыргызам в сочинениях Гардизи и ал-Марвази. Фигурирующий в китайских источниках Бэйтин / Беш-Балык менее вероятен для этой роли. Расположение города *Saṭrawyā* вблизи горы *m6* (рис. 3с) при этом соответствует обоим вариантам, а саму гору можно соотнести с горой *T.fqān* в *Худуд ал-Алам*, которая находилась между Чинанджкетом и Беш-Балыком [Hudūd al-‘Ālam, 1982, р. 94]. В *Худуд ал-Алам* маршрут отсюда к кыргызам не описан, однако в рамках рассказа именно об этих городах вставлено сообщение, что кыргызы находятся к северу.

Принципиальный аргумент в пользу реконструкции маршрута от города *Saṭrawyā* на север к городу *Hāqān Hirhīz* – совпадение набора и последовательности географических объектов между ними по карте секции 3-10 с наиболее подробно сохранившимся описанием пути от Чинанджкета к *Ставке кыргызов* по *Зайн ал-ахбар*: 1) пустыня восточнее озера *l2* и южнее гор *m9* и *m4* соответствует у Гардизи «пяти дням в пустыне» на участке между Чинанджкетом и *K.mīz-art*; 2) горы *m9* и *m4* соответствуют горе, которая отмечена в дорожнике Гардизи сразу после *K.mīz-art*, и следующей горе *Mānb.klū*, где имеются места охоты, соболей, белка и мускусные олени; 3) гора *m3* соответствует покрытой лесом горе *Kūkmān* в 4-х днях после *Mānb.klū*; 4) город *Hāqān Hirhīz* к северу от горы *m3* соответствует *Ставке кыргызов* в 7-ми днях пути после горы *Kūkmān*. Отождествление природных объектов карты подробно рассмотрено в соответствующем разделе выше.

Содержательные отличия между визуальным описанием маршрута у ал-Идриси и словесным у

Гардизи прослеживаются лишь в двух моментах: а) по карте на маршруте имеется река *M.n.hāz* и как минимум один город (*Dar(b)and Hirhīz*), не упомянутые в дорожнике у Гардизи; б) по Гардизи, Чинанджкет принадлежит туугузгузам, которые, как известно, заняли Турфанский оазис и разместили здесь столицу в 866 г., а на карте ал-Идриси город *Saṭrawyā* связан с владениями Китая, что не может датироваться позднее 790 г., когда в Западном крае были окончательно ликвидированы последние китайские гарнизоны.

Помимо этого, очень важно, что, наряду с реконструированным маршрутом к кыргызам, город *Saṭrawyā* композиционно принадлежит еще одной маршрутной цепочке. Она включает четыре города Нижнего Китая, расположенных вдоль южного края карты секции 3-10 по линии восток – запад. Эта цепочка продолжается в юго-восточной части секции 3-9 еще двумя городами (рис. 6а: 3А.5, 3А.6): *Dārḥūn* («его территория граничит с принадлежащей тюркам туугузгузам») и *K.ḡā* [La géographie, 2000; Al-Idrīsī, 1970–1984, р. 515]. Название последнего имеет аналоги у ал-Марвази, у Гардизи, в *Худуд ал-Алам* и может быть идентифицировано с г. Куча. Отсюда маршрут, согласно тексту, продолжается далее на запад через три города под контролем Тибета: «10 дней пути на верблюдах» до г. Уч – *Awḡ* (рис. 6а: 4.2); между *Awḡ* и городом *Barwān* (рис. 6а: 4.3) – 60 миль; западнее – важный торговый город (рис. 6а: 4.4), название которого в итальянском издании дано как *Tīnḡ*, но, вероятно, искажено, т. к. сильно варьируется в разных рукописях [Al-Idrīsī, 1970–1984, р. 510]. Сообщается, что этот последний город расположен вблизи областей Вахан, Вахш и страны Рашт (сегодня это территории на северо-востоке Афганистана и востоке Таджикистана).

Три средних города этого маршрута секции 3-9 показаны аналогичной цепочкой с востока на запад на карте из словаря ал-Кашгари, но в более правильном порядке: *K.ḡā*, *Bar(m/w)ān*, *Awḡ* [Karlony, 2008, fig. 7.1]. Не имеющее аналогов название города *Tīnḡ* на карте ранней рукописи из Парижа записано несколько иначе (حتج) (рис. 6а: 4.4) и сопоставимо у ал-Кашгари со следующим к западу г. Хотан – *H.t.n* (ختن). В пользу такой идентификации свидетельствуют и карты рукописей *Унс ал-мухадж* из Стамбула, на одной из которых (Hekimoğlu MS. 688) этот город подписан как (خين), а на другой (Hasan Hüsnü MS. 1289) такими же графемами без диакритических точек. Все города Китая и Тибета на картах секций 3-9 и

3-10 парижской рукописи, несомненно, принадлежат к восточно-туркестанской части «Шелкового пути».

Поскольку город *Saṭrawuā* отнесен ал-Идриси к городам Китая, а не тугузгузов или Тибета, это позволяет датировать данные об обоих связанных с ним маршрутных цепочках (и по Восточному Туркестану, и к кыргызам) идентично. Следовательно, сведения о городах восточной части «Шелкового пути» в Нижнем Китае и о городах *Dar(b)and Hīrḥīz* и *Ḥāqān Hīrḥīz* на карте ал-Идриси, скорее всего, восходят к одному дорожнику, а их источником для ал-Идриси было сочинение Ибн Хурдазбиха. Существенно, что карты ал-Идриси сохранили об этой маршрутной сети дополнительные сведения, которые остались за рамками повествований из других дошедших до нас работ исламской географии. Данные ал-Идриси обнаруживают сходство с описанием «Шелкового пути» в *Худуд ал-Алам*, где Куча тоже находится в числе городов Китая. При этом в *Худуд ал-Алам* приведена подробная характеристика гансуйского участка пути, которая датирована временем около 766 г. [Lurje, 2007]. Учитывая, что информация о «Шелковом пути» обоих источников, вероятно, восходит к одному сочинению Ибн Хурдазбиха, эта узкая дата может иметь прямое отношение и ко времени составления описания для северного ответвления торгового пути. Во всяком случае, сведениям из атласа ал-Идриси эта дата не противоречит.

Нельзя не отметить, что параллельно цепочке городов Нижнего Китая на картах имеется другая, более северная цепочка городов тугузгузов (рис. 6а: 2.5–2.7). В тексте *Нузхат ал-муштак* о секции 3-9, где подробно изложены имеющиеся здесь маршруты, показательно полное отсутствие сведений о каких-либо маршрутах, соединяющих эти две цепочки. Судя по описанию маршрута между тремя городами тугузгузов секции 3-9, размещенными вдоль одной реки (рис. 6а: r7), и по расстояниям до надежно идентифицируемых городов соседних земель, все они тоже локализованы в Восточном Туркестане вдоль речной системы Тарима. Так, от Бахвана (рис. 6а: 2.6) до Джармака (рис. 6а: 2.7) – 4 дня, а оттуда до Верхнего Барсхана (рис. 6а: 5.1), находившегося в землях карлуков недалеко от оз. Иссык-куль у ключевого перевала к долине р. Тарим, 10 дней пути [La géographie, 2000]. При этом топоним *Bāḥwān* соответствует китайской транскрипции *Бохуань* 撥換 [Pelliot, 1923, p. 129–130; Henning, 1938, p. 568; Малявкин, 1989, с. 289] и району Аксу. Город *Bāḥwān*, кроме того, связан марш-

рутом (14 дней) с одним городом под контролем Тибета, который вместо индивидуального имени назван политонимом *T.b.t* (рис. 6а: 4.1). Судя по указанному расстоянию и дальнейшему маршруту отсюда на северо-запад через *Aṭbāš* (рис. 6а: *musl*, «город, расположенный на высокой горе, и пункт защиты от тюрок» [La géographie, 2000]) в *Ūzkand* на востоке Ферганы, это – Кашгар.

Описанный ал-Идриси в тексте путь от Барсхана до столицы тугузгузов города *Tantbağ* по начальному пункту и направлению довольно точно соответствует пути от Барсхана к тугузгузам, который приведен в сочинении Гардизи, где столицей является Чинанджкет. Гардизи при этом упомянул большее количество селений вблизи конечной точки маршрута [Бартольд, 1973, с. 53]. Если же опираться на приведенные ал-Идриси расстояния (от *Bāḥwān* до *Māšah* – 8 дней, оттуда до *Tantbağ* – 5 дней), тогда его столица вряд ли могла находиться восточнее Карашара. Учитывая исторический период, которому соответствует это описание, его источником и для Гардизи, и для ал-Идриси могло стать сочинение ал-Джайхани.

Сравнивая общие картографические сведения о Нижнем Китае в южной части секций 3-10 и 3-9 с владениями тугузгузов, можно сделать вывод, что они отчасти характеризуют одни и те же земли: р. Куча (*r9*) и ее озеро (*l2*) в Нижнем Китае секции 3-10 (рис. 3с) соответствуют реке *r7* секции 3-9, впадающей в озеро *l1* секции 3-10 во владениях тугузгузов; топоним *Bāḥwān* в северной маршрутной цепочке имеет свой вариант в южной – *Barwān*.

Сведения о городах Нижнего Китая относятся ко времени около середины VIII в., когда владения Китая здесь граничили с владениями Тибета и тугузгузов, но не позднее 790 г., когда последние китайские гарнизоны в Куче и Беш-Балыке были ликвидированы. Сведения же о владениях тугузгузов секции 3-9 не могут быть датированы ранее середины IX в. Расхождения между источниками, касавшиеся принадлежности городов и разных форм названий, стали причиной их параллельного изложения и попытки согласовать в атласе ал-Идриси.

Все это, конечно, должно было породить противоречия между описаниями путей, которые связывали кыргызов с соседними землями, а такого рода противоречия являлись для ал-Идриси основанием отклонить описания как ненадежные [Maqbul, 1992, p. 159; Коновалова, 2006, с. 10]. Не исключено, что именно ввиду расхождений между источниками, т.е. между сочинениями Ибн Хурдазбиха и ал-Джайхани,

изложение маршрута к кыргызам из Восточного Туркестана не было включено в текстовую часть сочинения. Такое объяснение могло бы разрешить очевидное противоречие между отсутствием в тексте информации о маршрутах к кыргызам и сообщением о том, что их страна «часто посещается путешественниками» [La géographie, 2000]. Аналогичная ситуация, видимо, сложилась и с маршрутом из земель тугузгузов.

5.2. Земли тугузгузов и маршрут из города *N.šrān*

На карте 10-й секции 3-го климата ал-Идриси в верховьях реки, которая впадает с юго-запада в *M.n.ḥāz*, на северном берегу показан еще один город (рис. 3с: 2.1), находящийся вблизи земель кыргызов. На большей части карт и в тексте атласа он назван *Наишран* (*n.šrān*). На карте ветки β название иное – *āšākān*, схожее с названием этого же города на карте из *Унс ал-мухадж* – *āšk.ṭān* (рис. 4б: 2.1; [Miller, 1927, taf. 65]).

Иногда исследователи включали *N.šrān* в число городов кыргызов, видимо, основываясь на предполагаемой идентификации реки с р. Абакан [Кызласов, 1992б, с. 31; 2006, с. 35; История башкирских родов, 2015, с. 24]. Определение этого города как принадлежащего кыргызам, однако, противоречит тексту с описанием страны кыргызов, в котором сообщается только о четырех городах, а не о пяти. Кроме того, на некоторых вариантах карты рядом с городом *N.šrān* расположена надпись, сообщающая, что здесь находится *Bilād al-bağarğar min al-atrāk* ‘страна тугузгузов из тюрок’ (рис. 4а: 2; 5б: 2), к которой, следовательно, и должен относиться этот город. В тексте сочинения есть прямое сообщение, что «*Наишран* – это прекрасный город тугузгузов на большой реке, плодородной на обоих берегах» [Vaissiere, 2016, p. 401], которое снимает любые сомнения в его принадлежности.

В тексте о секции 3-10 указывается, что *N.šrān* расположен примерно в шести дневных переходах к северу от другого города – *N.ḍhū* (рис. 3с–4: 2.2), который, в свою очередь, в четырех коротких переходах от *Города кагана* (*m.ḍīnat ḥāqān*), правителя этой страны. Последний город на карте секции 3-10 не изображен, т.к. ал-Идриси отождествлял его с городом правителя тугузгузов из секции 3-9. При этом в описании и на карте секции 3-9 у города правителя другое название – *Tantbağ* (рис. 6а: 2.4), которое не фигурирует в секции 3-10. По всей видимости, это другая столица, которая во второй половине IX в. рас-

полагалась в Восточном Туркестане. Как уже говорилось, сведения о ней были почерпнуты из иных источников¹. Сведения из текста в целом соответствуют взаимному положению городов тугузгузов (уйгуров) на карте, хотя если сопоставить положение рек секции 3-10 с реками на карте мира, то ось юг-север для страны тугузгузов на секционной карте несколько смещена по часовой стрелке (ср. рис. 3б и рис. 3с, 4а).

Э. де ла Вэсьер, следуя за Й. Марквартом и В. Минорским, аргументировал, что информация о городах и торговых путях страны тугузгузов, использованная в секции 3-10 сочинения ал-Идриси, относится к периоду до их поражения от кыргызов и ухода с территории Монголии. Сопоставив описание ал-Идриси, приведенные им расстояния и направления с известными археологическими материалами, он предложил убедительную идентификацию почти всех упомянутых здесь географических объектов: *Город кагана* – со столицей каганата, городом Карабалгасун / Орду-Балык; ближайший к нему («один короткий день») город *Ḥ.z.ḥ.rākaṭ* – с монгольским Каракумом, где существовало поселение и в уйгурское время; озеро *K.wār.ṭ*, на котором расположен город *N.ḍhū*, – с оз. Угий-Нуур; город *N.šrān* – с уйгурским городом Бай-Балык, располагавшемся на р. Селенга [Там же, p. 402–404].

Благодаря тексту на каменной стеле из Могойн-Шине-усу известно, что Бай-Балык / *B(a)jb(a)l(y)q* ‘Богатый город’ был построен согдийцами и китайцами по приказу уйгурского кагана около 757–759 гг. Он просуществовал более 80 лет вплоть до падения каганата и, видимо, был уничтожен кыргызами [Кляшторный, 2010, с. 66; Ганбат и др., 2020]. На современных картах расстояние от Орду-Балыка до Угий-Нуур – около 50 км, а оттуда до Бай-Балыка – около 200 км. Смысл уйгурского названия близок рассказу ал-Идриси о плодородной долине реки и окрестностях, где жители города выпасают свой скот, а также о наличии здесь ремесленных мастерских и торговли, о лазурите, который отправляют отсюда сначала в Хорасан, а далее вплоть до Ирака и областей Сирии (не исключено, что сведения о лазурите первоначально касались Восточного

¹ О смешении сведений о двух разных столицах, видимо, свидетельствуют и два разных расстояния от Верхнего Барсхана в секции 3-9: 2 месяца пути (что соответствует расстоянию до ставки на р. Орхон) и 27 дней (путь к другой столице, в Восточном Туркестане) [Караев, 1973а, с. 24–26]. *Tantbağ* не похоже на транскрипцию какого-либо из известных названий. Видимо, это искаженная форма или параллельно существовавшая описательная характеристика.

Туркестана, подобно речным мельницам и рису у кыргызов). При этом название *N.šrān* у ал-Идриси не является транскрипцией уйгурского, а передает иное слово, возможно, искаженное.

Для перечисленных ал-Идриси городов тугузгузов можно найти соответствия в китайских письменных источниках. Упоминание четырех городов конца VIII – начала IX в., названия которых даны в переводе [Drompp, 2005, p. 29], содержится в описании маршрута к уйгурам в *Синь Тан шу*, цз. 436: *Гунчжу чэн* 公主城 ‘Город принцессы’, *Мэйцзянь чэн* 眉間城 ‘Город [знака] надпереносья’, *Хуйху ячжан* 回鶻衙帳 ‘Уйгурская ставка’, *Фугуй чэн* 富貴城 ‘Богатый город’. Первые два из них упомянуты при описании маршрута от родника *Пити* 鸛鵲泉 ‘Гагарий’ (располагался у южного края пустыни Гоби) к уйгурской ставке на р. Орхон, которая являлась третьим и самым крупным уйгурским городом, четвертый город локализован к северу от ставки: «Другая дорога от *Гагарьего* родника на север проходит через *Город принцессы*, *город Мэйцзянь*, горы *Далосы* 怛羅思山, *Красные скалы* 赤崖, *Соленое озеро* 鹽泊, реку *Хуньи* 渾義河, горы *Лумэнь* 爐門山, хребет (перевал) *Мучжу* 木燭嶺, 1500 ли до *Уйгурской ставки*. К востоку (от ставки. – Ю. Е.) находится равнина, на западе опирается на горы *Удэцзянь* 烏德鞬 (транскрипция топонима *Ötüke(n)*¹. – Ю. Е.), на юге прилегает к реке *Вакунь* 嚙昆 (транскрипция гидронима *Orqun*, совр. *Орхон*. – Ю. Е.), на север 600 или 700 ли до реки *Сяньэ* 仙娥 (транскрипция гидронима *S(e)l(e)ŋke*, совр. *Селенга*. – Ю. Е.), на северном берегу реки имеется *Богатый город*» [Синь Тан шу, 1975, с. 1148].

Часть этого маршрута от границ Тан до Уйгурской ставки, известная под названием «Уйгурского пути», уже привлекала внимание Е. И. Лубо-Лесниченко. Наметив общее направление маршрута, он, однако, посчитал, что «большая часть приведенных названий в настоящее время не поддается расшифровке» [1989, с. 4]. Тем не менее имеющиеся в хронике сведения вполне позволяют предложить детальную реконструкцию. Среднекитайское чтение названия реки *Хуньи* 渾義 – *hon-ŋi* [Atwood, 2015, p. 46]. Эта река, неоднократно упоминаемая в китайских источниках, по общему мнению исследователей, соответствует современной р. Онги, берущей

начало в горах Хангай и стекающей на юг, в Гоби [Tan Qixiang, 1996, p. 75]. Вдоль нее, следовательно, и проходила часть описанного маршрута. *Соленое озеро* южнее реки можно идентифицировать с крупным оз. *Улаан Нуур* ‘Красное озеро’, в которое иногда (в наиболее многоводные годы) впадала сама р. Онги. *Красные скалы* южнее этих реки и озера по своему цвету и местоположению соответствуют примечательной скальной гряде *Улаан Эрэг* ‘Красный берег’ в Гоби. Горы *Далосы*² далее к югу соответствуют восточной оконечности Гобийского Алтая, которая сегодня называется Гурван-Сайхан. Единственно возможное место для гор *Лумэнь* в контексте уже имеющихся сведений о маршруте – между верховьями рек Онги и Орхон (рис. 9).

В процитированном описании маршрута резиденция кагана не называется городом, хотя ее защищали мощные глинобитные стены, даже сегодня сохранившиеся на высоту около 10 м. Вместо этого она именуется *Уйгурской ставкой* 回鶻衙帳³. В других фрагментах хроник Тан встречается аналогичное по смыслу написание 回鶻牙帳 или 回鶻牙, и лишь в единичных случаях этот объект назван *Уйгурским городом* 回鶻城. Типичные китайские обозначения близки собственному уйгурскому названию *Орду* ‘Ставка правителя’ в рукописи из Безеклика, описывающей события периода 759–779 гг. [Moriyasu, 2015, p. 323]. К уйгурскому и китайскому названиям близок по смыслу топоним *Город кагана* у ал-Идриси.

Другой город, *N.šrān*, по расстоянию и направлению от *Города кагана*, расположению на берегу реки, несомненно, соответствует *Богатому городу* (перевод уйгурского *Bajbalyq*), построенному на северном берегу р. *Сяньэ*.

Город принцессы и *Мэйцзянь чэн* упомянуты в начальной части маршрута на север от *Гагарьего* родника. Однако в этом месте сразу после

¹ В этом предложении и ниже приведены названия из текста на уйгурской стеле из Могойн Шине-усу, ок. 760 г. [Кляшторный, 2010, с. 55–59].

² Возможно, транскрипция топонима *Талас*; среднекит. фонет. форма по Baxter&Sagart, 2014, version 1.1: *Tat-la-si* 怛羅思. Это напоминает отмеченное выше название Алтая в исламских источниках – *Tūlas*.

³ Как и в случае с кыргызами, китайское название, включающее иероглиф *чжан* 帳, отражает первоначальный облик резиденции степных правителей, но практика использования юрт продолжалась и в городах со стенами. Например, одним из символов власти уйгурского кагана в начале IX в. являлась большая «золотая юрта» 金帳 (видимо, покрытая шелком и аппликациями) на 100 человек, возвышавшаяся на высокой платформе над стенами укрепления и видимая с расстояния до 30 км [Синь Тан шу, 1975, цз. 2176, с. 6150; Minorsky, 1948, p. 283].

родника начиналась обширная пустыня, поэтому оба города скорее должны находиться на другом конце северного пути, вблизи ставки правителя уйгуров. Об этом же говорит и само название *Город принцессы*: китайскими принцессами являлись супруги (*хатун*) уйгурских каганов, поэтому такой город располагался недалеко от резиденции мужа. Первые жены из двора Тан (для кагана и наследника) были получены в 758 г. [Pan, 1997, p. 119–120, 131]. В китайских исторических хрониках *Город принцессы*, видимо, тождественен еще одному названию – *Гунчжу солу* 公主所廬 ‘Ставка принцессы’. Она упомянута отдельно рядом со ставкой кагана при описании событий на р. Орхон в 840 г., когда правитель кыргызов «лично командовал, сжег его (уйгурского кагана. – Ю. Е.) ставку (здесь она обозначена иероглифом 牙), а также Ставку принцессы» [Синь Тан шу, 1975, цз. 2176, с. 6150]. Существует гипотеза, что в эпоху государства Ляо на месте города уйгурской хатун, возможно, находился киданьский город *Хэдун чэн*, сохранивший в искаженном виде прежнее название, а еще позднее в этом районе был построен монгольский Каракорум [Кызласов, 2006, с. 148]. О районе Хэлинь (和林; китайское название Каракорума) как месте проживания выданной замуж китайской принцессы в период Уйгурского каганата также идет речь в *Юань ши* (цз. 122) и на «Стеле о заслугах идикутов Гаочан-ванов» (1334 г.) [Дмитриев, 2009, с. 86]. Таким образом, *Ḥ.z.ḥ.rākaṭ*, находившийся, по ал-Идриси, рядом с городом правителя¹, можно соотнести с *Гунчжу чэн* / *Гунчжу солу*.

Значение названия *Ḥ.z.ḥ.rākaṭ* неизвестно, но в описании, помимо наличия большого числа удобств и мастерских, особо отмечена ведущая роль этого города в обеспечении страны железом: «Туда привозят много железа, и из этого города в другие части страны тюрок» [Vaissiere, 2016, p. 401]. Это позволяет высказать предположение, что лексической основой названия является др.-тюрк. *qīza* ‘кузнечный горн’² [Древнетюркский, 1969, с. 450], транскрипция которого реализована по тем же правилам, что у рассмотренного выше случая *qīrqa(i)z* → *ḥ.rhīz* в арабо-персидских сочи-

нениях. Видимо для первичного источника сведений об этом городе был важен не его политический аспект (ставка китайской принцессы, как в китайских хрониках), а экономическое значение (‘Город кузнечных горнов’)³. Топоформант *-kaṭ* указывает на появление этого названия в согдийской среде.

Мэйцзянь чэн в китайском дорожнике помещен рядом с *Гунчжу чэн*ом, но севернее него. С ним можно соотнести *N.dhū* у ал-Идриси, который на карте тоже показан севернее, чем *Ḥ.z.ḥ.rākaṭ* (рис. 3с: 2.2, 2.3; 4b: 2.2, 2.3). Название *Мэйцзянь* 眉間 (букв. ‘надпереносье’ или ‘между бровей’) имеет буддийскую коннотацию, т. к. в Китае обозначает особый знак на лбу, санскр. *ūṛṇā*, который считается одним из признаков Будды, символизирует мудрость [Drompp, 2005, p. 29]. Если предлагаемое сопоставление городов двух источников верно, то *N.dhū* должен представлять собой монастырь⁴. В пользу этого может также свидетельствовать, с одной стороны, отсутствие в тексте ал-Идриси сведений об экономике города, сразу отличающее его от соседних городов, с другой стороны, подчеркивание таких важных для религиозного центра факторов, как удивительная природная среда этого места и посещение его большим количеством тюрок.

Из перечисленных городов уйгуров только *N.dhū* археологически пока не выявлен и не идентифицирован. Он изображен вместе с озером *K.wār.t* в правой части карты секции 3-10⁵. На карте этот город показан на восточном берегу озера, но, учитывая, где показан город *N.šrān*, который, согласно описанию, расположен от него к северу, это скорее должен быть северный

³ В процитированном выше китайском описании маршрута иероглиф ‘горн’ 爐 присутствует в названии гор 爐門山, находившихся между верховьями рек Онги и Орхон, что тоже указывает на производившуюся здесь или за этими горами в долине Орхона выплавку железа. Рядом имела и древесина, необходимая в качестве топлива (木燭嶺). Не исключено, что уйгурский топоним *Qara Qorum* ‘Черные валуны’ в верховьях р. Орхон, позднее давший название монгольской столице [The History, 1958, p. 54; Дмитриев, 2009], тоже мог быть связан с металлургией, т. к. мог быть мотивирован встречающейся в этих местах на поверхности горных склонов железной рудой в виде черных валунов. Одно подобное месторождение я осматривал на притоке р. Орхон в 2015 г. [Есин и др., 2017, с. 87].

⁴ В этом контексте название отчасти напоминает санскр. *nātha* ‘прибежище; защитник, покровитель, владыка’ [Monier-Williams, 1899, p. 534].

⁵ На карте из рукописи Greaves 42 его название (*n.dhū*) неожиданно приписано расположенному рядом озеру (рис. 4b: 2.2, 11a), что противоречит названию того же водоема в тексте сочинения.

¹ На раннем варианте карты секции 3-10 *Ḥ.z.ḥ.rākaṭ* был показан возле озера (рис. 3с: 2.3; 4b: 2.3), хотя в описании озеро отмечено возле другого, соседнего с ним города. В более поздних рукописях ветки γ переписчики размещали его западнее, у реки (рис. 4a: 2.3; 5b: 2.3).

² Вероятно, во множественном числе (*qīzalar*), сопровождающемся суффиксом *-ā* и топоформантом *-kaṭ*.

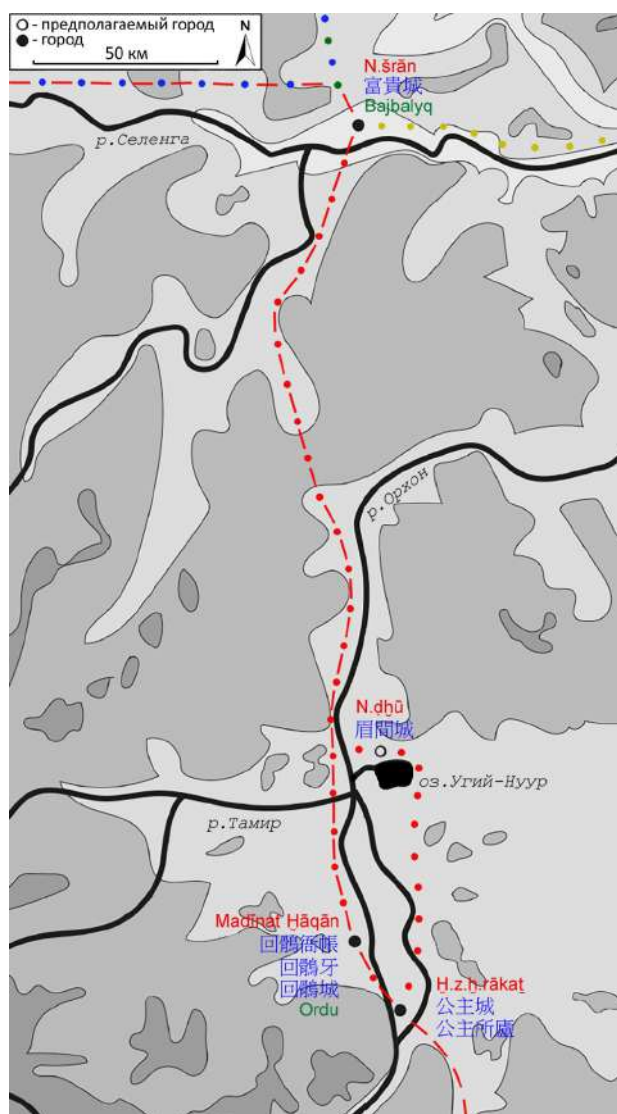

Рис. 11. Локализация четырех городов тугузгузов из сочинения ал-Идриси (красный шрифт) на местности, их идентификация с четырьмя городами уйгуров в *Синь Тан шу* (синий шрифт) и с городами в текстах самих уйгуров (зеленый шрифт). Маршруты: 1) между городами тугузгузов по ал-Идриси (красный пунктир); 2) из Китая к кыргызам через уйгуров (красная прерывистая линия), к курыканам (зеленый пунктир), к шивей (желтый пунктир) по *Синь Тан шу*; 3) от кыргызов к курыканам через «степь» (синий пунктир) по *Зайн ал-ахбар*. Топооснова по: [Vaissiere, 2016, fig. 1].

Fig. 11. Localization of the four Tughuzghuz towns from the work of al-Idrisi (red font) in the terrain, their identification with the four Uyghur towns in *Xin Tang shu* (blue font) and towns in the texts of the Uyghurs themselves (green font). The routes: 1) between the towns of the Tughuzghuz according to al-Idrisi (red dotted line); 2) from the Chinese border to the Kyrgyz via the Tughuzghuz (red stippled line), to the Kurykans (green dotted line), to the Shiwei (yellow dotted line) according to *Xin Tang Shu*; 3) from the Kyrgyz to the Kurykans via "steppe" according to *Zayn al-Akhbar*. The terrain on the basis of the cartographic materials: [Vaissiere, 2016, fig. 1].

берег озера. Возле оз. Угий-Нуур на поверхности степи заметны остатки лишь одного поселения (примерная площадь – 400×150 м) – буддийского монастыря у подножия горы на северо-западном берегу (рис. 11); на вершине горы сохранились остатки связанного с ним субургана. По сведениям из атласа Б. Ринчена (1979), в этом месте в XIX – нач. XX в. находилось *Ооромбын хурээ*. Можно предположить, что этот поздний монастырь разместили на месте более древнего. Археологическое изучение объекта, а также обследование на предмет эпиграфики скальных выходов горы могло бы дать ответ, имелось ли в этом месте более древнее поселение.

Стоит отметить, что р. Селенга, на северном берегу которой расположен *N.šrān* / *Бай-Балык*, в Монголии течет в северо-восточном направлении, как и р. Абакан в Минусинской котловине, а дальше к северу от Селенги находились владения кыргызов. Очевидно, на карте ал-Идриси, так же как и в тексте его книги, не было р. Абакан, а показана только р. Селенга, которую он произвольно соединил с рекой *M.n.hāz*, основываясь на сложившихся у него представлениях о географии этой части Азии. Подобная же ошибка у ал-Идриси произошла с одной из двух рек, впадающих в оз. *K.wār.ḡ*: если южная река (рис. 3с: r8; 6а: r8), с которой связаны *H.z.h.rākāt* (рис. 3с: 2.3) и *Город кагана* (рис. 6а: 2.4), соответствует р. Орхон, то северная река (рис. 3б-3с: r7; 6а: r7), как уже говорилось выше, на самом деле находилась в Восточном Туркестане и соответствует речной системе Тарима.

Город *N.šrān* изображен на карте ближе всех других чужеземных городов к городам кыргызов. За этой пространственной связью на карте должна стоять не просто территориальная близость земель уйгуров, положение которых во времени и пространстве менялось и было сложным для понимания ал-Идриси, а доступные географу сведения о существовавших в какой-то период у этого города международных связях. Было бы логично предположить, что сам город и его река имеют отношение к маршруту в страну кыргызов, хотя в тексте книги никаких сведений о расстояниях и направлениях отсюда до городов кыргызов не приводится. Также можно отметить особый вариант размещения города *Dar(b)and Hirhiz* на единственной сохранившейся карте секции 3-10 ветки β (рис. 4б: 1.2). В отличие от других вариантов карты здесь он показан не между столицей кыргызов и городами Нижнего Китая, а между нею и ближайшим городом тугузгузов, т. е. выполнявший роль пограничной заставы город расположен на реконструируемом маршруте из

страны тугузгузов к кыргызам. В этом контексте изменение местоположения города на карте ветки β, по сравнению с вариантами из других рукописей, не кажется ошибкой переписчика, а может являться иной редакцией карты самого ал-Идриси¹.

Для проверки гипотезы о пути к кыргызам через город *N.šrān* и его реку заслуживают внимания сведения о маршрутах через те же географические объекты, зафиксированные в китайских исторических хрониках. В частности, тождественные им р. Селенга и *Фугуй чэн* отмечены на маршруте из Китая в страну кыргызов через земли уйгуров в исторической хронике *Синь Тан шу* [1975, цз. 2176, с. 6148]: «На север от *Уйгурской ставки* 回鶻牙 через 600 ли река *Сяньэ* 仙娥河 (Селенга [Бичурин, 1950, с. 354; Малявкин, 1989, с. 137]), северо-восток от реки называется *Сюэшань* 雪山 (букв. ‘Снежные горы’; можно отождествлять с Восточным Саяном. – Ю. Е.), земли богаты родниками. На востоке *Циншань* 青山 (букв. ‘Зеленые / Синие горы’, что можно рассматривать как перевод топонима *Кегмен* [Tekin, 1968, р. 106; Зуев, 1970, с. 81])² находится река, называемая *Цзянь* 劍河 (среднекит. *Кем*), переплывают на спаренных лодках, все воды текут на северо-восток, проходят через их (кыргызов. – Ю. Е.) государство, объединяются и на севере впадают в море». Другой фрагмент *Синь Тан шу* из цз. 436 [1975, с. 1148–1149] излагает два этапа этого пути немного подробнее, сообщая, что после *Сяньэ* и *Фугуй чэна* «на запад 13 дней пути до племени *дубо*³ 都播 и еще на север 6–7 дней⁴ до

племени⁵ *цзянкунь* 堅昆, имеются горы *Лао* 牢山, река *Цзянь* 劍水». В цзане 2176 [Там же, с. 6150] отмечено, что горы *Лао* также называют *Думань* 賭滿; еще один вариант написания – *Таньмань* 貪漫山 [Там же, с. 6147]⁶. В контексте маршрута эти горы можно уверенно отождествлять с восточной частью современного хребта Танну-Ола на юге Тувы. Весь путь от ставки уйгуров до ставки кыргызов на верблюдах занимал 40 дней [Там же, с. 6148]. Половина этого времени уходила на участок до гор *Лао / Думань*, вторая половина – на путь через Туву и Кегмен. На лошадях гор *Лао* можно было достичь за 15 дней [Там же, с. 6150], но это, видимо, предполагало большую скорость движения и, возможно, какой-то более короткий путь, пересекавший Селенгу западнее Бай-Балыка (в пользу этого может также указывать нечеткое расстояние до Селенги от *Уйгурской ставки* в цз. 436 – 600 или 700 ли; расстояние в 13 дней пути до племени *дубо* тоже скорее связано с более западной переправой через Селенгу). Следовательно, маршрут к кыргызам от столицы уйгуров на р. Орхон действительно выходил к р. Селенга, а затем через горы Танну-Ола направлялся к р. Кем на территории современной Тувы. Судя по тому, что упомянута переправа через Кем (очевидно, с левого берега, к которому был удобный подход из степей Монголии, на правый), этот маршрут, как и у Гардизи, связан с теплым временем года и должен был пересекать Западный Саян по тропе восточнее русла р. Кем (рис. 9).

В приведенном китайском описании маршрута от границ Тан к кыргызам из цз. 436 *Синь Тан шу* есть несколько моментов, важных для понимания его возраста и композиции: а) упоминание *Фугуй чэна / Бай-Балыка*, время постройки и уничтожения которого известно; б) ранний вариант транскрипции названия народа и страны кыргызов – *цзянкунь*, употреблявшийся при дворе Тан в VII–VIII вв., а с 840-х гг. измененный на *сяцзасы*; в) обозначение уйгуров иероглифами *хуйху* 回鶻, которое стало использоваться в Тан с 789 г. вместо более раннего написания *хуйхэ* 回紇 [Mackerras,

¹ Этот вопрос предполагается рассмотреть подробнее в специальной статье, посвященной секции 3-10 в *Унс ал-мухадж*.

² Другой возможный перевод с китайского – ‘Черные горы’ или ‘Темные горы’ [Бичурин, 1950, с. 354; Кюннер, 1961, с. 57] – не обнаруживает связей с историческим контекстом.

³ Среднекит. фонет. форма по Baxter & Sagart, 2014, version 1.1: *tu-raH* 都播. С этим названием связан ряд более поздних политонимов и этнонимов: современное *Тува*, юго-восточное княжество кыргызов в позднем Средневековье – *Туба* и др.

⁴ С учетом продолжительности пути на север владения кыргызов в этом дорожке начинались на правом берегу р. Кем. Эти сведения соответствуют месту расположения оборонительной системы уйгуров с целым рядом крепостей и длинным валом вдоль левого (южного) берега р. Улуг-Хем для отражения нападений с севера [Длужневская, Савинов, 2007, с. 131–145]. Существование этой системы несомненно для начала IX в., но какие-то ее части могли появиться и ранее, т.к., несмотря на поражение кыргызов в 758 г., их подчинение уйгурам было относительным, и впоследствии возникали новые конфликты, завершившиеся затяжной войной 820–840 гг. [Кызласов, 1969, с. 56–58]. Расположение наиболее крупных уйгурских крепостей указывает, что основное место летней переправы через р. Кем находилось в окрестностях с. Шагонар.

⁵ В обоих случаях использован термин *було* 部落, что характеризует не столько этническое (как у слова *чжун* 種 ‘племя’), сколько территориально-политическое единство, наличие одного вождя или правителя [Крюков и др., 1987, с. 258].

⁶ Два последних названия, несомненно, являются вариантами транскрипции одного иноязычного топонима (согласно среднекит. транскрипциям по Baxter & Sagart, 2014, version 1.1: *tuX-man* 賭滿 и *thom-man* 貪漫). Название *牢山* фонетически резко отличается. Возможно, это не транскрипция, а приблизительный перевод (‘Крепкие горы’), как и в случае с *青山* и *雪山*.

1972, р. 97, 108, 158–159]; г) в качестве конечного географического объекта на маршруте выступает р. Кем на территории Тувы (а не *Ставка кыргызов* по другую сторону Кегмена), что, видимо, отражает военное противостояние уйгуров и кыргызов; д) расстояния на маршруте до *Фугуй чэна* даны в *ли*, а дальше – в днях пути, что, возможно, говорит о компоновке разновременных описаний. Составителем описания маршрута из Тан к уйгурам и далее к кыргызам являлся, очевидно, Цзя Дань 賈耽 (730–805 гг.), влиятельный чиновник и географ при дворе Тан [Drompp, 2005, р. 29]. Им была проделана большая работа по обобщению и систематизации архивных материалов географического характера о землях разных народов и существующих маршрутах, а также по сбору новых сведений у посольств из других стран. В ряде китайских текстов о кыргызах есть прямые ссылки на сочинения Цзя Даня как на источник надежных сведений о них (прежде всего, на приведенное им отождествление между транскрипцией *сяцзясы* и ранним названием *цзянькунь*; см., например: [Супруненко, 1963; Кюнер, 1961, с. 56]). Составляя описание маршрута из Тан к кыргызам, он, видимо, использовал в качестве основы данные, восходящие еще к первым посольствам и контактам VII – начала VIII в., дополнив и откорректировав их новой информацией конца VIII – начала IX в. Аналогичным образом к старому описанию маршрута от китайской границы к р. Орхон (где и в предыдущие века находились ставки тюркских государств) и далее на север были добавлены новые уйгурские города VIII в., в двух случаях вставленные на маршруте не совсем точно.

Судя по карте секции 3-10, ал-Идриси были доступны сведения не только о тех же городах уйгуров, но и о том же самом маршруте к кыргызам через уйгурский Бай-Балык / *N.šrān*. Но каким мог быть источник его сведений? Согдийская форма названия одного из городов позволяет сделать вывод, что эти сведения не попали в исламскую географию от китайцев или напрямую от уйгуров. Можно также согласиться, что эти сведения отличаются от повествования Тамима ибн Бахра, и маловероятно, чтобы последний был их источником [Vaissiere, 2016, р. 405].

Для решения этого вопроса следует обратить внимание на то, что путь между уйгурами и кыргызами через *N.šrān* и Селенгу полностью аналогичен одному из маршрутов из страны кыргызов на восток, упомянутых Гардизи, – это южный маршрут к кырыканам через степь. Как уже говорилось выше, единственный возможный вариант этого маршрута в контексте реальной гео-

графии – путь через Северную Монголию вдоль р. Селенги, т.е. примерно через те места, где около 757–759 гг. согдийцами и китайцами был построен г. Бай-Балык / *N.šrān*. Согласно *Синь Тан шу* (цз. 436), здесь находился важный транспортный узел сразу для нескольких маршрутов: кроме маршрута к дубо и кыргызам, отсюда начинался маршрут к курыканам 骨利幹 (1500 ли на север и восток), который вполне соответствует завершающей части южного маршрута от кыргызов к курыканам по Гардизи; здесь же, видимо, проходил маршрут к шивэй 室韋 (2000 ли от уйгурской ставки на северо-восток через р. Селенгу) и к другим племенам, проживавшим между курыканами и шивэй (рис. 9, 10).

Поскольку до 840 г. в бассейне Селенги находились главные и древние земли уйгуров, совершенно парадоксально, что, излагая путь от кыргызов к отдаленным и малоизвестным курыканам через земли уйгуров, Гардизи ничего не сообщает о самих уйгурах. И это не проблема иного возраста первичных сведений, поскольку, как было показано еще в статье К. Цегледи, первоначальное описание восточных тюркских народов из сочинения Гардизи, частью которого является и кыргызский дорожник, относится к периоду около 746–780 гг. Причину отсутствия сведений о тугузгузах на юго-восточном маршруте от кыргызов в этом случае надо искать в истории редакций дорожника. Гардизи не был его составителем и, по всей видимости, заимствовал у ал-Джайхани. Последний, описывая восточные тюркские народы, в значительной степени опирался на сведения из сочинения Ибн Хурдазбиха, которые датировались периодом до 840 г. и должны были включать первоначальную версию маршрутов. Однако в начале X в., когда составлял свою книгу ал-Джайхани, сведения о городах тугузгузов в Монголии уже противоречили доступным ему новым данным об их проживании в районе Чинанджкета. В результате было составлено другое описание тугузгузов и маршрута к ним, отражающее реалии второй половины IX – начала X в., которое и приводит Гардизи, а данные о тугузгузах к юго-востоку от кыргызов исчезают. Но ал-Идриси, работая над своим атласом, привлек в качестве источников как труд ал-Джайхани, так и более ранний труд Ибн Хурдазбиха. В этой связи описание маршрутов между четырьмя городами тугузгузов в Центральной и Северной Монголии, сохранившееся в атласе ал-Идриси (хотя и перемещенное им на карте западнее и присоединенное к Восточному Туркестану), может являться той самой пропавшей частью раннего дорожника Ибн Хурдазбиха.

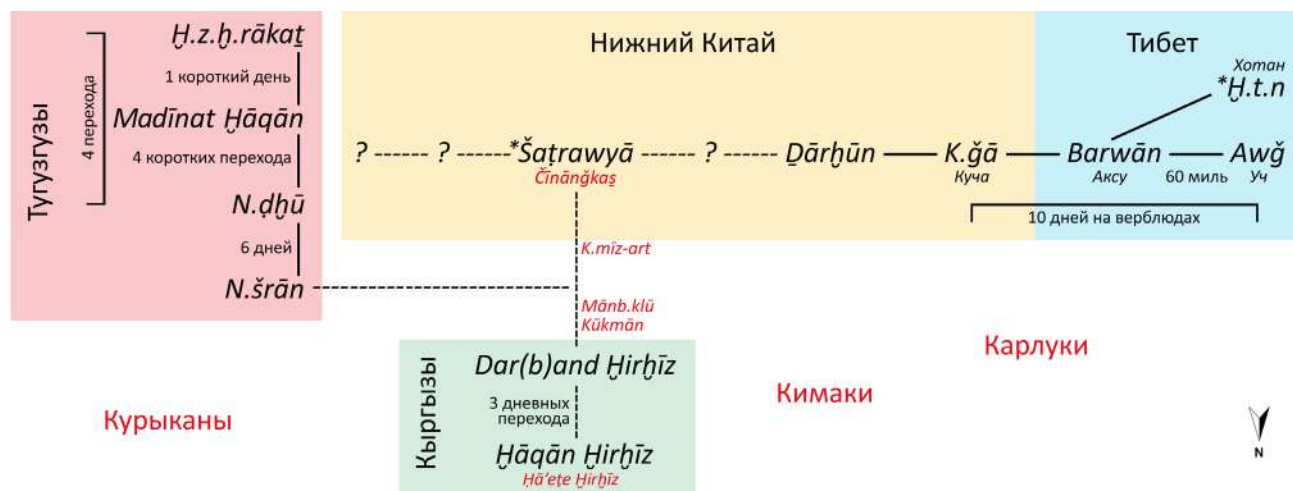

Рис. 12. Реконструкция схемы маршрутов из Нижнего Китая к кыргызам и тугузгузам в 757–790 гг. на основе атласа ал-Идриси (черный шрифт; сплошные линии – маршруты, описанные в тексте, прерывистые линии – не описанные в тексте), а также их соотношение с некоторыми топонимами и этнонимами из дорожника к кыргызам по *Зайн ал-ахбар* (красный шрифт).

Fig. 12. Reconstruction of the itineraries from Lower China to the Kyrghyz and Tughuzghuz in 757–790 based on al-Idrisi's atlas (black font; continuous lines - routes described in the text, stippled lines - not described in the text), and their correlation with some toponyms and ethnonyms according to the Kyrghyz itinerary from *Zain al-Akhbar* (red font).

Если гипотеза о принадлежности сведений о городах кыргызов и тугузгузов к разным веткам одного маршрута на север от «Шелкового пути» верна, то путь к тугузгузам во второй половине VIII в. тоже должен был начинаться в Чинанджкете и частично совпадать с дорогой к кыргызам (рис. 12). Этому полностью соответствует композиция ранней парижской карты секции 3-10, где город *Sāṭrawyā* показан на таком же расстоянии от города *N.šrān*, что и от городов кыргызов. Путь к городу *N.šrān* по карте тоже сначала пролегает через пустыню, индикатором которой на карте является озеро реки Куча, через горы *Tūl.s* / Алтай (рис. 3с: *m9*), затем разделяется с кыргызским маршрутом и следует через горный массив *m8* (рис. 3с) в верховьях р. Селенга, который в контексте сведений древнетюркских, китайских источников и реальной географии можно соотнести с горами Отыкен (совр. Хангай). Для земель тугузгузов на карте секции 3-10 путь через *N.šrān* к городу *Sāṭrawyā* – это вообще единственный возможный маршрут в Нижний Китай. Видимо, именно этот торговый маршрут из Восточного Туркестана в столицу тугузгузов северной дорогой через верховья Иртыша, Монгольский Алтай и Хангай назван в рукописи из Безеклика дорогой к Кара Канглы (т.е. дорогой на северо-восток Монголии). Использование такого маршрута вполне соответствует историческим событиям периода восстания Ань Лушаня и после него,

когда значительная часть «Шелкового пути» к востоку от Чинанджкета попала под контроль Тибета, союзного кыргызам, но враждебного Уйгурскому каганату.

Источник сведений Ибн Хурдазбиха об этой уйгурской части дорожника, видимо, был тот же, что предполагается выше для маршрута к кыргызам – описание путей, составленное одним из посольств арабов в Китай со слов согдийских купцов, занимавшихся караванной торговлей с восточными тюркскими народами.

5.3. Отношения с кимаками.

Связь маршрутов с последовательностью описания земель

О взаимоотношении кыргызов с другими соседями – кимаками – арабский географ сообщает такую информацию: «Они (кыргызы. – Ю. Е.) особенно должны опасаться предприятий правителя кимаков, воинственного князя, почти всегда находящегося в состоянии войны со своими соседями» [La géographie, 2000]. С учетом этого прямой маршрут между кыргызами и кимаками (или к кыргызам через земли кимаков) вряд ли имел большое и стабильное торговое значение. Тем не менее в середине – второй половине VIII в. такой путь существовал: дорога от кыргызов «к кимакам и халлухам на запад» упомянута в дорожнике у Гардизи, хотя и без какой-либо

детализации [Бартольд, 1973, с. 47]. Возможно, с несохранившимся описанием этого маршрута на карте ал-Идриси связана гора *m2* / *m2a* (рис. 3*b*, 3*c*, 6*b*), идентифицированная благодаря описанию кимаков в сочинении Гардизи и сведениям *Худуд ал-Алам*. Учитывая, что с конца 740-х гг. карлуки проживали во владениях тюркешей и вскоре стали правителями этих земель, западная часть (т.е. между кимаками и карлуками) упомянутого Гардизи пути должна соответствовать маршруту, описанному в исламских источниках в противоположном направлении – от «Ворот халлухов» к кимакам: 81 день верхом на лошади от Тараза до ставки кагана кимаков [Minorsky, 1948, p. 284; Ибн Хордадбех, 1986, с. 64–66; *Hudūd al-Ālam*, 1982, p. 100, 119]. Локализация ряда топонимов и ставки правителя кимаков на этом торговом маршруте (рис. 9) оставляет вопросы, но ясно, что он пролегал севернее оз. Балхаш [Кумек, 1972, с. 48–53].

Описание и карта страны кимаков секции 4-10 были подготовлены ал-Идриси главным образом на основе сведений Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки и характеризуют более поздний период. Изложенные здесь маршруты между городами карлуков и кимаков связаны с Семиречьем [Там же, с. 81–85]. К маршруту между кимаками и кыргызами в X в., судя по ранней парижской карте, мог иметь отношение город с утраченной подписью, показанный на полпути между р. Иртыш и границей кыргызов (рис. 6*b*: 6.1). Согласно описанию в тексте, это – город *Būrāg*, расположенный в 4-х днях пути от города кагана кимаков (рис. 6*b*: 6.2), находящегося на р. Иртыш. Вероятно, маршрут между ставками кыргызов и кимаков на картах должен был следовать через него и через проход между горами *m2* и *m7* (рис. 3*b*, 3*c*).

К рассмотренным выше маршрутам в земли кыргызов также имеет отношение сама последовательность описания земель секции 3-10. Общий принцип описания в рамках каждой секции, которого ал-Идриси придерживался в своей книге, – с запада на восток и с юга на север, причем этот порядок тесно связан с изложением маршрутов, и сначала описываются более южные маршруты, а затем – более северные [Коновалова, 2006, с. 57]. Данный принцип появился задолго до ал-Идриси. Именно такова последовательность изложения маршрутов в северо-восточную часть известного мира у Гардизи, которая, видимо, следует еще исходному описанию в книге Ибн Хурдазбиха: 1) сначала путь с юга на север – из Чинанджкета к кыргызам на р. Кем; 2) затем южный путь от

р. Кем на восток, «в степь», т.е. путь к р. Селенга, откуда можно было попасть к «фури» / курыканам; 3) затем северный путь от р. Кем на восток, к тем же «фури».

Во вступительной части секции 3-10 у ал-Идриси перечисление земель тоже ведется согласно их порядку с юга на север: окраины Китая, затем тугузгузы, затем кыргызы. В основной же части секции последовательность представлена иначе: после городов Китая сразу описывается северо-восточная часть – кыргызы. Это изменение последовательности соответствует исторически известному, но не изложенному в тексте книги маршруту VIII в. из Восточного Туркестана к кыргызам, который, согласно карте секции, должен начинаться от города *Saṭrawyā* и следовать на север вдоль реки *M.n.ḥāz*. Последнему месту земель тугузгузов в описании (расположены в центре и на севере западной части карты) при такой логике должен соответствовать другой, более северный маршрут на восток к кыргызам. Он вновь не изложен в тексте книги, но по карте может быть реконструирован через город *N.šrān* и его реку, которую ал-Идриси считал притоком реки *M.n.ḥāz*.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в некоторых аспектах картографические сведения о 10-й секции 3-го климата *Нузхат ал-муштак* довольно значительно выходят за пределы ее словесного описания, полнее передавая имевшиеся у ал-Идриси данные о природных объектах, городах и маршрутах. Это убедительно демонстрирует историческую ценность карт этого сочинения, заставляет с доверием относиться к словам самого географа, что подготовка картографического материала предшествовала написанию текста книги и была в определенной степени автономна.

Описание пространства на карте страны кыргызов и сопредельных территорий характеризует не столько реальную физическую географию, сколько отражает накопленную исламской культурной средой сумму знаний об этой части мира, обусловленную существовавшими маршрутами коммуникаций в рамках развивавшихся культурных и торговых связей, которые имеют вполне конкретную привязку ко времени. Взаимное расположение владений кыргызов, тугузгузов (уйгуров), Китая и кимаков на секционной карте и карте мира отражает историческую ситуацию, которая сложилась в середине – второй половине

IX в. (после ухода уйгуров в Восточный Туркестан в результате военного поражения от кыргызов в 840 г.). При этом основные сведения о стране тугузгузов и Нижнем Китае из секции 3-10 и часть сведений о кыргызах относятся к более раннему периоду.

Главные источники, на основе которых были подготовлены и текст, и карты, перечислены самим автором в начале атласа и упоминаются далее в ходе описания отдельных секций. Среди них наиболее важное значение для секции 3-10 имели географические сочинения Ибн Хурдазбиха (846 г.) и ал-Джайхани (ок. 922 г.).

Сравнительный анализ информации ал-Идриси с ранними исламскими сочинениями показал, что некоторые его сведения о стране кыргызов близки описаниям из *Худуд ал-Алам* (кон. X в.), сочинений ал-Марвази (нач. XI в.) и Гардизи (сер. XI в.), которые заимствовали многое из несохранившегося сочинения ал-Джайхани. Это касается не только рассмотренных географических сведений в тексте и на карте, но также быта. В частности, ал-Идриси сообщает, что «кыргызы сжигают своих умерших и бросают пепел в *M.n.ḥāz*; те, которые находятся на слишком большом расстоянии от этой реки, собирают этот пепел из праха и бросают по ветру» [La géographie, 2000]. Такое обращение с пеплом умерших в других источниках о кыргызах не зафиксировано (кыргызы захоранивали пепел в курганах), зато оно характерно для Индии и, очевидно, могло появиться в описании ал-Идриси только на основе сопоставления кремации кыргызов и индусов. Именно такое сопоставление содержится в описании погребального обряда кыргызов у Гардизи: «Кыргызы, однако, сжигают умерших подобно индусам, говоря, что огонь самая чистая из вещей и что все, что попадает в него, очищается, он очищает мертвое тело от грязи и грехов» [Martinez, 1982, p. 128]. Можно предполагать, что сопоставление кремации у кыргызов и индусов, нашедшее отражение в текстах ал-Идриси и Гардизи, содержалось уже в сочинении ал-Джайхани. Кремация как стандартный погребальный обряд кыргызов отмечена также у ал-Марвази: «Кыргызы практикуют сжигание своих умерших, утверждая, что огонь очищает их от грехов и грязи; это был их древний способ, но когда они стали соседями с мусульманами, они начали хоронить своих умерших» [Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī, 1942, p. 30]. Очень кратко подобные сведения представлены и в *Худуд ал-Алам*: «Они почитают огонь и сжигают умерших» [Hudūd al-‘Ālam, 1982, p. 96]. Среди прочего ал-Идриси и *Худуд ал-Алам* одинаково

описывают кыргызов как животноводов, разводящих три вида скота: овец, лошадей и быков. При этом о быках ал-Идриси сообщает, что их обычно используют для перевозки грузов, а в пищу употребляют лошадей. Отчасти это напоминает сведения Гардизи о почитании некоторыми кыргызами быков (*gāv*). У ал-Идриси и в *Худуд ал-Алам* кыргызы характеризуются также как хорошие воины, противостоящие соседям.

Изучение раннего варианта карты 10-й секции 3-го климата из Национальной библиотеки Франции (рис. 3с) позволило сделать вывод, что страна кыргызов располагалась в бассейне р. Енисей – *M.n.ḥāz* у ал-Идриси, *Кем* в др.-тюрк. надписях и в *Худуд ал-Алам*. Она включала две основные части, разграниченные горным массивом – *Кегмен* в др.-тюрк. текстах и у Гардизи. Главная часть, где показаны четыре города, расположена к северу от этих гор и может быть соотнесена с Минусинской котловиной. Другая, меньшая часть находится к югу и может быть соотнесена с современной Тувой и более южными территориями. Общее описание географии земель кыргызов, кроме того, содержит косвенное указание на наличие у них еще каких-то меньших по размеру территорий за пределами секции 3-10, но ни на картах, ни в тексте книги ал-Идриси не уделен им внимания. Эти территории, очевидно, соответствуют обособленным подконтрольным кыргызам землям в Восточном Туркестане в середине – второй половине IX в., упомянутым в *Худуд ал-Алам*. Вероятно, основным источником сведений о местонахождении земель кыргызов относительно других народов в этот период для *Нузхат ал-муштак* стало сочинение ал-Джайхани.

В тексте своей книги маршруты в земли кыргызов ал-Идриси не описал, однако такие сведения из ранних сочинений были ему доступны и нашли отражение на его карте в дистанциях и наборе географических объектов между территорией кыргызов и городами соседних земель. Карта с разной степенью полноты позволяет реконструировать три маршрута к городу *Ḥāqān Ḥirḥīz*: 1) от города *Saṭrawyā* на северо-западной окраине владений Китая через пустыню, горы (идентифицированы с *Tūl.s*, *Mānb.klū*, *Kūkmān* исламских источников) и вдоль восточного берега реки *M.n.ḥāz*; 2) из страны уйгуров через город *N.šrān* и его реку, которая соответствует р. Селенга; 3) от ставки кагана кимаков через кимакский город *Būrāg*.

Наиболее подробно на карте представлен маршрут из города *Saṭrawyā*. По набору и последовательности показанных природных объектов

он соответствует описанию маршрута в *Ставку кыргызов* от г. Чинанджкет, сохранившемуся в сочинении Гардизи. Помимо города кагана, с этим же маршрутом связан как минимум еще один город кыргызов на карте – *Dar(b)and Hirhiz*. Изучение географического смысла названий и сопоставление его с ландшафтом региона, средневековыми путями, археологическими данными позволили высказать гипотезу об их местонахождении. Первый город, *Hāqān Hirhiz*, являвшийся ставкой кагана, идентифицирован с самым крупным средневековым городом кыргызов, находившемся в устье р. Уйбат. Этому соответствует и место города на карте – на западном берегу реки *M.n.hāz*, в центре страны. Второй, *Dar(b)and Hirhiz* ‘Ворота кыргызов’, имеет название, типичное для языка и культуры бывших персидских владений. Он изображен на восточном берегу р. *M.n.hāz* и должен был находиться на самом юге Минусинской котловины у северного края Западного Саяна, путь через который связывал коренные земли кыргызов с Тувой и Монголией. Этот город может быть соотнесен с большим укреплением, располагавшимся на месте нынешнего с. Шушенское.

Сведения о маршрутах в Нижний Китай и к уйгурам, представленные на карте, соответствуют периоду от конца 750-х гг. до 790 г., что подтверждается следующими фактами: а) город *N.šrān* (Бай-Балык уйгурских текстов) был построен около 757 г. и прекратил существование около 840 г.; б) город *Saṭrawuā* отнесен к владениям Китая, контроль над которыми Китай утратил в 790 г.; в) географический смысл названия *Dar(b)and Hirhiz* указывает, что этот город играл роль пограничной заставы, и эта роль должна быть потеряна после 840 г., когда владения кыргызов расширились далеко к югу от Западного Саяна.

В целом информация о городах и маршрутах секции 3-10 атласа ал-Идриси может быть частью того первоначального дорожника от Чинанджкета на север и северо-восток к кыргызам, тугузгузам, курыканам, который в сокращенном виде (без упоминания тугузгузов в Монголии и ряда других деталей) пересказал Гардизи и отсылки к которому сохранились в *Худуд ал-Алам* и у ал-Марвази. Скорее всего, этот ранний дорожник для северного ответвления «Шелкового пути» был составлен вместе с описанием самого «Шелкового пути» одним из посольств арабов, неоднократно прибывавших в Китай в середине VIII в. Подробное описание гансуйского участка «Шелкового пути», сохранившееся в *Худуд ал-Алам*, позволяет датировать его около 766 г.

[Lurje, 2007]. Эта дата не противоречит результатам проведенного анализа атласа ал-Идриси, поэтому может рассматриваться также в качестве допустимой узкой даты составления описания и для северного ответвления. При этом информация о северном пути могла быть получена арабским посольством от согдийских купцов, занимавшихся караванной торговлей с восточными тюркскими народами. Впервые описание этого маршрута, видимо, было включено в книгу Ибн Хурдазбиха, а позднее, но уже в исправленном виде повторено ал-Джайхани.

Сведения этого же дорожника стали основным источником информации о природных объектах земель кыргызов, изображенных на карте секции 3-10. К их числу, однако, не относятся сведения о мифическом *Острове рубинов*. Основным источником последних можно считать работу, авторство которой ал-Идриси приписывает Птоlemeю, но которая содержала обновленную и дополненную версию его карты. Подобная работа, например, была подготовлена в нач. IX в. ал-Хваразми. *Остров рубинов* в ней не был связан со страной кыргызов, и соединение этих двух объектов стало результатом согласования ал-Идриси данных о восточной окраине мира разных источников.

Благодарности

Автор признателен за помощь в изучении некоторых надписей на картах и обсуждение ряда проблем топонимики в работе ал-Идриси Этьену де ла Вэсьер (Школа перспективных исследований в области социальных наук, Париж). Кроме того, очень ценными в ходе подготовки статьи были замечания и советы Ирины Геннадиевны Коноваловой (Институт всеобщей истории РАН, Москва). За помощь в поиске и изучении изображений на скалах Хакасии хочу поблагодарить краеведа Сергея Амелина.

Литература

- Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.** Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / пер. с араб. А. М. Беленицкого; статьи и примечания А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна; под ред. И. М. Стеблин-Каменского и В. П. Никонорова. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2011. 600 с.
- Арабские источники X–XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары** / подг. текстов и пер. В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля. М.-Л.: Наука, 1965. 456 с.
- Бартольд В. В.** Сочинения. Т. I: Туркестан в эпоху

- монгольского нашествия. М.: Изд-во Вост. лит., 1963. 760 с.
- Бартольд В.В.** Сочинения. Т. II, ч. 2: Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 658 с.
- Бартольд В.В.** Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии. М.: Наука, 1965. 712 с.
- Бартольд В.В.** Сочинения. Т. VIII: Работы по источниковедению. М.: Наука, 1973. 724 с.
- Бейлис В.М.** Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1969. Т. 2. С. 304–311.
- Бернштам А.Н.** Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // Вестник древней истории. 1952. № 1 (39). С. 187–195.
- Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
- Бутанаев В.Я.** Топонимический словарь Хакаско-Минусинского края. Абакан, 1995. 268 с.
- Васильев Д.Д.** Дополнения к прочтению и фотокопии наскальной рунической надписи Красноярского водохранилища («Городовая стена») // Эпиграфика Востока. 2018. № 33. С. 3–11.
- Восточные авторы о кыргызах** / сост., введ., комм. О. Караева. Бишкек: Кыргызстан, 1994. 96 с.
- Ганбат Н., Ситдинов А.Г., Измайлов И.Л., Улзийбаяр С., Батсүрэн Б., Беляев А.В., Очир Б.** Археологические исследования фортификации северной цитадели городища Бийбулаг (средневековый уйгурский город Байбалык): предварительные итоги // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 179–192.
- Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.** Енисейские кыргызы в центре Тувы. М.: Фондамент-Пресс, 1998. 84 с.
- Григорьев В.В.** Восточный или Китайский Туркестан. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1873. 537 с. (Риттер К. Землеведение Азии. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Вып. 2: Дополнение. Отдел 1: Историко-географический).
- Данилов С.В.** Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 201 с.
- Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Тулуш Д.К., Эрдэнэболд Л.** Города эпохи хунну на территории Тувы // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 24. С. 74–92.
- Длужневская Г.В.** Крепость Омай-тура в Саянском каньоне Енисея (по материалам работ 1980–1982 гг.) // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 93–98.
- Длужневская Г.В., Варламов О.Б.** Раскопки «крепости Омая» // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 122–130.
- Длужневская Г.В., Савинов Д.Г.** Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН – СПбГУ, 2007. 198 с.
- Дмитриев С.В.** К вопросу о Каракоруме // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция. М.: Вост. лит., 2009. С. 76–100.
- Древнетюркский словарь.** Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Дробышев Ю.И.** Политика киданей в Центральной Азии // Общество и государство в Китае: XL научная конференция. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. С. 108–122.
- Есин Ю.Н.** К проблеме идентификации тамг кыргызов и чиков из «Тан хуйяо» // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 1. С. 57–75.
- Есин Ю.Н., Магай Ж., Еруул-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж.-О.** О краске на оленных камнях Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45, № 3. 2017. С. 79–89.
- Зуев Ю.А.** Киргизы-буруты // Советская этнография. 1970. № 4. С. 74–86.
- Ибн Хордадбех.** Книга путей и стран / перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.
- История башкирских родов.** Т. 10: Кыргыз / отв. ред. С.И. Хамидуллин. Уфа: Полиграфкомбинат, 2015. 808 с.
- История Казахстана в арабских источниках.** Т. 2: Арабские географы и путешественники IX–XII вв. / вступ. ст., пер. с араб., комм., тексты и факсимиле Б.Е. Кумекова, Р.Б. Кумекова. Алматы: Дайк-Пресс, 2010. 328 с.
- Йазди Шараф ад-Дин Али.** Зафар-наме / пер. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: Изд-во журнала «SAN'AT», 2008. 486 с.
- Калинина Т.М.** Сведения ранних ученых Арабского халифата. М.: Наука, 1988. 180 с.
- Камалов А.К.** Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
- Камолиддин Ш.С.** Древнетюркская топонимия Средней Азии. Ташкент: Шарк, 2006. 192 с.
- Караев О.К.** Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе: Илим, 1968. 102 с.
- Караев О.К.** Земли тогузгузов, карлуков, хазлазия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе: Илим, 1973а. С. 4–48.
- Караев О.К.** Извлечения сведений из географии ал-Идриси «Китаб нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») о некоторых тюркских племенах // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе: Илим, 1973б. С. 49–59.
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
- Кляшторный С.Г.** Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной

- Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.
- Кляшторный С. Г.** Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 352 с.
- Кляшторный С. Г.** Согдийский вельможа в государстве енисейских кыргызов // *Scripta antiqua*. Т. 3. М.: Собрание, 2013. С. 237–240.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.** Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кожин П. М.** Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. 368 с.
- Коновалова И. Г.** Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментариев. М.: Вост. лит., 2006. 328 с.
- Коновалова И. Г.** Изображение рельефа Северной Евразии в сочинении ал-Идриси: текст vs карта // *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем*. Вып. 2 / отв. ред. М. С. Петрова. М.: Аквилон, 2014. С. 251–273.
- Коновалова И. Г.** Север Евразии в средневековой арабской географии // *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем*. Вып. 3 / отв. ред. М. С. Петрова. М.: Аквилон, 2016. С. 217–235.
- Кормушин И. В.** Древние тюркские языки: учебное пособие. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. 336 с.
- Кормушин И. В.** Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.
- Крачковский И. Ю.** Арабская географическая литература (избранные сочинения, т. IV). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 920 с.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.** Этническая история китайцев на рубеже Средневековья и нового времени. М.: Наука, 1987. 312 с.
- Кызласов И. Л.** Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // *СА*. 1979. № 3. С. 280–290.
- Кызласов И. Л.** Каменные твердыни Саяно-Алтая (ландшафтно-планиграфические особенности) // *Древности Сибири и Центральной Азии*. 2014а. № 7 (19). С. 156–173.
- Кызласов И. Л.** Омай-тура // *Большая российская энциклопедия*. Т. 24. М., 2014б. С. 157.
- Кызласов И. Л.** Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием // *Согдийцы, их предшественники, современники и наследники*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 266–294.
- Кызласов И. Л.** Манихейские храмы на Среднем Енисее (исследования Л. Р. Кызласова) // *Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом шелковом пути*. Алматы: Центр сближения культур, Service Press, 2017. С. 119–131.
- Кызласов И. Л.** Возникновение и формирование Уйбатского города (Хакасия). Градообразующая роль храмов середины VIII – начала XIII в. // *КСИА*. 2019. Вып. 256. С. 242–250.
- Кызласов Л. Р.** Низами о древнехакасском государстве // *СА*. 1968. № 4. С. 69–76.
- Кызласов Л. Р.** История Тувы в Средние века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969а. 212 с.
- Кызласов Л. Р.** Древние крепости Хакасии // *АО* 1968 года. М.: Наука, 1969б. С. 244–246.
- Кызласов Л. Р.** Раскопки средневекового здания в Хакасии // *АО* 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 209–211.
- Кызласов Л. Р.** Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // *Степи Евразии в эпоху Средневековья*. М.: Наука, 1981. С. 46–52.
- Кызласов Л. Р.** История Южной Сибири в средние века: учебное пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1984. 167 с.
- Кызласов Л. Р.** Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // *РА*. 1992а. № 2. С. 181–206.
- Кызласов Л. Р.** Письменные известия о древних городах Сибири. М.: Изд-во МГУ, 1992б. 134 с.
- Кызласов Л. Р.** Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // *Вестник Московского университета, серия 8: История*. 1998. № 3. С. 8–35.
- Кызласов Л. Р.** Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит., 2006. 360 с.
- Кычанов Е. И.** Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. // *Изв. АН Киргизской ССР, серия обществ. наук*. 1963. Т. V, вып. 1. С. 59–65.
- Кумекоев Б. Е.** Страна кимаков по карте ал-Идриси // *Страны и народы Востока*. Т. X. М.: Наука, 1971. С. 194–198.
- Кумекоев Б. Е.** Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- Кумекоев Б. Е.** Расселение карлуков по карте ал-Идриси (XII в.) // *Казахстан в эпоху феодализма. Проблемы этнополитической истории*. Алма-Ата: Наука, 1981. С. 5–11.
- Кюннер Н. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 392 с.
- Лубо-Лесниченко Е. И.** Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 279 с.
- Лубо-Лесниченко Е. И.** «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии // *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. XXVII. Л.: Искусство, 1989. С. 4–9.
- Лурье П. Б.** Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 305 с.
- Лю Фэнчжу.** Эго Абакань боугуань соцуныдэ Тан дай юйцэ цаньцзянь [Фрагменты Нефритовой книги династии Тан из Абаканского музея в России] // *Суй Тан Ляо Сун Цзинь Юань ши луньцун* [Очерки истории Суй, Тан, Ляо, Сун, Цзинь, Юань]. Вып. 1 / гл. ред. Хуан Чжэнцзянь. Пекин: Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 2010. С. 11–12. 刘凤翥《俄国阿巴坎博物馆所存的唐代玉册残简》隋唐辽宋金元史论丛·第一辑 / 黄正建主编. 北京: 紫禁城出版社, 2010年。

- Малаявкин А. Г.** Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, 1974. 210 с.
- Малаявкин А. Г.** Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, 1983. 297 с.
- Малаявкин А. Г.** Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.
- Материалы** по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.: Наука, 1973. 280 с.
- Махмуд ал-Кашгари.** Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / пер. с араб. А. Р. Рустамова, под ред. И. В. Кормушина, прим. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А. Р. Рустамова. Т. 1. М.: Вост. лит., 2010. 461 с.
- Мацумото Т.** О фрагментах мраморных табличек с иероглифами, найденных в окрестностях города Абакана в Южной Сибири // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1996. С. 207–220.
- Мишин Д. Е.** Джайхани и его «Книга путей и государств» // Восток. 2009. № 1. С. 33–45.
- Очерки** Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского русского географического общества членом-сотрудником одного Г. Н. Потаниным. Вып. 1: Дневник путешествия. СПб.: Типогр. В. Безобразова и Комп., 1881. 425 с.
- Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3: 1772–1773 гг. СПб., 1788. 644 с.
- Попов В. Л.** Через Саяны и Монголию. Омск: Тип. Штаба Сиб. воен. округа, 1905. 216 с.
- Рашид ад-Дин.** Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
- Ртвеладзе Э. В.** Дар-и Аханин – Дарбанд // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1. Ташкент, 2003. С. 13–22.
- Рубинчик Ю. А.** (ред.). Персидско-русский словарь. Т. 1. М.: Русский язык, 1970. 783 с.
- Садыков Т. Р.** Катылыг 5 – городище кокзельской культуры // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 286–292.
- Сибирь** XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / сост. А. Х. Элерт. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
- Синь Тан шу.** Сост. Оуян Сю, Сун Ци. В 20 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. 《新唐書》歐陽脩, 宋祁 (全二十冊) 北京:中華書局 1975年.
- Скобелев С. Г., Шаповалов А. В.** Оборонительные сооружения Саянского острога // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 138–148.
- Спасский Г. И.** О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими // Записки ИРГО. 1857. Кн. XII. С. 113–181.
- Сравнительно-историческая** грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Субракова О. В.** Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007. 164 с.
- Супруненко Г. П.** Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи» («Собрание сочинений Ли Вэй-гуна периода правления Хойчан, 841–846 гг.») // Известия Академии наук Киргизской ССР, серия общественных наук. Т. V, вып. 1: История. 1963. С. 67–81.
- Супруненко Г. П.** Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М.: Наука, 1974. С. 236–248.
- Чертыков В. К.** Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007. 336 с.
- Худяков Ю. С.** Кыргызский курган Солян-сее // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 103–113.
- Худяков Ю. С.** Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995. 188 с.
- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.** Локализация районов проживания кыргызов в Южной Сибири и Центральной Азии в периоды поздней древности, раннего и развитого Средневековья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 109–120.
- Школяр С. А.** Китайская доогнестрельная артиллерия. М.: Наука, 1980. 406 с.
- Юаньхэ цзюньсянь тучжи** / сост. Ли Цифу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1983. 《元和郡縣圖志》李吉甫, 北京:中華書局, 1983年.
- Юань ши** / сост. Сун Лянь. В 15 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1976. 《元史》宋濂 (全十五冊) 北京:中華書局 1976年.
- Ягелло И. Д.** Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент: Типо-литография Штаба Туркестанского военного округа, 1910. 1815 с.
- Al-Idrīsī.** Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare student» / Ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX.
- Al-Idrīsī.** The Entertainment of Hearts and Meadows of Contemplation / Uns al-muhaj wa-rawd al-furaj; ed. Fuat Sezgin. Frankfurt am Main: Institute for the History of Arabic-Islamic Science, 1984. 244 pp.
- Atwood Ch. P.** The Qai, the Khongai, and the Names of the Xiōngnú // International Journal of Eurasian Studies. 2015. № 2. Pp. 35–63.
- Baxter W. H., Sagart L.** Old Chinese: A New Reconstruction. Oxford-New York: Oxford University Press, 2014. 448 pp.
- Czeglédy K.** Monographs on Syriac and Muhammadan Sources in the Literary Remains of M. Kmoskó // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1955. T. IV. Pp. 19–91.
- Czeglédy K.** Gardizi on the history of Central Asia (746–780 A.D.) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum

- Hungaricae. 1973. T. XXVII, fasc. 3. Pp. 257–267.
- Das Kitāb Šūrāt al-arḍ** des Abū Ġa'far Muḥammad Ibn Mūsā al-Huwārizmī herausgegeben nach dem handschriftlichen Unikum der Bibliothèque de l'Université Régionale in Strassburg (cod. 4247) von Hans v. Mžik. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1926. 194 pp.
- Donzel E. van, Schmidt A.** Gog and Magog in Early Eastern Christian and Islamic Sources. Sallam's Quest for Alexander's Wall. Leiden-Boston: Brill, 2009. 279 pp.
- Drompp M. R.** Tang China and the collapse of the Uighur Empire: a documentary history. Leiden-Boston: Brill, 2005. 366 pp.
- Ducène J.-Ch.** Les coordonnées géographiques de la carte manuscrite d'al-Idrīsī (Paris, Bnf ar. 2221) // *Der Islam*. Vol. 86/2. 2011. Pp. 271–285.
- Ducène J.-Ch.** La France et les territoires avoisinants dans le *Uns al-muḥaḡ wa-rawḍ al-furaḡ* d'al-Idrīsī // *Journal Asiatique*. 2012. Vol. 300/1. Pp. 87–138.
- Ducène J.-Ch.** Les oeuvres géographiques d'al-Idrīsī // *Journal Asiatique*. Vol. 305/1. 2017. Pp. 33–41.
- Ducène J.-Ch.** Ptolemy's Geography in the Arabic-Islamic Context // *Cartography between Christian Europe and the Arabic-Islamic World, 1100–1500*. Leiden: Brill, 2021. Pp. 74–90.
- Géographie d'Édrisi** traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes par P. Amédée Jaubert (2 Vols.). Paris: L'imprimerie Royale, 1836–1840.
- Golden P. B.** An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992. 483 pp.
- Golden P.** Courts and Court Culture in the Proto-urban and Urban Developments among the Pre-Chinggisid Turkic Peoples // *Turko-Mongol rulers, cities and city life* / Ed. by D. Durand-Guédy. Leiden-Boston: Brill, 2013. Pp. 21–74.
- Göckenjan H., Zimonyi I.** Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 54: Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Hudūd al-'Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī. 2001. 358 s.
- Henning W. B.** Argi and the «Tocharians» // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. 1938. Vol. IX/3. Pp. 545–571.
- Hudūd al-'Ālam**, «The Regions of the World»: A Persian Geography 372 AH–982 AD. Translated and explained by V. Minorsky. Cambridge: University Press, 1982. 610 pp.
- Kaplony A.** Comparing al-Kāshgharī's map to his text: On the visual language, purpose, and transmission of Arabic-Islamic maps // *The journey of maps and images on the Silk Road*. Leiden-Boston: Brill, 2008. Pp. 137–153.
- Kettenhofen E.** Darband // *Encyclopædia Iranica*. 1994. Vol. VII, Fasc. 1. Pp. 13–19.
- La géographie d'Idrīsī**. Un atlas du monde au XIIe siècle. A. Nef et E. de la Vaissière trad. de l'arabe: CD-ROM. Paris: Bibliothèque nationale de France, Montparnasse multimedia, 2000.
- Lurje P. B.** Description of the Overland Route to China in *Hudud al-'Ālam: Dates of the Underlying Itinerary* // *Eurasian Studies*. 2007. Vol. 6. Pp. 179–197.
- Mackerras C.** The Uighur Empire According to the T'ang Dynastic Histories: A Study in Sino-Uighur Relations, 744–840. Canberra: Australian National University, 1972. 234 pp.
- Maqbul A. S.** Cartography of al-Sharīf al-Idrīsī // *The History of Cartography*. Vol. 2, Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Pp. 156–174.
- Martinez A. P.** Gardīzī's two chapters on the Turks // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. T. II. 1982. Pp. 109–217.
- Miller K.** *Mappae Arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten*. Band 6: Idrisi-Atlas. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1927. 90 s.
- Miller K.** *Mappae Arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten*. Band 4: Asien II: Nord- und Ostasien. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1929. 98 s.
- Miller K.** *Mappae Arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten*. Band 5: Weltkarten und Nachträge zu den Länderkarten. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1931. 185 s.
- Minorsky V.** Tamīm ibn Baḥr's Journey to the Uyghurs // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London. 1948. Vol. 12, No. 2. Pp. 275–305.
- Monier-Williams M.** *Sanskrit-English Dictionary*. Oxford: The Clarendon Press, 1899. 1376 pp.
- Moriyasu T.** New Developments in the History of East Uighur Manichaeism // *Open Theology*. 2015. Issue 1. Pp. 316–333.
- Nallino C. A.** Al-Huwārizmī e il suo rifacimento della Geografia di Tolomeo. In: *Atti della Reale Accademia dei Lincei, Serie 4, Vol. II, Pt. 1: Memorie*. Rome: V. Salviucci for the Royal Lincean Academy, 1896. Pp. 4–53. (in Italian)
- Pan Yihong.** Marriage Alliances and Chinese Princesses in International Politics from Han through T'ang // *Asia Major*, 3rd. series. Vol. 10, parts 1–2. 1997. Pp. 95–131.
- Pelliot P.** Note sur les anciens noms de Kučā, d'Aqsu et d'Uč-Turfan // *T'oung Pao*, Second Series. 1923. Vol. 22, No. 2. Pp. 126–132.
- Pinto K. C.** *Medieval Islamic maps: an exploration*. Chicago-London: The University of Chicago Press, 2016. 416 pp.
- Rapoport Y., Savage-Smith E.** *The Book of Curiosities and a Unique Map of the World* // *Cartography in Antiquity and the Middle Ages: Fresh Perspectives, New Methods*. Leiden-Boston: Brill, 2008. Pp. 121–138.
- Rohr-Sauer A. von.** *Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien, neu übersetzt und untersucht*. Stuttgart: W. Kohlhammer verlag, 1939. 72 s. (Bonner Orientalische Studien. Heft 26).
- Rubinacci R.** *Eliminatio codicum e recensio della intro-*

- duzione al «Libro di Ruggero» // Studi Magrebini. Vol. I. 1966. Pp. 1–40.
- Rubinacci R.** La data della geografia di al-Idrīsī // Studi Magrebini. Vol. 3. 1970. Pp. 73–77.
- Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī** on China, the Turks, and India. Arabic text (circa 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky (James G. Forlong Fund, Vol. XXII.). London: Royal Asiatic Society, 1942. 223 pp.
- Stančo L.** In the shadow of the Wall. Hellenistic settlement in the Baysun and Kugitang piedmonts // Studia Hercynia XXV/2. 2021. Pp. 64–95.
- Tan Qixiang** (ed.). The Historical Atlas of China. Vol. 5: The Sui Dynasty Period, The Tang Dynasty Period, The Five Dynasties and Ten Kingdoms period. Beijing: China Cartographic Publishing House, 1996. 150 pp.
- Tekin T.** A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University, 1968. 419 pp.
- The History** of the World-Conqueror by ‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini, translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boule. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958. Vol. 1. 409 pp.
- Tibbetts G.R.** The Beginnings of a Cartographic Tradition // The History of Cartography, Vol. 2, Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Pp. 90–107.
- Tibbetts G.R.** The Balkhi School of Geographers // The History of Cartography. Vol. 2, Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Pp. 108–136.
- Vaissière E. de la.** Sogdian Traders: A History. Leiden: Brill, 2005. 424 pp.
- Vaissiere E. de la.** Idrīsī on the Uighur empire. A depiction of Qaraqorum and Baybaliq // Turcica. 2016. №47. Pp. 399–405.
- Zagorski B.R.** Sea Names of the Arab World as a System // Onomastica. 2013. № 57. Pp. 205–228.
- Zimonyi I.** Muslim Sources on the Magyars in the Second Half of the 9th Century: The Magyar Chapter of the Jayhānī Tradition. Leiden-Boston: Brill, 2016. 445 pp.
- Contemplation / Uns al-muhaj wa-rawḍ al-furaj**; ed. Fuat Sezgin. Frankfurt am Main: Institute for the History of Arabic-Islamic Science, 1984. 244 pp.
- Arabskie istochniki X–XII vekov po etnografii i istorii Afriki yuzhnee Sakhary.** / Podg. tekstov i per. V. V. Matveeva i L. E. Kubbelya. Moscow-Leningrad: Nauka, 1965. 456 pp.
- Atwood Ch. P.** The Qai, the Khongai, and the Names of the Xiōngnú. *International Journal of Eurasian Studies*. 2015. №2. Pp. 35–63.
- Bartol’d V.V.** Sochineniya. T. I: Turkestan v epokhu mongol’skogo nashestviya. Moscow: Izd-vo Vost. lit., 1963. 760 s.
- Bartol’d V.V.** Sochineniya. T. II, part 2: Raboty po otdel’nym problemam istorii Srednei Azii. Moscow: Nauka, 1964. 658 pp.
- Bartol’d V.V.** Sochineniya. T. III: Raboty po istoricheskoi geografii. Moscow: Nauka, 1965. 712 pp.
- Bartol’d V.V.** Sochineniya. T. VIII: Raboty po istochniko-vedeniyu. Moscow: Nauka, 1973. 724 pp.
- Baxter W.H., Sagart L.** Old Chinese: A New Reconstruction. Oxford-New York: Oxford University Press, 2014. 448 pp.
- Beilis V.M.** Narody Vostochnoi Evropy v kratkom opisaniі Mutakhhkhar al-Makdisi (X v.). In: Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoi i Tsentral’noi Evropy. Moscow: Nauka, 1969. T. 2. Pp. 304–311.
- Bernshtam A.N.** Tyurki i Srednyaya Aziya v opisaniі Khoi Chao (726). *Vestnik drevnei istorii*. 1952. №1 (39). Pp. 187–195.
- Bichurin N.Ya.** Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. T. I. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950. 382 pp.
- Butanaev V.Ya.** Toponimicheskii slovar’ Khakassko-Minusinskogo kraya. Abakan, 1995. 268 pp.
- Chertykov V.K.** Khakasiya v XVII – nachale XVIII veka i ee vzaimootnosheniya s Rossiei i gosudarstvami Tsentral’noi Azii. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 2007. 336 pp.
- Czeglédy K.** Monographs on Syriac and Muhammadan Sources in the Literary Remains of M. Kmoskó. *Acta Orient. Hung.* T. IV. 1955. Pp. 19–91.
- Czeglédy K.** Gardizi on the history of Central Asia (746–780 A.D.). *Acta Orient. Hung.* T. XXVII, fasc. 3. 1973. Pp. 257–267.
- Danilov S.V.** Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral’noi Azii. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2004. 201 pp.
- Danilov S.V., Imenokhiev N.V., Nanzatov B.Z., Simukhin A.I., Tulush D.K., Erdenebold L.** Goroda epokhi khunnu na territorii Tuvy. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»*. 2018. T. 24. Pp. 74–92.
- Das Kitāb** Šūrat al-arḍ des Abū Ḡa’far Muḥammad Ibn Mūsā al-Ḥuwārizmī herausgegeben nach dem handschriftlichen Unikum der Bibliothèque de l’Université Régionale in Strassburg (cod. 4247) von Hans v. Mžik. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1926. 194 pp.

References

- Abu-r-Raikhan Mukhammed ibn Akhmed al-Biruni.** Sobranie svedenii dlya poznaniya dragotsennostei (Mineralogiya) / per. s arab. A. M. Belenitskogo; stat’i i primechaniya A. M. Belenitskogo i G. G. Lemmleina; pod red. I. M. Steblin-Kamenskogo i V. P. Nikonorova. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2011. 600 pp.
- Al-Idrīsī.** Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare student» / Ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX.
- Al-Idrīsī.** The Entertainment of Hearts and Meadows of

- Dluzhnevskaya G.V.** Krepost' Omai-tura v Sayanskom kan'one Eniseya (po materialam rabot 1980–1982 gg.). *KSIA*. 1989. Vyp. 196. Pp. 93–98.
- Dluzhnevskaya G.V., Savinov D.G.** Pamyatniki drevnosti na dne Tuvinskogo morya. St. Petersburg: IIMK RAN – SPbGU, 2007. 198 pp.
- Dluzhnevskaya G.V., Varlamov O.B.** Raskopki «kreposti Omay». In: *Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 1984. Pp. 122–130.
- Dmitriev S.V.** K voprosu o Karakorume. In: *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXIX nauchnaya konferentsiya*. Moscow: Vost. lit., 2009. Pp. 76–100.
- Donzel E. van, Schmidt A.** Gog and Magog in Early Eastern Christian and Islamic Sources. Sallam's Quest for Alexander's Wall. Leiden-Boston: Brill, 2009. 279 pp.
- Drevnyeturkskii slovar'.** Leningrad: Nauka, 1969. 715 pp.
- Drobyshev Yu. I.** Politika kidanei v Tsentral'noi Azii. In: *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae: XL nauchnaya konferentsiya*. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2010. Pp. 108–122.
- Drompp M.R.** Tang China and the collapse of the Uighur Empire: a documentary history. Leiden-Boston: Brill, 2005. 366 pp.
- Ducène J.-Ch.** Les coordonnées géographiques de la carte manuscrite d'al-Idrīsī. *Der Islam*, 86/2 (2011). Pp. 271–285.
- Ducène J.-Ch.** La France et les territoires avoisinants dans le *Uns al-muhaḡ wa-rawḡ al-furaḡ* d'al-Idrīsī. *Journal Asiatique*, 300/1 (2012). Pp. 87–138.
- Ducène J.-Ch.** Les oeuvres géographiques d'al-Idrīsī. *Journal Asiatique*, 305/1 (2017). Pp. 33–41.
- Ducène J.-Ch.** Ptolemy's Geography in the Arabic-Islamic Context. In: *Cartography between Christian Europe and the Arabic-Islamic World, 1100–1500*. Leiden: Brill, 2021. Pp. 74–90.
- Esin Yu.N.** K probleme identifikatsii tamg kyrgyzov i chikov iz «Tan khuyyao». *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya*. 2017. № 1. Pp. 57–75.
- Esin Yu., Magail J., Yeruul-Erdene Ch., Gantulga J.-O.** Paint on Deer Stones of Mongolia. *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 45/3, 2017. Pp. 79–89.
- Ganbat N., Sitdikov A.G., Izmailov I.L., Ulziibayar S., Batsuren B., Belyaev A.V., Ochir B.** Arkheologicheskie issledovaniya fortifikatsii severnoi tsitadel'i gorodishcha Biibulag (srednevekovyi uigurskii gorod Baibalyk): predvaritel'nye itogi. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei*. 2020. № 6. Pp. 179–192.
- Géographie d'Édrisi** traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes par P. Amédée Jaubert (2 Vols.). Paris: L'imprimerie Royale, 1836–1840.
- Golden P.B.** An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992. 483 pp.
- Golden P.** Courts and Court Culture in the Proto-urban and Urban Developments among the Pre-Chinggisid Turkic Peoples. In: *Turko-Mongol rulers, cities and city life* / Ed. by D. Durand-Guédy. Leiden-Boston: Brill, 2013. Pp. 21–74.
- Göckenjan H., Zimonyi I.** Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 54: Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: die Ḡayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Hudūd al-'Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī). 2001. 358 s.
- Grach A.D., Savinov D.G., Dluzhnevskaya G.V.** Yenisayskiye kyrgyzy v tsentre Tuvy. Moscow: Fundamenta-Press, 1998. 84 pp.
- Grigor'ev V.V.** Vostochnyi ili Kitaiskii Turkestan. St. Petersburg: Tip. K. Zamyslovskogo, 1873. 537 pp.
- Henning W.B.** Argi and the «Tocharians». *BSOS*, IX/3 (1938). Pp. 545–571.
- Hudūd al-'Ālam**, «The Regions of the World»: A Persian Geography 372 AH–982 AD. Translated and explained by V. Minorsky. Cambridge: University Press, 1982. 610 pp.
- Ibn Khordadbeḡ.** Kniga putei i stran / Perevod s arabskogo, kommentarii, issledovanie, ukazateli i karty N. Velikhanovoi. Baku: Elm, 1986. 428 pp.
- Istoriya bashkirskikh rodov.** T. 10: Kyrgyz / S.I. Khamidullin (ed.). Ufa: Poligrafkombinat, 2015. 808 pp.
- Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh.** T. 2: Arabskie geografii i puteshestvenniki IX–XII vv. / Vstup. st., per. s arab., komment., teksty i faksimile B.E. Kumeḡov, R.B. Kumeḡova. Almaty: Daik-Press, 2010. 328 pp.
- Kalinina T.M.** Svedeniya rannikh uchenykh Arabskogo khalifata. Moscow: Nauka, 1988. 180 pp.
- Kamalov A.K.** Drevnie yigyry. VIII–IX vv. Almaty: Nash Mir, 2001. 216 pp.
- Kamoliddin Sh. S.** Drevnyeturkskaya toponimiya Srednei Azii. Tashkent: Shark, 2006. 192 pp.
- Kaplony A.** Comparing al-Kāshgharī's map to his text: On the visual language, purpose, and transmission of Arabic-Islamic maps. In: *The journey of maps and images on the Silk Road*. Leiden-Boston: Brill, 2008. Pp. 137–153.
- Karaev O.K.** Arabskie i persidskie istochniki IX–XII vv. o kirgizakh i Kirgizii. Frunze: Ilim, 1968. 102 pp.
- Karaev O.K.** Izvlecheniya svedenii iz geografii al-Idrisi «Kitab nuzkhat al-mushtak fi-khtirak al-afak» («Razvlechenie istomlennogo v stranstvii po oblastyam») o nekotorykh tyurkskikh plemenakh. In: *Arabo-persidskie istochniki o tyurkskikh narodakh*. Frunze: Ilim, 1973b. Pp. 49–59.
- Karaev O.K.** Zemli toguzguzov, karlukov, khazlazhiya, khilkhiya, kimakov i kirgizov po karte al-Idrisi. In: *Arabo-persidskie istochniki o tyurkskikh narodakh*. Frunze: Ilim, 1973a. Pp. 4–48.
- Kettenhofen E.** Darband. In: *Encyclopædia Iranica*. 1994. Vol. VII, Fasc. 1. Pp. 13–19.
- Khudyakov Yu.S.** Kyrgyzskii kurgan Soyan-see. In: *Pamyatniki kyrgyzskoi kul'tury v Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk, 1990. Pp. 103–113.
- Khudyakov Yu. S.** Kyrgyzy na prostorakh Azii. Bishkek, 1995. 188 pp.

- Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu.** Localization of the Kyrgyz Residence Areas in Southern Siberia and Central Asia within the Periods of late Antiquity, Early and High Middle Ages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, №7: Archaeology and Ethnography, p. 109–120. (in Russ.)
- Klyashtornyi S.G.** Drevnetyurkskie runicheskie pamyatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii. Moscow: Nauka, 1964. 214 pp.
- Klyashtornyi S.G.** Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti i etnokul'turnaya istoriya Tsentral'noi Azii. St. Petersburg: Nauka, 2006. 591 pp.
- Klyashtornyi S.G.** Runicheskie pamyatniki Ugurskogo kaganata i istoriya evraziiskikh stepei. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010. 352 pp.
- Klyashtornyi S.G.** Sogdiiskii vel'mozha v gosudarstve eniseiskikh kyrgyzov. In: *Scripta antiqua*. Vol. 3. Moscow: Sobranie, 2013. Pp. 237–240.
- Klyashtornyi S.G., Savinov D.G.** Stepnye imperii drevnei Evrazii. St. Petersburg: Filol. f-t SPbGU, 2005. 346 pp.
- Konovalova I.G.** Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoi Evropy: tekst, perevod, kommentarii. Moscow: Vost. lit., 2006. 328 pp.
- Konovalova I.G.** Izobrazhenie rel'efa Severnoi Evrazii v sochinenii al-Idrisi: Tekst vs karta. In: *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoyashchem*. Vyp. 2 / Otв. red. M. S. Petrova. Moscow: Akvilon, 2014. Pp. 251–273.
- Konovalova I.G.** Sever Evrazii v srednevekovoi arabskoi geografii. In: *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoyashchem*. Vyp. 3 / Otв. red. M. S. Petrova. Moscow: Akvilon, 2016. Pp. 217–235.
- Kormushin I.V.** Drevnie tyurkskie yazyki. Uchebnoe posobie. Abakan: Izd-vo KhGU im. N.F. Katanova, 2004. 336 pp.
- Kormushin I.V.** Tyurkskie eniseiskie epitafii: grammatika, tekstologiya. Moscow: Nauka, 2008. 342 pp.
- Kozhin P.M.** Kitay i Tsentral'naya Aziya do epokhi Chingiskhana. Moscow: ID «FORUM», 2011. 368 pp.
- Krachkovskii I.Yu.** Arabskaya geograficheskaya literatura (Izbrannye sochineniya, t. IV). Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1957. 920 pp.
- Kryukov M.B., Malyavin V.V., Sofronov M.V.** Etnicheskaya istoriya kitaitsev na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni. Moscow: Nauka, 1987. 312 pp.
- Kumekov B.E.** Strana kimakov po karte al-Idrisi. In: *Strany i narody Vostoka*. T. X. Moscow: Nauka, 1971. Pp. 194–198.
- Kumekov B.E.** Gosudarstvo kimakov IX–X vv. po arabskim istochnikam. Alma-Ata: Nauka, 1972. 156 pp.
- Kumekov B.E.** Rasselenie karlukov po karte al-Idrisi (XII v.). In: *Kazakhstan v epokhu feodalizma. Problemy etnopoliticheskoi istorii*. Alma-Ata: Nauka, 1981. Pp. 5–11.
- Kychanov E.I.** Svedeniya v «Yuan'-shi» o pereseleniyakh kirgizov v XIII v. *Izv. AN Kirgizskoi SSR, seriya obshchestv. nauk*. 1963. T. V, vyp. 1. Pp. 59–65.
- Kyuner N.V.** Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka. Moscow: Izd-vo vost. lit., 1961. 392 pp.
- Kyzlasov I.L.** Novye svidetel'stva uiguro-khakasskikh voyn IX veka. *SA*. 1979. № 3. Pp. 280–290.
- Kyzlasov I.L.** Kamennye tverdiny Sayano-Altaya (landshaftno-planigraficheskie osobennosti). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii*. 2014a. № 7(19). Pp. 156–173.
- Kyzlasov I.L.** Omai-tura // *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. T. 24. Moscow, 2014b. P. 157.
- Kyzlasov I.L.** Eniseiskaya runicheskaya nadpis' s iranskim zaimstvovaniem. In: *Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki*. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2013. Pp. 266–294.
- Kyzlasov I.L.** Manikheiskie khramy na Srednem Enisee (issledovaniya L.R. Kyzlasova). In: *Religii Kazakhstana i Tsentral'noi Azii na Velikom shelkovom puti*. Almaty: Tsentr sbližheniya kul'tur, Service Press, 2017. Pp. 119–131.
- Kyzlasov I.L.** Vozniknovenie i formirovanie Uibatskogo goroda (Khakasiya). *Gradoobrazuyushchaya rol' khramov serediny VIII – nachala XIII vv. KSIA*. 2019. Vyp. 256. Pp. 242–250.
- Kyzlasov L.R.** Nizami o drevnekhakasskom gosudarstve. *SA*. 1968. № 4. Pp. 69–76.
- Kyzlasov L.R.** Istoriya Tuvy v srednie veka. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1969a. 212 pp.
- Kyzlasov L.R.** Drevnie kreposti Khakasii. In: *AO 1968 goda*. Moscow: Nauka, 1969b. Pp. 244–246.
- Kyzlasov L.R.** Raskopki srednevekovogo zdaniya v Khakasii. In: *AO 1973 goda*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 209–211.
- Kyzlasov L.R.** Drevnekhakasskaya kul'tura chaatas VI–IX vv. In: *Stepi Evrazii v epokhu Srednevekov'ya*. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 46–52.
- Kyzlasov L.R.** Istoriya Yuzhnoi Sibiri v srednie veka: uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: Vyssh. shk., 1984. 167 pp.
- Kyzlasov L.R.** Manikheiskii khram v kotlovine Sorga (Respublika Khakasiya). *RA*. 1992a. № 2. Pp. 181–206.
- Kyzlasov L.R.** Pis'mennye izvestiya o drevnikh gorodakh Sibiri. Moscow: Izd-vo MGU, 1992b. 134 pp.
- Kyzlasov L.R.** Severnoe manikeistvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 8: Istoriya*. 1998. № 3. Pp. 8–35.
- Kyzlasov L. R.** Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoi i Severnoi Azii: istoricheskie i arkheologicheskie issledovaniya. Moscow: Vost. lit., 2006. 360 pp.
- La géographie d'Idrīsī**. Un atlas du monde au XIIe siècle. A. Nef et E. de la Vaissière trad. de l'arabe: CD-ROM. Paris: Bibliothèque nationale de France, Montparnasse multimedia, 2000.
- Liu Fengzhu.** Eguo Abakan bowuguan suocunde Tang dai yuce canjian. In: *Sui Tang Liao Song Jin Yuan shi luncong*. Iss. 1 (ed. Huan Gzhengjian). Beijing: Zijincheng chubanshe, 2010. Pp. 11–12. 刘凤翥《俄国阿巴坎博物馆所存的唐代玉册残简》隋唐辽宋金元史论丛·第一辑

- / 黄正建主编. 北京: 紫禁城出版社, 2010年。
- Lubo-Lesnichenko E.I.** Privoznye zerkala Minusinskoi kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoi Sibiri. Moscow: Nauka, 1975. 279 pp.
- Lubo-Lesnichenko E.I.** «Uigurskii» i «kirgizskii» puti v Tsentral'noi Azii. In: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XXVII. Leningrad: Iskustvo, 1989. Pp. 4–9.
- Lurje P.B.** Istoriko-lingvisticheskie analiz sogdiiskoi toponimii: diss. ... kand. filol. nauk. St. Petersburg, 2004. 305 pp.
- Lurje P.B.** Description of the Overland Route to China in Hudud al-'Alam: Dates of the Underlying Itinerary. *Eurasian Studies*. 2007. Vol. 6. Pp. 179–197.
- Mackerras C.** The Uighur Empire According to the T'ang Dynastic Histories: A Study in Sino-Uighur Relations, 744–840. Canberra: Australian National University, 1972. 234 pp.
- Makhmud al-Kashgari.** Divan lugat at-turk (Svod tyurkskikh slov): v 3 t. / Per. s arab. A.R. Rustamova pod red. I.V. Kormushina, prim. I.V. Kormushina, E.A. Potseluevskogo, A.R. Rustamova. T. 1. Moscow: Vost. lit., 2010. 461 pp.
- Malyavkin A.G.** Materialy po istorii uygurov v IX–XII vv. Novosibirsk: Nauka, 1974. 210 pp.
- Malyavkin A.G.** Uygurskie gosudarstva v IX–XII vv. Novosibirsk: Nauka, 1983. 297 pp.
- Malyavkin A.G.** Tanskie khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noi Azii: Teksty i issledovaniya. Novosibirsk: Nauka, 1989. 432 pp.
- Maqbul A.S.** Cartography of al-Sharif al-Idrisi // The History of Cartography. Vol. 2, Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Pp. 156–174.
- Martinez A.P.** Gardīzī's two chapters on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. T. II. 1982. Pp. 109–217.
- Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii.** Vyp. 1. Moscow: Nauka, 1973. 280 pp.
- Matsumoto T.** O fragmentakh mramornykh tablitshek s ieroglifami, naidennykh v okrestnostyakh goroda Abakana v Yuzhnoi Sibiri. In: Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, 1996. Pp. 207–220.
- Miller K.** Mappae Arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Band 6: Idrisi-Atlas. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1927. 90 pp.
- Miller K.** Mappae Arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Band 4: Asien II: Nord- und Ostasien. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1929. 98 pp.
- Miller K.** Mappae Arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Band 5: Weltkarten und Nachträge zu den Länderkarten. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1931. 185 pp.
- Minorsky V.** Tamīm ibn Baḥr's Journey to the Uyghurs. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1948. Vol. 12, No. 2. Pp. 275–305.
- Mishin D.E.** Dzhaikhani i ego «Kniga putei i gosudarstv». *Vostok*. 2009. № 1. Pp. 33–45.
- Monier-Williams M.** Sanskrit-English Dictionary. Oxford: The Clarendon Press, 1899. 1376 pp.
- Moriyasu T.** New Developments in the History of East Uighur Manichaeism. *Open Theology*. 2015. Issue 1. Pp. 316–333.
- Nallino C.A.** Al-Huwārizmī e il suo rifacimento della Geografia di Tolomeo. In: Atti della Reale Accademia dei Lincei, Serie 4, Vol. II, Pt. 1: Memorie. Rome: V. Salviucci for the Royal Lincean Academy, 1896. Pp. 4–53. (in Italian)
- Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii.** Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1876–1877 godakh po porucheniyu Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva chlenom-sotrudnikom onogo G.N. Potaninym. Vyp. 1: Dnevnik puteshestviya. St. Petersburg: Tipogr. V. Bezobrazova i Komp., 1881. 425 pp.
- Pallas P.S.** Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva. Ch. 3: 1772–1773 gg. St. Petersburg, 1788. 644 pp.
- Pan Yihong.** Marriage Alliances and Chinese Princesses in International Politics from Han through T'ang. In: Asia Major, 3rd. series. Vol. 10, parts 1–2. 1997. Pp. 95–131.
- Pelliot P.** Note sur les anciens noms de Kučā, d'Aqsu et d'Uč-Turfan. *T'oung Pao*, Second Series. 1923. Vol. 22, No. 2. Pp. 126–132.
- Pinto K.C.** Medieval Islamic maps: an exploration. Chicago-London: The University of Chicago Press, 2016. 416 pp.
- Popov V.L.** Cherez Sayany i Mongoliyu. Omsk: Tip. Shtaba Sib. voen. okruga, 1905. 216 pp.
- Rapoport Y., Savage-Smith E.** The Book of Curiosities and a Unique Map of the World. In: Cartography in Antiquity and the Middle Ages: Fresh Perspectives, New Methods. Leiden-Boston: Brill, 2008, Pp. 121–138.
- Rashid ad-Din.** Sbornik letopisei. T. 1, kn. 1. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 221 pp.
- Rohr-Sauer A. von.** Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien, neu übersetzt und untersucht. Stuttgart: W. Kohlhammer verlag, 1939. 72 s. (Bonner Orientalische Studien. Heft 26).
- Rtveladze E.V.** Dar-i Akhanin – Darband. In: Trudy Baisunskoi nauchnoi ekspeditsii. Vyp. 1. Tashkent, 2003. Pp. 13–22.
- Rubinacci R.** Eliminatio codicum e recensio della introduzione al «Libro di Ruggero». *Studi Magrebini*. Vol. I. 1966. Pp. 1–40.
- Rubinacci R.** La data della geografia di al-Idrīsī. *Studi Magrebini*. Vol. 3. 1970. Pp. 73–77.
- Rubinchik Y.A.** (ed.). Persidsko-russkiy slovar'. T. 1. Moscow: Russkiy yazyk, 1970. 783 pp.
- Sadykov T.R.** Katylyg 5 – gorodishche kokel'skoi kul'tury. In: Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii. Irkutsk: Ottisk, 2015. Pp. 286–292.
- Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī** on China, the Turks,

- and India. Arabic text (circa 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky (James G. Forlong Fund, Vol. XXII.). London: Royal Asiatic Society, 1942. 223 pp.
- Shkolyar S. A.** Kitaiskaya doognestrel'naya artilleriya. Moscow: Nauka, 1980. 406 pp.
- Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh** G. F. Millera. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996. 310 pp.
- Skobelev S. G., Shapovalov A. V.** Oboronitel'nye sooruzheniya Sayanskogo ostroga. In: Voennoe delo i srednevekovaya arkhologiya Tsentral'noi Azii. Kemerovo, 1995. Pp. 138–148.
- Spasskii G. I.** O dostoprimechatel'neishikh pamyatnikakh sibirskikh drevnostei i skhodstve nekotorykh iz nikh s velikorusskimi. In: Zapiski IRGO. 1857. Kn. XII. Pp. 113–181.
- Sravnitel'no-istoricheskaya** grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika. Moscow: Nauka, 2001. 822 pp.
- Stančo L.** In the shadow of the Wall. Hellenistic settlement in the Baysun and Kugitang piedmonts. *Studia Hercynia* XXV/2. 2021. Pp. 64–95.
- Subrakova O. V.** Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 2007. 164 pp.
- Suprunenko G. P.** Dokumenty ob otnosheniyakh Kitaya s eniseiskimi kyrgyzami v istochnike IX veka «Li Veigun khoichan ipin' tsi» («Sobranie sochinenii Li Veiguna perioda pravleniya Khoichan, 841–846 gg.»). *Izvestiya Akademii nauk Kirgizskoi SSR, seriya Obshchestvennykh nauk*, T. V, Vyp. 1: Istoriya. 1963. Pp. 67–81.
- Suprunenko G. P.** Nekotorye istochniki po drevnei istorii kyrgyzov. In: Istoriya i kul'tura Kitaya. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 236–248.
- Tan Qixiang** (ed.). The Historical Atlas of China. Vol. 5: The Sui Dynasty Period, The Tang Dynasty Period, The Five Dynasties and Ten Kingdoms period. Beijing: China Cartographic Publishing House, 1996. 150 pp.
- Tekin T.** A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University, 1968. 419 pp.
- The History of the World-Conqueror** by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini, translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boule. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958. Vol. 1. 409 pp.
- Tibbetts G. R.** The Beginnings of a Cartographic Tradition. In: The History of Cartography, Vol. 2, Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Pp. 90–107.
- Tibbetts G. R.** The Balkhi School of Geographers. In: The History of Cartography. Vol. 2, Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Pp. 108–136.
- Vaissière E. de la.** Sogdian Traders: A History. Leiden: Brill, 2005. 424 pp.
- Vaissiere E. de la.** Idrīsī on the Uighur empire. A depiction of Qaraqorum and Baybaliq. *Turcica*. 2016. № 47. Pp. 399–405.
- Vasil'ev D. D.** Dopolneniya k prochteniyu i fotokopii naskal'noi runicheskoi nadpisi Krasnoyarskogo vodokhranilishcha («Gorodovaya stena»). *Epigrafiya Vostoka*. 2018. № 33. Pp. 3–11.
- Vostochnye avtory o kyrgyzakh.** / Sost., vved., komm. O. Karaeva. Bishkek: Kyrgyzstan, 1994. 96 pp.
- Xin Tang shu.** Ouyang Xiu, Song Qi. In 20 vol. Beijing: Zhonghua shuju, 1975. 《新唐書》歐陽脩, 宋祁 (全二十冊) 北京:中華書局 1975年.
- Yagello I. D.** Polnyi persidsko-arabsko-russkii slovar'. Tashkent: Tipo-litografiya Shtaba Turkestanskogo voennogo okruga, 1910. 1815 pp.
- Yazdi Sharaf ad-Din Ali.** Zafar-name / Perv. so starouzb., predislovie, kommentarii, ukazateli i karta A. Akhmedova. Tashkent: Izd-vo zhurnala «SAN'AT», 2008. 486 pp.
- Yuanhe junxian tuzhi.** Li Jifu. Beijing: Zhonghua shuju, 1983. 《元和郡縣圖志》李吉甫, 北京:中華書局, 1983年。
- Yuan shi.** Song Lian. In 15 vol. Beijing: Zhonghua shuju, 1976. 《元史》宋濂 (全十五冊) 北京:中華書局 1976年.
- Zagorski B. R.** Sea Names of the Arab World as a System. *Onomastica*. № 57. 2013. Pp. 205–228.
- Zimonyi I.** Muslim Sources on the Magyars in the Second Half of the 9th Century: The Magyar Chapter of the Jayhānī Tradition. Leiden-Boston: Brill, 2016. 445 pp.
- Zuev Yu. A.** Kirgizy-buruty. *Sovetskaya etnografiya*. 1970. № 4. Pp. 74–86.

УКРАШЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ СКОТОВОДОВ

DOI: 10.52782/KRIL.2022.1.33.003

УДК 903.25

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С КОРАЛЛОВЫМИ СЕРЕЖКАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ХУННУ АЛА-ТЕЙ 1 В ТУВЕ

М. Е. Килуновская, П. М. Леус

*Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д.18А, Санкт-Петербург, 191186, Россия;
email: kilunmar@mail.ru; leuss@mail.ru*

В женском погребении могильника хунну Ала-Тей 1 на дне Саяно-Шушенского водохранилища были найдены золотые серьги с подвесками из веточек коралла. Будучи изначально ценными и хрупкими изделиями, такие находки чрезвычайно редки. Несколько золотых сережек с коралловыми подвесками известны в захоронениях чирикрабатской культуры в нижнем течении Сырдарьи. Можно предположить, что эта редкая находка попала в Туву с запада по одному из маршрутов Шелкового пути, через Среднюю Азию, оазисы Восточного Туркестана, северное приграничье ханьского Китая и Монголию.

Ключевые слова: Тува, хунну, сюнну, Шелковый путь, кораллы, улуг-хемская культура.

FEMALE GRAVE WITH CORAL EARRINGS FROM XIONGNU BURIAL GROUND ALA-TEI 1 IN TUVA

M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus

The Institute for History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 18A Dvortsovaya Naberezhnaya, Saint-Petersburg, 191186, Russia; email: kilunmar@mail.ru; leuss@mail.ru

In Xiongnu female burial ground Ala-Tei 1 at the bottom of the Sayan-Shushenskoe Reservoir, gold earrings with pendants made of coral twigs were found. Being initially valuable and fragile products, such finds are extremely rare. Several gold earrings with coral pendants are known in the Chirikrabat culture graves in the lower reaches of the Syrdarya. It can be assumed that this rare find came to Tuva from the West along one of the Silk Road routes, through Central Asia, oases of East Turkestan, the northern border of Han China and Mongolia.

Keywords: Tuva, Xiongnu, Silk Road, corals, Ulug-Khem culture.

Введение

Во многие исторические эпохи территория Тувы оказывалась в центре исторических событий, происходивших на севере Внутренней Азии. Помимо прочего, это был важный плацдарм или начало пути как для движения с юга на север, из бескрайних просторов монгольских степей в плодородную Минусинскую котловину, так и в обратном направлении. Значение Тувы подчеркивают расположенные в Уюкской котловине богатые захоронения скифского времени, а также многочисленные археологические памятники других эпох. Не было исключением и время расцвета государства кочевников хунну, представлявших на рубеже III–II вв. до н.э. наиболее серьезную силу к северу от Древнего Китая.

Империя Хань направляла в степи огромные армии, далеко не всегда возвращавшиеся с победой, задабривало хуннских шаньюев богатыми дарами, открывало приграничные рынки для торговли с кочевниками. Северные походы основателя империи хунну Маодуня (Модэ), безусловно, затронули территорию Тувы, через которую хунну проникли и за Саяны, в Минусинскую котловину: «...когда [Маодунь] покорил на севере владения хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли, все знатные люди и сановники сюнну подчинились [ему] и стали считать шаньюя Маодуня мудрым» [Таскин, 1968, с. 41]. Позднее, в 176 г. до н.э., в послании ханьскому императору Маодунь писал: «...благодаря милости неба командиры и воины были в хорошем состоянии,

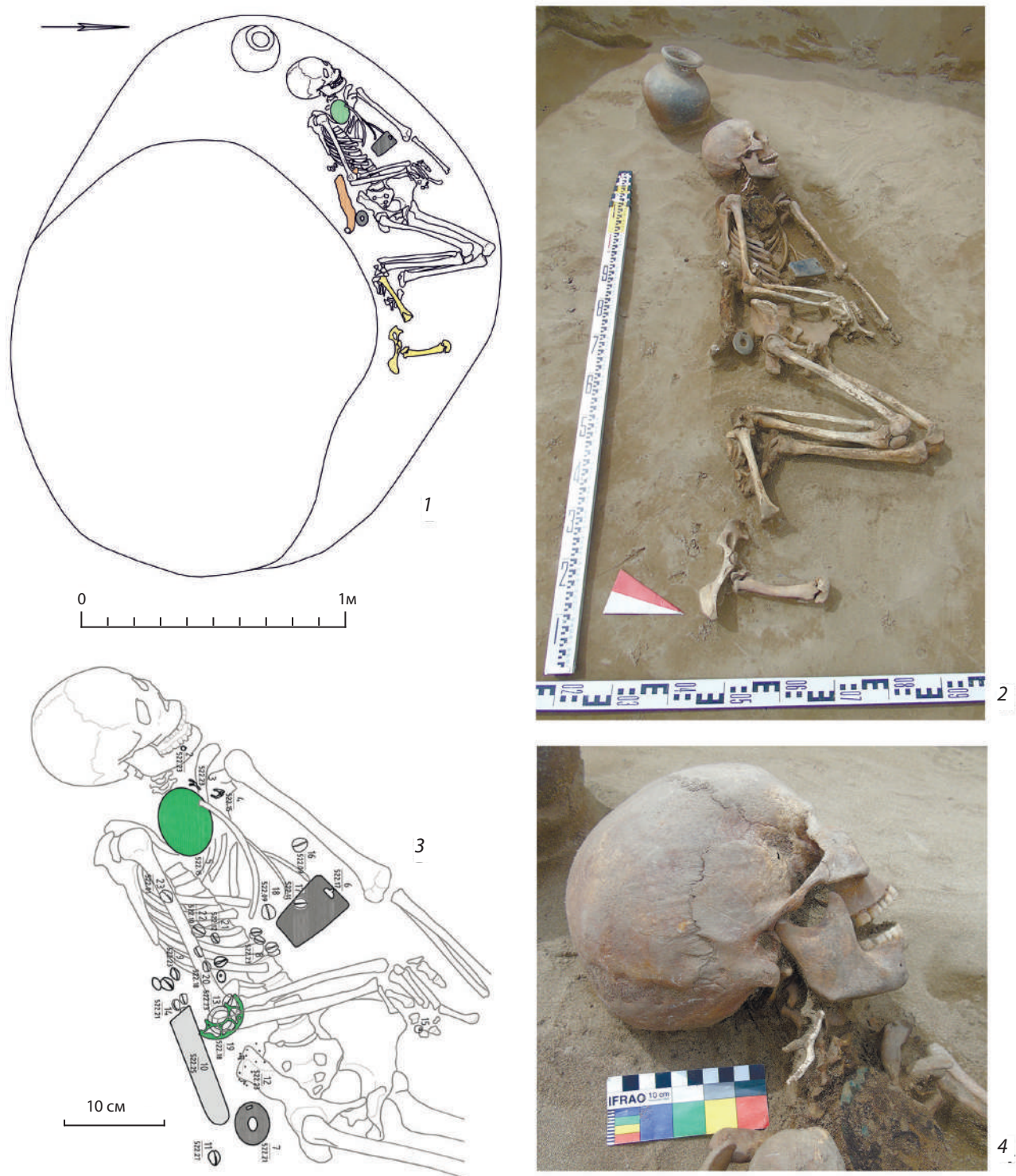

Рис. 1. Могильник Ала-Тей 1, объект 112. План и фото погребения.
Fig. 1. Burial ground Ala-Tei 1, object 112. Plan and photo of the grave.

а лошади сильны, что позволило мне уничтожить юэчжи, которые были истреблены или сдались. Я усмирил [также] лоуланей, усуней, хузце и двадцать шесть других соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну. Итак, все народы, натягивающие лук, оказались объединенными в одну семью. Поскольку северные обла-

сти оказались замиренны, я хотел бы прекратить войну...» [Таскин, 1968, с. 43].
Соответственно, в начале II в. до н.э. территория Тувы, так или иначе, входит в сферу влияния государства хунну, населявшие ее скифские племена оказываются в подчиненном положении, часть их, возможно, покинула родные земли,

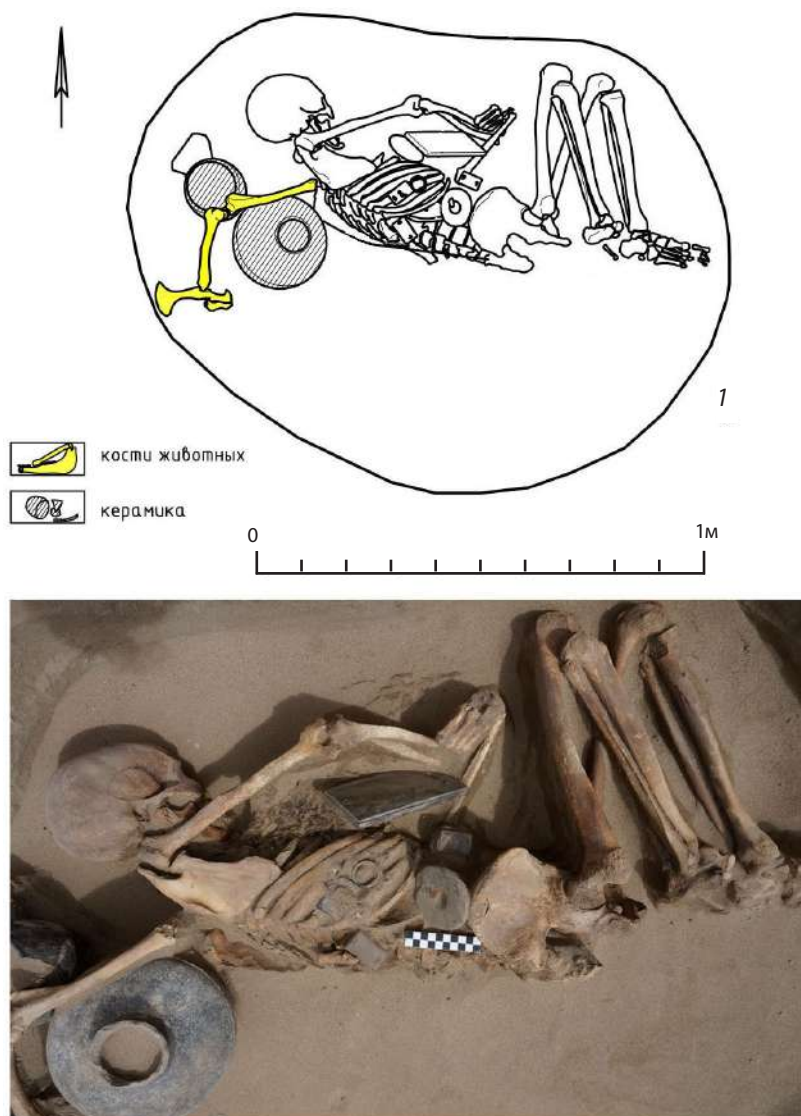

Рис. 2. Могильник Ала-Тей 1, объект 86. План и фото погребения.

Fig. 2. Burial ground Ala-Tei 1, object 86. Plan and photo of the grave.

часть могла быть уничтожена в ходе экспансии. На новых землях должны были остаться гарнизоны хунну и появиться новые поселенцы из числа пришедших с ними народов. Часть автохтонного скифского населения некоторое время могла сосуществовать с хунну, постепенно перенимая их культурные традиции и ассимилируясь. Археологически эти события хорошо отражены в смене культур, когда в Туве появляются погребальные памятники улуг-хемской культуры, содержащие многочисленные характерные для хунну артефакты и совершенно новые традиции погребальной обрядности [Килуновская, Леус, 2018, с. 125–152]. Все это кардинально отличается от уюкско-саглынской культуры скифского времени, памятники которой во II в. до н. э. исчезают.

В Центральной Туве давно были известны большие погребальные сооружения хуннской знати на могильнике Бай-Даг II, близкие по кон-

струкции к элитным комплексам захоронений хунну в Монголии и Забайкалье. К сожалению, все они были сильно разграблены в древности, а полноценная публикация материалов раскопок отсутствует [Мандельштам, Стамбульник, 1992, с. 197–198; Николаев, 2003, с. 260–263]. Также из Тувы происходило несколько случайных находок керамики и когтевидных подвесок, датирующихся эпохой хунну [Кызласов, 1969, с. 117–118].

Большим успехом для хуннской археологии в Туве стало обнаружение двух неразграбленных грунтовых могильников – Ала-Тей 1 и Терезин, раскопки которых проводятся Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН¹. Ала-Тей 1 расположен на дне Саяно-Шушенского водохранилища, и работы на нем возможны в короткий период времени перед очередным набором воды. Терезин находится в 4,5 км от Ала-Тей на разрушающемся песчаном берегу водохранилища, часть его захоронений разрушена регулярной абразией, часть занесена многометровыми песчаными дюнами. В настоящий момент на Ала-Тее открыто 114 захоронений (хунну), на Терезине – 43

(хунну и более поздняя кокзельская культура), но раскопки не завершены, и общее количество объектов пока неизвестно.

Среди находок на Ала-Тее и Терезине можно упомянуть керамические вазовидные сосуды хунну, костяные наконечники стрел и накладки на сложносоставной лук, китайские зеркала различных типов [Леус, 2018, с. 117–123], многочисленные ажурные пряжки-пластины из бронзы [Килуновская, Леус, 2020, с. 97–125], редкие большие пряжки и бляшки из сибирского гагата, украшенные цветными инкрустациями и гравировками [Килуновская, Леус, 2020, с. 223–253], костяные пряжки-пластины [Килуновская, Леус, 2021, с. 430–448], полихромные подвески и т. д.

¹ Работы проводились при поддержке «Общества по изучению Евразии» (Society for the Exploration of EurAsia), Швейцария, а также, с 2018 г., Русского географического общества.

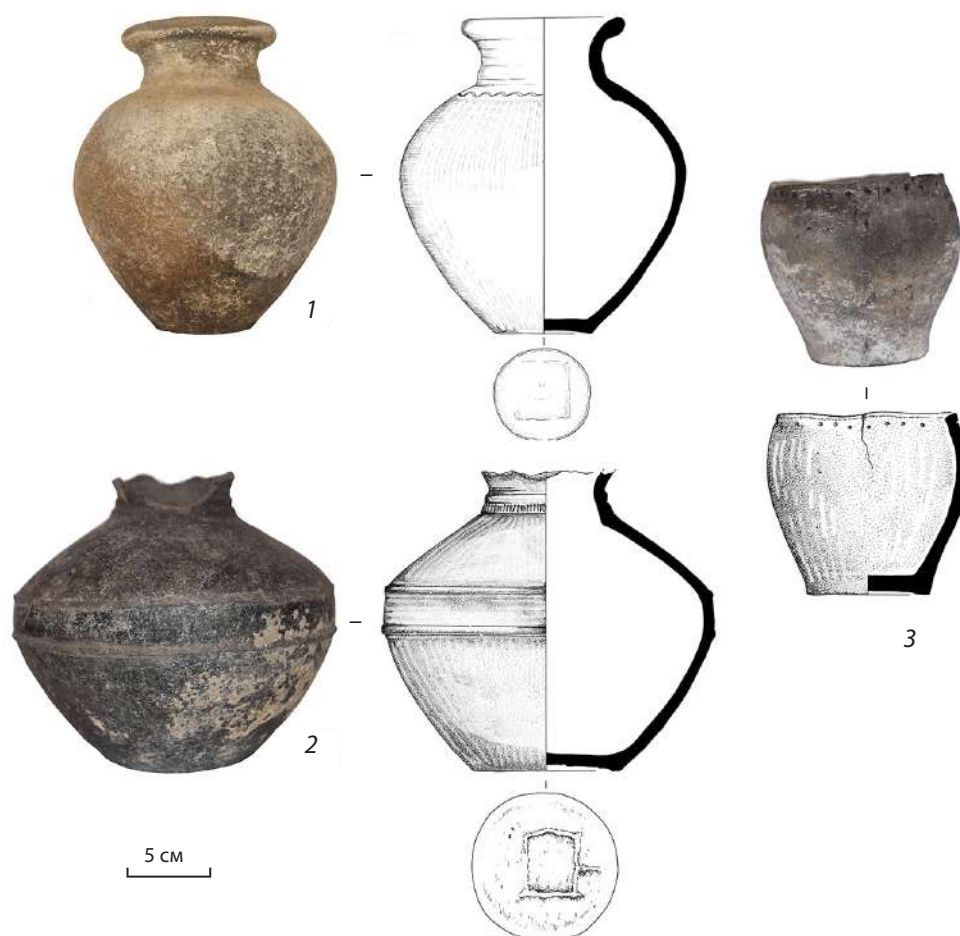

Рис. 3. Керамика из АТ1/112 (1) и АТ1/86 (2, 3).

Fig. 3. Ceramics from AT1/112 (1) and AT1/86 (2, 3).

Для могильников получена представительная серия радиоуглеродных AMS-датировок, позволяющих датировать их II–I вв. до н.э. [Килуновская, Леус, 2021, с. 79–92].

Находки из Ала-Тее и Терезина подтверждают вхождение Тувы в сферу влияния хунну и наличие на ее территории каких-то близких к ним групп населения, пришедших, вероятно, откуда-то с юга, где они имели контакты с источниками китайских товаров – монеты у-шу, зеркала, пряжки, причем в довольно значительном количестве. Ни до этого времени, ни после такого количества китайских зеркал, а также пряжек-пластин из различных материалов в Туве не встречалось. Впрочем, надо учитывать, что большинство зеркал и пряжек Ала-Тее и Терезина – это местные литые копии, хотя есть и несколько фрагментов оригинальных китайских зеркал из белой оловянистой бронзы. Эта категория артефактов показывает нам очевидное направление контактов с юга на север: со стороны ханьского Китая через живших к северу от него кочевников дальше к Саяно-Алтаю и за его пределы.

Также в эпоху хунну мы встречаем свидетельства культурных связей с запада на восток. Например, находки классических античных полихромных подвесок. В Туве они известны пока только на Ала-Тее и Терезине, т.е. во II–I вв. до н.э. Примерно в это же время они появляются и в Минусинской котловине, как в погребениях, так и в кладах [Вадецкая, 1999, с. 68, 173, рис. 87–88]. Из ярких и уникальных образцов далеких западных импортов в земли хунну можно назвать серебряный римский фалар с античным сюжетом из гробницы в Ноин-Уле [Полосьмак и др., 2011, с. 110–117] и римскую чашу из сине-белого стекла из погребения 2 кургана Гол Мод 2 в Монголии [Erdenebaatar et al., 2011, p. 311, fig. 11: 1]. Безусловно, эти редкие предметы проделали сложный путь, прежде чем оказались погребенными в курганах хуннской знати.

Характерным свидетельством движения исключительно хуннских предметов в обратном направлении, с востока на запад, являются находки таких необычных изделий, как инкрустированные и гравированные поясные пластины-пряжки из сибирского гагата. Из мест своего

Рис. 4. Бронзовые зеркала из АТ1/86 (1) и АТ1/112 (2).

Fig. 4. Bronze mirrors from АТ1/86 (1) and АТ1/112 (2).

изначального появления в Забайкалье они распространяются в Монголию, Туву, Минусинскую котловину и Маньчжурию, через оазисы Восточного Туркестана в Среднюю Азию и дальше до Нижнего Поволжья [Килуновская, Леус, 2020, с. 249–250].

Одним из материальных свидетельств западных (античных) импортов эпохи хунну в Туве являются золотые серьги с веточками кораллов, найденные в 2019 г. в погребении АТ1/112¹ на могильнике Ала-Тей 1.

Описание погребений

Погребение АТ1/112 изначально выглядело несколько необычно (рис. 1). Контуры могильной ямы округлой формы проявились практиче-

ски сразу под находившимся выше погребением АТ1/111, расположенным очень неглубоко, чуть ниже современной дневной поверхности. Вероятно, часть песчаной почвы здесь была смыта водохранилищем и развеяна типичными для этой местности сильными ветрами. Само по себе перекрытие одного погребения другим встречено на Ала-Тее впервые. С конца 1980-х гг. могильник Ала-Тей 1 большую часть года затоплен Саяно-Шушенским водохранилищем, поэтому стратиграфия погребений, особенно неглубоких, прослеживается не всегда. Тем не менее можно предполагать, что могильная яма АТ1/112 была с небольшим подбоем. Следов какого-либо внутримогильного сооружения обнаружено не было. На дне ямы была захоронена молодая женщина 20–25 лет, на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад. Слева за черепом стоял вазовидный сосуд с вертикальным лощением, волной по плечикам и сильно отогнутым венчиком (рис. 3:

¹ Здесь и далее сокращение названия памятника: АТ1 – Ала-Тей 1, Т – Терезин, через черту дробы номер объекта/погребения.

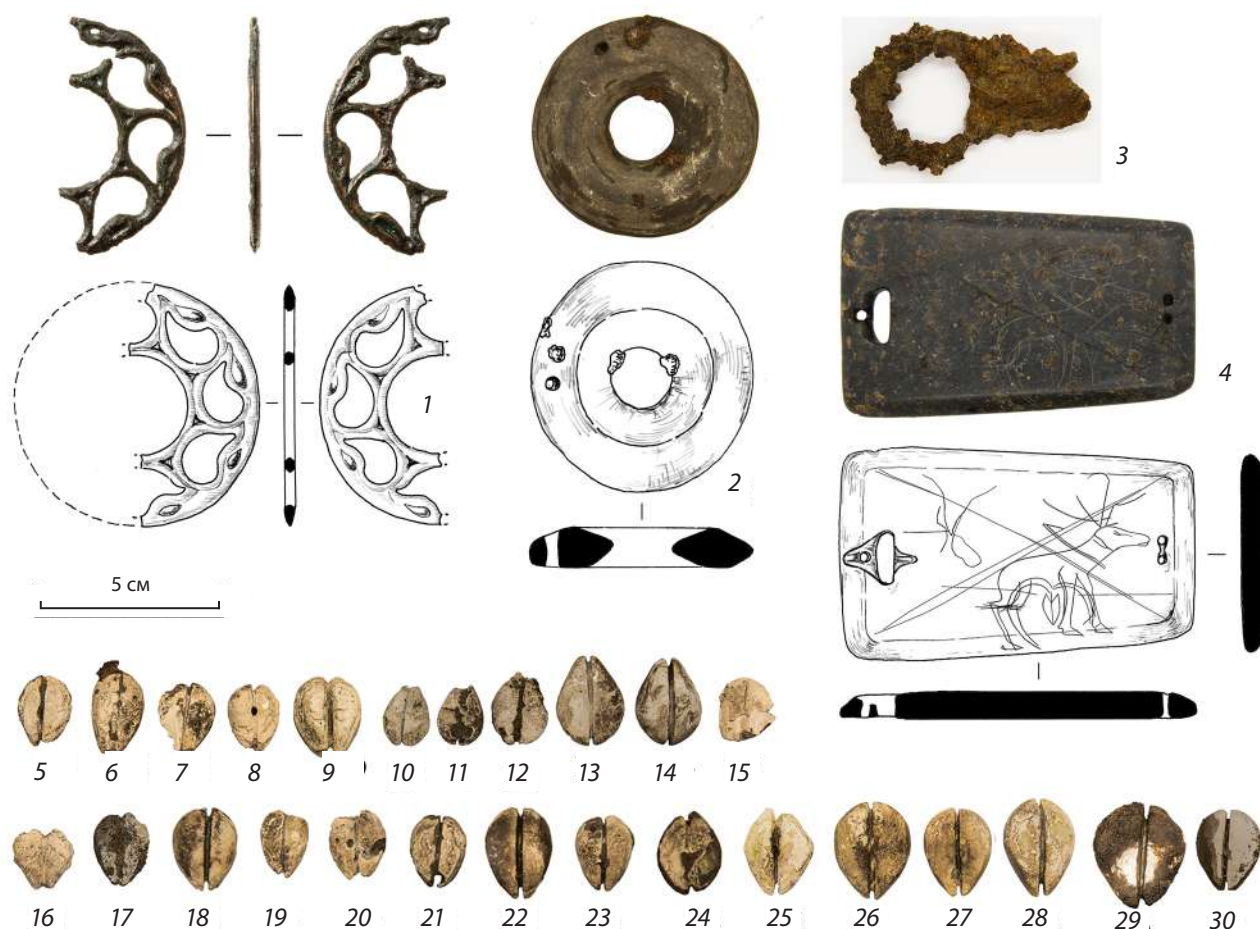

Рис. 5. Детали пояса из АТ1/112: 1 – бронза; 2, 4 – гагат; 3 – железо; 5–30 – камень.

Fig. 5. Belt details from AT1/112: 1 – bronze; 2, 4 – gagate; 3 – iron; 5–30 – stone.

1). Он был изготовлен на поворотной подставке, квадратный штамп от которой виден на дне. В ногах погребенной лежали кости косули – ноги и половина таза. На поясе найдена пряжка из сибирского гагата (богхэда) подтрапцевидной формы с гравированным изображением идущего оленя/лося (рис. 5: 4). За ним, возможно, еще одно идущее животное, но это пока остается предположением, т.к. пряжка довольно сильно исцарапана в процессе бытования. Размеры пряжки 10×6–4,5 см. К поясному набору относится каменное/гагатовое кольцо, бронзовое ажурное кольцо, бисер и 37 имитаций раковин каури, сделанных из мягкого белого камня – вероятно, ими была украшена лента ремня (рис. 5). На груди найдено бронзовое китайское зеркало, украшенное стилизованными фигурами драконов, пространство между которыми заполнено волутообразным орнаментом (рис. 4: 2). Такие зеркала датируются II в. до н.э. [Karlgren, 1941, p. 109–111, pl. 73: J15]. Справа на поясе остатки железного ножа.

Наиболее интересной находкой оказались золотые серьги с подвесками из веточек кораллов¹ (рис. 7: 1–3). Серьги сохранились на черепе *in situ*, возле угла нижней челюсти. Коралловая подвеска правой серьги сохранилась очень хорошо, т.к. находилась сверху, левая же оказалась под черепом, поэтому была сломана на несколько фрагментов. Размер целой подвески – 4,7×2,1 см. Вероятно, изначально она могла быть немного больше, но тонкие кончики коралловых веточек не сохранились. Цвет коралла белесый, видны темные фрагменты высохших мягких тканей. Можно предположить, что коралл был первоначально красного цвета, но обесцветился из-за воздействия неблагоприятной окружающей

¹ Исследование в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа показало, что подвески состоят из кальцита и представляют собой восьмилучевой коралл (*Octocorallia*), вероятно, близкий к благородному красному кораллу (*Corallium rubrum*), который традиционно используется для изготовления украшений.

Рис. 6. Детали пояса из АТ1/86: 4 – бронза; остальное – гагат.

Fig. 6. Belt details from AT1/86: 4 – bronze; the rest – gagate.

среды. Подобное описано в исследовании рамановской спектроскопией коралловых бус позднеримского времени в Германии: при длительном нахождении в земле их изначально красный цвет постепенно изменяется до оранжевых оттенков и далее, вплоть до матового или белого цвета, что может привести к неправильной идентификации материала [Gruber et al., 2019, s. 140]. Это вполне объясняет нередко встречающийся белесый цвет у коралловых бус и подвесок из погребений кочевников гунно-сарматского времени.

Золотые серьги из АТ1/112 представляют собой скрученное из одного куска проволоки кольцо с маленькой петелькой, куда, видимо, и крепились подвески. Конец проволоки, образующий петельку, расплюснен. На Ала-Тее пока представлены серьги только такого типа: в трех

погребениях – золотые и в десяти – бронзовые (рис. 8). На Терезине их пока не найдено. Соответственно, в данном случае традиционные для хунну Тувы серьги были украшены ценными привозными подвесками. Пока это единственная находка каких-либо подвесок для сережек на Ала-Тее, но она подтверждает назначение петельки. Вероятно, в других случаях использовались подвески из каких-то недолговечных органических материалов, до наших дней не сохранившиеся.

Единственным похожим погребением на Ала-Тее является объект АТ1/86 (рис. 2). Это захоронение пожилой женщины, также совершенное в простой грунтовой яме, на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад. Слева за головой погребенной стоял лепной керамический сосуд баночной формы с лощением и ямками под венчи-

Рис. 7. Украшения из АТ1/112 (1–5) и АТ1/86 (6–25). 1 – золотая серьга; 2, 3 – подвески из коралла; остальное – бусы.

Fig. 7. Adornments from AT1/112 (1–5) and AT1/86 (6–25). 1 – gold earring; 2, 3 – coral pendants; the rest – beads.

ком (рис. 3: 3), рядом с ним – вазовидный сосуд с вертикальным лощением и квадратным штампом на дне, изготовленный на поворотной подставке (рис. 3: 2). Венчик сосуда отсутствовал. Поверх сосудов была положена задняя нога косули в сочленении. За исключением одного бронзового колечка (рис. 6: 4), поясной набор был изготовлен из сибирского гагата. Это три маленькие прямоугольные бляшки, массивное кольцо и большая прямоугольная пряжка с гравированным рисунком, изображающим двух идущих горных козлов, в которых летят стрелы (рис. 6). Справа видны очертания лука со стрелой. К фигуре одного из козлов сверху вписано изображение лошади с вывернутым крупом. Размеры пряжки 18×9 см. Здесь же было найдено бронзовое зеркало с иероглифической надписью: «Когда смотрю на небо, всегда думаю о правителе». Такие зеркала датируются временем Западной Хань (II–I вв. до н. э.) (рис. 4: 1). На Ала-Тее 1 их найдено несколько штук. Кроме того, в погребении были две полихромные подвески, сердоликовые и стеклянные бусы, бисер (рис. 7: 6–25).

По погребальному обряду и инвентарю оба захоронения, несомненно, очень близки, отличаясь от большинства других и на Ала-Тее 1, и на соседнем Терезине. На Терезине есть погребение Т/28, где в грунтовой яме была захоронена женщина 45–50 лет, на левом боку с подогнутыми ногами, головой на север. Из инвентаря при ней была лишь уникальная длинная пряжка-пластина из кости, со сложным гравированным орнаментом.

По погребальному обряду и инвентарю оба захоронения, несомненно, очень близки, отличаясь от большинства других и на Ала-Тее 1, и на соседнем Терезине. На Терезине есть погребение Т/28, где в грунтовой яме была захоронена женщина 45–50 лет, на левом боку с подогнутыми ногами, головой на север. Из инвентаря при ней была лишь уникальная длинная пряжка-пластина из кости, со сложным гравированным орнаментом.

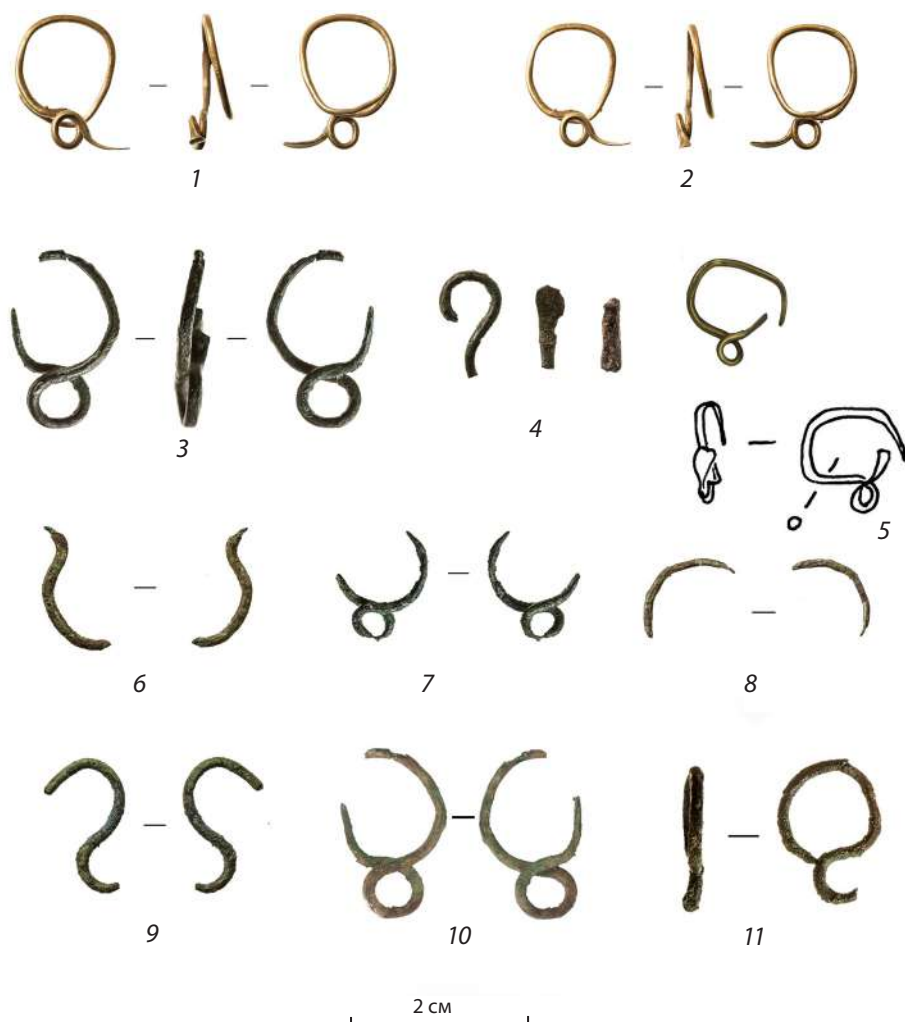

Рис. 8. Серьги из могильника Ала-Тей 1: 1–2 – АТ1/21; 3–4 – АТ1/29; 5 – АТ1/79; 6 – АТ1/35; 7 – АТ1/57; 8 – АТ1/50; 9 – АТ1/48; 10 – АТ1/29; 11 – АТ1/111. 1, 2, 5 – золото; остальное – бронза.

Fig. 8. Earrings from burial ground Ala-Tei 1: 1–2 – АТ1/21; 3–4 – АТ1/29; 5 – АТ1/79; 6 – АТ1/35; 7 – АТ1/57; 8 – АТ1/50; 9 – АТ1/48; 10 – АТ1/29; 11 – АТ1/111. 1, 2, 5 – gold; the rest – bronze.

том [Килуновская, Леус, 2021, с. 444–446]. Можно предполагать, что женщины из АТ1/86 и АТ1/112 относились к какой-то одной, возможно этнической, группе, отличающейся от большинства других погребенных здесь людей.

Золотые серьги с коралловыми подвесками-веточками, оказавшимися настолько далеко от мест их добычи, являлись, безусловно, редким и ценным предметом роскоши для той эпохи. Сами по себе бусы и пронизки из кораллов, как обработанных, так и простых небольших обрезков веточек, не являются редкостью в археологических памятниках рассматриваемой эпохи. Они известны в памятниках Причерноморья, в Средней Азии, в некоторых памятниках хунну в Монголии (например, бусы из могильника Алаг Толгой, где на одном ожерелье был фрагмент веточки коралла и треугольная полихромная под-

веска) [Treasures, 2011, p. 118, fig. 135]. В могильнике Даодуньцзы в Нинся, чрезвычайно близком по инвентарю к Ала-Тею и Терезину, также были подвески из обломков веточек коралла и золотые серьги того же типа, что и в Туве [Kost, 2014, p. 206, pl. 98: F, G]. Подробно находки украшений из кораллов в погребениях азиатской Сарматии рассматривались в недавней работе М.Ю. Трейстера [Трейстер, 2021, с. 340–393]. В основном это обработанные бусины или мелкие обломки веточек, изредка встречаются небольшие резные предметы, служившие навершиями или декоративными вставками. Серьги с крупными коралловыми подвесками найдены в двух погребениях чирикрабатской культуры в дельте Сырдарьи: погребальное здание Бабиш-Мулла 2 [Толстов, 1962, с. 166, рис. 94], мавзолей Чирик-2 [Вайнберг, Левина, 1993, с. 47, рис. 83: 70, 81].

Рис. 9. Девушка с коралловыми сережками. Реконструкция.

Fig. 9. A girl with coral earrings. Reconstruction.

Таким образом, серьги с подвесками из коралловых веточек найдены при раскопках буквально в единичных случаях. Красивый фрагмент тонкой ветки коралла относительно крупных размеров (4–5 см) с несколькими боковыми ответвлениями является предметом довольно хрупким и требующим особенно бережного отношения. Это делало такие серьги ценным товаром в древности и редкой археологической находкой в наше время. При неподходящей почве и вообще окружающих условиях, при каком-либо повреждении захоронения, даже незначительном перемещении такого изделия в земле шансы найти его в целом виде или в более или менее крупных фрагментах невелики. Фрагменты таких веточек можно принять за несохранившуюся органику или остатки бус и пронизок из другого материала.

Заключение

Крупные веточки коралла с несколькими ответвлениями можно считать редким украшением эпохи хунну, уникальным не только для Тувы, но и для большинства других регионов. Их количество могло быть несколько большим, но хрупкость материала не всегда позволяет ему сохраниться или быть правильно идентифицированным при раскопках.

Вероятнее всего, они попали в Туву из Средиземноморья, проделав непростой и длинный путь. Это могло быть движение условно с запада на восток по одному из маршрутов Великого шелкового пути, т. е. через Среднюю Азию и Синьцзян до северных границ ханьского Китая и оттуда дальше на север, на территорию Монголии, Тувы, Минусинской котловины и т. д. Как мы уже

писали, предметы античных импортов в погребениях хунну Монголии и Саяно-Алтая известны. В этот же ряд следует поставить и серьги с коралловыми подвесками из Ала-Тей. В то же время на примере пластин-пряжек из сибирского гагата мы видим очевидное движение хуннских вещей по тому же пути в обратном направлении, т. е. с востока на запад. Поэтому такой маршрут подвесок из кораллов, полихромных бус и других товаров эллинистической цивилизации на восток кажется сейчас вполне вероятным и логичным. Северные провинции империи хунну оказываются и крайними северными точками на маршрутах Шелкового пути.

Благодарности

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

Литература

- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М.** Чирикратская культура. М.: ИЭА РАН, 1993. 130 с.
- Килуновская М.Е., Леус П.М.** Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // Археологические вести. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Килуновская М.Е., Леус П.М.** Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 97–125.
- Килуновская М.Е., Леус П.М.** Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв. до н.э. в Туве // Археологические вести. 2020. Вып. 30. С. 223–253.
- Килуновская М.Е., Леус П.М.** Датировка памятников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 79–92.
- Килуновская М.Е., Леус П.М.** Костяные пластины-пряжки эпохи хунну в Туве // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 430–448.
- Кызласов Л.Р.** О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 115–124.
- Леус П.М.** Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург, Тезисы. Вторая Всероссийская конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. Санкт-Петербург, 10–14 декабря 2018 года. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 117–123.

- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.** Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196–205.
- Николаев Н.Н.** Планиграфия могильника Бай-Даг II (Planigraphy of Bay-Dag II cemetery) // Степи Евразии в древности и Средневековье. Кн. II. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 260–262.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д.** Двадцатый Ноин-Улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
- Таскин В.С.** Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М.: Наука, 1968. 177 с.
- Толстов С.П.** По древним дельтам Окса и Яксарты. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. 324 с.
- Трейстер М.Ю.** Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами // Вестник древней истории. 2021. Т. 81, вып. 2. С. 340–393.
- Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaatar S.** Excavations of satellite burial 30, tomb 1 complex, Gol Mod 2 necropolis // U. Brosseder and B.K. Miller (Eds.). Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol.5. Bonn: VFG-Arch Press, 2011. Pp. 303–314.
- Gruber C., Hüdepohl S., Mach M.** Korallenperlen aus den spätrömischen Gräberfeldern von Guntia / Günzburg und ihre archäometrische Analyse mittels Raman-Spektrometrie // Berichte der Bayerischen Bodendenkmalpflege, 60. München, 2019. S. 129–147.
- Karlgren B.** Huai and Han. Stockholm, 1941. 128 pp., 80 pl. (Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, 13).
- Kost C.** The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th-1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. 401 pp.
- Treasures of the Xiongnu.** Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia. Catalog. Ulaanbaatar, 2011. 296 pp.
- khemskei kul'tury v Tuve.** *Arkheologicheskie vesti.* 2018. Vyp. 24. Pp. 125–152.
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M.** Azhurnye bronzovye pryazhki epokhi khunnu v Tuve. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya.* 2020. № 1 (25). Pp. 97–125.
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M.** Pryazhki iz sibirskogo gagata v pogrebeniyakh epokhi khunnu II–I vv. do n.e. v Tuve. *Arkheologicheskie vesti.* 2020. Vyp. 30. Pp. 223–253.
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M.** Datirovka pamyatnikov epokhi khunnu Ala-Tei 1 i Terezin v Tuve. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya.* 2021. № 1 (29). Pp. 79–92.
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M.** Kostyanye plastiny-pryazhki epokhi khunnu v Tuve. In: Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii. St. Petersburg: IIMK RAN, 2021. Pp. 430–448.
- Kost C.** The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th-1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. 401 pp.
- Kyzlasov L.R.** O pamyatnikakh rannikh gunnov. In: Drevnosti Vostochnoi Evropy. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 115–124.
- Leus P.M.** Kitaiskie bronzovye zerkala iz mogil'nikov Ala-Tei i Terezin v Tuve. In: Drevnie kul'tury Tsentral'noi Azii i Sankt-Peterburg, Tezisy. Vtoraya Vserossiiskaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Danilovicha Gracha, Sankt-Peterburg, 10–14 dekabrya 2018 goda. St. Petersburg: IIMK RAN, 2018. Pp. 117–123.
- Mandel'shtam A.M., Stambul'nik E.U.** Gunno-sarmatskii period na territorii Tuvy. In: Stepnaya polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 196–205.
- Nikolaev N.N.** Planigrafiya mogil'nika Bai-Dag II (Planigraphy of Bay-Dag II cemetery). In: Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Kn. II. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova. St. Petersburg: Izd-vo GE, 2003. Pp. 260–262.
- Polos'mak N.V., Bogdanov E.S., Tseveendorzh D.** Dvadsatyi Noin-Ulinskii kurgan. Novosibirsk: INFO-LIO, 2011. 184 pp.
- Taskin V.S.** Materialy po istorii syunnu (po kitaiskim istochnikam). Vyp. 1. Moscow: Nauka, 1968. 177 pp.
- Tolstov S.P.** Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. Moscow: Izd-vo vostochnoi lit-ry, 1962. 324 pp.
- Treasures of the Xiongnu.** Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia. Catalog. Ulaanbaatar, 2011. 296 pp.
- Treister M.Yu.** Korallovyie ukrasheniya i elementy dekora v yuvelirnykh izdeliyakh i predmetakh torevтики iz pogrebenii kochevnikov Aziatskoi Sarmatii v kontekste trgovli ekzoticheskimi materialami. *Vestnik drevnei istorii.* 2021. T. 81, vyp. 2. Pp. 340–393.
- Vadetskaya E.B.** Tashtytskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 440 pp.
- Vainberg B.I., Levina L.M.** Chirikrabatskaya kul'tura. Moscow: IEA RAN, 1993. 130 pp.

References

- Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaatar S.** Excavations of satellite burial 30, tomb 1 complex, Gol Mod 2 necropolis // U. Brosseder and B.K. Miller (Eds.). Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol.5. Bonn: VFG-Arch Press, 2011. Pp. 303–314.
- Gruber C., Hüdepohl S., Mach M.** Korallenperlen aus den spätrömischen Gräberfeldern von Guntia / Günzburg und ihre archäometrische Analyse mittels Raman-Spektrometrie // Berichte der Bayerischen Bodendenkmalpflege, 60. München, 2019. S. 129–147.
- Karlgren B.** Huai and Han. Stockholm, 1941. 128 pp., 80 pl. (Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, 13).
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M.** Novye materialy ulug-

DOI: 10.52782/KRIL.2022.1.33.004

ИССЛЕДОВАНИЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ КОРАЛЛА

И. А. Григорьева, С. В. Хаврин, К. С. Чугунова
Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д.34, Санкт-Петербург, 190000, Россия;
email: sergekhavrin@yandex.ru

STUDYING THE CORAL ADORNMENT

I. A. Grigoreva, S. V. Khavrin, K. S. Chugunova
The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Naberezhnaya, Saint-Petersburg, 190000, Russia;
email: sergekhavrin@yandex.ru

Украшение состоит из нескольких фрагментов веточек коричневого цвета (рис. 1). В местах отслоения верхнего слоя обнажилось вещество белого цвета. При исследовании под микроскопом (оптический микроскоп Leica M60; Stemi 508, Zeiss) хорошо заметен искусственный характер отверстий для подвешивания веточки и слоистая структура вещества. Фрагментированность артефакта несколько упростила его исследование.

Рентгенофлюоресцентный анализ (μXRF-спектрометр ArtTAX, Brüker) показал преобладание в спектре кальция и стронция. Далее исследование проводилось на сканирующем электронном микроскопе (СЭМ, EVO-MA-25, Zeiss) с применением рентгеноспектрального микроанализа (PCMA, SEM-EDS, Oxford Instruments X-Max^N 80). Фотографии, полученные на СЭМ (рис. 2), выявили морфологию, соответствующую структуре коралла.

Основу экзоскелета кораллов составляют кальцит и арагонит. Арагонит – минерал, один из естественных полиморфов карбоната кальция (CaCO₃), нестабильная фаза кальцита (CaCO₃). Кальцит имеет мелкозернистую структуру, арагонит образует радиально-лучистые агрегаты

Рис. 1. Находки из могильника Ала-Тей 1.
Fig. 1. Finds from burial ground Ala-Tei 1.

волокнистых (игольчатых) кристаллов [Рид, 2008, с. 67, рис. 4, 7]. Судя по гемологической литературе, скелет коралла на 85 % состоит из карбоната кальция. Оставшиеся 15 % – карбонат магния, окислы железа, марганца и органические остатки. От этих примесей и их количества зависит цвет коралла. Полученный химический состав (табл. 1) хорошо согласуется с литературными данными.

Табл. 1. Химический состав кораллов (PCMA)¹.
Tab. 1. Chemical composition of the corals (X-ray spectral microanalysis).

Вес. % оксида	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	K ₂ O	CaO	MnO	FeO	SrO
	0,5±0,1	3,9±0,7	1,9±1,0	1,4±0,5	3,1±2,0	1,3±0,3	<0,1	86,0±1,5	0,3±0,2	1,3±0,4	0,4±0,1

¹ Результаты измерения содержания углерода в данной таблице отсутствуют.

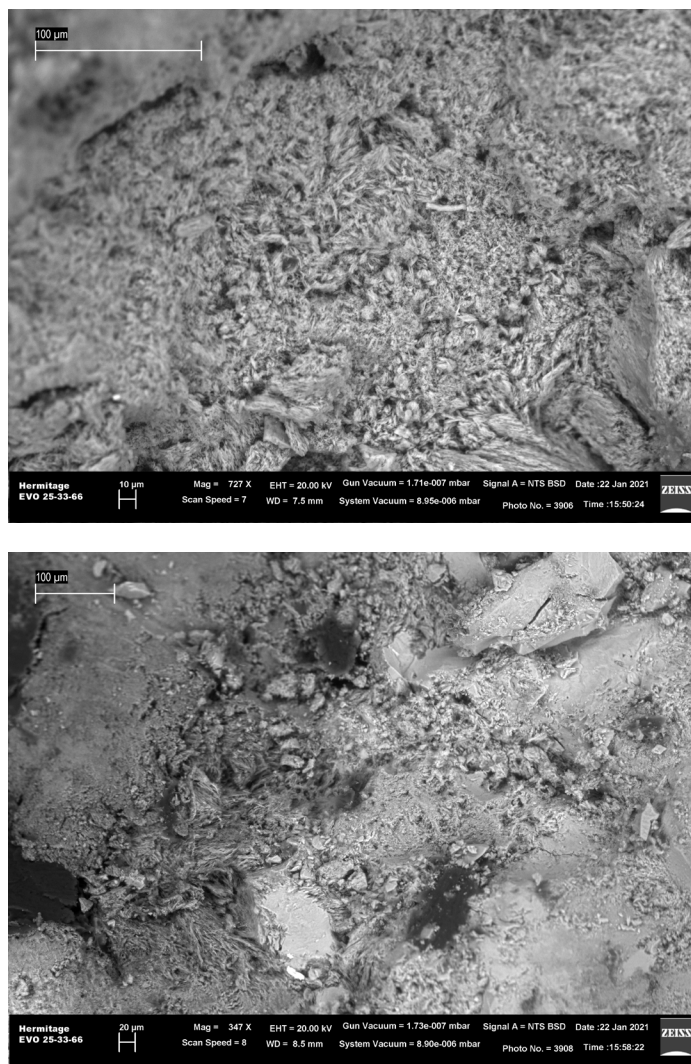

Рис. 2. Морфология образца на фотографиях сканирующего электронного микроскопа.

Fig. 2. Morphology of the sample in the photo of the scanning electron microscope.

Для уточнения молекулярного состава нами использована инфракрасная Фурье-микроспектроскопия (ИК-Фурье спектрометр Tensor 37 с микроскопом Nupreion 1000). В результате этого исследования установлено, что в ИК спектре преобладают полосы поглощения, характерные для карбоната кальция (но не в виде арагонита). Кроме того, присутствуют полосы поглощения, относящиеся к органическим соединениям.

РСМА и ИК спектроскопия не предназначены для определения кристаллической решетки и фазового состава. Строго говоря, с помощью данных методов невозможно отличить кальцит и арагонит, т.к. они идентичны по элементному и молекулярному составу.

Определение полиморфного типа карбоната кальция проводилось методом спектроскопии комбинационного рассеяния света (КРС, КР

микроскоп Senterra, Brüker). Выяснено, что скелет исследуемого коралла содержит карбонат кальция в виде кальцита. Это не согласовывалось с данными гемологических источников о преобладании в экзоскелете кораллов арагонита. Поэтому на следующем этапе была получена консультация у специалиста по кораллам – доктора биологических наук А.Н. Островского: «Ваша находка – это современный (с точки зрения геологии. – *авт.*) восьмилучевой коралл (*Octocorallia*), очевидно, близкий к красному кораллу (*Corallium rubrum*), который традиционно используется для изготовления украшений. На фото видны обнажившийся осевой известковый скелет (светлый) с характерной продольной исчерченностью и темные фрагменты высохших мягких тканей. Арагонит является основным элементом скелета шестилучевых кораллов (*Hexacorallia*), тогда как у подавляющего большинства восьмилучевых кораллов скелет состоит из кальцита и лишь у немногих – из арагонита [Conci, Vargas, Wörheide, 2021]».

Таким образом, в результате проведенных исследований выявлено, что в погребении эпохи хунну могильника Ала-Тей 1 найдена веточка коралла. Он не является ископаемым кораллом и относится к подклассу восьмилучевых кораллов (*Octocorallia*).

Литература

Рид С.Дж.Б. Электронно-зондовый микроанализ и растровая электронная микроскопия в геологии. Москва: Техносфера, 2008. 232 с.

Conci N., Vargas S., Wörheide G. The Biology and Evolution of Calcite and Aragonite Mineralization in *Octocorallia* // *Frontiers in Ecology and Evolution*. February 2021. Vol. 9. Article 623774. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fevo.2021.623774/full>

References

Rid S. Dzh. B. Elektronno-zondovyi mikroanaliz i rastrovaya elektronnaya mikroskopiya v geologii. Moscow: Tekhnosfera, 2008. 232 pp.

Conci N., Vargas S., Wörheide G. The Biology and Evolution of Calcite and Aragonite Mineralization in *Octocorallia* // *Frontiers in Ecology and Evolution*. February 2021. Vol. 9. Article 623774. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fevo.2021.623774/full>

THE PHENOMENON OF THE MEDIEVAL SAYAN-ALTAI SMALL ARTISTIC METALWORK AND THE 'RIDDLES' OF I. P. TOVOSTIN'S COLLECTION (HELSINKI)

G. G. Korol

*The Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 19 Dm. Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russia;
email: ggkorol@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4331-5980*

The phenomenon of flourishing decorativeness, primarily, of horseman belt ornaments (non-ferrous small artistic metalwork), in the late 1st – early 2nd millennium is associated with the period of 'expansion' of the Kyrgyz Khaganate and the extensive contacts of the Yenisei Kyrgyz in Inner Asia. The analysis of the main themes of décor and semantics of some motifs makes it possible to identify the layer of the most popular designs and images connected with the influence of 'foreign' religions – Manichaeism and, possibly, Buddhism. Many motifs were borrowed and became popular due to adaptation to the perception of locals based on their traditional concepts. Objects (chance finds) of I. P. Tovostin's collection (the Finnish Heritage Agency, Helsinki) come from the Minusinsk Basin (the Middle Yenisei), the original territory of the Yenisei Kyrgyz culture. The collection reflects not only almost the entire range of ornamentation forms and main themes of décor in the Sayan-Altai art, but also some hallmarks of small artistic metalwork as a whole. Two unique objects were revealed in the collection: a belt end plaque with a composition of Buddhist images and a sprue for casting earrings of a specific shape. The paper presents their analysis and evaluates their significance for studying contacts and influences, as well as local non-ferrous metalworking.

Keywords: Sayan-Altai, Inner Asia, early Middle Ages, small artistic metalwork, I. P. Tovostin's collection.

ФЕНОМЕН СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ МАЛЫХ ФОРМ САЯНО-АЛТАЯ И «ЗАГАДКИ» КОЛЛЕКЦИИ И.П. ТОВОСТИНА (ХЕЛЬСИНКИ)

Г. Г. Король

*Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; email: ggkorol@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-4331-5980*

Феномен расцвета декоративности преимущественно ремennых украшений (торевтики малых форм, изготовленной из цветного металла) всадника в конце I – начале II тыс. связан с периодом экспансии Кыргызского каганата и обширнейших контактов енисейских кыргызов в Центральной Азии. Анализ структуры декора и семантики некоторых мотивов позволяет выделить пласт наиболее популярных мотивов и образов, связанных с влиянием «пришлых» религий – манихейства, возможно, буддизма. Многие мотивы воспринимались и становились популярными, адаптируясь к восприятию на основе местных традиционных представлений. Предметы (случайные находки) из коллекции И.П. Товостина (Museovirasto, Хельсинки) из Минусинской котловины Среднего Енисея, территории первичного развития культуры енисейских кыргызов, отражают не только почти весь спектр форм украшений и структуры декора в искусстве Саяно-Алтая, но и некоторые характерные особенности торевтики малых форм в целом. В коллекции выявлено два уникальных предмета, неизвестных по публикации А.М. Тальгрена 1917 г. Это ремennая накладка с образами буддийского содержания и литник для отливки серег характерной формы. Даны их анализ и оценка важности для изучения вопросов контактов и влияний, а также местной цветной металлообработки.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, Внутренняя Азия, раннее Средневековье, торевтика малых форм, коллекция И. П. Товостина.

1. Introduction

In the early Middle Ages, the so-called small-form toreutics, namely, artistic products of non-ferrous

metal represented mostly by the horseman belt set, was a widespread category of material culture among different peoples in the Sayan-Altai and adjacent territories. Ornamentation for a horse, horseman and

Fig. 1. The Sayan-Altai and adjacent territories. Geographic map.

horse-riding gear had various forms in the ‘Turkic fashion’, which penetrated many cultures of the Eurasian steppe¹. The cast objects were decorated with various images and motifs in the style of the so-called steppe ornamentalism or ‘ornamentalism of the new steppe style’ [Fedorov-Davydov, 1976, p. 62]. The new style became popular in the steppe Eurasia in the last quarter of the 1st millennium. It is represented by an impressive ornamentation of military equipment with a predominance of vegetative décor, which mainly tends to geometrization. This implies a secondary role of zoomorphic and other images. The style of decorating the frontal surface of such objects is the hallmark of the period. For that time, it is possible to clearly observe both the general stylistics of the Eurasian ‘steppe ornamentalism’ and regional features not only at the level of, e.g. ‘the mountain-steppe Sayan-Altai’ (Fig. 1), but also at the level of ‘territorial units’ distinguished within the region. The latter, apparently, can be related to the political units in this territory: the Kyrgyz in the east of the region (the Sayan), the Kimak and the Qipchaq in the west (Altai; the Upper Irtysh Region in Eastern Kazakhstan).

The principal sources for studying small artistic metalwork are series of museum objects and archaeological finds. The collection of objects from the late 1st – early 2nd millennium that come from the Sayan-Altai and adjacent regions is significant in its amount including more than two thousand objects known to the author.

‘Archaeological’ finds (collections) refer to material obtained from scientific excavations that provide significant additional information for the interpretation and dating of objects owing to the

context of their acquisition. ‘Museum’ objects (collections) include chance finds donated to museums and museum purchases of such finds, both individual items and private collections, etc. Such objects are usually devoid of an archaeological context. The collection of antiquities from the Minusinsk Region on the Middle Yenisei by I.P. Tovostin (the Finnish Heritage Agency (*Museovirasto*), Helsinki) belongs to the second category.

Numerous finds of similar objects in the western part of the region (the Altai Mountains and the foothills of Altai, including the Rudny Altai and Upper Irtysh Regions) as well as in the Kuznetsk Depression come mainly from inhumations studied by archaeologists. The accompanying grave goods are often dated reliably. Materials obtained in the 18th–19th centuries have been partially published or, otherwise, are known from the collected drawings [Korol, 2008, Appendix 10]. Not uncommonly, such materials come from destroyed or looted burials. In the eastern part of the region, in the Upper and Middle Yenisei regions, the situation is similar. In the Upper Yenisei (in Tuva), research has been conducted since the 20th century by systematic excavations of specialists, who have the opportunity to date and attribute the finds more accurately.

For the Middle Yenisei region, material comes both from excavations (a small proportion) and chance finds (most of it), which is largely associated with the burial rite – cremation and burial of the accompanying inventory shallow from the surface, sometimes almost under the sod. Natural features of the region caused the conditions for the destruction of such burials. It is common knowledge that after heavy rains, winds and sandstorms, one could collect archaeological material of different periods from the surface of sand dunes until recently. This review of the conditions of obtaining small metal objects makes it possible to explain a certain conventionality in the dating of such ‘mass’ finds from the Middle Yenisei region, mostly by the late 1st – early 2nd millennium.

One of the largest among the collections of chance finds of the small artistic metalwork from the Minusinsk Basin is I.P. Tovostin’s collection. The collector divided it before selling: one part ended up in the State Hermitage Museum, St. Petersburg (Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, No. 3975), the other one was acquired by the National Museum of Finland (now kept in the Finnish Heritage Agency, KM 7267).

¹ For the map of the Eurasian steppe zones, see: [Bellezza, 2020b, Map 1].

Early medieval decorated ornaments of the Sayan-Altai made of non-ferrous metals have been studied mainly by regions based on traditional archaeological methods of classification, systematization, comparative typology, chronology, and general cultural approach [Kiselev, 1949; Fedorov-Davydov, 1976; Kyzlasov and Korol, 1990; Khudyakov, 1998; Klyashtorny and Savinov, 2005; Korol, 2008] or as part of studying particular sites where such ornaments were found [Savinov et al., 1988; Mogilnikov, 2002; Khudyakov, 2004; Ilyushin, 2021], as well as within studies of certain types of objects and their décor [Tallgren, 1917; Fettich, 1937; Leont'ev, 1988; Borisenko and Khudyakov, 2008; Korol, 2019b]. In recent years, attention has been paid to metal composition¹ as part of a comprehensive method for studying archaeological material [Gorbunova et al., 2009; Korol and Kon'kova, 2012; Gorbunov and Tishkin, 2019].

The phenomenon of early medieval Sayan-Altai small artistic metalwork is considered in the article on the basis of the previous analysis of the material [Korol, 2008]. Certain objects of a part of Tovostin's collection have been examined earlier [Tallgren, 1917; Fettich, 1937]. There are several short publications in the Russian literature, but this paper presents a new and deeper study in certain aspects. The study, which was conducted at the intersection of archaeology, ethnography and art history, is based on an integrated approach to the research on archaeological material. In addition to traditional for archaeology methods of description, image analysis, classical typology and dating, the specificity of the source requires its interpretation, which entails the involvement of ethnography with a focus on the search for individual prototypes of modern surviving forms. Moreover, methods of art history make it possible not only to evaluate the aesthetic aspect of the images on the objects under study, but also to apply iconographic analysis. The small size of one of the items from among the 'riddles' of I.P. Tovostin's collection requires the detailed description of its composition décor for the sake of iconographic analysis. Thus, the details of the image on it are not always obvious for adequate perception. In this regard, the author considered it necessary to examine all the particulars, which allowed conducting the detailed iconographic analysis, identifying analogies and suggesting the best option for assessing the composition. An analysis of the technological features of the object and analogy were the basis for its dating.

¹ It should be noted that the composition of non-ferrous metal belt ornaments was of interest to researchers as early as in the late 19th century [Radlov, 1989, p. 467].

The article considers the early medieval small artistic metalwork in Tovostin's collection (the particular) as a reflection of several important features of this type of Sayan-Altai ornaments (the whole) in conjunction with an in-depth analysis of the collection 'riddles' identified by the author. Research tasks include the following: a) to describe in brief the main decorative themes of Sayan-Altai small artistic metalwork from the chronological period in question, as well as the semantics of a number of motifs including borrowed motifs-symbols, which were essentially foreign to owners of belts and some other non-ferrous metal ornaments; b) to analyze the décor of the most interesting objects in the collection of I.P. Tovostin as reflecting characteristic features of the whole (all objects of Sayan-Altai small artistic metalwork) in the particular; c) to discuss the 'riddles' of I.P. Tovostin's collection, namely, two objects that have not previously attracted the attention of other researchers. One of these objects is interesting in terms of foreign symbolic motifs and the variety of contacts and cultural influences, while the other one is worth discussing in terms of the locations where ornaments were produced.

2. Main themes of the décor of Sayan-Altai small artistic metalwork

In the ornamentation (décor) of the objects under consideration, the vegetative (floral) type prevails. The rest of the types – geometric, zoomorphic, including ornithomorphic, and anthropomorphic – make up an insignificant proportion even collectively, although there are areas in the Sayan-Altai and adjacent territories (for example, the northwestern foothills of Altai and the Upper Irtysh Region), where zoomorphic décor is extremely popular. The range of the elements and motifs is overwhelmingly borrowed from the artistic traditions of the Middle East, Central Asia, Eastern Turkestan, and China. These borrowings are quite meaningful in accordance with the traditional worldview, beliefs, and mythology of the local population of the Sayan-Altai. In addition, they complied with tastes of the owners of belt ornaments and other items of small artistic metalwork.

2.1. Vegetative décor

The main feature of the décor – the variety of artistic peculiarities – is manifested in a set of motifs and compositions of the predominant vegetative type. The vegetative code (especially variations of the 'tree of life') is notable, for it is most closely connected with the special role of the vegetative code and the

tree as its absolute in the Turkic culture, with the worldview of the Turks reflected in their mythology and rituals [Sagalaev and Oktyabr'skaya, 1990, p. 43–63; Sagalaev, 1991].

In addition to the trefoils, palmettes, symmetrical shoots, flowers, flower rosettes, etc., common for any floral ornament, special motifs are also present. Among them are 'bunches and vines'. Another 'special' motif is related to Buddhist art. It is a 'fig flower'. The motif is widespread in the early medieval paintings of cave monasteries, including the Manichean ones, of the Turfan oasis in Eastern Turkestan. There are different variants of iconography, some of them are identical to those found in the décor of small artistic metalwork of the Sayan-Altai, where the motif is one of the most popular [Korol, 2008, p. 158–161]. I.P. Tovostin's collection also includes an object with a similar motif as a centre of the vegetative composition (KM 7267: 483). We mention this object in the paper as it has not been published earlier. Such a composition is among the 'serial' (identical) ones, widespread in the Sayan-Altai Region.

2.2. Geometric décor

In addition to the elements of rectilinear and curvilinear ornaments that are common and widespread among many peoples in their decorative art of different periods, with the predominance of curvilinear motifs (sometimes in combination with vegetative ones), this type of décor also includes motifs associated with Buddhist art. This is a jewel, a pearl (Skt. *cintamani*)¹ – the Buddhist sign of the Trinity of Buddha – widespread in the Tang art of China. In the small artistic metalwork of the Sayan-Altai, this symbol could have not only the meaning of benevolence, like many others, but could also be related to the heavenly vital forces in accordance with traditional beliefs. Another motif-symbol² is the 'endless knot'; in later art, it was perceived as the 'happiness knot'.

2.3. Zoomorphic décor

The set of motifs of the zoomorphic series is also diverse in the considered décor. The number of finds is much less than the number of objects with vegetative ornaments. Nevertheless, zoomorphic motifs are well represented, they are especially popular in the Middle and Upper Yenisei Region (one set of motifs) and in the Rudny Altai, including the Upper Irtysh region

(another set of motifs). In general, the zoomorphic code (compositions are often accompanied by floral motifs) includes both ordinary representatives of the fauna and fantastic animals [Korol, 2008, Tab. 16]. Among them are deer images, including mythical (winged) ones.

The connection of the most ancient cosmogonic ideas with the image of a deer (elk) is a feature of the worldview of the Siberian peoples. It is possible that some images of deer or doe, especially with the 'lotus flower' shown as the base on which the animal is standing, go back to Buddhist art [Korenyako, 2002, p. 174].

Another motif, widespread in Buddhist iconography and in East Asian art in general, is represented in the image of a polymorphic feline-canine predator: a winged dog-lion, a heavenly dog *Shi Tsa* semantically ascending to the 'lion of Buddha'. Characteristic iconographic features of its image are well known and described in detail [Korenyako, 2002, p. 28, 116, 117]. This motif is one of the few leading 'to the east' in search of its origin. It is well known in China, where it appeared under Indian influence along with Buddhism [Mazurina, 2009]. The pictorial elements of the zoomorphic motif in the décor under consideration have definitely 'oriental' origins, but much was changed in it in the Sayan-Altai to comply with the regional traditional ideas about the mythical dog, which largely resembles the real one.

The set of zoomorphic motifs includes the image of paired fish. The origin of the motif itself and pendant jewelry of the same shape goes back to ancient Chinese art. It has been popular there to the present day. A pair of gold fish is also a common Buddhist symbol of happiness and unity.

2.4. Ornithomorphic motifs

Birds are represented by mythical phoenixes, as well as roosters, small birds, and specifically a lot of ducks and geese, including 'flying' images with their wings wide open. The motif of a flying bird has deep local roots among the Siberian peoples; the special place of waterfowl in the mythology of the Turks is well known.

Mythical phoenixes as a décor motif came to the region in question, apparently, through Eastern Turkestan, together with a number of other bright decorative motifs. Some particularly high-quality samples could come directly from China. Cockerels of various kinds are widespread in the Middle East and Central Asia, although the motif is also known in China. The author assumes that variants of this bird species (depicted as a cockerel) in the art of the

¹ For several meanings of this symbol, see: [Williams, 1960, p. 436].

² For its meanings, see: [Williams, 1960, p. 289].

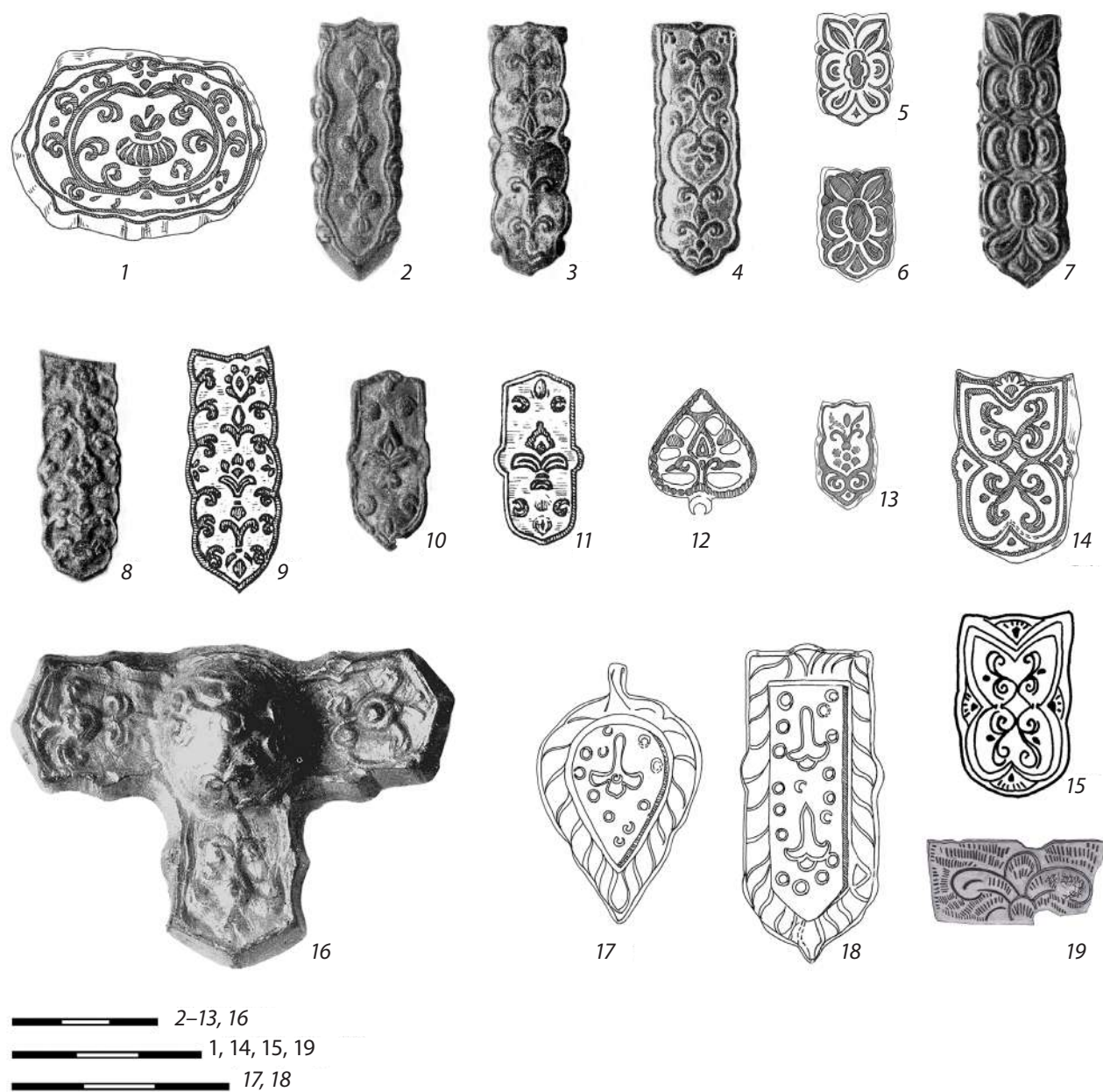

Fig. 2. The collection of I.P. Tovostin. Examples of vegetative décor on small artistic metalwork and analogies (9, 11, 15). Photos – after: [Fettich, 1937, Taf. XIX]; 9, 11 – after: [Kyzlasov and Korol, 1990, Fig. 61: 2, 7]; 15 – after: [Korol and Kon’kova, 2009, Fig. 1: 7].

Sayan-Altai are associated with cultural influences from the west (through Central Asia).

2.5. Anthropomorphic images

This type of décor in small artistic metalwork is represented predominantly by pendants with the image of a human (male) face or mask-faces. The most notable images are those that convey portrait features of a human face. It is particularly typical for the Sayan-Altai. In general, the appearance of images of this group, including the careful elaboration

of a number of details, is closest to those on heart-shaped plaques with vegetative décor. Their faces are regarded as anthropomorphic, as a variant of a conventional collective portrait. The semantic basis of such images poses a question. A group of authors [Baypakov et al., 2016] in their study focused on Tengrianism as a worldview (belief) and a lifestyle of the Turkic-Mongolian nomads of the Eurasian steppes consider many of its aspects, including the funeral and memorial tradition.

Anthropomorphic and plot images are represented by single objects. Their mostly borrowed iconography

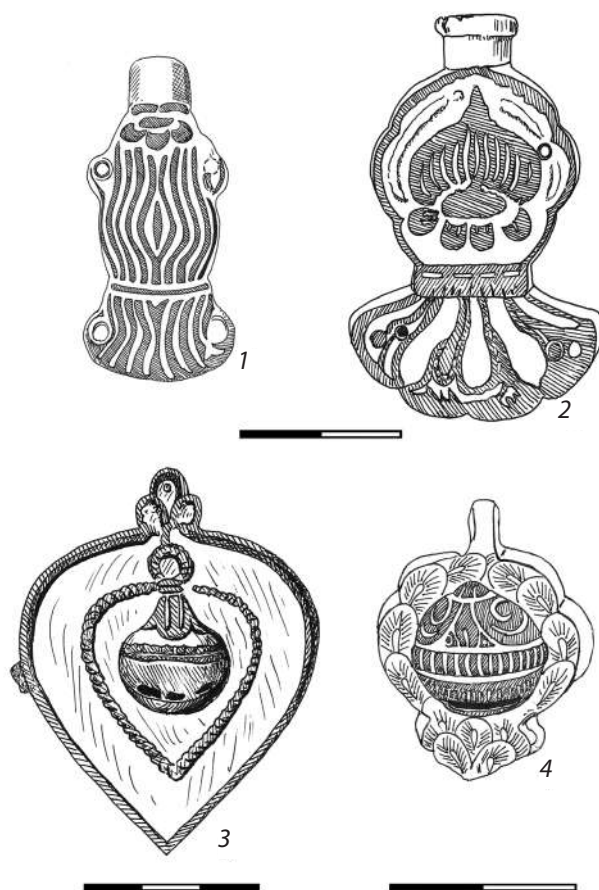

Fig. 3. Examples of the geometric décor with floral elements.

and semantics have been studied in detail [Korol, 2008, p. 73–94]. The analysis of semantics testifies to their conformity with the traditional worldview, as well as the prevailing floral decoration in general. It can be stated that plot images found in the Sayan-Altai Region are not accidental.

Figures of horsemen can also be attributed to anthropomorphic images [Korol, 2008, p. 85–94, 125–136]. It is worth noting the synthesis of cultural traditions with borrowed decorative elements revealed by the studies. The iconography of the details shows the influence of the art of the Middle and even the Near East, Central Asia, and Eastern Turkestan. It largely agrees with the conclusions reached upon studying some other types of décor. The popularity of borrowed motifs and décor images was primarily due to the contiguity of many of them to the traditional worldview, beliefs, mythology of the Turkic-speaking and other population of the Sayan-Altai Region. In addition, the recorded influences of ‘alien’ religions – Manichaeism [Kyzlasov, 1998, 1999] and, possibly, Buddhism [Kiselev, 1949, p. 347, 348] – gave the Turks

additional forms and the possibility to use borrowed means [Leont’ev, 1988] for the visual expression of their own worldview. The policy of khagans made a diverse arsenal of artistic means of different peoples available not only through captured trophies, trade, gifts and tributes, but also through the attraction of foreign artisans.

3. The collection of I. P. Tovostin

3.1. History of the collection

The coppersmith-caster and buyer of antiquities, I. P. Tovostin started forming his collection containing various objects of different historical periods of antiquity in the late 1870s. Initially, he bought objects from peasants for reselling and later he himself became a collector of ancient things. The selling of the collection was studied based on archival documents and described in detail [Devlet, 1965; Kuzminykh et al., 2016]. In 1916, the main part of the collection (more than 1050 items) was sold to the Historical (since 1918 National) Museum of Finland.

The collection contains 660 bronze objects from different periods. A. M. Tallgren published over 300 objects [Tallgren, 1917]. Among the published items were the examples from the circle of medieval artistic bronze ornaments for belts and other horsemen gear dating to the turn of the 1st–2nd millennia. Like other items of this period in the collection, they fully correspond to the broad variety of decorative small artistic metalwork of the Sayan-Altai and adjacent territories yielding a certain sample that gives a general idea of the entirety. It was no wonder that A. M. Tallgren selected them for publication. Their meaning was clear, and their temporal and cultural affiliation was obvious. The most striking objects with beautiful décor from this collection were published by N. Fetich [1937, Taf. XIX: 1–8; XX: 1–12; XXI: 13–18].

3.2. Decorated non-ferrous belt ornaments

More than 60 objects of I. P. Tovostin’s collection represent medieval small artistic metalwork (with relatively well-preserved décor). Most of them belong to the turn of the 1st–2nd millennia. All of them are cast, and the majority of items preserved gilding partially. The manufacturing technology is traditional for such products (this is mainly lost-wax casting with ‘inserted’ core). The reverse side of belt ornaments usually had a raised rim. The

frontal side was decorated, the cast décor protruded slightly above the background surface. The full systematization of the décor and all its analogies will be published in Russian. This article will focus on the most interesting objects in terms of their décor. The paper will specifically discuss the reflection of some important features of the whole¹ – the entirety of the Sayan-Altai small artistic metalwork – through the particular, that is, the considered collection items.

3.2.1. Vegetative décor

This type of décor, as it was noted above, dominates the ornamental style of small artistic metalwork of the late 1st – early 2nd millennium. Below we will consider some objects from the collection. Primarily, these are plaques, the décor of which features a few of the most common compositions in the Sayan-Altai territory. Such objects constitute ‘serial’ groups. One plaque (Fig. 2: 1) mentioned earlier has a ‘fig flower’ motif in the centre. This is the most common form of decoration with identical décor (21 copies) that comes mainly from the Minusinsk Basin. There are also some finds from Altai and the Upper Yenisei Region as well [Korol, 2008, p. 160–161, 289–290].

Objects (35/37 copies) identical to the last plaque (Fig. 2: 2) come mainly from chance finds, but they are also known from excavations in Altai and the Upper Yenisei regions. They are dated mainly to the 9th–10th centuries, but similar objects were found in the Kirbinsky Log burial ground in the Minusinsk Basin, in which materials from the inlet burials of a man with a horse are attributed to the Uyghur culture and dated to the 8th–9th centuries [Savinov et al., 1988, p. 98, 101]. This simple, however, probably, burdened with special meaning (‘tree of life’), composition, was popular in the same form until the 13th century [Ilyushin, 2021, p. 66, Fig. 32: 2–5].

The Kirbinsky Log burial ground yielded several more plaques, the décor of which in some cases has a complete analogy (Fig. 2: 3), while in other cases the analogies in the collection under consideration are conventional (Fig. 2: 5, 6). The end plaque of an excellent quality from the collection (Fig. 2: 4) has no exact analogies. At the same time, it is definitely similar both in the quality of workmanship and in the lower and upper parts of the décor composition to an object (Fig. 2: 3), whose complete analogies are dated to the 8th–9th centuries. Thus, several plaques

from the collection can be attributed to the so-called primary products – high-quality objects² made by an artisan in a workshop with a long tradition of craftsmanship. The database for the objects from the Sayan-Altai of the late 1st – early 2nd millennium contains extremely few such examples. Perhaps, some of them appeared in the Uyghur period. Probably, a long end plaque from the collection (Fig. 2: 7) can also be attributed to them. Its décor is essentially identical to that on the pentagonal plaques (Fig. 2: 5, 6).

Other plaques with floral ornaments (Fig. 2: 8, 10, 12–14, 16) are not included in serial groups, but still have complete analogies, mainly from the Minusinsk Basin. The plaque (Fig. 2: 14) is interesting as an incident, the exact analogy of which is included in the part of I.P. Tovostin’s collection kept in the State Hermitage Museum, St. Petersburg (Fig. 2: 15). The openwork pendant (Fig. 2: 12) is unique for the Minusinsk Basin, almost all of its analogies are concentrated in the Altai Territory.

The engraved décor made with chisels and a punch on a harness set of belt ornaments (Fig. 2: 17, 18) decorated in the same style [Fettich, 1937, Taf. XX: 1–12; XXI: 13–18] reflects the transitional period from the culture of the late 1st millennium with bronze belt ornaments and cast décor to iron belt ornaments, a characteristic element of the material culture of the next stage in the development of the Yenisei Kyrgyz culture. A fragment of a thin plaque with an engraved décor (Fig. 2: 19) has no exact analogies and, apparently, dates to the beginning of the 2nd millennium.

3.2.2. Geometric décor with floral elements

Several objects are of particular interest. A half of a needle case (Fig. 3: 1) with an original décor and an uncharacteristic elongated shape of the central part, resembling paired fish, has a single identical item (Minusinsk Basin) as an analogy, but with a décor of a very poor preservation. A feature of the object from the collection is the relatively well preserved décor, which makes it possible to identify the entire composition and suggest its semantics. The combination of the décor with the form of the object has a Buddhist basis and conveys important symbols – a sacred lotus, a pond, and paired fish. All together, they were regarded as a protection from evil forces and disasters, a symbol of happiness and unity.

As an analogy for the combination of certain

¹ For the main characteristic features of small artistic metalwork of the Sayan-Altai and adjacent territories, see: [Korol and Kon’kova, 2007, p. 25–27].

² The levels of quality and production of small artistic metalwork of the Sayan-Altai and adjacent territories are discussed in: [Korol and Kon’kova, 2007, p. 27–28; Korol and Naumova, 2017, p. 62–69].

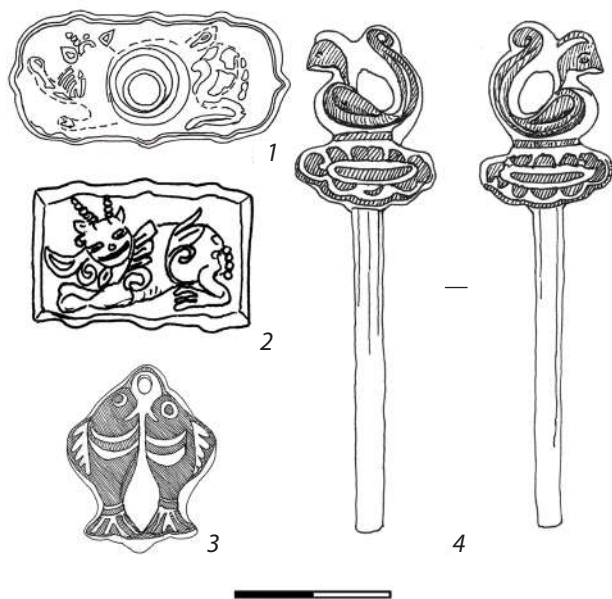

Fig. 4. Examples of zoo- and ornithomorphic décor (1, 3, 4) and its analogy (2, after: [Korol, 2013, Fig. 1: 3]).

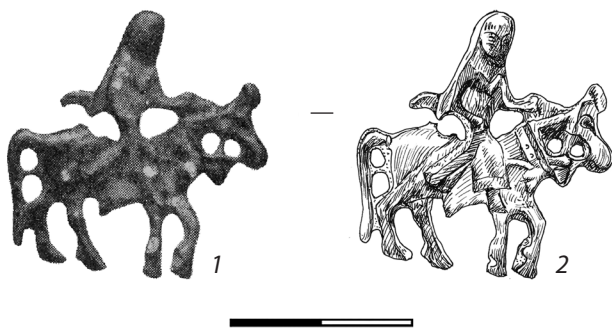

Fig. 5. Figure of a horseman (1 – after: [Tallgren, 1919, Pl. IX: 10]; 2 – drawing of the original object).

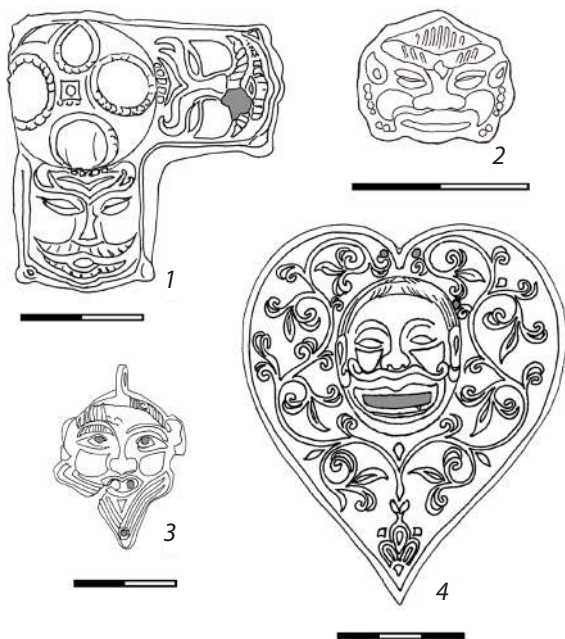

Fig. 6. Examples of the anthropomorphic décor.

décor motifs and the similarity of semantics, consider the needle case of the most common form in A.M. Tallgren's collection (Fig. 3: 2) purchased in 1915 from the Yenisei Province [Tallgren, 1919]. It is decorated with the popular motif of the *cintamani* jewel, which was discussed above [Korol, 2008, p. 169–173; Korol and Fokin, 2020].

The leaf-like plaque (Fig. 3: 3) finds an analogy in the object similar to it in shape and décor (the Minusinsk Basin), but of worse degree of preservation [Kyzlasov and Korol, 1990, Fig. 48: 4]. In addition, a belt plaque similar in décor is known from a burial of the second half of the 10th century from the Altai Territory [Gorbunova et al., 2009, Fig. 49]. Although analogies to the décor of the pendant (Fig. 3: 4) have not been identified, its main elements are common for small artistic metalwork of the Sayan-Altai of the late 1st millennium. The object is elegant, original, of good quality in both casting and decoration. It can be conditionally attributed to the 'primary' products made in a professional workshop outside the Sayan-Altai.

3.2.3. Zoo- and anthropomorphic décor

The zoomorphic (including ornithomorphic) décor is present on three objects (Fig. 4: 1, 3, 4). Paired fish pendants and pins with finials in the form of phoenix-cockerel are not very common, but they are still known in the Sayan-Altai. Of interest is a very poor quality, apparently, sleeveless plume-holder to be attached over the horse's nose. The object decoration is shaped as a polymorphic animal (Fig. 4: 1). Two aspects are worth attention. First, the object does not look like a product with a poorly preserved décor, this is an obvious defect. If it is a medieval object, and not a fake, then it gives some reason to assume 'local' production. Second, the decoration of 'disintegrated' elements would be difficult to understand without good, although not identical in details, analogies from the Minusinsk Basin (Fig. 4: 2).

The figure of a horseman (Fig. 5) is a flat, one-sided, and badly preserved; details of equipment and armament, as well as the face, are practically indistinguishable upon visual test. The traced details (Fig. 5: 2) can be recognized due to protruding and recessed planes on the surface of the object. The closest analogies to the plaque under consideration come from Central Asia and Transbaikalia [Korol, 2008, Pl. 13: 7–9].

Anthropomorphic décor is also represented by four different 'mask-faces' on objects of different shapes (Fig. 6). The image on a small plaque (Fig. 6: 2) has no analogies. The details are reminiscent

Fig. 7. Belt plaque from the Minusinsk Basin. Published with authorization of the Finnish Heritage Agency.
© Museovirasto, 2022.

of Buddhist images, but animal ears and powerful unibrows are signs of a mythical creature. Male faces with large almond-shaped eyes, mustache and a beard on a fragment of a T-shaped plaque (Fig. 6:1) are more of portrait kind, but fused, as in the first case, besides, eyebrows swirling upwards and splayed could convey the image of some deity.

A large heart-shaped plaque with a protruding image of a male face in the centre (Fig. 6: 4) has almost exact analogies from the Minusinsk Basin; there are similar objects in the Altai Territory. The faces on them can be considered as a generalized image.

The pendant depicting a male face (Fig. 6: 3) belongs to the group of portrait images with individual features – large eyes, protruding rounded cheeks and wedge-shaped beards. An almost identical item also comes from the Minusinsk Basin. Details of its iconography lead to early medieval Sogdian terracotta, which depict ‘local characters of the

Turkic type’ in the similar way [Meshkeris, 1989, p. 262, 297, 310; for details, see: Korol, 2008, p. 103, Fig. 22: 27–29]. Almost identical pendants, including those ‘reinterpreted’ with added details in the form of protruding animal ears, are known among chance finds from the Chu valley of the Northern Tien Shan [Korol and Naumova, 2017, p. 34–35].

4. Belt end plaque (tip) with a plot décor

4.1. Description

The belt plaque with a rounded end from the village of Sabinskoye (KM 7267: 481) was cast of dark bronze. The gilding of the background has survived on the main surface, partly on the inner surfaces on the sides and some details of the relief decoration (Fig. 7: a). The decorated field (background) is deepened (the side rims are 4 mm high) and treated entirely with

horizontal rows of a rounded punch. In the corners and between the images at the belt tip side, there are torn holes in spots where there used to be revolving pins for fastening on a belt. The deepened (1–3 mm deep depending on the height of the image relief on the frontal side) reverse side has two such pins (Fig. 7: *b*). The images are generally rather crude, but the important details are executed quite thoroughly.

The composition contains two anthropomorphic characters walking from right to left (the left legs of both of them are shown with a characteristic toe-to-toe support for walking and, accordingly, a raised heel). Their bodies and faces are turned to show them in full face. The faces are rendered conventionally

(only eyes and the mouth). Both ‘characters’ are holding heavy ‘swords’ in their right hands, the swords resting on their right shoulders. The weapon of the character in front resembles a huge saber with a curved blade. The second character shown behind carries a shorter and less curved blade. Perhaps, this somehow characterizes the hero meaningfully, but probably, the craftsman was only able to fit the weapon into the area of the surface to be decorated. This character’s left hand rests on his chest. The one walking in front is holding a rein in his hand (the loop to the right of the hand is clearly visible) to lead an animal.

Both characters are dressed in a specific apparel, a multi-layered outfit that resembles the clothing

Fig. 8. Analogies to the elements of the image of the plot ‘characters’: 1 – Bateny, Minusinsk Basin (© Scientific Archive of the Institute of Archaeology RAS, 2022: S.V. Kiselev. F. 12, D. 124); 2–4 – Dunhuang, after: [Stein, 1921a, Pl. XCII; 1921b, Pl. XXVII]; 5–6 – Tibet, after: [Tsybikov, 1919, p. 104, 170].

depicted on Buddhist mythology characters – possibly a shell covering the chest and the stomach. The powerful solid breastplate, highlighted by two concentric, recessed lines, is clearly visible on the first character. The lower part of the protective clothing is also discernible as deepened lines highlight it and several oblique lines complete the detail. The transverse grooved lines on the shoulder and left arm suggest that the characters' arms are protected by armor plates. In the image of the second person, the transverse lines from the shoulder to the elbow and below the elbow to the hand are clearly visible. Another characteristic detail of the garment is the 'apron' with decorations over the protective clothing. Its details are clearly observed on the first character: from his waist to the right of his body, a wide ribbon is stretching. It is completed with a 'bow' whose single end is raised up (above the belt line). Below the hips, the apron bifurcates into two panels that slightly cover the legs at the top and flutter to the right and left of the legs (this indicates the movement of the characters). In the upper part, they also have a characteristic 'sling' shown with horizontal lines and the 'bow' end bent upward. The waist of the second character is damaged, but the lower ribbons of the apron are clearly visible. In both cases, they resemble vegetative semi-palmettes with a long end leaf and a bent bract. All the grooved lines used to refine the cast images retained gilding.

Between the two characters, on the lead of the first one, a hoofed (with hooves emphasized) small animal with short legs and a long tail is 'walking'. It is depicted in profile. The horns are conveyed in a special way shaped as a kind of 'crown', the ear and eyes are visible. The hair on the belly, legs, tail and partly on the croup is carefully rendered. Here, too, gilding has survived on all the details, emphasized by grooved lines of refinement.

On its back, the animal carries a burden disproportionately large in relation to its size – a flaming jewel *cintamani*. This is definitely the central motif of the composition. It should be reminded that *cintamani* is a jewel (pearl, crystal) in Buddhist and Hindu mythology capable of fulfilling wishes. It is also an attribute (along with and in combination with the lotus flower, a symbol of divine origin and the guarantee of salvation) of the bodhisattva Avalokiteshvara, one of the main bodhisattvas in Buddhist mythology [Tokarev, 1994, Vol. 1, p. 23, 69, 181]. *Cintamani* is a symbol of liberation from impurity, a shining source of Purity widespread in the medieval art of China. Its iconography is extremely diverse.

In the discussed case, the *cintamani* iconography is original. The glowing (shining) jewel is conveyed

in a special way – it resembles a flower ('pearl' with a vertical line in the middle is shown in the side view horizontally and the flames are shaped like petals of the 'pearl', but still their refinement with deepened lines creates the desired effect). The traditional base on which the jewel rests, lotus petals, are rendered extremely schematically. The composition is completed with a floral motif (on the right), a five-petal flower, possibly a symbolic lotus. In general, these images are essentially symbols of the divine principle and divine power.

4.2. Analogies, interpretations

This section considers some analogies to the details as a basis for interpreting the status of the characters depicted and a possible meaning of the plot. Primarily, the characters, their vestments and weapon will be discussed. Specific clothing makes it possible to see them as representatives of the Buddhist mythological pantheon. Waist garments (sometimes combined with shoulder garments) are multilayered. They often have a complex design with wide ribbons tied at the ends, falling down and decorated at the feet. Such a complex attire is characteristic of images of bodhisattvas, including Avalokiteshvara [Stein, 1921b, Pl. XV; Jisl et al., 1958, Il. 96]. Robes of this kind can be seen on, perhaps, the only Buddhist find from the Minusinsk Basin. This is a portable altar with a figured composition of gilded bronze (Fig. 8: 1) made in China (there is a corresponding inscription). S. V. Kiselev, relying on the opinion of experts, dates the altar to the 4th–6th centuries; the object arrived in the Yenisei region as a trophy after one of the campaigns of the Yenisei Kyrgyz against the Uyghur (there is an Uyghur inscription on the stand) in the 9th century [Kiselev, 1949, p. 347–348].

In search for analogies to the images in question, those of *lokapalas* (Skt. *Chaturmaharajas* or *Lokapālas*, 'protectors/guardians of the world') are of interest. In Hindu and Buddhist mythology, these are deities – the rulers and guardians of the cardinal points. In Buddhist mythology, the name *Lokapala* is also referred to the 'four great kings' (Indian brothers) who promised Buddha Shakyamuni to protect the canonical text – the sutra in the future. Besides, *Lokapalas* protect the world from the attacks of the Evil [Williams, 1960, p. 193–195; Tokarev, 1994, Vol. 2, p. 67, 510–511]. In the iconographic tradition, they are usually shown in protective multilayer vestments (leather bib, wide belt, 'apron' over the chain mail) and often armed. The features of the robes are varied, but the chest and abdomen, legs and shoulders (or the entire arms to the wrist) are

always protected. Ribbons (cords, sling) are also a necessary complement. A pleated frill at the bottom of the carapace (chain mail) or a fringed tunic on the apron may be shown additionally. A.M. Stein gives the detailed description of the vestments of Lokapala Virupaksha, the guardian of the west [Stein, 1921b, p. 40–41]. This vivid image is shown in a silk mural (Fig. 8: 3) from the Thousand Buddha Caves in Dunhuang, Northwest China [Stein, 1921a, Pl. LXXXV: *Ch. 0040*; 1921b, Pl. XXVII]. Slightly less complicated, but similar vestments (Fig. 8: 4) are known from painting on paper originating from the same place [Stein, 1921a, Pl. XCII: *Ch. Xii. 0026*]. Lokapala, painted on silk, is armed with an elegant sword (broadsword?) with a long narrow blade, which he holds in his right hand. The deity on the left of the paper drawing also holds a similar weapon in his right hand.

The traditional vestments of the ‘great kings’ were preserved in later depictions. So, G. Ts. Tsybikov, who traveled in Tibet in 1899–1902, in his book published later [Tsybikov, 1919] discusses not only images of the ‘great kings’ (maharajas), including Virupaksha, armed with a heavy broadsword (Fig. 8: 5), but also the figure of Geser Khan (Fig. 8: 6). This legendary ruler of Tibet (a character in the mythology of the Mongol and a number of Turkic peoples) was later introduced into the Northern (Tibetan) Buddhist pantheon along with local deities, all of whom were declared defenders of Buddhism [Tokarev, 1994, Vol. 1, p. 194]. Of interest is not only the protective vestment with all the details mentioned above, including the fluttering ribbons, but also the Virupaksha’s walking pose. Attention should be focused, firstly, on the raised heel and the support on the toe of one leg, similar to the image on the medieval belt tip – cf. Fig. 7: *a*, secondly, on the turn of the body and head in fact in full face, and finally, on the heavy sword leaning against the shoulder. The details of the vestments of the Geser figurine include carapace armor made of plates (scales), which in the shoulder areas are comparable to the protective covering of the hands of the characters on the belt end plaque.

A sumptuous equestrian sculpture of the epic Geser (‘epic hero Gling Ge-sar’) in full attire, including a scaly carapace with a powerful bib and a heavy sword, can be seen at the Diqing Tibetan Autonomous Prefecture Museum [Bellezza, 2020a, Fig. 2: *1*]. In addition, numerous objects of small metal plastics (*thogchags*) originate from the territory of Tibet. These are objects of different periods

(presumably from the Bronze Age to the ethnographic period) and different in purpose, made mainly of bronze and meteorite metal. Over time, they turned into amulets, which are not only supposed to protect and bring good luck to their holder but are also used in healing [John, 2006]. It is also possible to trace the tradition of depicting a warrior in shell armor, sometimes with a heavy sword (broadsword), on such objects. At the same time, the protection of the arm from the shoulder and below (brassard) is shown with the same ribbed stripes [Bellezza, 2020a, Fig. 7: *16, 19*] as on the characters of the discussed plaque from the Minusinsk Basin¹. Everything said above about the depictive tradition only emphasizes the existence of certain canons that have been preserved for centuries along with the presence of chronological and territorial variants.

Another participant in the composition on the belt plaque is a hoofed animal. While consulting the author, archaeozoologist E. E. Antipina (Institute of Archaeology RAS) suggested that judging by the combination of features the prototype could be a golden takin from the Himalayas. The image emphasizes the characteristic features of the animal: small size, massive body, round hooves, a peculiar shape of horns², large eyes, value of ‘golden dense furry’ wool clearly indicated by oblique notches on the underbelly, croup, tail³ and legs of the animal on the plaque. It seems that the iconography of the animal, primarily the long tail, is evidence that the depiction is not a real takin, but some kind of stylization. According to the meaning of composition, this is definitely a mythical animal whose mission is to carry a symbolic Buddhist jewel. Perhaps this is a *tsilin*, a unicorn of Chinese mythology symbolizing humanity, mercy and nobility, virtue and wisdom, in addition to one of the cardinal points, namely the west. Its appearance brought peace and prosperity to nature [Tokarev, 1994, Vol. 2, p. 621–622].

At the same time, it is still quite likely that the source of inspiration for the craftsman who created this composition could be a real Himalayan takin.

¹ For discussion of medieval contacts of the regions, see: [Korol, 2019a, p. 104–107].

² Only in the Himalayan takin, with age, both horns approach each other as close as possible with the bases of their horn sheaths, forming a visually single ‘crown’.

³ The tail of a real takin is short, but the ‘furry’ tail, which merges with the furry pubescence of the croup and underbelly, is still especially clearly emphasized in the image.

The features of its build described above¹ are so close to the image. It should be noted that Tang art often depicted antlers of deer and fallow deer in a similar way (horizontally) – in the shape resembling a sort of crown or mushroom. This element is borrowed from Sassanian art and was not known in China until the Tang period [Gyllensvärd, 1957, p. 119–120, Fig. 71].

In Buddhist iconography of the Tang period, an elephant, sometimes a *tsilin*, a mythical unicorn, usually appears as a sacred animal carrying on its back sacred symbols of the Buddhist faith (the wheel of the law, the Buddha's begging bowl, lotus, cintamani, etc.) [Gyllensvärd, 1957, Fig. 63: *b, d*; Williams, 1960, p. 166–169]. Deer (fallow deer) was also revered as a sacred animal; N.K. Roerich [Rerikh, 1995, p. 26] mentions a deer carrying a cintamani on its back. In the Tibetan Buddhist tradition of later times, a horse was also a sacred animal along with an elephant – the wind horse Lungta – with cintamani on its back. Such images are popular on prayer flags which most often carry texts and images intended to protect against the Evil [Tsybikov, 1919, p. 237; 2013, p. 158; Gordon, 1967, p. 16–17].

The iconography of cintamani in the composition that adorns the belt end plaque was discussed above (as part of the object description). It is original in detail but still essentially traditional.

Thus, the analysis of the images of all characters and décor motifs together with the analogies of the image details and their interpretations allows making assumptions about the meaning of the plot. It is necessary to take into account the social meaning and semantics of the belt and its ornaments (as a symbol of status, gender, award, etc.) known both in the traditional culture of many peoples and in the medieval one. In addition, many decorative compositions or their individual motifs are filled with a benevolent meaning. The décor of the belt ornaments and the plaques themselves are often endowed with a protective function, so, owners of the belts perceived it as a kind of guard (for more details with references to the literature, see: [Korol, 2008, p. 222–224]).

In the décor under consideration, based on the semantic charge of all motifs in Buddhist iconography, it is possible to consider both a benevolent sense and the protective function of such a plot. All conventional characters (image motifs) definitely fill the plot with

¹ The traditional pack animal (a hybrid of the yak and the cow, mong. *Khainak*, tib. *Dzo*) of the northern territories of China and Mongolia can also be represented as a prototype of the image. But it is larger than both the yak and the cow, its tail is neither fur nor woolen, but long-haired, and most importantly, it has characteristic yak horns separated by a wide inter-horn. They cannot be stylized as a small single horn of the 'crown type'.

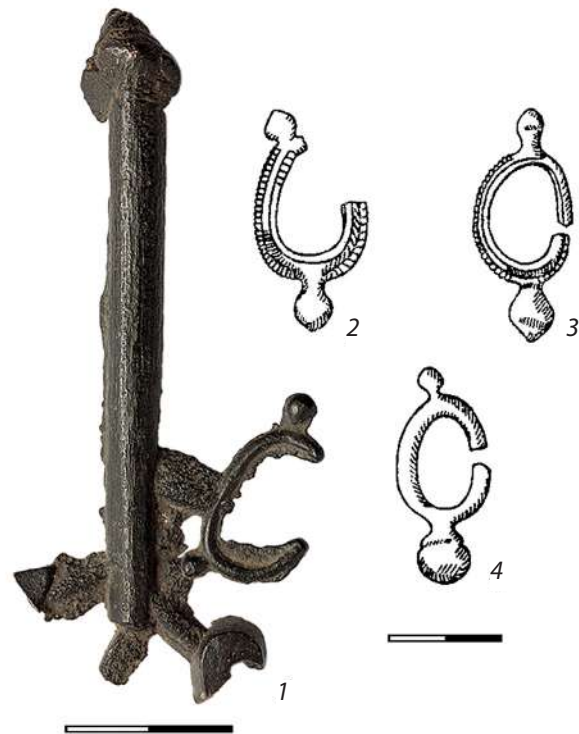

Fig. 9. Sprue, I.P. Tovostin's collection (1, © Museovirasto, 2022), and early Medieval earrings from the Minusinsk Basin (2–4, after: [Sunchugashev, 1979, Fig. 43: 7–9]).

Fig. 10. Finds from the Chu valley of the Northern Tien Shan, the Ken-Bulun fortified settlement. Photo by A. M. Kamyshev.

the above meaning and function. Such a composition is perfectly suitable for a belt owner with a certain status. In addition, it is possible to distinguish a deeper semantic layer that could be contained in such a plot. It should be remembered that the mythical animal (*tsilin*?) is not depicted isolated but carrying a cintamani on its back. It is the precious burden that is the central motif. A conservative assumption can be made that such a composition could initially be

perceived as an image of the guardians not only of the cardinal points, but also of the commandments of faith, its Purity. The cintamani jewel in unity with lotus served as a symbol of the faith itself and its deities (cf. Fig. 8: 2).

4.3. The dating of the object and the conditions of its arrival in the Middle Yenisei region

The considered object definitely does not belong to the range of non-ferrous metal belt ornaments (outlined above) characteristic of the Sayan-Altai culture of the late 1st – early 2nd millennium. The find from the village of Sabinskoye in the Minusinsk Basin differs not only in the semantics of the plot composition. The fact is that the plaque was manufactured following a completely different technological principle. The appearance of belt ornaments of the Sayan-Altai and adjacent territories is described above: they are distinguished with a raised rim on the reverse surface and molded décor on the frontal side. Belt ornaments similar in manufacturing technique were also popular in the east – among the Khitan people of the Liao Empire (916–1125). At the same time, among the finds in Khitan burials, there are items of exactly the same form as the discussed end plaque. They have strongly raised rims over the frontal surface and embossed décor (as in the case under consideration) on the ‘bottom’ of the item – the decorated field. An extremely elaborate belt set with a high relief plot decoration is known from a Liao burial of the early 11th century [Jin Fengyi, 1980, p. 21, Color ill. 2; Korol, 2009, Fig. 5].

This form of belt ornaments (with a rim strongly raised on the frontal side) indicates that these were not parts of a warrior horseman’s belt, if only a ceremonial one. They decorated the belt of an official or other high-profile person who did not require any activity on horseback. A belt set from a Liao burial could be made by an excellent craftsman from Sung China (960–1279). The processing of the background with a rounded punch is characteristic of medieval products from China in the Tang and Sung periods, as well as from the Khitan Empire of Liao. Products of Chinese craftsmen or their imitations with a similar surface treatment by decorative gold and silver hammering and those made by casting are known in the Minusinsk Basin of the late 1st millennium [Kiselev, 1949, Tab. LVI, LVII: 9; Korol, 2008, p. 119].

It should be noted that the subject under discussion cannot be considered a product of a top-level craftsman. It was not made by a very skillful master (though casting seems to be a high-quality one). The composition resembles a kind of ‘naïve drawing’,

while all the details important for the craftsman were finished perfectly, as was noted above. Gilding, which covered, probably, the entire surface, concealed imperfections, created an overall visual effect, and provided the object with a certain status. The belt tip can be attributed to the Khitan circle with a strong Chinese influence.

After the formation of the Khitan Liao state in Northern China and their penetration in 924 into the territory of Eastern Mongolia, from where the Kyrgyz had already left, they became neighbours. According to Chinese written sources, there were three Kyrgyz embassies in Liao during the 10th century. The Kyrgyz sent their children to study in the capital of Liao [Kyzlasov, 1969, p. 95–96], while the Khitan sent their officials for offense ‘into the possession of the Kyrgyz on the Yenisei’, considering the latter to be vassals [Pikov, 1989, p. 17, 78]. It is also known that the Khitan were Buddhists [Pikov, 1980]. The most active relations between the Kyrgyz and the Khitan people fell on the 10th century.

So, the arrival of a single belt end plaque with a decorative composition of Buddhist iconography in the Minusinsk Basin could take place at this period. Given that the belt plaques from the aforementioned Liao burial dated to c. 1004 were made using a similar technology, the item in question can be presumably dated to the 10th – early 11th century.

5. Sprue for making earrings and the problem of the production of small artistic metalwork

5.1. Sprue

The second item from the ‘riddles’ of I. P. Tovostin’s collection is as unique as the first one. This is a bronze sprue (Fig. 9: 1) from the village of Uty (KM 7267: 688) for casting earrings of a specific shape dated to the last third of the 1st millennium. It is 8.3 cm long, the dimensions of the earring are 2.3 × 1.3 cm, the width of the earring shank is 0.2 cm. There are numerous chance finds of such objects in the region (Fig. 9: 2–4). The object has no analogies in the Sayan-Altai so far. By itself (as part of the technological process of casting any small items from non-ferrous metal), it is a standard object and does not require special analysis. Its uniqueness lies in the very fact of such a find.

5.2. The issue of the production of belt ornaments of the early Middle Age nomads

By the end of the 1st millennium, the greatest

concentration of the corresponding finds was noted in Northern Inner Asia, not only in the cultures of the Sayan-Altai and adjacent territories, but also in the upper Chu valley of the Northern Tien Shan, where the medieval cities of the historical and geographical region known as Zhetysu, or Seven Rivers Region, were all located [Baypakov et al., 2007; Goryacheva, 2010; Kamishev, 2012; Vedutova and Kurimoto, 2014]. The point of interest is who made similar items known in significant numbers for nomads and semi-nomads and where they were made. For the Chu valley, it is possible to assume the local production in the 9th–10th centuries judging by the chance finds [Kamyshev, 2020] of tools, foundry scrap and other details related to bronze casting and jewellery production (Fig. 10). At the same time, the study of specific categories of jewellery of the late 1st – the turn of the 1st–2nd millennia (in particular, a certain type of pendants with the image of a male face), does not allow us to assert that it was from the Chu valley that belt ornaments came to the Sayan-Altai. Rather, it is possible to argue about the opposite direction of influence [Korol and Naumova, 2017, p. 83–85]. Researchers of artistic metal from the Chu valley also note the influence from the east, including the culture of the Yenisei Kyrgyz of the 9th–10th centuries [Baypakov et al., 2007, p. 213; Torgoev, 2011, p. 13–14].

Besides, it is on the territory of the Sayan-Altai that the finds of three matrices for making pendant depicting a male face (anthropomorphic ornaments) are reliably known [Korol, 2008, Fig. 24: 1, 4, 5]. The technology of manufacturing belt ornaments allowed using the finished product as a matrix. In addition, such replicas characterized by generally high-quality casting, on the one hand, and an average and mostly below average quality of décor, on the other, give reason to assume a ‘local’ production of a significant part of such objects (for example, in the Rudny Altai). Moreover, there are chance finds of presumably jewellers’ tools, e.g., hammers from a hoard in the Minusinsk Basin [Sunchugashev, 1979, p. 138]. In this territory marked by a high concentration of belt ornaments, there are no traces of foundry production of non-ferrous artistic objects. Repairing objects was more affordable, moreover, it most often involved low costs and the use of the simplest improvised means¹.

Considering the above, it can be assumed that the minimal evidence available, including single finds of matrices in the Sayan-Altai, still gives ground for addressing the question of the possibility of local

production in certain regions of the territory with the greatest concentration of archaeological finds of non-ferrous metal products. However, there is no particular evidence of local non-ferrous metalworking at the end of the 1st millennium at the present stage of research.

5.3. The significance of the sprue finding

It is because of the absence of reliable traces of non-ferrous metalworking that the find of a bronze sprue from I. P. Tovostin’s collection on the territory of the Minusinsk Basin is extremely important. It is essential for some clarification of the issues of manufacturing non-ferrous metal objects in the Minusinsk Basin. However, this item (a sprue for the production of earrings of a specific shape) associated with the casting process does not shed light on the possible production of replicas of the ornaments for belts and other elements of horseman’s gear with a characteristic décor of the late 1st – early 2nd millennium in this territory. In the absence of reliable evidence and production waste in the Minusinsk Basin, such a find still suggests the existence of a local tradition of some elements of non-ferrous metalworking.

6. Discussion and Conclusion

1. Early medieval small artistic metalwork with characteristic décor from different regions of the Sayan-Altai and adjacent territories is considered by researchers in two ways (for example, see: [Fedorov-Davydov, 1976; Leont’iev, 1988; Khudyakov, 1998; Korol, 2008]). On the one hand, this phenomenon is part of the common fashion of the epoch for belt and other decorations (mainly horse-riding gear) with a certain style of ornamentation (‘steppe ornamentation’). On the other hand, it is a kind of phenomenon – not so numerous finds of decorated objects from the 7th – first half of the 9th century became very numerous in the period that followed. In the late 1st – early 2nd millennium, almost any burial contained a set of decorated ornaments as part of the accompanying grave goods. These are mainly belt elements and other adornments of a warrior-horseman, at the same time, both women’s and children’s inhumations contain small artistic metalwork. The most diverse, developed and striking examples of the décor became typical for belt decorations in the cultures of the Sayan-Altai and adjacent territories, especially in the second half of the 9th – early 10th century. What is the reason for this phenomenon? Why did the flourishing of the

¹ For the details of production and its multilevel model, see: [Korol and Kon’kova, 2007].

small artistic metalwork decoration of a certain style occur during this period?

This is the period of expansion of the Kyrgyz Khaganate – a short-term, on a historical scale, appearance of the Yenisei Kyrgyz¹ in the political arena of Inner Asia and, accordingly, their extensive contacts with different peoples and states [Klyashtorny and Savinov, 2005, p. 263–265]. The core of the Kyrgyz Khaganate in the Middle and Upper Yenisei region was formed at the beginning of the 8th century during the period of the Second Turkic Khaganate. After defeating the Uyghurs in 840, the Yenisei Kyrgyz entered the vast expanses of Inner Asia². Large areas to the east, north and west of the Yenisei River region came under certain influence of the culture of the Khaganate and its policy.

The power of the Yenisei Kyrgyz was mostly nominal, since their military campaigns and victories were not further developed. However, their territorial coverage (according to Chinese and Arab written sources) was impressive. It stretched³ from the Baikal region *in the east* to the Middle Irtysh *in the west*. *In the south* it reached ‘to Tibet’ (Eastern Turkestan, which was controlled by the Tibetans at that time), *in the southwest* – to Seven Rivers Region (south of Lake Balkhash to the Northern Tien Shan) and Eastern Tien Shan. Moreover, the campaign of the Kyrgyz (847) pursuing the Uyghurs far to the east (the Upper Amur) is also known.

Long-standing friendly ties with the distant states of Central Asia, China, and Tibet broken in the 8th–9th centuries by dominance of the Uyghurs in North Inner Asia were restored. The Kyrgyz exchanged embassies and conducted extensive trade [Kyzlasov, 1984, 1992; Klyashtorny and Savinov, 2005].

Knowledge of the political situation of that time contributes to understanding the phenomenon of small artistic metalwork in this region – how one of the brightest variants of the decorative style could emerge and flourish in the Sayan-Altai in the early Middle Ages. The basis for its development throughout the steppe Eurasia was formed, primarily, by intensive contacts at different levels between the new ‘masters’ of the Great Steppe (the Turkic political formations) and large states. These included contacts

with craftsmen and the art of sedentary agricultural peoples possessing rich traditions both in decorative arts and in processing of artistic metal. The original basis of traditional spiritual and material culture of the Turks and other nomadic and sedentary peoples included in their associations was the breeding ground for the perception of innovations. This also applies to the Sayan-Altai small artistic metalwork. The phenomenon of the flourishing of its decorativeness in the late 1st millennium was a consequence the extensive contacts of the Kyrgyz Khaganate during the above-mentioned ‘expansion’ period. The detailed analysis of the characteristic decoration of objects [Korol, 2008] reveals the main directions of cultural influence: the relative southwest (Eastern Turkestan, Central Asia, the Middle and even the Near East) and the southeast (China). At the same time, the question of the locations of production, especially of primary quality products with highly artistic décor, remains open.

2. The brief description of the phenomenon of medieval small artistic metalwork in the Sayan-Altai and adjacent territories, more specifically, objects of the late 1st – the turn of the 1st–2nd millennia, showed that they are distinguished by diverse and developed types of décor. Some motifs and images are associated with the motifs-symbols introduced together with religions foreign to the inhabitants of the region. On this background, it becomes obvious that a part of I.P. Tovostin’s collection from the Minusinsk Basin represented by small artistic metalwork, despite a limited number of objects, reflects almost the entire range of main themes of the décor for this chronological period quite comprehensively.

Moreover, it reflects a number of important general features of the small artistic metalwork from the territory of the Sayan-Altai and, primarily, from the Minusinsk Basin, the area yielding most numerous chance finds. Similar to the general data base of finds from the Sayan-Altai, the collection contains objects that have their analogies in décor, including identical ones; besides, there are items which belong to ‘series’, the most popular objects in the region with the same, often identical décor. ‘Serial’ objects are one of the characteristic features of the small artistic metalwork at the turn of the 1st–2nd millennia. Another feature of the Sayan-Altai small artistic metalwork as the whole and of I.P. Tovostin’s collection in particular is the presence of single objects that have no analogy in their décor. The defective product allows us to assume cautiously the ‘local’ production of copies of belt plaques with complex décor.

Several objects with particularly high-quality

¹ The Yenisei Kyrgyz culture began to develop in the 6th century.

² For the schematic map of the main territory of Inner Asia south of the Sayan-Altai, designated as South Siberia, see: [Bellezza, 2020b, Map 2].

³ For the most detailed historical map of ‘Kyrgyz Khaganate in the 9th century’ in Inner Asia, see: [Klyashtorny and Savinov, 2005, Color maps].

décor, which can be classified as ‘primary’ items, have analogies among the Uyghur materials of the 8th–9th centuries. The décor of these particular items may be a hallmark of the chronological stage preceding the ‘expansion’ of the Yenisei Kyrgyz at the end of the 1st millennium. The engraved décor of a set of harness ornaments is one of the hallmarks of the transition to the next stage. It is characterized by a gradual change from bronze belt ornaments to iron ones with a special decoration method.

Thus, the reviewed collection of chance finds, despite the lack of an archaeological context, can serve as a full-fledged source for researchers. It is a peculiarity of this collection.

3. I.P. Tovostin’s collection, part of which was published by A.M. Tallgren more than 100 years ago, turned out to contain extraordinary objects. The author assumes they were not included in that publication as they were not very clear to the researcher. These objects did not quite correspond to the general picture of belt ornaments with a characteristic décor of the period in question. The discussed objects made of non-ferrous metal proved to be extremely important finds. One of them is an end plaque (tip) of a form differing from the standard for belt ornaments popular in the region. This plaque is decorated with a composition, presumably, of Buddhist mythological content. It is notable in terms of cultural, trade, and diplomatic contacts of the Yenisei Kyrgyz during the expansion of the Kyrgyz Khaganate (second half of the 9th – early 10th century).

The sprue for the manufacture of earrings of a specific shape dated to the first third of the 1st millennium is unique as *the only* such find known at present, which is associated with the production of non-ferrous metal items. It does not answer the question where the bulk of the belt ornaments was produced in the late 1st – early 2nd millennium. Nevertheless, it confirms the local craft tradition associated with casting and processing of the simplest non-ferrous metal adornments without complex décor.

Acknowledgements

The author is thankful to K. Vuoristo and N. Riipinen, officials of the *Museovirasto*, Finland, Helsinki, for their help. I express my sincere gratitude to E.E. Antipina, PhD (Biology), the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, for professional advice. My deepest gratitude to A.M. Kamyshev, PhD in History, Bishkek, Kyrgyzstan, for photographs of chance finds from the Chu Valley of the Northern Tien Shan. The author also thanks Dr. J.A. Janhunen, Prof. emer. of East

Asian and Altaic Studies, University of Helsinki, for comments on the topic of the paper.

Funding

The research was funded as part of the government assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. 122011100061-5).

References

- Baypakov K.M., Ternovaya G.A., Goryacheva V.D.** Khudozhestvennyy metall gorodishcha Krasnaya Rechka (VI – nachalo XIII v.). Almaty: Gylym, 2007. 304 pp., 409 figs.
- Baypakov K.M., Voyakin D.A., Ternovaya G.A.** Tengrianstvo. In: B.A. Baytanaev B.A. (Ed.). Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney). Almaty: Institut arkheologii imeni A.Kh. Margulana, 2016. Pp. 121–153.
- Bellezza J.V.** Tibetan Silver, Gold and Bronze Objects and the Aesthetics of Animals in the Era before Empire. Oxford: BAR Publishing, 2020a. XIII, 169 pp.
- Bellezza J.V.** Besting the Best: Warriors and Warfare in the Cultural and Religious Traditions of Tibet. Lumbini: Lumbini International Research Institute, 2020b. XVI, 563 pp.
- Borisenko A.Y., Khudyakov Y.S.** Izobrazheniya voinov na torevice tyurkskikh kochevnikov Tsentral'noy Azii rannego srednevekov'ya. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*. 2008. Iss. 4. Pp. 43–53.
- Devlet M.A.** Arkheologicheskiye kolleksii iz Minusinskoy kotloviny v Gosudarstvennom natsional'nom muzeye v g. Khel'sinki. In: Koroleva A.S., Galkina P.I. (Red.). Po zarubezhnym muzeyam. Trudy NII muzeyavedeniya XV. Moscow, 1965. Pp. 98–103.
- Fedorov-Davydov G.A.** Iskusstvo kochevnikov i Zolotoy Ord. Moscow: Iskusstvo, 1976. 227 pp.
- Fettich N.** Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Taffelband. *Archaeologia Hungarica. Acta archaeologica musei nationalis Hungarici*. T. XXI. Budapest: Magyar Történeti Múzeum, 1937. 137 Taf.
- Gorbunov V.V., Tishkin A.A.** Metallicheskiye blyakhi v vide voinov-vsadnikov iz pamyatnika Srostki-I: istoriya izucheniya, novyye svedeniya i rentgenoflyuorestantsionnyy analiz. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2019. №26 (2). Pp. 179–187.
- Gorbunova T.A., Tishkin A.A., Khavrin S.V.** Srednevekovyye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altaye: morfologicheskiy analiz, tekhnologiya izgotovleniya, sostav splavov. Barnaul: Azbuka, 2009. 144 pp.
- Gordon A.K.** The Iconography of Tibetan Lamaism. New York: Paragon Book Reprint Corp., 1967. XXXI, 131 pp.
- Goryacheva V.D.** Gorodskaya kul'tura Tyurkskikh

- kaganatov na Tyan'-Shane (seredina VI – nachalo XIII v.). Bishkek: Kyrgyzsko-Rossiyskiy Slavyanskiy universitet, 2010. 320 pp.
- Gyllensvärd B.** T'ang Gold and Silver. Stockholm: Elander, 1957. 370 pp.
- Ilyushin A.M.** Srednevekovyye kurgany v doline Kas'my. Kemerovo: Izdatel'stvo KuzGTU, 2021. 195 pp.
- Jin Fengyi.** Liaoning Chaoyang Qianchuanghu cun Liao mu. *Wen wu*. 1980. № 12. Pp. 17–29. 靳枫毅《辽宁朝阳前窗户村辽墓》文物, 1980年, 12期.
- Jisl L., Sis V., Vanis J.** Tibetische Kunst. Prag: Artia, 1958. 48 pp., 111 il.
- John G.** Tibetische Amulette aus Himmels-Eisen / das Geheimnis der Toktschaks – Thog lcags. Rahden/Westf: Leidorf, 2006. 264 S.
- Kamishev A.** Kyrgyzstan. In: Baypakov, K., Pidaev, Sh., Khakimov, A. (Eds.). The Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9th–15th centuries. Vol. III: Toreutics. Samarkand, Tashkent: IICAS, 2012. Pp. 97–122.
- Kamyshev A.M.** Liteynye i yuvelirnye remesla na srednevekovom gorodishche Ken-Bulun. In: International Workshop 'Status of Contemporary Research on Islamic History, Art and Culture in Kyrgyzstan'. Abstracts. Bishkek, 2020. Pp. 77–83.
- Khudyakov Y.S.** Iskustvo srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii: Uchebnoye posobiye. Novosibirsk, 1998. 119 pp.
- Khudyakov Y.S.** Drevniye tyurki na Yeniseye. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN, 2004. 150 pp.
- Kiselev S.V.** Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR 9. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 364 pp.
- Klyashtorny S.G., Savinov D.G.** Stepnye imperii drevney Evrazii. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 346 pp.
- Korenyako V.A.** Iskustvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil'. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. 327 pp.
- Korol G.G.** Iskustvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki. Moscow, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. 332 pp.
- Korol G.G.** Dekor remennykh ukrasheniy srednevekovykh kochevnikov vostoka evraziyskikh stepey: sintez kul'turnykh traditsiy. In: Zhushchikhovskaya I.S. (Ed.). Dekorativno-prikladnoe iskustvo Vostochnoy Azii: simvolika i kul'turnye traditsii. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. Pp. 7–31.
- Korol G.G.** Fantasticheskiye zhivotnyye v dekore srednevekovogo khudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2013. № 3. Pp. 26–36.
- Korol G.G.** Cultural influences in Central Asia and contiguous territories at the turn of the First and Second Millennia C.E. (based on the materials of small-form toreutics). *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2019a. Vol. 58, Iss. 1–2. Pp. 95–116.
- Korol G.G.** Sostavnyye ukrasheniya zastezhki s territorii Sayano-Altaya kontsa I – nachala II tys. In: Devlet M.A. (Ed.). Izobrazitel'nyye i tekhnologicheskiye traditsii rannikh form iskusstva (2). Moscow, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2019b. Pp. 175–195.
- Korol G.G., Fokin S.M.** Novyye varianty buddiyskogo motiva v srednevekovom dekore (Sredniy Yenisey). *Rossiyskaya arkheologiya*. 2020. № 3. Pp. 63–78.
- Korol G.G., Kon'kova L.V.** Proizvodstvo i rasprostraneniye rannesrednevekovoy torevniki malykh form v Tsentral'noy Azii. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2007. № 2. Pp. 25–32.
- Korol G.G., Kon'kova L.V.** Srednevekovyye remennyye ukrasheniya iz Minusinskoy kotloviny: sobraniya XIX v. v kollektsiyakh Ermitazha. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2009. № 5. Pp. 139–149.
- Korol G.G., Kon'kova L.V.** Kolleksiya pervoy treti XIX v. iz Ermitazha: srednevekovaya torevtika malykh form s Altaya. In: Sovetova O.S., Korol G.G. (Eds.). Izobrazitel'nyye i tekhnologicheskiye traditsii v iskusstve Severnoy i Tsentral'noy Azii. Moscow, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. Pp. 121–156.
- Korol G.G., Naumova O.B.** Khudozhestvennyy metall u kochevnikov (Tsentral'naya Aziya rubezha I–II tys.). Moscow: IA RAN, 2017. 128 pp.
- Kuz'minykh S.V., Vdovin A.S., Galen G.** Iz istorii rossiyskikh arkheologicheskikh kollektсий za rubezhom: sobranie I.P. Tovostina v Muzeynom vedomstve Finlyandii. In: Bobrov V.V. (Ed.). Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016. Pp. 36–39.
- Kyzlasov L.R.** Istoriya Tuvy v srednie veka. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1969. 211 pp.
- Kyzlasov L.R.** Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka. Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 167 pp.
- Kyzlasov L.R.** Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noy Azii. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1992. 224 pp.
- Kyzlasov L.R.** Severnoe manikheystvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. 1998. № 3. Pp. 8–36.
- Kyzlasov L.R.** Manikheyskiy khram v kotlovine Sorga (Respublika Khakasiya). *Rossiyskaya arkheologiya*. 1999. № 2. Pp. 181–206.
- Kyzlasov L.R., Korol G.G.** Dekorativnoye iskustvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskiy istochnik. Moscow: Vostochnaya literatura, 1990. 216 pp.
- Leont'yev N.V.** O buddiyskikh motivakh v srednevekovoy torevtike Khakasii (Po materialam kollektсии Minusinskogo krayevedcheskogo muzeya). In: Sunchugashev Y.I. (Ed.). Istoriko-kul'turnyye svyazi narodov Yuzhnoy Sibiri. Abakan, 1988. Pp. 184–192.
- Mazurina V.N.** L'vy i l'vy-sobaki – zashchitniki kul'tovykh sooruzheniy v Nepale. In: Rodionov M.A. (Ed.). Aziatskiy bestiariy: Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoy, Yugo-Zapadnoy i Tsentral'noy

- Azii. St. Petersburg: MAE RAN, 2009. Pp. 63–74.
- Meshkeris V.A.** Sogdiyskaya terrakota. Dushanbe: Donish, 1989. 324 pp.
- Mogil'nikov V.A.** Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vv. Moscow: Nauka, 2002. 362 pp.
- Pikov G.G.** Buddizm v gosudarstve kidaney. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* 1. 1980. Pp. 149–155.
- Pikov G.G.** Zapadnye kidani. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1989. 191 pp.
- Radlov V.V.** Iz Sibiri (perevod s nem. izdaniya 1893 g.). Moscow: Nauka, 1989. 749 pp.
- Rerikh N.K.** Khimavat. Samara: Agni, 1995. 256 pp.
- Sagalaev A.M.** Uralo-altayskaya mifologiya: simbol i arkhetyp. Novosibirsk: Nauka, 1991. 153 pp.
- Sagalaev A.M., Oktyabr'skaya I.V.** Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual. Novosibirsk: Nauka, 1990. 209 pp.
- Savinov D.G., Pavlov P.G., Paul's Y.D.** Ranne-rednevekovyye vpusknyye pogrebeniya na yuge Khakasii. In: Masson V.M. (Red.). Pamyatniki arkheologii v zonakh melioratsii Yuzhnoy Sibiri. Leningrad, 1988. Pp. 83–103.
- Stein A.** Serindia. Vol. IV. Oxford, 1921a. CLXXV pl.
- Stein A.** The Thousand Buddhas. London: Bernard Quaritch, Ltd., 1921b. XII, 65 pp., XLVIII pl.
- Sunchugashev Y.I.** Drevnyaya metallurgiya Khakasii. Epokha zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1979. 192 pp.
- Tallgren A.M.** Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minossinsk conservées chez le Dr. Kare Hedman a Vasa. Helsingfors, 1917. 93 pp., XII pl.
- Tallgren A.M.** Trouvailles isolées Sibériennes. Helsinki, 1919. 22 pp.
- Tokarev S.A.** (Ed.). Mify narodov mira: entsiklopediya. In 2 vol. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, 1994.
- Torgoev A.I.** Remennye ukrasheniya Semirech'ya V – nachala XIII v. (voprosy khronologii). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. St. Petersburg: IIMK RAN, 2011. 22 pp.
- Tsybikov G.Ts.** Buddist palomnik u svyatyn' Tibeta. Petrograd: Russkoye geograficheskoye obshchestvo, 1919 (oblozhka 1918). 472 pp.
- Tsybikov G.Ts.** Buddist-palomnik u svyatyn' Tibeta. Moscow: Eksmo, 2013. 480 pp.
- Vedutova L.M., Kurimoto Sh.** Paradigma rannes-rednevekovoy tyurkskoy kul'tury: gorodishche Ak-Beshim. Bishkek: Altyn Tamga, 2014. 164 pp.
- Williams C.A.** Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives. New York: Julian Press, 1960. XXI, 468 pp.

НОВЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.52782/KRIL.2022.1.33.006
УДК 903.5; 903.3

КРАТКИЙ ОБЗОР СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ИАЭТ СО РАН В 2020–2021 гг. В АСКИЗСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

А. В. Выборнов, А. А. Тимошенко

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090; email: vybornov@archaeology.nsc.ru;
timoshenko@archaeology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-9063-5223; 0000-0003-2865-0841*

В статье дается краткий обзор исследований Аскизской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2020–2021 гг. в зоне строительства второго пути железной дороги Междуреченск – Тайшет. Спасательные полевые работы проведены на площади погребальных и стояночных комплексов в бассейнах рек Аскиз, Камышта, Абакан. Изученные памятники содержат материалы большинства известных археологических культур региона: афанасьевской (могильники Уйтаг-3 и Казановка-13, стоянка Югачи-2), окуневской (могильник Сагайская протока-4, отдельные стелы в курганах у горы Уйтаг), карасукской (могильники Казановка-6, Сагайская протока-4, 7, Аскиз-17), тагарской (могильники Казановка-6, Станция Казановская-1, Сагайская протока-1, 2, 5, 12, Станция Камышта-1, Уйтаг-3, Скальная-4, 6, 7), тесинской (стоянка Югачи-1, могильники Станция Казановская-1, Сагайская протока-2, 5, Уйтаг-3, Скальная-4, Скальная-5), таштыкской (культурный слой на Казановке-14, Казановке-10, Сагайская протока-5, поминальники на могильниках Сагайская протока-2, 8) и Средневековья – этнографической современности (стоянки Югачи-1, 2, Казановка-10).

Ключевые слова: Хакаско-Минусинская котловина, река Аскиз, река Камышта, гора Уйтаг, афанасьевская культура, окуневская культура, карасукская культура, тагарская культура, тесинская культура, таштыкская культура, Средневековье.

BRIEF REVIEW OF THE RESCUE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS CARRIED OUT BY THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN 2020–2021 IN THE ASKIZ DISTRICT OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

A. V. Vybornov, A. A. Timoshchenko

*The Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
17 Academician Lavrentev Ave., Novosibirsk, 630090; email: vybornov@archaeology.nsc.ru;
timoshenko@archaeology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-9063-5223; 0000-0003-2865-0841*

The article provides a brief review of the research of the Askiz Archaeological Expedition conducted by the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2020–2021 in the construction zone of the second track of the Mezhdurechensk – Taishet railway. Rescue field work was carried out on the area of burial and settlement complexes in the basins of the Askiz, Kamysheta, and Abakan Rivers. The studied sites contain materials from most of the famous archaeological cultures of the region: Afanasevo (burial grounds Uitag-3 and Kazanovka-13, settlement site Yugachi-2), Okunev (burial ground Sagai Anabran-4, separate steles in barrows near the Mount Uitag), Karasuk (burial grounds Kazanovka-6, Sagai Anabran-4, 7, Askiz-17), Tagar (burial grounds Kazanovka-6, Kazanovka Station-1, Sagai Anabran-1, 2, 5, 12, Kamysheta Station-1, Uitag-3, Skalnaya 4, 6, 7), Tes (settlement site Yugachi-1, burial grounds Kazanovka Station-1, Sagai Anabran-2, 5, Uitag-3, Skalnaya-4, Skalnaya-5), Tashtyk (cultural layer at Kazanovka-14, Kazanovka-10, Sagai Anabran-5, memorial sites at burial ground Sagai Anabran-2, 8) and medieval – ethnographic modernity (Yugachi sites-1, 2, Kazanovka-10).

Keywords: Khakass-Minusinsk Basin, Askiz River, Kamysheta River, Uitag Mountain, Afanasevo culture, Okunev culture, Karasuk culture, Tagar culture, Tes culture, Tashtyk culture, Middle Ages.

Введение

Благодаря строгому выполнению действующего законодательства со стороны органов власти и заказчиков строительства второго пути железной дороги Междуреченск – Тайшет на территории Хакасии были выявлены десятки археологических объектов: открыты новые памятники и уточнены сведения об уже известных [Выборнов, Чертыков, 2019; Басова и др., 2019]. Часть из них была раскопана Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (далее – ИАЭТ СО РАН) в 2020–2021 гг.: 4 памятника – в 2020 г. и 19 – в 2021 г. Данные археологические объекты расположены в Аскизском районе Республики Хакасия, в бассейне р. Абакан и ее левых притоков – Камышты и Аскиза (рис. 1). Это условное междуречье Камышты и Аскиза относится к юго-западной части Хакасско-Минусинской котловины. Истоки обеих рек расположены на горе Харлыган, откуда берет начало и р. Томь. Памятники расположены в степной зоне, в предгорьях Абаканского хребта, которые были плотно заселены как минимум последние 5 тыс. лет. Культурно-хронологическая схема заселения междуречья Аскиза и Камышты от древнейшего металла до Средневековья представляет собой сложную последовательность общностей.

Цель настоящей статьи – дать сводный обзор исследований этих объектов сотрудниками ИАЭТ СО РАН, более подробное изложение отдельных аспектов которых будет представлено или уже представлено в других публикациях.

Материалы спасательных археологических полевых работ

В ходе спасательных археологических полевых работ ИАЭТ СО РАН 2020–2021 гг. были изучены памятники большинства известных культур юго-западной части Хакасско-Минусинской котловины. Самые ранние объекты связаны с афанасьевской культурой первой половины III тыс. до н. э. Представлены комплексы окуневской культуры, периода поздней бронзы

(карасукская культура), тагарской, тесинской, таштыкской культур. Самые поздние этапы истории отражены в материалах неизвестных групп населения долины Аскиза периода Средневековья и этнографической современности VI–XVIII вв.

Самые ранние из изученных археологических объектов относятся к афанасьевской культуре. Погребальные и поминальные объекты афанасьевской культуры сотрудники института изучили в кургане 5 могильника Уйтаг-3 [Богданов, Тимощенко, 2021, с. 896, 900] и на могильнике Казановка-13 [Выборнов, Нестерова, Тимощенко, 2021]. В первом случае – это остатки кургана,

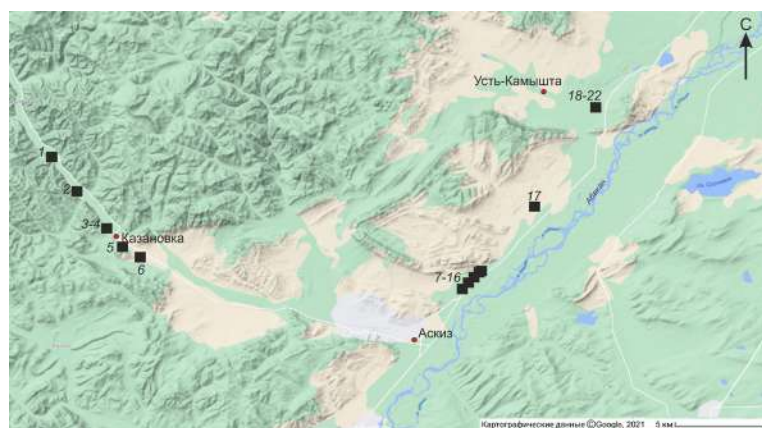

Рис. 1. Карта расположения археологических объектов, изученных Аскизской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН в 2020–2021 гг.: 1 – стоянка Югачи-1; 2 – стоянка Югачи-2; 3 – стоянка Казановка-14; 4 – могильник Казановка-10; 5 – могильник Казановка-13; 6 – курганный могильник Казановка-6; 7 – курганный могильник Станция Казановская-1; 8 – одиночный курган Чартыковский; 9 – курганный могильник Аскиз-17; 10 – курганный могильник Сагайская протока-4; 11 – курганный могильник Сагайская протока-1; 12 – одиночный курган Сагайская протока-5; 13 – курганный могильник Сагайская протока-7; 14 – курганный могильник Сагайская протока-2; 15 – курганный могильник Сагайская протока-8; 16 – курганный могильник Сагайская протока-12; 17 – курганный могильник Станция Камышта-1; 18 – могильник Уйтаг-3; 19 – курганный могильник Скальная-4; 20 – одиночный курган Скальная-5; 21 – курганный могильник Скальная-6; 22 – курганный могильник Скальная-7.

Fig. 1. Map of archaeological sites studied by the Askiz Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2020–2021: 1 – settlement site Yugachi-1; 2 – settlement site Yugachi-2; 3 – settlement site Kazanovka-14; 4 – burial ground Kazanovka-10; 5 – burial ground Kazanovka-13; 6 – burial mound Kazanovka-6; 7 – burial mound Kazanovka Station-1; 8 – single barrow Chartykov; 9 – burial mound Askiz-17; 10 – burial mound Sagai Anabran-4; 11 – burial mound Sagai Anabran-1; 12 – single barrow Sagai Anabran-5; 13 – burial mound Sagai Anabran-7; 14 – burial mound Sagai Anabran-2; 15 – burial mound Sagai Anabran-8; 16 – burial mound Sagai Anabran-12; 17 – burial mound Kamyshta Station-1; 18 – burial mound Uitag-3; 19 – burial mound Skalnaya-4; 20 – single barrow Skalnaya-5; 21 – burial mound Skalnaya-6; 22 – burial mound Skalnaya-7.

на котором позднее были сооружены погребения сарагашенского этапа тагарской культуры и склеп тесинской культуры. На могильнике Казановка-13, являющемся, наряду с могильником Казановка-9, частью некрополя ранней бронзы, изучены четыре кургана (рис. 2). Они представляют собой невысокие каменные ограды из горизонтально уложенных плит песчаника, кольцом окружавшие каменные кладки-насыпи, перекрывавшие могильные ямы. В могилах размещали

одного или нескольких человек, лежащих на боку головой на юго-запад. Большая часть могил, обнаруженных в 2021 г., была нарушена в древности. Сохранились нетронутыми пристройки к кольцу-ограде: в одном случае – с погребением женщины и ребенка у внутреннего края кольца (курган 2), в другом – небольшие кольца-пристройки с внешней стороны ограды с погребениями младенцев (курган 3).

Рис. 2. Материалы афанасьевской культуры могильника Казановка-13: 1 – курган 1, каменная конструкция; 2 – курган 1, могила 1; 3 – курганы 2, 5, каменные конструкции; 4 – курган 2, могила 2; 5 – курган 3, каменная конструкция; 6 – курган 3, могила 1.

Fig. 2. The Afanasevo culture materials from burial ground Kazanovka-13: 1 – barrow 1, stone structure; 2 – barrow 1, grave 1; 3 – barrows 2, 5, stone structures; 4 – barrow 2, grave 2; 5 – barrow 3, stone structure; 6 – barrow 3, grave 1.

Следы афанасьевской культуры обнаружили и на стоянке Югачи-2. Здесь, на правом берегу Аскиза в лесистой местности, был найден культурный слой, который начал формироваться именно в эпоху ранней бронзы. Свидетельством тому является очаг и керамический сосуд [Бычков и др., 2021].

Окуневская культура – одно из самых ярких явлений эпохи бронзы степного пояса Евразии. Погребения окуневской культуры были обнаружены на могильнике Сагайская протока-4. Изучена ограда с диагональными выкладками, в пределах которой исследовано шесть погребений в каменных ящиках (рис. 3: 3–4) [Герман и др., 2021, с. 937–938]. Инвентарь окуневских захоронений представлен предметами из кости, керамическими сосудами и миниатюрным каменным шаром. Каменные изваяния окуневской культуры во фрагментах и целые были обнаружены в курганах тагарской культуры у северо-западной подошвы горы Уйтаг. Они были использованы при строительстве оград (Скальная-6, курган 5; Уйтаг-3) (рис. 3: 1–2) [Богданов, Тимощенко, Ива-

нова, 2021, с. 880; Богданов, Тимощенко, 2021, с. 898].

Памятники андроновской культуры, пришедшей на смену окуневской, практически не известны на юге Хакаско-Минусинской котловины. В прошедшем году редчайший на этой территории курган андроновской культуры обнаружен коллегами из Института истории материальной культуры РАН на могильнике Усть-Камышта-1 [Поляков, 2022, с. 179]. В раскопах на других объектах вдоль железной дороги андроновских памятников пока не обнаружено.

В раскопах ИАЭТ СО РАН найдены обширные и яркие памятники периода поздней бронзы, широко известного под обобщенным термином «карасукская культура». Объекты последней четверти II тыс. до н.э. исследованы на могильнике Казановка-6 [Селецкий и др., 2020], начала I тыс. до н.э. – на могильниках Сагайская протока-4, Сагайская протока-7, Аскиз-17. Погребения представляют собой каменные ограды и ящики, как правило, с одиночными погребениями людей, заупокойной пищей и сопроводительным инвентарем.

Рис. 3. Материалы окуневской культуры: 1 – фрагмент каменной стелы в ограде кургана 5 могильника Уйтаг-3; 2 – каменная стела в ограде кургана 1 могильника Скальная-6; 3–4 – погребения в кургане 1 могильника Сагайская протока-4.

Fig. 3. The Okunev culture materials: 1 – fragment of the stone stele within barrow 5 of burial ground Uitag-3; 2 – stone stele within barrow 1 of burial ground Skal'naya-6; 3-4 – burials in barrow 1 of burial ground Sagai Anabranch-4.

тарем. Примечательное наблюдение о характере формирования погребального пространства сделано на материалах могильника Казановка-6 (рис. 4: 1–4). Здесь выявлены не только сами погребальные сооружения карасукской культуры последней четверти II тыс. до н.э., но и получены материалы, демонстрирующие этапы их подготовки и сооружения [Ненахов и др., 2021]. На могильнике Сагайская протока-4 обнаружены показательные

свидетельства освоения площади могильника лугавского и баиновского этапов в тагарское время [Герман и др., 2021, с. 939–940, 943].

Бронзовые изделия в исследованных погребениях 2021 г. отличаются полнотой и своеобразием. На могильнике Аскиз-17 изучено женское погребение с комплектом украшений, который можно считать образцовым (рис. 4: 5–6) [Тимощенко и др., 2021, с. 1009]. В могильниках у

Рис. 4. Материалы периода поздней бронзы: 1 – курганный могильник Казановка-6, общий вид на некрополь периода поздней бронзы; 2–4 – курганный могильник Казановка-6, каменные конструкции погребений; 5–6 – могильник Аскиз-17, курган 3, могила 2, погребение.

Fig. 4. The Late Bronze Age materials: 1 – burial mound Kazanovka-6, general view of the necropolis of the Late Bronze Age; 2–4 – burial mound Kazanovka-6, stone structures of burials; 5–6 – burial ground Askiz-17, barrow 3, grave 2, burial.

Рис. 5. Материалы ранних этапов тагарской культуры: 1 – курганный могильник Скальная-4, общий вид кургана 1 до раскопок; 2 – курганный могильник Станция Камышта-1, каменная конструкция кургана 1; 3 – курганный могильник Казановка-6, каменная конструкция кургана 21; 4 – курганный могильник Станция Казановская-1, каменная конструкция кургана 15; 5–6 – курганный могильник Станция Казановская-1, курган 15, могила 3, погребение с амулетом; 7 – курганный могильник Казановка-6, раскоп 21В, могила 17, погребение; 8 – курганный могильник Казановка-6, раскоп 21В, могила 19, бронзовый нож; 9 – курганный могильник Станция Казановская-1, курган 1, керамический сосуд.

Fig. 5. Materials of the early stages of the Tagar culture: 1 – burial mound Skalnaya-4, general view of barrow 1 before excavation; 2 – burial mound Kamyshta Station-1, stone structure of barrow 1; 3 – burial mound Kazanovka-6, stone structure of barrow 21; 4 – burial mound Kazanovka Station-1, stone structure of barrow 15; 5–6 – burial mound Kazanovka Station-1, barrow 15, grave 3, burial with an amulet; 7 – burial mound Kazanovka-6, excavation 21B, grave 17, burial; 8 – burial mound Kazanovka-6, excavation 21B, grave 19, bronze knife; 9 – burial mound Kazanovka Station-1, barrow 1, ceramic vessel.

Сагайской поляны обнаружены практически все категории женского набора карасукских изделий. Среди переотложенного инвентаря в одном из множества нарушенных погребений могильника Казановка-6, относящегося к последней четверти II тыс. до н.э., обнаружен уникальный предмет: по-видимому, навершие посоха с фигурой быка и подвеской [Ненахов и др., 2021, с. 984–985].

Ранний железный век на территории Хакасии представлен памятниками тагарской культуры. Тагарские курганы были исследованы на абсолютном большинстве объектов, попавших в сферу работ ИАЭТ. Большая часть – это курганы подгорновского этапа VIII–VI вв. до н.э., представляющие собой каменную ограду из вертикально вкопанных плит с угловыми и иногда простеночными стелами. Ограда окружает, как правило, три могилы, ориентированные длинными сторонами по линии запад-восток (рис. 5: 1–4). В могилах размещались один или несколько погребенных, с которыми укладывали часть туши коровы или барана, устанавливали керамические сосуды и укладывали сопроводительные предметы – украшения, оружие (рис. 5: 7–9) [Богданов, Иванова, Тимощенко, 2021; Богданов и др., 2020; Богданов, Тимощенко, Иванова, 2021; Выборнов, Кравцова, Тимощенко, 2021; Митько и др., 2020; Тимощенко и др., 2021; Чертыков, Тимощенко, 2021].

В 2020 г. на могильнике Станция Казановская-1 были раскопаны шесть курганов подгорновского этапа тагарской культуры, каждый из которых деталями конструкции ограды, количеством могил и составом инвентаря отличался от иных. В одном из них, имеющем оформленный вход, обнаружено погребение человека с ярким предметным комплексом, в том числе подвеской-амулетом с частью человеческой грудины (рис. 5: 5–6) [Богданов, Выборнов, 2021]. Одонтологические исследования погребенных в курганах Станции Казановская-1 показывают некоторую близость к группам населения раннего железного века юга Западной Сибири [Кишкурно, 2021].

В кургане 9 могильника Казановка-6 были исследованы вполне типичные центральные и северная могилы, содержавшие нарушенные в древности одиночные погребения мужчин. В южной могиле обнаружено групповое захоронение мужчины и женщины с младенцем, в ногах которых была уложена пожилая женщина. Обращает на себя внимание и состав инвентаря: типично мужское оружие – чекан – лежало под ногой женского скелета, а типично тагарский роговой гребень располагался у «подчиненной» женщины [Митько и др., 2021, с. 892–893].

С особой группой раннетагарского населения ассоциируются курганы биджинского этапа, датируемые VIII–VI вв. до н.э. Такой курган исследован на могильнике Сагайская протока-4. Здесь обнаружены предметы вооружения, в том числе наконечники стрел, украшения, типично биджинские сосуды [Герман и др., 2021, с. 941–943].

Более поздние курганы относятся к сарагашенскому этапу тагарской культуры и отличаются высокой земляной насыпью, покрывающей в настоящее время каменную ограду и одну или несколько больших могильных ям, в которых оборудован деревянный сруб и перекрытие (рис. 6: 1–3). В срубах содержится несколько погребенных, а в сопроводительном инвентаре, как правило, присутствуют предметы с ярким художественным оформлением (рис. 6: 4–6). Такие курганы были исследованы на могильнике Казановка-6 [Митько и др., 2020, с. 893], Скальная-6 [Богданов, Тимощенко, Иванова, 2021], Уйтаг-3 [Богданов, Иванова, Тимощенко, 2021].

Тесинская культура часто определяется как заключительный этап тагарской культуры. Она ассоциируется с волной переселения жителей Центральной Азии начала хунно-сарматской эпохи. Изученные в 2020–2021 гг. объекты тесинской культуры отличаются многообразием форм погребальных сооружений. С одной стороны, продолжают использоваться курганы предшествующего населения – в них сооружаются новые погребения (Станция Камышта-1 [Чертыков, Тимощенко, 2021], Скальная-4 (рис. 7: 2) [Выборнов, Кравцова, Тимощенко, 2021]); они переоформляются и становятся усыпальницами новых умерших (Станция Казановская-1 (рис. 7: 1) [Богданов и др., 2020]). С другой стороны, носители тесинской культуры создают отдельные погребальные комплексы из скоплений могил (Сагайская протока-5 [Тимощенко и др., 2021, с. 1022–1023]) и строят свои курганы, воспроизводя отдельные черты больших курганов сарагашенского этапа тагарской культуры (рис. 7: 3). В 2021 г. на северо-западной окраине горы Уйтаг изучены весьма монументальные объекты, в которых проявляется оригинальное прочтение принципов курганной архитектуры тагарской культуры с активным использованием материала предшественников, а в склепах, несущих следы сожжения, обнаружены десятки погребенных, в том числе с погребальными масками (рис. 7: 4) [Богданов, Тимощенко, 2021; Богданов, Тимощенко, Иванова, 2021]. На могильнике Скальная-5, в кургане 5 могильника Уйтаг-3 строителями тесинских курганов переиспользовались окуневские изваяния, тагарские

камни с петроглифами [Зоткина и др., 2021]. Погребальный инвентарь тесинской культуры и керамическая посуда находят много аналогий в предметном комплексе тагарской культуры – сосуды на поддоне, бусины, шилья и т. п. В то же время широко распространяются предметы из железа – ножи, ременные принадлежности.

В 2020 г. в лесной и гористой части долины р. Аскиз исследована стоянка Югачи-1, на кото-

рой обнаружен культурный слой, датированный рубежом эр и отнесенный к тесинской культуре. В раскопе изучены жилищные сооружения, включавшие слегка углубленный котлован с каркасно-столбовой конструкцией, и сопроводительные хозяйственные объекты. В одном случае объект был сооружен в грунтовой могиле с деревянным полом (рис. 7: 5–6) [Гришин и др., 2020].

Рис. 6. Материалы сарагашенского этапа тагарской культуры: 1 – курганный могильник Скальная-6, курган 1, внешний вид насыпи до раскопок и кровля могил в ограде; 2 – курганный могильник Казановка-6, курган 4, вид после снятия насыпи и погребение в могиле; 3 – могильник Уйтаг-3, курган 5, бронзовые изделия в могиле; 4 – курганный могильник Скальная-6, курган 1, погребение 2, бронзовые навершия в могиле.

Fig. 6. Materials of the Saragash stage of the Tagar culture: 1 – burial mound Skalnaya-6, barrow 1, appearance of the mound before excavation and covering of the graves within; 2 – burial mound Kazanovka-6, barrow 4, view after removal of the mound and burial in grave; 3 – burial mound Uitag-3, barrow 5, bronze products in the grave; 4 – burial mound Skalnaya-6, barrow 1, burial 2, bronze pommels in the grave.

В зоне спасательных археологических раскопок 2020–2021 гг. таштыкские погребальные объекты не обнаружены. Исследованы лишь части поминальных комплексов на могильниках Сагайская протока-2 и Сагайская протока-8 (рис. 8: 1) [Тимощенко и др., 2021, с. 1025–1026]. По конструктивным чертам помины можно разделить на несколько групп (рис. 8: 2–5): грунтовые ямы с костями животных и сосудами, пере-

крытые каменной кладкой; грунтовые ямы с остатками деревянных столбов; грунтовые ямы, в которых обнаружена только каменная забутовка; вкопанные на ребро или поваленные плиты.

Предметный комплекс, аналогии которому мы находим в склепах таштыкской культуры, был обнаружен в культурном слое Стоянки Казановка-14 [Выборнов и др., 2021]. Здесь, на небольшом возвышении на правом берегу Аскиза в

Рис. 7. Материалы тесинской культуры: 1 – курганный могильник Станция Казановская-1, каменная конструкция кургана 3; 2 – курганный могильник Скальная-4, курган 1, могила 3; 3 – одиночный курган Скальная-5, каменная конструкция; 4 – могильник Уйтаг-3, курган 5, коллективное погребение; 5 – стоянка Югачи-1, этап исследования конструкции 1; 6 – стоянка Югачи-1, погребение 4.

Fig. 7. The Tes culture materials: 1 – burial mound Kazanovka Station-1, stone structure of barrow 3; 2 – burial mound Skalnaya-4, barrow 1, grave 3; 3 – single barrow Skalnaya-5, stone structure; 4 – burial ground Uitag-3, barrow 5, collective burial; 5 – settlement site Yugachi-1, research stage of the structure 1; 6 – settlement site Yugachi-1, burial 4.

Рис. 8. Материалы таштыкской культуры: 1–5 – курганный могильник Сагайская протока-8, общий вид поминальника и разные типы поминов; 6–7 – стоянка Казановка-14, часть сгоревшего сооружения; 8 – стоянка Казановка-14, каменная плита с изображениями в слое.

Fig. 8. The Tashtyk culture materials: 1–5 – burial mound Sagai Anabbranch-8, general view of the memorial sites and different types of commemorations; 6–7 – settlement site Kazanovka-14, part of the burnt structure; 8 – settlement site Kazanovka-14, stone slab with images in a layer.

месте его выхода из теснины Абаканского хребта, обнаружены остатки сгоревших жилых или хозяйственных сооружений (рис. 8: 6–7), относящихся, по-видимому, ко второй четверти I тыс. н.э. Среди находок – многочисленная керамическая посуда, предметы быта, одежды, вооружения. Но особенно выделяется каменная плитка с вырезанным изображением некоего трехчастного пространства (рис. 8: 8).

Отдельные находки, ассоциируемые с более поздним населением предгорной части долины Аскиза, обнаружены на стояночных комплексах Казановка-10 (рис. 9: 1–2) [Дудко и др., 2020], Югачи-2 [Тимощенко и др., 2021, с. 999–1000],

Югачи-1. Это разрозненные остатки средневековой хозяйственной деятельности – охоты и рыболовства, отдельные погребения (рис. 9: 3–4).

Заклучение

Материалы спасательных археологических раскопок ИАЭТ СО РАН 2020–2021 гг. в Аскизском районе Республики Хакасия являются яркой иллюстрацией существующих теоретических построений по древней истории населения Хакасско-Минусинской котловины. Благодаря этим находкам корпус археологических источников пополнился серией вещей, имеющих доказатель-

Рис. 9. Материалы эпохи Средневековья со стоянки Казановка-10: 1 – общий вид раскопа; 2 – костяные изделия из слоя; 3 – погребение 1, керамический сосуд.

Fig. 9. The Middle Ages materials from settlement site Kazanovka-10: 1 – general view of the excavation site; 2 – bone products from a layer; 3 – burial 1, ceramic vessel.

ный контекст и, следовательно, дающих возможность уточнять морфологические и технологические аспекты материальной культуры, уточнять хронологию предметов и соответствующих культурно-периодизационных построений. Этому способствует открытие малоизвестных поселенческих объектов, содержащих ранее неизвестные конструкции. Помимо источников для собственно археологических рассуждений, получен массив исходных данных для дендрохронологических, изотопных и палеогенетических анализов. Эти лабораторные исследования должны стать важной вехой в наполнении и корректировке источников по древней истории Хакасии.

Благодарности

Авторы благодарят сотрудников Аскизской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН – начальников отрядов, специалистов и рабочих, чей труд сделал возможным сохранение историко-культурного наследия человечества в Хакасии. Авторы искренне признательны коллегам из научных организаций Абакана, Санкт-Петербурга, Москвы, Кемерово, Новосибирска за участие в обсуждении результатов, а также научному редактору настоящего журнала за работу с рукописью статьи. Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Литература

- Басова Н.В., Ломов П.К., Селецкий М.В., Половников И.С., Митько О.А. Результаты разведочных работ 2019 года на территории Республики Хакасия // Проблемы, археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 761–765. – DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.761-765.
- Богданов Е.С., Выборнов А.В. Подвеска-амулет из тагарского захоронения (могильник Станция Казановская-1) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 386–392. – DOI: 10.31600/978-5-907298-22-4.386-392.
- Богданов Е.С., Иванова А.С., Тимощенко А.А. Раскопки тагарских курганов в 2021 году на могильнике Уйтаг-3 (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 888–894. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0888-0894.
- Богданов Е.С., Солод Ю.А., Захарова И.П., Выборнов А.В. Исследование курганного могильника Станция Казановская-1 в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 862–868. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.862-868.
- Богданов Е.С., Тимощенко А.А. Культурный палимпсест в кургане №5 могильника Уйтаг-3 (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 895–901. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0895-0901.
- Богданов Е.С., Тимощенко А.А., Иванова А.С. Археологические раскопки на могильниках «Скальная» в 2021 году (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 878–887. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0878-0887.
- Бычков Д.А., Лурье В.М., Тимощенко А.А. Материалы эпохи бронзы со стоянки Югачи-2 (долина р. Аскиз, Республика Хакасия) по результатам археологических раскопок в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 902–907. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0902-0907.
- Выборнов А.В., Когай С.А., Кравцова А.С., Тимощенко А.А. Археологические материалы таштыкской эпохи на стоянке Казановка-14 в Аскизском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 913–920. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0913-0920.
- Выборнов А.В., Кравцова А.С., Тимощенко А.А. Погребения тагарской и тесинской культур в кургане 1 курганного могильника Скальная-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 921–927. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0921-0927.
- Выборнов А.В., Нестерова М.С., Тимощенко А.А. Курганы афанасьевской культуры на могильнике Казановка-13 в Аскизском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 928–935. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0928-0935.
- Выборнов А.В., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Терская в Республике Хакасия в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 766–773. – DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.766-773.
- Герман П.В., Леонтьев С.Н., Ивашенко С.Н., Калинин А.В., Егорченко С.Е., Вальков И.А., Ковзунова П.В., Горлышкин Н.Е., Тимо-

- щенко А.А. Культурно-хронологические комплексы курганного могильника Сагайская протока-4 (Аскизский район Республики Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 936–944. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0936-0944.
- Гришин А.Е., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Памятник Югачи-1 (Хакасско-Минусинская котловина) – новый источник по изучению поздне-тагарских древностей: могильник, поселение // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 874–882. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.874-882.
- Дудко А.А., Васильева Ю.А., Понедельченко Л.О., Кишкурно М.С., Выборнов А.В. Результаты спасательных археологических раскопок на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасии в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 883–887. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.883-887.
- Зоткина Л.В., Сутугин С.В., Постников Н.В., Богданов Е.С., Тимощенко А.А. Методика документирования наскальных изображений в курганных конструкциях: на примере памятника Скальная-5 (Аскизский район, Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 966–973. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0966-0973.
- Кишкурно М.С. Одонтоскопическая характеристика серии тагарской культуры из курганного могильника Станция Казановская-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 459–467. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0459-0467.
- Митько О.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.В., Тетерин Ю.В., Морозов А.А., Половников И.С., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Предварительные результаты раскопок татарских курганов могильника Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 888–894. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.888-894.
- Ненахов Д.А., Чертыков В.А., Тимощенко А.А. Организация сакрального пространства курганного могильника Казановка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 981–987. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0981-0987.
- Половников И.С., Бычков Д.А. Находки косторезного производства на стоянке Югачи-2 в Аскизском районе Республики Хакасия / И.С. Половников, Д.А. Бычков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 988–994. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0988-0994.
- Половников И.С., Дудко А.А., Васильева Ю.А. Находки изделий косторезного производства на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 895–900. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.895-900.
- Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с. – DOI: 10.31600/978-5-907298-32-3.
- Селецкий М.В., Митько О.А., Чертыков В.А., Морозов А.А., Давыдов Р.В., Выборнов А.В. Предварительные данные археологических раскопок погребальных комплексов периода поздней бронзы на курганном могильнике Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасия в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 918–923. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.918-923.
- Тимощенко А.А., Бычков Д.А., Марковский Г.И., Ахметов В.В., Кишкурно М.С. Предварительные результаты археологических раскопок стоянки Югачи-2 в долине р. Аскиз в Республике Хакасия в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 995–1001. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0995-1001.
- Тимощенко А.А., Митько О.А., Морозов А.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.В., Тетерин Ю.В., Давыдов Р.В., Половников И.С. Предварительные результаты аварийно-спасательных раскопок погребальных памятников эпохи поздней бронзы на площади могильников Сагайская протока-7 и Аскиз-17 в Аскизском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 1002–1010. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.1002-1010.
- Тимощенко А.А., Митько О.А., Морозов А.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.В., Тетерин Ю.В., Давыдов Р.В., Половников И.С. Раскопки тагарских курганов на площади могильников Сагайская протока-1, 2, 5 и 12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 1011–1019. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.1011-1019.
- Тимощенко А.А., Митько О.А., Морозов А.А., Зубков В.С., Фролов Я.В., Поселянин А.И., Тетерин Ю.В., Половников И.С., Давыдов Р.В. Раскопки тесинских и таштыкских памятников на могильниках Сагайская протока-2, 5 и 8 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 1020–1027. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.1020-1027.
- Чертыков В.А., Тимощенко А.А. Исследования курганного могильника Станция Камышта-1 в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии,

антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 1028–1034. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.1028-1034.

Reference

- Basova N.V., Lomov P.K., Seletskii M.V., Polovnikov I.S., Mit'ko O.A.** Rezul'taty razvedochnykh rabot 2019 goda na territorii Respubliki Khakasiya. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2019. T. 25. Pp. 761–765. – DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.761-765.
- Bogdanov E.S., Ivanova A.S., Timoshchenko A.A.** Raskopki tagarskikh kurganov v 2021 godu na mogil'nike Uitag-3 (Respublika Khakasiya). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 888–894. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0888-0894.
- Bogdanov E.S., Solod Yu.A., Zakharova I.P., Vybornov A.V.** Issledovanie kurgannogo mogil'nika Stantsiya Kazanovskaya-1 v 2020 godu. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2020. T. 26. Pp. 862–868. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.862-868.
- Bogdanov E.S., Timoshchenko A.A., Ivanova A.S.** Arkheologicheskie raskopki na mogil'nikakh «Skal'naya» v 2021 godu (Respublika Khakasiya). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 878–887. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0878-0887.
- Bogdanov E.S., Timoshchenko A.A.** Kul'turnyi palimpsest v kurgane №5 mogil'nika Uitag-3 (Respublika Khakasiya). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 895–901. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0895-0901.
- Bogdanov E.S., Vybornov A.V.** Podveska-amulet iz tagarskogo zakhoroneniya (mogil'nik Stantsiya Kazanovskaya-1). In: Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 80-letiyu professora Dmitriya Glebovicha Savinova. St. Petersburg: IIMK RAN, 2021. Pp. 386–392. – DOI: 10.31600/978-5-907298-22-4.386-392.
- Bychkov D.A., Lur'e V.M., Timoshchenko A.A.** Materialy epokhi bronzy so stoyanki Yugachi-2 (dolina r. Askiz, Respublika Khakasiya) po rezul'tatam arkheologicheskikh raskopok v 2021 godu. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 902–907. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0902-0907.
- Chertykov V.A., Timoshchenko A.A.** Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Stantsiya Kamyshta-1 v 2021 godu. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 1028–1034. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.1028-1034.
- Dudko A.A., Vasil'eva Yu.A., Ponedel'chenko L.O., Kishkurno M.C., Vybornov A.V.** Rezul'taty spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopok na mogil'nike Kazanovka-10 v Askizskom raione Respubliki Khakasiya v 2020 godu. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2020. T. 26. Pp. 883–887. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.883-887.
- German P.V., Leont'ev S.N., Ivashchenko S.N., Kalinskaya A.V., Egorchenko S.E., Val'kov I.A., Kovzunova P.V., Gorlyshkin N.E., Timoshchenko A.A.** Kul'turno-khronologicheskie komplekсы kurgannogo mogil'nika Sagaiskaya protoka-4 (Askizskii raion Respubliki Khakasiya). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 936–944. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0936-0944.
- Grishin A.E., Chertykov V.A., Vybornov A.V.** Pamyatnik Yugachi-1 (Khakassko-Minusinskaya kotlovina) - novyi istochnik po izucheniyu pozdnetagarskikh drevnostei: mogil'nik, poselenie. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2020. T. 26. Pp. 874–882. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.874-882.
- Kishkurno M.S.** Odontoskopicheskaya kharakteristika serii tagarskoi kul'tury iz kurgannogo mogil'nika Stantsiya Kazanovskaya-1. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 459–467. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0459-0467.
- Mit'ko O.A., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Ya.V., Teterin Yu.V., Morozov A.A., Polovnikov I.S., Chertykov V.A., Vybornov A.V.** Predvaritel'nye rezul'taty raskopok tatarskikh kurganov mogil'nika Kazanovka-6 v Askizskom raione Respubliki Khakasiya. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2020. T. 26. Pp. 888–894. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.888-894.
- Nenakhov D.A., Chertykov V.A., Timoshchenko A.A.** Organizatsiya sakral'nogo prostranstva kurgannogo mogil'nika Kazanovka-6. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 981–987. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0981-0987.
- Polovnikov I.S., Bychkov D.A.** Nakhodki kostoreznogo proizvodstva na stoyanke Yugachi-2 v Askizskom raione Respubliki Khakasiya / I.S. Polovnikov, D.A. Bychkov. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 988–994. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0988-0994.
- Polovnikov I.S., Dudko A.A., Vasil'eva Yu.A.** Nakhodki izdelii kostoreznogo proizvodstva na mogil'nike Kazanovka-10 v Askizskom raione Respubliki Khakasiya. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2020. T. 26. Pp. 895–900. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.895-900.
- Polyakov A.V.** Khronologiya i kul'turogenez pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin. St.

- Petersburg: IIMK RAN, 2022. 364 pp. – DOI: 10.31600/978-5-907298-32-3.
- Seletskii M.V., Mit'ko O.A., Chertykov V.A., Morozov A.A., Davydov R.V., Vybornov A.V.** Predvaritel'nye dannye arkheologicheskikh raskopok pogrebal'nykh kompleksov perioda pozdnei bronzy na kurgannom mogil'nike Kazanovka-6 v Askizskom raione Respubliki Khakasii v 2020 godu. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2020. T. 26. Pp. 918–923. – DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.918-923.
- Timoshchenko A.A., Bychkov D.A., Markovskii G.I., Akhmetov V.V., Kishkurno M.S.** Predvaritel'nye rezul'taty arkheologicheskikh raskopok stoyanki Yugachi-2 v doline r. Askiz v Respublike Khakasiya v 2021 godu. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 995–1001. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0995-1001.
- Timoshchenko A.A., Mit'ko O.A., Morozov A.A., Zubkov V.S., Frolov Ya.V., Poselyanin A.I., Teterin Yu.V., Polovnikov I.S., Davydov R.V.** Raskopki tesinskikh i tashtytskikh pamyatnikov na mogil'nikakh Sagaiskaya protoka 2, 5 i 8. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 1020–1027. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.1020-1027.
- Timoshchenko A.A., Mit'ko O.A., Morozov A.A., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Ya.V., Teterin Yu.V., Davydov R.V., Polovnikov I.S.** Predvaritel'nye rezul'taty avariino-spasatel'nykh raskopok pogrebal'nykh pamyatnikov epokhi pozdnei bronzy na ploshchadi mogil'nikov Sagaiskaya protoka 7 i Askiz 17 v Askizskom raione Respubliki Khakasiya. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 1002–1010. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.1002-1010.
- Timoshchenko A.A., Mit'ko O.A., Morozov A.A., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Ya.V., Teterin Yu.V., Davydov R.V., Polovnikov I.S., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Ya.V., Teterin Yu.V., Davydov R.V., Polovnikov I.S.** Raskopki tagarskikh kurganov na ploshchadi mogil'nikov Sagaiskaya protoka 1, 2, 5 i 12. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 1011–1019. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.1011-1019.
- Vybornov A.V., Chertykov V.A.** Arkheologicheskie razvedki v doline reki Askiz i okrestnostyakh gory Terskaya v Respublike Khakasiya v 2019 godu. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2019. T. 25. Pp. 766–773. – DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.766-773.
- Vybornov A.V., Kogai S.A., Kravtsova A.S., Timoshchenko A.A.** Arkheologicheskie materialy tashtytskoi epokhi na stoyanke Kazanovka-14 v Askizskom raione Respubliki Khakasiya. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 913–920. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0913-0920.
- Vybornov A.V., Kravtsova A.S., Timoshchenko A.A.** Pogrebeniya tagarskoi i tesinskoi kul'tur v kurgane 1 kurgannogo mogil'nika Skal'naya-4. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 921–927. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0921-0927.
- Vybornov A.V., Nesterova M.S., Timoshchenko A.A.** Kurgany afanas'evskoi kul'tury na mogil'nike Kazanovka-13 v Askizskom raione Respubliki Khakasiya. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 928–935. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0928-0935.
- Zotkina L.V., Sutugin S.V., Postnikov N.V., Bogdanov E.S., Timoshchenko A.A.** Metodika dokumentirovaniya naskal'nykh izobrazhenii v kurgannykh konstruktivnykh: na primere pamyatnika Skal'naya-5 (Askizskii raion, Respublika Khakasiya). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2021. T. 27. Pp. 966–973. – DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0966-0973.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
АО – Археологические открытия
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИЛАИ – Известия Лаборатории археологических исследований
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
КГУ – Красноярский государственный университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МИА – Материалы и исследования по археологии
МКМ – Минусинский краеведческий музей
НГУ – Новосибирский государственный университет
РА – Российская археология
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГБ – Российская государственная библиотека
РИО КГПУ – Редакционно-издательский отдел Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева
СА – Советская археология
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СГУ – Саратовский государственный университет
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СТЭАН – Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук СССР
СЭ – Советская этнография
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ХНКМ – Хакасский национальный краеведческий музей

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ
SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№ 1 (33) 2022

Археология / Archaeology

Редактор *Е. В. Чезыбаев*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Корректор *К. В. Кулумаева*
Компьютерная верстка *С. И. Тюкпиековой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В.М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел./факс: (3902) 244-354, 243-039
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 15.10.2022.
Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 19,75. Усл. печ. л. 18,36.
Тираж 300 экз. Заказ № 412.
Дата выхода в свет 26.10.2022.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В.М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.